

Серия
«Научные труды белорусских ученых»

В.Н. Бибило

ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВЕДЕНИЯ

Избранные труды

Минск
«Право и экономика»
2011

УДК 342.4(476)(043.3)

ББК 67.4

Б59

Серия основана в 2007 г.

Рецензент:

кандидат юридических наук, доцент Н.И. Ядевич

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
ИООО «Право и экономика»

Бибилло, В.Н.

Б59

Проблемы правоведения : избранные труды / В.Н. Бибилло. – Минск : Право и экономика, 2011. – 356 с. – (Серия «Научные труды белорусских ученых»)

ISBN 978-985-442-981-6.

В сборник избранных трудов В.Н. Бибилло включены статьи по проблемам развития правового государства и гражданского общества, теории и истории судебной власти, судостройства и уголовного процесса, опубликованные в юридических изданиях.

Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических учреждений образования и тех, кто интересуется проблемами юриспруденции.

УДК342.4(476)(043.3)

ББК 67.4

ISBN 978-985-442-981-6

© В.Н. Бибилло, 2011

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
РАЗДЕЛ I ОБЩЕСТВО И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ	9
КОНСОЛИДИРОВАННЫЕ СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	9
РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ: КОНЦЕПЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ	13
ОРИЕНТАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	20
КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	24
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ: ПРЕДЕЛЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	26
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ	29
ДИХОТОМИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	35
СИНТЕЗ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ПРАВОСУДИИ	50
РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ	53
ЛЕГАЛЬНОЕ УСМОТРЕНИЕ СУДА	63
СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА	72
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	80
ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ	86
ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	93
ОЦЕНОЧНЫЙ ХАРАКТЕР ПРАВОСОЗНАНИЯ	96
СООТНОШЕНИЕ ФУНКЦИИ ПРАВОСУДИЯ И КОМПЕТЕНЦИИ СУДА	99
ОСОБЕННОСТИ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 ГОДА КАК ФЕОДАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ	101

РАЗДЕЛ II СУДОУСТРОЙСТВО И ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУДИЯ	105
КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО СУДОУСТРОЙСТВА	105
НАЦИОНАЛЬНЫЕ СУДЫ В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО СУДОУСТРОЙСТВА	147
СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФУНКЦИИ ПРАВОСУДИЯ	149
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОСУДИЯ	152
ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР РУКОВОДЯЩИХ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР	161
СУД ПРИСЯЖНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	168
АБ ТАВАРЫСКІХ СУДАХ	175
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	180
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДОУСТРОЙСТВЕ	187
АКТЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РУКОВОДСТВА СУДАМИ	208
МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ КАК ОРГАН СУДЕБНОГО УПРАВЛЕНИЯ	211
СПОСОБЫ ОБОБЩЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	213
РАЗДЕЛ III УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	215
ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕФОРМА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	215
ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	217
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	220
УНИФИКАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНО-	

ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ СУДЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	225
ОБЩИЕ НОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	228
РЕГУЛЯТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩИХ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	231
СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	243
ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ	251
СТРУКТУРА УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	256
ГЕНЕЗИС ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	258
СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ	262
СПРЭЧНЫЯ ПЫТАННІ ПРАВЯДЗЕННЯ ЭКСПЕРТЫЗЫ Ў КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ	264
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	270
ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	274
ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	282
ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	284
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ	287
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ	290
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	294
ПРЕДАНИЕ СУДУ КАК ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП СТАДИИ	

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	298
СТАДИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В БЕЛОРУССКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	301
ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВЕРКИ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРИГОВОРОВ, НЕ ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ	313
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА	319
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА	327
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА	330
ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО БОЛЕЗНИ В ПОРЯДКЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА	333
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СНЯТИЯ СУДИМОСТИ	335
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ИСПОЛНЕНИЮ ПРИГОВОРА	340
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ СУДА В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА	342

Предисловие

В предлагаемое издание включены научные статьи и тезисы докладов, опубликованные в конце XX – начале XXI в. В их основу положено исследование различных проявлений судебной власти в сфере уголовного судопроизводства, влияние государства и гражданского общества на уровень развития правосудия по уголовным делам.

Вторая половина прошлого и начало нынешнего века характеризуются активным развитием юридической науки, законодательства, использованием различных методов исследования в сфере социальных явлений. Опираясь на труды предшественников, каждый исследователь вносит свой посильный вклад в развитие юридической науки, проникаясь заботой о дальнейшем совершенствовании законодательства и практики его применения.

В первом разделе сборника помещены публикации, касающиеся развития правового государства и формирования консолидированных структур гражданского общества, пределов конституционного регулирования судебной власти, легального усмотрения суда, синтеза социальных норм в правосудии. Во втором разделе – общие проблемы правосудия, теории и истории белорусского судоустройства, участия представителей народа в осуществлении правосудия, особенностей организационного обеспечения деятельности суда. В третьем – анализируются различные аспекты уголовного процесса: взаимодействие социальных регуляторов правосудия по уголовным делам; регулятивные возможности норм уголовно-процессуального права; понятие и структура уголовно-процессуального правоотношения; генезис принципов правосудия по уголовным делам; соотношение прав и обязанностей участников уголовного процесса; значение результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу; особенности правового регулирования следственных действий, правовой природы стадии исполнения приговора, совершенствования проверки законности и обоснованности судебных актов.

Основной идеей в работах, помещенных в данном сборнике, является идея о том, что судебная власть как универсальный социокультурный феномен оказывает влияние не только на судьбу отдельного человека, но и общества в целом, поскольку

предназначена для разрешения социальных конфликтов, носящих юридический характер, преодоление которых невозможно без властного воздействия. Конкретная историческая обстановка, специфика установившегося политического режима, а также состояние общественного, профессионального, группового и индивидуального правосознания в целом – все это предполагает переосмысление и новые подходы в понимании судебной власти.

Необходимость социального регулирования судебной деятельности коренится в природе правосудия как государственной функции, в сфере которой сложилась система социальных регуляторов.

Правосудие неравномерно подвергнуто правовому регулированию: те его стороны, которые оказались вне правовых норм, регулируются другими социальными нормами.

Значительная часть судебной деятельности предназначена для рассмотрения уголовных дел. Для эффективного уголовного процесса необходимо удачное сочетание досудебной уголовно-процессуальной деятельности, нацеленной на расследование уголовных дел, и судебной, где происходит рассмотрение и разрешение уголовного дела.

Проблемы уголовного процесса рассматриваются автором данного издания в плане разработки и уточнения понятийного аппарата, моделирования оптимальной системы правосудия по уголовным делам, внесения предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

*Бибило Валентина Николаевна,
доктор юридических наук, профессор*

Раздел I

ОБЩЕСТВО И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

КОНСОЛИДИРОВАННЫЕ СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА*

В современной юридической науке проблемы становления и функционирования гражданского общества находятся в центре внимания исследователей. Глобализация, обусловленная состоянием научно-технического прогресса, предполагает появление новых граней гражданского общества, влияющих на дальнейшую судьбу государства. Необходимо учитывать и параллельно протекающий процесс: стремление широких слоев населения к укреплению суверенитета нации, органичным выражением которого является государство.

Происхождение термина «гражданское общество» берет начало от латинского *civitas*, что означает гражданская община, сообщество граждан. Основным проявлением гражданского общества выступает свобода как условие и способ человеческого существования, отягощенного мерой персональной ответственности. Его фундаментом является экономика, динамизм ее развития. Гражданское общество не могло появиться раньше, чем возникла частная собственность. Именно собственность является антологическим основанием гражданского общества, позволяющим ему функционировать на добровольных договорных отношениях. Влияние гражданского общества усиливается, если внутри его складываются консолидированные структуры, готовые к равноправному диалогу с институтами государства и даже противостоянию им благодаря наличию системы самообеспечения.

Само же понятие «гражданское общество» формировалось на основе греческой философии, римского права, христианского учения, провозгласивших свободу воли человека как индивида, его

---

* Правовая культура как условие формирования правового государства: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 10–11 декабря 2010 года / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. – С. 9–10.

естественное на это право. Гегель в «Философии права» отмечал, что гражданское общество – это такая связь людей, которая основана на равенстве субъектов права, индивидуальной частной собственности, юридической договорной свободе, охране прав, упорядоченном законодательстве. В современной науке получил признание подход к выявлению сущности гражданского общества как комплекса общественных отношений, не зависящих от государства, но взаимодействующих с ним. В систему гражданского общества включаются следующие формирования: 1) самоуправляемые общности людей (семья, общественные организации, творческие, спортивные и иные объединения); 2) негосударственные отношения (духовные, нравственные, социальные); 3) частная жизнь людей (обычай, традиции, нравы). Проявление атрибутов гражданского общества осуществляется в экономической, социальной, политической, культурной и информационной сферах. Правовое государство укрепляется в процессе становления гражданского общества, поскольку каждому из них присущи свои внутренние источники развития, независимые друг от друга, благодаря которым они способны взаимодействовать. Слабость институтов гражданского общества обусловлена непоследовательностью демократических преобразований в экономической, политической и духовной жизни, отсутствием должной ответственности государства за нарушение прав и свобод человека.

На развитие гражданского общества оказывают воздействие как внутренние, так и внешние факторы. Конечно, гражданское общество всегда имело трудности с организационным оформлением своих структур, но в условиях демократического государства этот процесс более успешный и результативный. Ведение войн, состояние экологии, культурная и технологическая экспансия других государств, нестабильные национальные и религиозные отношения оказывают воздействие не только на реальное гражданское общество, но и на его будущую судьбу.

Для гражданского общества особенно значим коммуникативный процесс между государством и гражданином, что проявляется в участии широких слоев населения в различных общественных организациях и движениях. В связи с этим государство не должно чинить необоснованных преград к проявлению организационных форм коллективизма. Довольно высокий уровень образования людей, информационные связи между ними – основа их консенсуса в

рамках плюралистической культуры. Важным является и убеждение индивида в полезности и необходимости его участия в деятельности общественных формирований, находящихся в рамках гражданского общества. Такое саморегулирование поведения людей формирует у человека чувство ответственности и дисциплины в процессе трудовой деятельности, которая в совокупности с иными факторами обеспечивает экономический строй общества, создающий основу демократизации и гуманизации государства.

По сравнению с государством гражданское общество является более стабильным, поскольку в его основе лежат обычаи, привычки, менталитет людей, формирующиеся на протяжении длительного времени, которые государство не в состоянии одномоментно изменить. Избранные представители гражданского общества являются связующим звеном между государством и гражданским обществом. Привычную для них идею равенства они пытаются, хотя бы на первых порах, культивировать в государстве. Так или иначе их активная позиция влечет за собой развитие демократии. Однако, выполняя определенные функции в государственном механизме, они неизбежно должны считаться с уже сформированным статусом государства. Кроме того, консолидированные структуры гражданского общества действуют при принятии решений по принципу большинства. Преобразования, инициированные государством, должны быть восприняты гражданским обществом, поэтому государство вынуждено заботиться о развитии гражданского общества.

В разные исторические эпохи между государством и гражданским обществом может преобладать либо сотрудничество, либо конфронтация. Идея существования государства заключается в том, чтобы обеспечивать реализацию общих интересов, в которых заинтересован каждый человек. В свою очередь, требования гражданского общества по отношению к государству не должны быть чрезмерно завышены.

Традиционное гражданское общество (либеральное и социальное) под воздействием техногенных факторов постепенно будет реформироваться. Перенасыщенность правового регулирования поведения людей, институциональное разнообразие структур в сфере государства отягощают современное гражданское общество. Внедрение информационных технологий, широкое распространение средств массовой информации, роботизация, искусственный интеллект и телекоммуникации являются совершенно новыми чертами

современной эпохи, дальнейшее развитие которых возможно при наличии сильного государства. К тому же само государство неизбежно будет эволюционировать в сторону формирования транснационального федерализма. Вполне обоснованно предполагать преобразование и даже исчезновение «национального» государства, но не государственной сферы как таковой. Можно констатировать, что в Западной Европе уже начался такой процесс, одним из признаков которого является ограничение суверенитета государств – членов Европейского Союза. Но даже в случае постепенной реализации на практике более тесного сотрудничества государств сама природа гражданского общества останется той же: свободное объединение людей в ассоциации для осуществления коммуникаций в целях поддержания семьи, нации, своих интересов, одним словом ради своей социализации.

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ: КОНЦЕПЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ*

Поиски того, как сделать суд независимым, а его деятельность более эффективной, не оставляют и юристов-теоретиков, и юристов-практиков. Выход многим видится в реализации принципа разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. Поэтому продолжают интересоваться вопросы, связанные с истоками доктрины разделения властей, возможностями ее реализации, а также с местом и значимостью судебной власти в государстве.

Основоположники западной государствоведческой мысли исходили из концепции ограничения власти монарха или народа. Аристотель, обратив внимание на дифференциацию власти при ее осуществлении, отмечал, что чем меньше полномочий будет иметь царская власть, тем она дольше останется в неприкосновенном виде, а неограниченное народовластие вообще нельзя считать формой государственного строя. Руссо, наоборот, отстаивал идею как можно более полной власти народа.

Современные западные демократии целиком основываются на принципе неограниченного народовластия: любое решение, принятое большинством населения, законно. Свободные выборы и голосование – единственный путь, который придает власти легитимность. Хотя в основе легитимности много недостатков (избранные на государственные должности лица могут оказаться недостаточно компетентными, их действия слабо эффективными, а законы противоречивыми), само сознание легитимности заставляет мириться с недостатками во избежание большего зла – деспотического режима. Новые выборы смещают людей, а новые легитимные решения изменяют закон. Демократия в государстве должна выступать в исторически обусловленных формах, исключающих охлократию, которая в недалеком будущем предполагает тиранию.

Ограничения власти пытались добиться на основе принципа разделения властей, когда, например, законодательство не подвластно конституционному монарху или судебная власть – воле народа. Основные положения этой доктрины были выдвинуты Д. Локком. Затем французский политический мыслитель Ш. Монтескье наиболее отчетливо развил идею «равновесия» вла-

---

* Судовы веснік. 1992. – № 2. – С. 4–7.

стей. В своем трактате «О духе законов», написанном в 1748 году, он провозгласил разделение законодательной, исполнительной и судебной властей в качестве средства, сдерживающего злоупотребление со стороны власти имущих. Ш. Монтескье предложил: законодательную власть поделить между буржуазией и феодалами, образовав двухпалатный орган; исполнительную – сохранить у дворянства, которое должно быть ответственным перед буржуазией; судебную же власть доверить не какому-либо постоянному органу, а выборным лицам из народа. Причем судьи должны занимать то же общественное положение, что и подсудимый. И тогда, по мнению мыслителя, судебная власть, столь страшная для людей, будет как бы невидимой, несуществующей. В последующем образовалось два подхода к реализации концепции разделения властей.

Согласно западной доктрине конституционного права органами государства являются лишь его центральные структуры. Законодательная власть принадлежит парламенту (в некоторых странах совместно с президентом или монархом), исполнительная – президенту и правительству, судебная – судам. Власть на местах осуществляют представители некоторых органов центра (губернаторы, префекты, комиссары), которые вправе контролировать местные выборные органы самоуправления. Местные выборные органы общей компетенции рассматриваются не как органы власти, а как органы местного самоуправления. Следовательно, о разделении властей здесь можно говорить лишь применительно к центральным органам, поскольку местные органы, кроме тех, которые назначаются центром, власти не имеют, хотя и обладают широкими полномочиями.

В СССР с момента появления Советов как государственных органов сложился взгляд о их полновластии. Отсюда лозунг «Вся власть Советам!», который использовался еще в начале перестройки. В конституционном праве закреплено утверждение о том, что только Советам принадлежит полнота государственной власти, а исполнительные и судебные органы ее не осуществляют. Советская правовая доктрина исходила из того, что, поскольку Советы прямо или косвенно формируют все другие органы государства, то только они и обладают полновластием. Идейными истоками этого подхода стали политико-правовые воззрения основоположников марксизма, по мнению которых в разделении законодательной, исполнительной и судебной властей надо усматривать взаимоприемлемую для пра-

вителей и общества форму делового разделения труда (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 203).

Доктрина разделения властей, возникнув как теоретическая концепция, в сочетании с другими политическими идеями постепенно превратилась в некоторых государствах в конституционный принцип. Так, в Конституции США закреплено разделение законодательной (ст. 1., разд. 1), исполнительной (ст. 2., разд. 1), судебной (ст. 3., разд. 1) властей.

В чем проявляется разделение властей при его осуществлении?

Разделение властей необходимо понимать как закрепленную в нормативно-правовых актах самостоятельность законодательной, исполнительной и судебной властей, когда каждый из государственных органов будет выполнять присущие ему функции в пределах своей компетенции, не подменяя и не заменяя друг друга. При этом каждая из властей служит гарантом для реализации не только собственной власти, но и других видов государственной власти. Этот аспект особенно наглядно проявляется в Конституции Французской Республики, принятой в 1958 году, где в ст. 64 сказано, что президент республики является гарантом независимости судебной власти и ему в этом помогает высший совет магистратуры.

Абсолютное разделение властей неосуществимо. Речь об этом может идти лишь в плане общего принципа, которым необходимо руководствоваться при создании структуры государственных органов и определении их полномочий. Даже в США, где разделение властей возведено в ранг конституционного принципа, судебная власть на деле контролируется законодательной и исполнительной. Все большее распространение получает создание комиссий по вынесению приговора, которые представляют собой административный орган, состоящий из представителей каждой из всех видов власти и избирателей. Решения такой комиссии для судей носят рекомендательный характер (СССР–США: криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с городской преступностью. Материалы советско-американского симпозиума. М., 1987, с. 98–100).

В конституциях современных государств вряд ли следует закреплять разделение властей в виде отдельной нормы-принципа. На уровне конституционного регулирования государственной власти идея самостоятельного существования законодательной, исполнительной и судебной властей должна проходить невидимой нитью через все нормы Основного Закона. Это не означает, что сам термин

«судебная власть» отвергается. Наоборот, в Конституции следует подчеркнуть, что судебная власть принадлежит судам.

Надо сказать, что ни одна из Конституций бывшего СССР не оперировала понятием «судебная власть». В юридической литературе, издаваемой еще в 60-е годы, это понятие иногда встречалось. Смысл его заключался в том, что суд обладает государственно-властными полномочиями, хотя и не является органом власти в прямом смысле слова. А вот в русской правовой литературе конца XIX – начала XX века термин «судебная власть» использовался широко. И это при том, что многие ученые-юристы весьма критически оценивали концепцию разделения властей. Например, И.Я. Фойницкий, негативно относясь к теории Ш. Монтескье, писал, что судебная власть – ветвь государственной власти, исходящей от народа. Именно народ является коренным стволом дерева, из которого отходят эти три ветви. Они самостоятельны в пределах, которые укажет законодательная власть (Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. СПб, 1912, т. 1, с. 157).

Теория разделения властей в ее классическом виде предполагает отделение законодательной власти от исполнительной и отделение судебной власти от той и другой. Длительный опыт государственной жизни показывает практическую неосуществимость разделения законодательной и исполнительной властей, как это понимал Монтескье. Абсолютное разделение их мыслимо только в том случае, если исполнительную власть лишить возможности принимать нормативно-правовые акты и ограничить ее деятельность актами индивидуального применения. Но будет ли при этом законодательная власть действовать без применения исполнительной? Конечно, нет. Она вынуждена взять на себя ее функции. Границей разделения деятельности законодательных и исполнительных органов должна быть степень важности общественных отношений. Но эта граница может меняться в зависимости от сложившейся в государстве ситуации, поскольку законодательная и исполнительная власти политически ответственны за принимаемые решения.

Что касается отделения судебной власти от законодательной и исполнительной, то этот аспект теории разделения властей победоносно выдержал испытание временем. Судебная власть в какой-то мере пассивна: если нет спора, то нет и судебного процесса. Инициатива судебной деятельности находится, как правило, в руках заинтересованных сторон. Законодательная и исполнительная власть обладает опе-

режающим отражением действительности, не только воздействует на сложившиеся общественные отношения, но и учитывает их развитие в будущем. В связи с этим деятельность законодательных и исполнительных органов носит отвлеченный от конкретного случая характер. Судебная же власть распространяется на конкретный случай и поэтому должна быть в стороне от политической ответственности. Главное, чтобы суд утверждал господство права. Подчинение суда политическим событиям делает его зависимым прежде всего от исполнительной власти. А зависимый суд – это палач в маске Фемиды.

Самым важным и существенным в реализации принципа разделения властей является их независимость. Если власти не завязят друг от друга, то ни одна из них не станет настолько сильной, чтобы узурпировать полномочия других. Необходимо, чтобы одна власть останавливала другую, и этим обеспечится их равновесие.

Как же сформировать суд, чтобы он был независим?

В последнее время распространено мнение о том, что судьи всех уровней должны быть назначаемы и несменяемы. Да, в какой-то мере это обеспечит их независимость. Но от кого? От народа, который будет полностью отстранен от участия в формировании одной из ветвей государственной власти. Полная реализация этой идеи будет подрывать непосредственную демократию и расширит простор для осуществления представительной. Для упрочения независимости суда нужен дифференцированный подход к комплектованию судейского корпуса в соответствии с функционирующей судебной системой.

Очевидно, низовым судом должен являться мировой суд, в компетенцию которого входило бы рассмотрение дел частного обвинения (перечень их следовало бы расширить), гражданских дел на небольшую сумму иска, а также дел о некоторых административных правонарушениях. Мировые суды не должны рассматривать жалобы на незаконные действия органов государства и должностных лиц ввиду того, что подобные дела не соответствуют самой природе мирового суда. В основе его лежит идея примирения конфликтующих сторон. Поэтому судьи мировых судов должны избираться гражданами на определенный срок.

Мировые суды действуют не во всех современных государствах. Более того, во Франции, например, мировой суд был упразднен в 1958 году, а в Италии его компетенция ограничена осуществ-

лением только гражданской юрисдикции. Закон запрещает судье-профессионалу быть мировым судьей, должность его безвозмездна.

В Республике Беларусь мировые суды способствовали бы упрочению правопорядка и законности. В связи с резким падением нравов людей, высоким уровнем латентной преступности доступность суда, оперативность рассмотрения вопросов имеют большое значение. В последующем, когда в государстве утвердится господство права, – а это отдаленная перспектива, – необходимость в мировых судах, возможно, отпадет.

Особенно важным является определение способа замещения судейских должностей в Верховном суде государства. Верховный суд ближе всех остальных судов к законодательной и исполнительной власти, может своими средствами влиять на политику государства, не говоря уже о том, что путем руководящих разъяснений он воздействует на судебную практику. Судьи высшей судебной инстанции должны обладать особой легитимностью. Поэтому применительно к ним надо использовать принцип выборности избирателями или парламентом на определенный, пусть и длительный, срок. Несменяемость судей Верховного суда будет иметь психологические изъяны: чрезмерную уверенность их в собственной непогрешимости, отсутствие или снижение инициативности в утверждении прогрессивных юридических тенденций. К тому же судьи нижестоящих судов должны иметь шансы на избрание в Верховный суд. Это будет побуждать их к более эффективной работе.

Что касается судей остальных судебных инстанций, то они должны быть назначаемы. Это в какой-то мере обеспечит их независимость от местных государственных и общественных структур. Глава исполнительной власти назначает судей, отвечает за сделанный выбор и хотя бы теоретически разделяет ответственность за ошибки, сделанные судьей.

Статус суда в государстве в значительной мере зависит от того, в каком составе он полномочен действовать. Судебно-правовая реформа конца 50-х – начала 60-х годов восприняла основные положения судебно-правовой реформы начала 20-х годов. Большинство уголовных и гражданских дел рассматривается с участием народных заседателей. Этот институт в той или иной мере подвергался и подвергается критической оценке. Появились суждения, что он исчерпал себя и должен быть заменен судами присяжных. Главный аргумент сторонников данной точки зрения заключается в том, что

суд присяжных присущ странам Запада. Однако это еще не довод для введения его в каждом государстве. Да и в тех странах, где такой суд есть, это больше дань традиции. Ведь с его участием рассматривается лишь 2–3 процента дел. Коллегии присяжных комплектуются главным образом из лиц, менее занятых в дневное время. Так, в США среди присяжных велико число пенсионеров, не имеющих постоянных обязанностей по дому. (Ллойд Л. Уайнреб. Отказ в правосудии. Уголовный процесс США. М., 1985, с. 107).

Во Франции после реформы 1958 года суд присяжных полностью превратился в суд ассизов, который состоит из трех профессиональных судей и девяти судебных заседателей, составляющих жюри. Профессиональные судьи и члены жюри образуют единую коллегию, разрешающую вопросы виновности и наказуемости. По существу, это тот же вид суда, что и у нас, но в расширенном составе.

В Италии суд присяжных претерпел ту же эволюцию, что и во Франции.

Так есть ли необходимость вводить суд присяжных в Республике Беларусь? Будет ли он эффективнее суда с участием народных заседателей? И наконец, реализуема ли в организационном отношении сама идея суда присяжных в условиях глубокого политического и экономического кризиса?

Вопрос о суде присяжных следует все же решать с учетом всех явлений действительности. Совершенствование деятельности суда должно идти по линии его профессионализации. Единоличному рассмотрению судьи подлежит более широкий круг дел. Коллегиально, в составе нескольких профессиональных судей, должны рассматриваться более сложные дела. И лишь как исключение некоторые дела можно рассматривать с участием представителей народа. А сам по себе суд присяжных, как и народные заседатели, не в состоянии обеспечить независимость судей.

ОРИЕНТАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА*

Концепция правового государства возникла в период антифеодальной борьбы буржуазии против права-силы, права-привилегии, права-произвола. Как программа, понятие правового государства стало разрабатываться на рубеже XVIII–XIX вв. Сама же идея правового государства была заложена в политико-правовых воззрениях Платона, Аристотеля, Цицерона. Их идеи развили Локк, Монтескье, Кант.

Значительный вклад в развитие теории и практики правового государства внес Лев Сапега, которому принадлежит заслуга в подготовке, принятии и издании Статута Великого Княжества Литовского, 1588 года. В «Посвящении» к Статуту 1588 года, «Обращении» ко всем сословиям Великого Княжества Литовского Лев Сапега отстаивал идею свободы человека как основной категории философии права, существо которой образуют естественные права человека, его личная неприкосновенность и право собственности. Он утверждал, что право должно обеспечить в государстве внутренний порядок, стабильное и устойчивое развитие. Для этого каждый человек должен знать границы своей свободы. По мнению Льва Сапег, государство призвано способствовать лучшей жизни людей. В современном понимании это означает, что правовое государство по своей природе должно быть социальным.

Понятие правового государства выражает ограничение государства правом. Право предполагает формальное (юридическое) равенство. В современном мире бороться за такое право можно только демократическим путем. Правовое государство предполагает прочную демократию в государстве. Фундаментом, на котором базируется правовое государство, является гражданское общество, то есть система таких общественных отношений, благодаря которым происходит самовыражение и самореализация потребностей и интересов индивидов. Во вне это проявляется в системе духовных, культурных, экономических, нравственных, религиозных и других отношений людей, добровольно объединившихся в ассоциации, сою-

---

* Роль субъективного фактора в развитии науки и техники: материалы респ. науч.-практ. конф. 26–29 апреля 2000 г. /Академия аграрных наук Республики Беларусь. – Минск, 2000. С. 57–60.

зы, корпорации. Гражданское общество строится на принципах самоуправления, поскольку, в нем поддерживается режим правозаконности, нравственных традиций и норм морали.

Правовое государство основано прежде всего на правовом законе, который в одинаковой мере распространяется на всех индивидов. Но люди изначально не равны по своим биологическим, физическим, интеллектуальным и другим качествам, исходя из этого, при их юридическом равенстве, одни оказываются в привилегированном положении, другие остаются не защищенными. Вследствие этого государство берет на себя обязанность проявить по отношению к нуждающимся свое милосердие (патернализм), степень которого зависит прежде всего от возможностей самого государства и состояния гражданского общества. Поэтому правовое государство одновременно является еще и социальным.

Идея социального государства возникла в конце XIX начале XX вв., как представление о добром государстве, и была впервые отражена в Веймарской Конституции 1919 г. Сам же термин «социальное государство» появился после Второй мировой войны и был применен в ст. 20 Основного закона ФРГ. В дальнейшем он получил распространение не только в науке, законодательстве, но также закрепился в массовом сознании.

Первоначально идея социального государства предлагала предоставление государством социальных услуг в виде организации здравоохранения, образования, обязательности отпусков, ограничения продолжительности рабочего времени и ее реализация была результатом политической борьбы трудящихся. Эти услуги государства не были бесплатными. Государство ограничивалось лишь созданием соответствующих организационных условий. В дальнейшем под воздействием опыта социалистических стран, которые взяли курс на бесплатное удовлетворение некоторых потребностей человека, страны Запада, расширяя сферу социального государства, приступили к формированию «государства благоденствия». Но оказалось, что чрезмерные затраты на социальную сферу подрывают экономику государства. В настоящее время страны Запада ориентируются на то, чтобы придать государству роль «оформителя» социальных отношений. Это достигается путем создания соответствующих инфраструктур без нарушения естественного процесса развития общества.

Республика Беларусь – постсоциалистическое государство. Возникает вопрос: присущи ли атрибуты социального государства Республике Беларусь? В общем можно сказать, что присущи, во-первых, потому что сохранилась определенная инерция в понимании социальных нужд народа, и, во-вторых, законодательство ориентировано на формирование социального правового государства.

В ст. 1 Конституции Республики Беларусь закреплено: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство». Это исходная правовая норма. Она конкретизирована правовыми нормами, закрепленными в Конституции и в отраслевом законодательстве. Конструируя модель государства, нельзя принимать за эталон статус государства-опекуна, поскольку это может вызвать пассивность граждан в различных сферах жизнедеятельности государства и привести к формированию тоталитарного режима. Вместе с тем, не надо сводить роль государства лишь к минимуму, ограничивать его функции. Важно найти те грани государственной власти, в рамках которых могут быть реализованы права и законные интересы человека. Только правовое государство может быть поистине социальным, поскольку предполагает взаимные права и обязанности государства и граждан. Основной функцией социального правового государства является оказание помощи человеку в реализации своих прав, в особенности той категории граждан, которые не располагают в полной мере возможностями для полноценного самовыражения. В отношении их государство осуществляет своего рода патронаж.

Ориентация белорусского законодательства на формирование социального государства выражается в следующих элементах: 1) государство стремится обеспечить прожиточный минимум человеку в соответствии со своими экономическими возможностями; 2) люди должны заботиться, чтобы своим трудом зарабатывать себе на достойный уровень жизни; 3) система налогов должна быть такой, чтобы был стимул к производству; 4) государство должно способствовать организации сферы оказания социальных услуг как на бесплатной, так и на платной основе; 5) организуя общественную жизнь, государство оставляет место для саморегулирования и реализации социальных отношений в сфере гражданского общества.

На пути формирования социального государства в Республике Беларусь существует много препятствий, среди которых есть и такие: низкий уровень подготовки государственных служащих; отсут-

ствие обоснованных правил отбора и расстановки кадров в государственном аппарате; неразвитое местное самоуправление; часто меняющиеся направления в политике государства; дезинтегрированный менталитет народа.

В Республике Беларусь законодательство ориентировано на формирование социального государства, но из-за декларативности некоторых правовых норм, а также низкого уровня правоприменения правовых норм закона оно не всегда эффективно.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ*

1. Конституция должна служить государству на неопределенную историческую перспективу. В связи с этим в ней необходимо отразить наиболее важные стороны жизнедеятельности государства. Слишком детальная регламентация в Конституции общественных отношений подрывает ее стабильность. В то же время перенасыщение чрезмерно общими нормами может привести к отсутствию в них регулятивных способностей. Поэтому главным является отыскать и закрепить те общественные отношения, которые необходимо укрепить в государстве. Надо учитывать и то, что конституционные нормы должны обладать опережающим отражением, учитывать возможности достижений научно-технического, социального и нравственного прогресса.

2. В демократическом государстве всей полнотой власти обладает народ. В ходе своей реализации единая государственная власть распадается на законодательную, исполнительную и судебную, которые обладают относительной самостоятельностью. Для осуществления судебной власти предназначен суд. Он наделяется функцией правосудия, которая проявляется в форме уголовного, гражданского и административного судопроизводства. В Конституции должен содержаться раздел, в котором подлежат закреплению наиболее существенные аспекты судостройства и судопроизводства.

3. Конституция должна содержать исчерпывающий перечень судов, образующих судебную систему. В связи с тем, что прошел незначительный исторический отрезок времени, отделяющий нас от того периода, когда судебной властью наделялись «особые совещания», «тройки», «двойки», в основном законе надо закрепить, что создание чрезвычайных судов запрещается. Наличие подобной нормы усилит действие функции суда – правосудия. Судебная система не будет носить завершающего характера, если в ее состав не включить конституционный суд. Более того, поскольку он является одним из гарантов соблюдения Конституции, в ней необходимо изложить важные полномочия этого суда.

---

* Проблемы обеспечения законности в механизме правоприменения: тезисы докл. / Волгоградский ун-т. – Волгоград, 1991. – С. 55–57.

4. В Конституции должна содержаться возможность образования в государстве не только общих судов, но и специальных. Специальные суды следует отличать от составов судов специализированных для рассмотрения отдельных категорий дел. Специальные суды – это такие суды, которые создаются и существуют как самостоятельные государственные органы. Вместе с тем, само по себе наличие специальных судов бессмысленно, если при них не будут существовать вспомогательные службы (например, кабинет педагогической помощи родителям, центр по ресоциализации осужденных и т.д.). Работа этих служб должна быть построена таким образом, чтобы не подрывалась функция правосудия, которую осуществляет суд. Иначе суд может превратиться в симбиоз судебной и административной власти, что подрывает принцип разделения властей.

5. Статус суда и контуры его деятельности обеспечивают принципы правосудия. Конституционные нормы, в которых они закрепляются, воздействуют не на единичные общественные отношения, а на целую их систему, задавая ей направленность движения. В Конституции подлежат закреплению лишь те принципы, которые являются общими для всех видов правосудия: независимость и несменяемость судей, гласность судопроизводства и участие в нем граждан. Учитывая, что более компетентным является состав суда, который образован только из профессиональных судей, в будущем необходимо формировать именно такой суд. Но граждане не должны полностью отстраняться от участия в рассмотрении дел.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ: ПРЕДЕЛЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ*

1. Правовые вопросы устройства суда, его деятельности и статуса в государстве регулируются конституцией и отраслевыми нормативными актами. Ввиду многогранной роли суда в жизни общества, важно определить, какие аспекты судостройства и судопроизводства подлежат отражению в конституции. Конституция, являясь основным законом государства, должна быть стабильной и служить базой для текущего законодательства на историческую перспективу. Для того чтобы выполнять свое назначение, ей надо придать не только социально-правовой характер, но и как можно больше юридизировать.

2. Государственная власть в системе правовых институтов является наиболее общей стороной в деятельности органов ее осуществляющих, функции государства и его органов производны от нее и в конечном итоге выражаются в виде деятельности. В связи с этим именно государственная власть должна служить исходным моментом в конституционном регулировании различных сторон жизнедеятельности государства. Являясь относительно самостоятельными, законодательная, исполнительная и судебная власти образуют единую государственную власть, реализующуюся через систему государственных органов. Вопросам осуществления судебной власти в конституции должен быть посвящен самостоятельный раздел, который следует озаглавить: «Судебная власть».

3. В реальности судебная власть проявляется в виде функции правосудия, которую осуществляет суд. Указание в конституции, что правосудие осуществляется только судом, является органически необходимым и означает, что правосудие включено в систему государственных функций; для его осуществления государство специально создает суды; государство гарантирует не возлагать функцию правосудия на другие специально созданные государственные органы; наиболее важные с точки зрения государства социальные конфликты будут разрешаться судом, вне желания сторон

---

* Концепция Конституции БССР и формирование правовых основ гражданского общества и государства: Тезисы докл. Респ.науч.-практ. конф. 27–28 февраля 1991 г. /Президиум Верховного Совета БССР, Конституционная комиссия, Юридический факультет Белорусского ун-та. – Минск, 1991. – Т. II. – С. 41–44.

рассмотреть возникший спор не судом, а другим государственным органом.

4. Судебная деятельность, направленная на реализацию функции правосудия, неоднородна по своему содержанию. В ее основе лежит существо социального конфликта, ставшего предметом судебного рассмотрения. Внешне это проявляется в форме судопроизводства. Характер вопроса и форма его рассмотрения судом образует вид правосудия. Однако в конституции нет необходимости перечислять виды правосудия, а достаточно лишь отразить, в каких формах судопроизводства правосудие может осуществляться. Понятие «форма судопроизводства» не заменяет собой понятия «вид правосудия». Хотя они в какой-то мере пересекаются, но в смысловом отношении не совпадают. Учитывая, что конституция рассчитана не только на юристов, важным является употребление общепонятных терминов, каким в большей мере является «форма судопроизводства», поскольку в конечном итоге она будет зависеть от характера рассматриваемого юридического дела. В свою очередь, виды форм судопроизводства должны быть перечислены в той статье конституции, которая содержит указание, что правосудие осуществляется только судом.

5. Конституция должна содержать исчерпывающий перечень судов, образующих судебную систему. Но только этого указания недостаточно. Законодателю необходимо в Конституции выразить свое отношение к наличию специальных и чрезвычайных судов. Статья 23 Основ о судопроизводстве дает возможность предусмотреть в законодательстве союзных республик создание «составов судов, специализированных для рассмотрения отдельных категорий дел (дел о несовершеннолетних, семейных и других)». Но и до принятия данного нормативного акта в судах существовала практика специализации судей по рассмотрению определенных категорий дел. Статья 23 Основ ничего нового не внесла. Она лишь закрепила уже существующее правило. Речь идет о другом: о создании отдельно от общих судов таких судов, которые существовали бы как самостоятельные государственные органы. Учреждение специальных судов в Белоруссии необходимо рассматривать как возможность, которую следует закрепить в Конституции. Само по себе наличие специальных судов бессмысленно, если при них не будут существовать вспомогательные службы (например, кабинет педагогической помощи родителям, центр по ресоциализации осужденных и т.д.). Но тогда не исключено, что суд как орган

правосудия, превратится в симбиоз судебной и административной власти. Одним словом, созданию специальных судов должна предшествовать глубокая проработка данной проблемы.

6. Прошел незначительный исторический отрезок времени, отделяющий нас от того периода, когда судебной властью наделялись «особые совещания», «тройки», «двойки». В Конституции надо закрепить, что создание чрезвычайных судебных органов запрещается. Наличие подобной конституционной нормы усилит действие функции суда – правосудия.

7. В той статье Конституции, которая говорит о судебной системе, необходимо отразить, что юрисдикция военных трибуналов на случай войны должна быть предусмотрена законом.

8. Судебная система не будет носить заверщенного характера, если в ее состав не включить конституционный суд. Более того, поскольку конституционный суд является одним из гарантов соблюдения Конституции, в ней необходимо изложить наиболее важные полномочия этого суда.

9. Осуществление судебной власти подчинено задачам, которые могут быть различного характера и масштаба: исторические, перспективные, постоянные, временные и т.д. Учитывая важность охраняемых судом объектов, следовало бы в Конституции закрепить именно социальные задачи суда. Что касается задач суда при осуществлении правосудия по конкретным категориям дел, то они должны быть отражены в отраслевом законодательстве.

10. Механизм осуществления задач суда обеспечивается в первую очередь принципами. Нормы права, в которых закрепляются принципы правосудия, воздействуют не на единичные общественные отношения, а на целую их систему, задавая ей направленность движения. В конституции подлежат закреплению лишь те принципы, которые являются общими для всех видов правосудия: независимость и несменяемость судей, гласность и состязательность судопроизводства, участие в нем представителей общественности. Именно эти принципы позволят в общих чертах обрисовать суд как орган правосудия.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ*

1. Сущность судебной власти. 2. Участие в реализации судебной власти представителей народа. 3. Судебная система

I

Человеческое общество представляет собой социальную систему, в рамках которой люди неизбежно взаимодействуют между собой. Крупномасштабные изменения характера их взаимодействия ведут к преобразованиям в обществе. Государство как политическая организация общества наиболее чутко реагирует на эти изменения. Грани государственной власти подвижны и меняются в зависимости от многих факторов, в том числе от конкретной исторической эпохи и политического режима, установившегося в государстве. По своей глубинной природе государство есть особая политическая сила, которая обеспечивает соблюдение прав человека. В случае их нарушения оно путем реализации судебной власти принуждает к восстановлению его прав. Но это характерно лишь для правового государства, где права человека прочно защищены и наблюдается широкая юрисдикция судебной власти. В тоталитарном государстве судебная власть принуждена. Из ее ведения изымаются такие вопросы, которые по своей природе должны разрешаться именно ею.

В отличие от законодательной и исполнительной властей, определяющих перспективы развития государства и политически ответственных за принимаемые решения, судебная власть не ставит перед собой цель предусмотреть и регламентировать будущее. Она имеет дело с конкретным случаем нарушения прав человека. Кроме того, ее роль состоит в том, чтобы приводить в баланс законодательную и исполнительную власти и мешать им выходить за пределы своего предназначения. Это происходит прежде всего через судебные органы конституционного контроля. При этом судебная власть определяет, действует ли в рамках своих полномочий парламент и правительство. И если они стали подменять друг друга, то это должно стать предметом рассмотрения судебной власти.

Права человека призваны охранять как законодательная, так и исполнительная власти, каждая из них – своими правовыми средствами, но защищать их может только судебная власть.

---

* Введение в теорию политических систем: Учебное пособие для студентов по курсу «Политология» – Минск: Белгосуниверситет, 1995. – С. 130–136.

Предметом рассмотрения судебной власти являются споры (конфликты) между людьми, но не всякие, а только такие, которые затрагивают их социальные интересы, которые проявляются в действиях конфликтующих сторон. Судебная власть является высшей формой защиты социальных интересов человека. Но надо учитывать, что в любом обществе есть люди, заинтересованные в сохранении порядка, предусмотренного законом, и люди, противодействующие ему. Окончательно же решить, какой порядок в государстве является законным (легитимным), может только судебная власть. Но для этого она сама должна быть легитимной.

Легитимность судебной власти состоит в соответствии судебной власти человеческим ценностям. Легитимна такая судебная власть, которую поддерживает, с решениями которой согласен народ. Но как выявить отношение народа к судебной власти? Определенное значение имеет состояние общественного мнения. Вместе с тем надо учитывать, что общественное мнение подвижно. К тому же в основе изначальной легитимности судебной власти лежит не оно, а законы, в соответствии с которыми формируется и реализуется судебная власть. Поэтому законы в государстве должны быть правовыми. Они должны отражать объективные достижения общества, а не носить субъективный характер или, еще хуже, закреплять произвол пришедших к власти людей. Право объективно. В его формировании принимают участие все группы населения, социальные слои, каждый человек. Закон является формой права¹. Игнорирование этих обстоятельств ведет к принятию таких законов, которые не соответствуют уровню развития общественных отношений, следствием чего является утрата законом своих регулятивных свойств, которые соответствуют его природе.

Судебная власть с учетом интересов конфликтующих сторон определяет приоритетные интересы и оформляет свое мнение в соответствующих документах: решениях, приговорах, определениях, постановлениях. Ей не присущи такие способы реализации, как рекомендации, пожелания, советы. Надлежащим образом оформленное мнение органов судебной власти подлежит обязательному исполнению, иначе они вынуждены прибегнуть к принудительной силе государства.

Судебная власть независима при рассмотрении конкретных правовых споров (конфликтов) между людьми, которые оформлены в со-

---

¹ Нерсесянц В.С. Право и закон: Их различие и соотношение // Вопросы философии. – 1988. – № 5. – С. 11–31.

ответствующее юридическое дело: уголовное, гражданское, административное и др. Она независима не только от законодательной и исполнительной властей, но и от политических партий, общественных движений, других формирований, носящих политический или неполитический характер. Никто не вправе диктовать судебной власти, как рассмотреть соответствующее дело. Ее выводы относительно разрешенного дела обязательны для всех. Это, конечно, не означает, что судебная власть не взаимодействует с законодательной и исполнительной властями. Судебная власть применяет законы, принятые законодательной властью. Исполнительная власть участвует в формировании органов судебной власти – судов. В то же время сама судебная власть является частью государственной власти и своими правовыми средствами проводит в жизнь политику государства. Уже поэтому судебная власть причастна к политическим событиям.

Изменение политического курса государства предполагает смену идеологических ориентаций и установок. На этих переломных этапах судебная власть не в состоянии вести себя индифферентно. Она должна стремиться к тому, чтобы быть как можно больше идеологически нейтральной. Стоять же в стороне от идеологического влияния ей не под силу. Причем не только потому, что она применяет законы, которым неизбежно присущ идеологический оттенок, но и в связи с тем, что предметом ее деятельности являются правовые споры (конфликты) людей с различными интересами. Сфера же идеологии одного и того же вида не может охватывать интересы всего общества. Всегда найдутся люди, которые не разделяют идеологию, которая получила преимущественное распространение в обществе, например, демократическую, коммунистическую, религиозную, фашистскую и т.д. Судебная власть удовлетворяет интересы какой-то группы людей. Значит, она как бы становится на защиту их идеологии. Вместе с тем надо учитывать, что правовые споры (конфликты) разнообразны по своему характеру. Многие из них значительно отдалены от идеологии, и ее влияние не заметно. Наличие именно этого обстоятельства позволяет говорить о том, что судебная власть независима от других ветвей государственной власти.

Таким образом, судебная власть является интегральной частью государственной власти, предназначенной от имени государства окончательно разрешать правовые споры (конфликты) между людьми.

Судебная власть является частью государственной власти и осуществляется специально созданными для этого органами – судами.

В древности судебной властью обладал глава семьи или рода. Его полномочия простирались не только на людей, состоящих с ним в родственных отношениях, но и на челядь. Процесс становления судебной власти в период зарождения государственности почти не отражен в источниках права. Классическая картина суда родоплеменной эпохи дана Гомером: старейшины, окруженные народом, изрекают свое мнение¹. В более поздний период, когда укрепляется монархическая власть, к выполнению функций суда привлекаются приближенные монарха, аристократы. Затем появляются профессиональные судьи, единственной задачей которых является рассмотрение различного рода правовых споров (конфликтов). Но они осуществляют судебную власть с представителями народа: присяжными заседателями или шеффенами.

Суд присяжных состоит из двух коллегий. Одну образуют присяжные заседатели, которые решают вопрос о виновности человека, а другую – профессиональные судьи, в обязанности которых входит рассмотрение вопроса о его наказании на основе вердикта присяжных заседателей.

Присяжные заседатели – представители народа. От них не требуется никакой специальной юридической подготовки. Они выносят свой вердикт на основе непосредственного восприятия того, что происходит в судебном процессе. Профессиональные судьи решают юридические вопросы самостоятельно, без участия присяжных заседателей.

Принято считать, что впервые суд присяжных получил свое организационное оформление в Англии. Но как пишет Н.Н. Розин, где родина этой специфической формы народного участия в отправлении уголовного правосудия, не известно. Каждый народ приписывает себе заслуги в его создании². Независимо от того, на каком континенте, у какого народа ранее всех возникла сама идея о суде присяжных, очевидно одно: многим народам на определенной ступени их социального развития была присуща эта форма суда. Однако не подлежит сомнению, что суд присяжных в завершенном виде развился в Англии,

---

¹ Гомер. Иллиада (Пер. Н.И. Гнедича) – Л., 1990. – С. 117–132.

² Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Пг., 1916. – С. 150.

откуда был заимствован другими государствами и там получил свою модификацию.

Шеффены – это лица, избранные народом на определенный период времени для совместного с профессиональными судьями разрешения всех вопросов, возникающих при разбирательстве дела, и обязанные мотивировать свои решения относительно виновности и наказуемости лица. В то время как в суде присяжных приговор – это результат деятельности двух коллегий: присяжных заседателей и судей-профессионалов, в суде шеффенов существует лишь одна коллегия, нераздельно и совместно решающая все вопросы как фактические, так и юридические. Суд присяжных всегда имел не только сторонников, но и противников своего функционирования.

Надо учитывать, что в период большой политизации общества отсутствие твердых ориентиров в определении путей развития государства, введение суда присяжных может привести к усилению беспредела. Ведь для присяжного законодателя не требуется, чтобы он был беспартийным. Как раз наоборот, по своей природе он должен привнести в осуществление правосудия все аспекты своего статуса как гражданина. Ведь суд присяжных будет разрешать дела о наиболее тяжких преступлениях: против государства, личности, собственности. При рассмотрении такого рода дел присяжные в полной мере проявят особенности своего политического сознания.

III

Судебная власть в государстве обеспечивается специальными органами – судами, совокупность которых образует их систему, которая должна быть как можно лучше приспособлена к потребностям осуществления правосудия.

Наличие правового спора (конфликта) между людьми означает, что нарушено право. А это предполагает защиту тех прав человека, на которые кто-то посягнул. Правонарушение и есть нарушение норм права. Среди всех правонарушителей опасными для общества и человека являются преступления, составы которых отражены в уголовном кодексе.

Ввиду того, что правовые споры (конфликты) разнообразны и разнохарактерны, государство должно избрать такую систему судов, которая способствовала бы эффективной защите нарушенного права.

Самым общим критерием построения судебной системы является сочетание интересов государства, которые неизбежно пересекаются при рассмотрении конкретных правовых споров (конфликтов),

оформленных в уголовное, гражданское, административное или иное дело. При этом законодательная власть находится под воздействием двух факторов: быстроты, с которой должно осуществляться восстановление нарушенного права, и основательности, обоснованности, справедливости решений суда по рассмотренным делам. Пренебрегать экономическим фактором также нельзя. Государство обязано достигать как можно более значительных результатов, затрачивая при этом наименьшие средства. Не следует забывать также о том, что человеку должно быть предоставлено право обжаловать решение суда, если он считает, что его право недостаточно защищено. Соблюсти эти условия при построении судебной системы не так просто. Численность правонарушений, их разнообразие, сложность поиска истины по рассмотренному делу создают серьезные обстоятельства, которые неизбежно надо учитывать.

Для каждого государства характерна своя система судов. Обычно судебная власть системы закрепляется в конституции. Но такой путь избирают не все государства.

Независимо от того, какие суды образуют судебную систему, важно, что одни из них предназначены для рассмотрения юридических дел по существу, т.е. в первый раз, и являются судами первой инстанции, другие предусматривают решения этих судов и являются судами второй инстанции. Надо учитывать, что каждому государству присущ Верховный суд, который отличается спецификой своих полномочий.

Кроме общих судов, в которых рассматриваются все юридические дела (уголовные, административные, трудовые, семейные, жилищные и т.д.), в некоторых государствах сформированы специальные суды, предназначенные для разрешения какой-то определенной категории дел, например, только административных или только трудовых, либо лишь семейных дел и т.д. Специфика состоит в том, что при реализации судебной власти суд должен проверить, не нарушены ли границы, в пределах которых осуществляются законодательная и исполнительная власти. Он не имеет права подменять парламент.

ДИХОТОМИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ*

Введение. Судебная власть относится к числу фундаментальных, многоаспектных явлений общественной жизни. Как уникальный социокультурный феномен, она оказывает влияние не только на судьбу отдельного человека, но и общества в целом, поскольку предназначена для разрешения социальных конфликтов, носящих юридический характер, преодоление которых невозможно без властного воздействия. Дискуссии о социально-правовой природе судебной власти особенно активно начали вестись на рубеже XX–XXI вв., что в определенной мере связано с происходящей во многих государствах реформой законодательства о суде и правосудии. Конкретная историческая обстановка, специфика установившегося в государстве политического режима, а также состояние общественного, профессионального, группового и индивидуального правосознания в целом – все это предполагает переосмысление и новые подходы в понимании и трактовке судебной власти. При этом надо иметь в виду, что, во-первых, судебная власть является ветвью государственной власти; во-вторых, она в лице своего носителя (суда), вступая в общественные отношения с участниками юридического конфликта, применяет нормы права, а также иные социальные нормы. Именно такая дихотомия, т. е. разделение судебной власти на политическую и юридическую части, лежит в основе выявления ее сущности.

Основная часть. Социальное управление – одна из объективных потребностей функционирования и развития общества. Каждому обществу наряду с общими закономерностями социального управления свойственны и специфические особенности, проявляющиеся в содержании, целях, задачах, формах и методах практической реализации. Соответственно существуют две главные разновидности социального управления: общественное самоуправление и политическая организация общества.

Источником социального управления является власть. Она необходима в управлении любым обществом. С развитием общества претерпевают изменения сущность социальной власти, содержание властных полномочий, методы и средства обеспечения власти. Власть и управление диалектически связаны между собой. Они

---

* Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 20 / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – С. 235–249.

дополняют друг друга, изменяясь под влиянием материальных условий жизни общества и субъективных факторов. Сущность власти состоит в том, что она является средством организации совместной деятельности людей и регулирования их социального поведения. Способность охватить и регулировать все важнейшие сферы общественной жизни объясняет ее ведущее место в организации управления обществом. Взаимосвязь между властью и управлением, изменяясь на протяжении истории общества, принимала разнообразные формы. С появлением государства основным звеном в социальном управлении становится государственное управление, которое проявляется в виде реализации государственной власти, ограничения которой постепенно начали связывать с принципом разделения властей.

Возникнув как теоретическая концепция, разделение властей в сочетании с другими политическими идеями постепенно превратилось в конституционный принцип, что особенно наглядно проявляется в большинстве современных государств. Так, в ст. 6 Конституции Республики Беларусь 1994 года, принятой на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г., говорится: «Государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравнивают друг друга» [1].

В практической реализации принципа разделения властей наиболее отчетливо проявляется отделение судебной власти от законодательной и исполнительной. Это связано с тем, что судебная власть в какой-то мере пассивна. Если нет юридического конфликта, то нет и судебного процесса. Инициатива судебной деятельности, как правило, находится в руках заинтересованных сторон. Именно статус судебной власти обеспечивает теории разделения властей такое постоянство. Прошел значительный исторический период, прежде чем законодательная и исполнительная власти, хотя бы формально, были лишены судебных полномочий. В истории суда отражаются изменения социально-политического и государственного строя общества. Значительное отмежевание судебной власти можно обнаружить уже в Статуте Великого княжества Литовского 1588 г. [2], где широко используется понятие «судебная власть». Более того, четвертый раздел так и назван «О судьях и су-

дах». Функционирование судебной системы того времени, и особенно на рубеже XVIII–XIX вв., свидетельствует о прочной тенденции самостоятельного существования судов с учетом, конечно, специфики государства и права того исторического периода [3]. Между тем ни одна из Конституций СССР, а также конституций союзных республик не оперировала понятием «судебная власть». В советской юридической литературе оно иногда использовалось, но с определенным смысловым оттенком о том, что суд обладает государственно-властными полномочиями, хотя и не является органом власти в прямом смысле слова [4, с. 349; 5, с. 73]. Советская правовая доктрина исходила из того, что, поскольку советы как органы власти прямо или косвенно формируют все государственные органы, именно им принадлежит вся полнота власти. В определенной мере такой подход был связан с боязнью нарушить или поставить под сомнение жесткую официальную установку на власть и ее носителей [6, с. 11], тем более что смешение функций различных государственных органов сразу стало заметно в первые годы советской власти [7, с. 455–456; 8, с. 15, 31]. И только в конце 80-х гг. XX в. концептуальные вопросы судебной власти стали объектом пристального внимания в юридической науке, а затем и в законодательстве.

Впервые в законодательстве Беларуси понятие «судебная власть» употреблено в Декларации «О государственном суверенитете Республики Беларусь» от 27 июля 1990 г., в ст. 7 которой сказано: «Разграничение законодательной, исполнительной и судебной власти является важнейшим принципом существования Республики Беларусь как правового государства» [9]. Закон Белорусской ССР «Об основных принципах народовластия в Белорусской ССР» от 27 февраля 1991 г. в ч. 1 ст. 7 установил, что государственная власть формируется и осуществляется в трех структурах – законодательной, исполнительной и судебной [10]. На конституционном уровне понятие «судебная власть» было закреплено в Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г., ст. 6 которой гласит: «Государство основывается на принципе разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной», а ст. 109 указывает на принадлежность судебной власти судам [11]. Конституция Республики Беларусь 1994 года, принятая на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г., в ст. 6 конкретизировала, что государственные органы, в том числе и органы судебной власти, в пределах своих полно-

мочий самостоятельны, взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга [1]. Отраслевое законодательство о суде определило статус судов общей юрисдикции, хозяйственных судов и Конституционного Суда Республики Беларусь. Закон «О судеоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь» от 13 января 1995 г. [12] закрепил систему общих судов, определил требования к кандидатам на судейскую должность. Статус хозяйственных судов стал регулироваться Законом «О хозяйственных судах в Республике Беларусь» от 9 декабря 1998 г. [13], а Конституционного Суда – Законом «О Конституционном Суде Республики Беларусь» от 30 марта 1994 г. [14]. В 2006 г. был принят «Кодекс Республики Беларусь о судеоустройстве и статусе судей» [15], определивший правовой статус всех судов, входящих в судебную систему Беларуси, что, однако, не привело к немедленной отмене законов, регламентирующих статус хозяйственных судов [13] и Конституционного Суда [14]. Они действовали параллельно. В настоящее время отменен лишь Закон «О хозяйственных судах в Республике Беларусь».

Следует отметить, что еще в 1980 г. И. И. Мартинович предложила принять единый нормативный правовой акт, регулирующий организацию судебной деятельности, назвав его «Кодекс законов о судеоустройстве» [16, с. 65]. Предложенное название вызвало критику прежде всего из-за его тавтологичности и отсутствия параметров, соответствующих данной разновидности нормативного правового акта [17, с. 39]. В начале 90-х гг. XX в. в ходе обсуждения проблем проведения судебной реформы было предложено назвать законодательный акт об организации судебной власти – «Закон о статусе суда» [18]. Такое название является более точным, поскольку позволяет в целом определить место суда в системе государства и общества, закрепить статус судей и к тому же открывает возможность принятия нормативных правовых актов, регламентирующих специфику положения судов, обеспечивающих конкретный вид правосудия и структуру аппарата суда, что немаловажно для обеспечения нормальной его деятельности. Наличие системы хозяйственных судов в Беларуси – это реальность. Но мимоходом следует заметить, что рассмотрение юридических конфликтов экономического характера можно было бы обеспечить судами общей юрисдикции, образовав отдельную судебную коллегия. В дроблении судебной системы нет необходимости не только из-за возможных коллизий, которые весьма наглядно существовали на первоначальном

этапе деятельности хозяйственных судов, что вынудило высшие судебные инстанции принять совместное постановление, уточняющее компетенцию судов [19], но еще и потому, что единый суд в большей мере способен обеспечить разносторонние интересы конфликтующих сторон, возможно даже без дополнительных процессуальных издержек, когда не исключено объединение дел, исков и т. п.

В Республике Беларусь официальное определение судебной власти дано в Концепции судебно-правовой реформы, принятой Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г., где сказано, что «под судебной властью следует понимать систему независимых государственных органов – судов, призванных от имени государства осуществлять правосудие, разрешать <...> правовые споры и конфликты. В понятие судебной власти входит также совокупность тех ответственных властных полномочий, которыми наделен суд в целях восстановления нарушенного права и справедливости, применения мер государственного принуждения к лицам, посягающим на охраняемые законом интересы, в том числе и мер уголовного наказания к преступникам. Судебная власть осуществляется только судом. Без суда не может быть правосудия, нет и не может быть судебной власти» [20]. Из этого определения вытекает, что судебная власть включает в себя по крайней мере два элемента: 1) судебную систему и 2) властные полномочия судов, т. е. институциональный и функциональный аспекты. Такая традиция начала постепенно складываться в русской юридической литературе еще в XIX в. С учетом наличия монархической формы правления, преобладавшей в государствах того исторического периода, судебная власть, конечно, не могла рассматриваться как вид государственной власти. И все же, например, С. И. Викторский отмечал, что судебной власти присущи такие отличительные свойства, как самостоятельность и независимость [21, с. 84–92].

В советский период отношение к судебной системе определялось идеологической установкой на все проявления в жизнедеятельности государства – диктатурой пролетариата. В. И. Ленин писал, что суд – это «орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления), орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства, что суд есть орудие воспитания к дисциплине» [22, с. 197]. Впоследствии в юридической науке, в том числе и по идеологическим соображениям, проблемы судебной

власти были перемещены в сферу судопроизводства. И только в 90-е гг. XX в. появился всплеск интереса к статусу судебной власти, выяснению ее сущности, отличительных признаков, дифференциации с другими понятиями и явлениями. Можно констатировать, что большинство современных исследователей данной проблемы придерживается мнения, что: 1) судебная власть – это вид, ветвь государственной власти; 2) она принадлежит судам; 3) суды наделены полномочиями по рассмотрению конфликтной ситуации и защите прав и свобод человека [23, с. 22; 24, с. 48; 25, с. 16; 26, с. 53; 27, с. 93–94]. Наиболее интегративно данный подход выразил И. Л. Петрухин, который отмечает, что «судебная власть – это самостоятельная и независимая ветвь государственной власти, созданная для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и гражданином, самими гражданами, юридическими лицами; контроля за конституционностью законов; защиты прав граждан в их взаимоотношениях с органами исполнительной власти и должностными лицами, в частности контроля за соблюдением прав граждан при расследовании преступлений и проведении ОРД; установления наиболее значимых юридических фактов» [28, с. 11].

В середине 90-х гг. XX в. наметился более общий подход к понятию судебной власти и одновременно была предложена определенная дифференциация между понятиями «судебная власть», «правосудие», «компетенция суда», «судебная деятельность», «судопроизводство» [29, с. 12, 14].

Судебную власть как целостное явление необходимо разделять на две части: политическую и юридическую. Такая дихотомия поможет выявить потенциальные возможности каждой из частей, сторон для более глубокого изучения ее сущности и динамики проявления. Прежде всего, судебную власть необходимо соотносить с законодательной и исполнительной властями. Все они соразмерны, поскольку каждая из них остается ветвью, видом государственной власти. А если это так, то судебной власти присущи все атрибуты, которые лежат в основе любой государственной власти (законодательной, исполнительной). Это и составляет один пласт, срез понятия «судебная власть», идущий через поиски общего, что присуще вообще всем видам государственной власти. Поэтому можно сказать, что судебной властью является то, что охватывается ею, т. е. те общественные отношения, природа которых требует реализации судебной власти, та сфера общественных отношений, которые она в

состоянии охватить своей юрисдикцией. Отсюда важно, что собой представляет государство, в котором функционирует судебная власть, какой в нем политический режим, каковы экономические достижения и какова направленность запросов народа [29, с. 12; 30, с. 26–27]. Только через политическую сторону (часть) судебной власти невозможно добиться ее результативности. В дополнение к ней нужна ее юридическая сторона (часть). Сообща они могут реализовать предназначение судебной власти в целом: рассмотрение юридического конфликта.

Носителем судебной власти является суд. Только ему принадлежит судебная власть, что подчеркивается в законодательстве многих современных государств. Так, в гл. 6 Конституции Республики Беларусь 1994 года, принятой на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. [1], говорится, что судебная власть принадлежит судам и суды действуют на основе принципов, присущих ее природе и уровню развития государства.

Любой государственный орган при реализации государственной власти выполняет присущие ему функции, которые определяются функциями государства. Правоохранительную функцию государства в той или иной мере осуществляют все государственные органы. Но для одних она является вспомогательной, а для других основной. Суд, прокуратура, органы предварительного расследования преступлений специально созданы для реализации правоохранительной функции государства. Каждый из них отражает ту или иную ее сторону. Чтобы не возникло сомнений в том, какая из функций присуща соответствующим государственным органам, необходимо их четкое правовое закрепление. В действующем законодательстве закреплено, что суды осуществляют правосудие.

Осуществление функции правосудия подчинено определенным задачам, которые могут быть различного масштаба и характера: исторические, перспективные, постоянные, временные, повседневные, ситуационные и т. д. Задачи суда как органа судебной власти не могут сами по себе разрешаться. Нужна форма их проявления, которой и является функция правосудия, поскольку функция вообще – одна из форм выражения задачи, фиксирующей деятельность [31, с. 100–101]. Задачи суда указывают на желательный результат его деятельности, а функции – на направление этой деятельности. Из этого вытекает, что выражением судебной власти является функция правосудия. В ходе ее реализации возникает такое

юридическое явление, как компетенция суда. Возложение на суд слишком широкой компетенции приведет к размыванию границ функции правосудия и осуществлению судом компетенции за ее пределами, без гарантий, присущих природе этой функции. Слишком же узкая компетенция суда оставит функцию правосудия нереализованной. В свою очередь, компетенцию суда необходимо рассматривать в нескольких разрезах. Она проявляется прежде всего в деятельности суда, урегулированной нормами права. Суд осуществляет также деятельность, которая непосредственно не урегулирована нормами права, но необходима для успешного рассмотрения и разрешения дела. В ее основе лежат иные социальные нормы, например нормы нравственности. В этом смысле компетенция суда – это, по сути, его правоспособность, т. е. объем возможностей суда по реализации своей компетенции. Применительно к суду закон не употребляет термин «правоспособность», ибо в этом нет практической необходимости. Если суд наделен компетенцией, то наличие его правоспособности осуществлять эту компетенцию предполагается. Правоспособность суда по сравнению с его компетенцией более статичное явление. Компетенция подвижна. Она меняется соответственно изменениям, происходящим в обществе. Но не только в этом их различие. Если компетенция – это реальные права и обязанности суда, то правоспособность выражается в возможности суда получить больше прав и обязанностей, чем у него есть. Правоспособность суда является как бы «запасной» компетенцией, ее продолжением на случай, если законом будут расширены его права и обязанности. Правоспособность состоит в возможности правообладания. Значительная роль в обеспечении этой резервной компетенции принадлежит нормам-принципам, нормам-задачам, нормам-дефинициям, нормам-презумпциям. Такие нормы не говорят о конкретных правах и обязанностях суда. Они характеризуют иные стороны его деятельности. Но суд не должен ими пренебрегать. Пробелы, обнаруженные в процессе применения указанных норм и компетенционных норм заполняются деятельностью суда благодаря его правоспособности. Получается как бы двухслойная компетенция суда, поскольку ее образуют, во-первых, права и обязанности суда, основанные непосредственно на законе, и, во-вторых, те, которые не нашли конкретного отражения в нормах права, но вытекают из них, являясь производными.

Всякая деятельность, в том числе и судебная, включает в себя повторяющиеся действия. Судебная деятельность – это совокупность действий суда, совершаемых в определенной последовательности, образующих в итоге конкретный вид судопроизводства.

Всеобщая структура деятельности включает в себя, кроме самого процесса деятельности, еще и ее цель, средство и результат [32, с. 268, 309]. Из процесса деятельности вытекает представление о стадиях, т. е. его последовательных частях. Внешняя целостная характеристика процесса задается через соотнесение его внутренних членений. Схему судебной деятельности нельзя изобразить посредством отрезков одной линии. Это был бы учет лишь хронологических связей. Между стадиями судебной деятельности установлены еще связи управления, регулирования и корректирования. Именно благодаря им судебной деятельности придается внутреннее единство, а последовательность судебных действий выражается в надстраивании их друг над другом. Смена одной стадии другой возможна тогда, когда исчерпаны проявления всех элементов структуры судебной деятельности и созданы условия для их осуществления в ином виде.

Анализ структуры судебной деятельности показывает, что если ее основанием являются сознательно формулируемые задачи, то основания самих задач лежат вне их, в сфере идеалов и ценностей людей. Отсюда следует, что сущность судебной деятельности нельзя понять, не выходя за пределы ее непосредственного процесса, не давая ей внешних очертаний. Поэтому основными признаками судебной деятельности являются: осознание задач; планирование действий, направленных на решение задач, и, в частности, такие элементы, как целеполагание и свободный выбор судьей своих решений; организация действий по осуществлению задач; непосредственная реализация осознанных требований (сам процесс судебной деятельности); соотношение поставленных задач и реальных, достигнутых результатов деятельности.

В ходе осуществления судебной деятельности реализуются различные социальные нормы, порождающие соответствующие социальные отношения. В обществе социальные нормы выполняют особое предназначение: выступают как регуляторы социализации личности. А как элементы общественного сознания они отображаются в индивидуальном сознании судьи и включаются в его деятельность. Реализация социальных норм в деятельности судьи в ко-

нечном счете предопределяется уровнем его культуры, что составляет личностную характеристику судьи. Его индивидуальное сознание не просто слепок функционирующих в обществе норм, а их активная творческая адаптация к процессу юридической деятельности. Правовые нормы являются основным, фундаментальным регулятором деятельности суда и занимают особое место в системе других социальных регуляторов. Но наряду с нормами права реализуются идеологические, политические, религиозные, этические, эстетические нормы. Одним словом, весь комплекс социальных норм, присущих данному обществу и усвоенных его индивидами [29, с. 16–17; 17, с. 100–145; 33; 34]. Социальные нормы и социальные отношения коррелируют между собой. В сфере же правосудия возникают комплексные судебные властеотношения, включающие в себя не только правоотношения, но и иные социальные отношения. Благодаря такому сочетанию суд может установить индивидуальное право субъекта [35]. Одних правоотношений, а тем более одного какого-то вида из них недостаточно для реализации судебной власти. В итоге понятие судебной власти должно включать: 1) наличие не менее двух субъектов отношений, одним из которых является суд; 2) выражение воли суда по отношению к тому, над кем он осуществляет свою власть, сопровождаемое угрозой применения санкций в случае неповиновения выраженной воле; 3) подчинение суду тех, с кем он вступает в отношения, выраженные в судебных решениях; 4) наличие правовых норм, устанавливающих, что суд имеет право выносить решения, а те, кого они касаются, обязаны подчиняться. Эти четыре элемента необходимы для существования судебных властеотношений.

Таким образом, между функцией правосудия и судебной деятельностью существует генетическая связь, состоящая в том, что функция предопределяет деятельность. В свою очередь, судебная деятельность олицетворяет функцию правосудия, дает представление о характере деятельности суда, которая всегда реальна. Поэтому в УПК определены принципы именно правосудия как чисто правового явления без «примесей» иных социальных норм, которые неизбежно сопутствуют правовым в ходе судебной деятельности (судопроизводства).

В начале 80-х гг. XX в. И. А. Галаган и В. С. Основин высказали мнение, что наряду с правосудием «суды <...> осуществляют и иную функцию – функцию судебного контроля» [36, с. 101]. В со-

временной юридической науке данная точка зрения получила довольно широкое распространение [37, с. 64–65; 38, с. 9; 39, с. 14–15; 40, с. 8, 14; 41, с. 43], хотя и имеется значительная вариативность в объеме этого понятия. Например, Н. Н. Ковтун отмечает, что судебный контроль есть особая процессуальная форма осуществления правосудия [42, с. 20]. «Функция судебного контроля, – пишет Е. В. Богданов, – представляет собой направление реализации судебной власти и детерминирует правосудие как форму ее осуществления» [30, с. 18]. Н. Г. Муратова уточняет, что «судебный контроль в уголовном судопроизводстве – это проявление судебной власти в досудебном производстве, а также в судебном производстве по уголовному делу в вышестоящих судебных инстанциях, при исполнении судебных и иных решений, вступивших в законную силу и не отмененных в установлении порядка» [38, с. 9]. Дифференцируя правосудие и судебный контроль, Н. М. Чепурнова отмечает, что правосудие имеет первичный характер. Предметом судебного рассмотрения являются сами общественные отношения. Суд на основе применения абстрактной нормы права к конкретному общественному отношению регулирует его своим судебным решением. При осуществлении судебного контроля суд не разрешает спор о праве. Предметом рассмотрения является акт соответствующего органа или должностного лица либо их действия, имеющие юридически значимые последствия, либо уклонение от совершения таковых [37, с. 64–65].

Понятие «судебный контроль» отражает существующее явление как внутри судебной системы, так и во взаимоотношениях суда с другими субъектами права (физическими и юридическими лицами) в случае возникновения правового конфликта между ними. Являясь разновидностью социального контроля, судебный контроль может быть внутрисудебным или надведомственным. Социальному управлению контроль, как система наблюдения и проверки процесса функционирования соответствующего объекта с целью устранения его отклонения от заданных параметров, объективно необходим, поскольку благодаря ему можно корректировать поведение подконтрольного объекта. Контроль присущ самой природе социального управления. Формы его осуществления будут зависеть от конкретного органа. Например, парламент осуществляет контроль за той сферой общественных отношений, которые нуждаются в опосредовании законом. Существует определенная процедура их

подготовки, принятия, обнародования, вступления в законную силу и т. п. Суд контролирует систему конфликтных отношений, носящих правовой характер. Для их рассмотрения и разрешения также установлена процедура и ею является судебный процесс, специфические особенности которого зависят от конкретного юридического дела. Судебный процесс, судопроизводство, деятельность суда урегулированы правом. Причем законодатель исходит из их идеальной модели, стремясь опосредовать правом наиболее значимые стороны судебной деятельности. В связи с этим судебный контроль прежде всего примыкает к политической стороне судебной власти, поскольку связан с широтой юрисдикции суда. Но при непосредственной реализации судебной власти он носит и чисто юридический характер, опираясь прежде всего на право, содержащееся в нормативных правовых актах. С этих позиций правосудие является формой осуществления судебного контроля, не переставая быть всеобъемлющей функцией суда. У суда нет какого-либо участка деятельности, который не охватывался бы выполнением функции правосудия, а существовал автономно.

Заключение. В реальности судебная власть представляет собой целостное явление. Однако ей присуща дихотомия, т. е. разделение на две части (стороны): политическую и юридическую, что необходимо для более точного и определенного ее понимания и интерпретации. Политическую сторону судебной власти составляет все то, что относится к ней как виду, ветви государственной власти в контексте принципа разделения властей и предназначения суда для рассмотрения правового конфликта. Юридическую сторону судебной власти образует то, что она реализуется судом, наделенным функцией правосудия, которую он осуществляет посредством своей деятельности, в ходе которой проявляется его компетенция. Реальна именно судебная деятельность. Политическая и юридическая стороны судебной власти благодаря взаимодействию между собой должны быть одновременно и совместимы, и являться продолжением друг друга.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями): принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0.

2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.

3. *Шелкопляс, В. А.* Судебные органы в Беларуси: конец XVIII – первая половина XIX веков: учеб. пособие / В. А. Шелкопляс. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 1997. – 64 с.

4. *Чельцов, М. А.* Советский уголовный процесс: учебник / М. А. Чельцов. – 4-е изд. – М. : Госюриздат, 1962. – 503 с.

5. *Галкин, Б. А.* Советский уголовно-процессуальный закон / Б. А. Галкин. – М. : Госиздат. юридич. лит., 1962. – 254 с.

6. *Тиковенко, А. Г.* Авторитет власти: прошлое и настоящее / А. Г. Тиковенко. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 78 с.

7. В. И. Ленин и ВЧК: сб. документов (1917–1922) / сост. Ж. Г. Адиебекова [и др.]. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1987. – 641 с.

8. *Крыленко, Н. В.* Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судостроительства) / Н. В. Крыленко. – М. : «М.К.Х.», 1923. – 407 с.

9. Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь: принята Верховным Советом Белорусской ССР 27 июля 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1991. – № 31. – Ст. 536.

10. Об основных принципах народовластия в Белорусской ССР: Закон Белорусской ССР, 27 февраля 1991 г. № 651–XII // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 12. – Ст. 129.

11. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г., № 2875–XII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1994. – № 9. – Ст. 144.

12. О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 1995 г., № 3514–XII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1995. – № 11. – Ст. 120.

13. О хозяйственных судах в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 9 декабря 1998 г., № 217–3 // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. – 1999. – № 2. – Ст. 32.

14. О Конституционном Суде Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 30 марта 1994 г., № 2914–XII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1994. – № 15. – Ст. 220.

15. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей: принят Палатой представителей 31 мая 2006 г.: одобрен Советом Республики Беларусь 16 июня 2006 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 107. – 2/1236.

16. *Мартинovich, И. И.* О систематизации республиканского законодательства о судостроительстве / И. И. Мартинovich // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Сер. 3. – 1980. – № 2. – С. 63–66.

17. *Бибило, В. Н.* Судебная власть в уголовном судопроизводстве / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2001. – 210 с.

18. *Бибило, В. Н.* Правовой статус суда / В. Н. Бибило // Судебно-правовая реформа: концепция и пути ее реализации в Республике Беларусь: материалы

респ. науч.-практ. конф. 26–28 февр. 1992 г. / Верховный Совет Республики Беларусь; Совет Министров Республики Беларусь; Верховный Суд Республики Беларусь. – Минск, 1992. – С. 138–141.

19. О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь № 2 и Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь № 7, 23 марта 1995 г. // Судовы веснік. – 1995. – № 2. – С. 9–10.

20. О Концепции судебной реформы: постановление Верховного Совета Респ. Беларусь, 23 апреля 1992 г., № 1611–XII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 16. – Ст. 270.

21. *Викторский, С. И.* Русский уголовный процесс: учеб. пособие. / С. И. Викторский. – М. : Юрилич. бюро «Городец», 1997. – 448 с.

22. *Ленин, В. И.* Очередные задачи советской власти / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М. : Гос. изд-во политической литературы, 1962. – Т. 36. – С. 165–208.

23. *Мартинovich, И. И.* Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь. Суд присяжных и другие нововведения в законодательстве о судостроительстве / И. И. Мартинovich, М. И. Пастухов. – Минск : Амалфея, 1995. – 224 с.

24. *Дмитриев, Ю. А.* Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю. А. Дмитриев, Г. Г. Черемных // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 44–50.

25. *Никеров, Г. И.* Судебная власть в правовом государстве (Опыт сравнительного исследования) / Г. И. Никеров // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 16–20.

26. *Лазарева, В. А.* Судебная власть и уголовное судопроизводство / В. А. Лазарева // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 49–56.

27. *Василевич, Г. А.* Конституционное право Республики Беларусь: пособие для студентов / Г. А. Василевич. – Минск : БГУ, 2006. – 125 с.

28. *Петрухин, И. Л.* Судебная власть: контроль за расследованием преступлений / И. Л. Петрухин. – М. : ТК «Велби»: Изд-во «Проспект», 2008. – 288 с.

29. *Бибило, В. Н.* Социально-правовые основы правосудия по уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юридич. наук: 12.00.09 / В. Н. Бибило. – Минск, 1995. – 32 с.

30. *Богданов, Е. В.* Проблемы теории и практики реализации судебной власти в форме правосудия / Е. В. Богданов. – Минск : Право и экономика, 2002. – 106 с.

31. *Куценко, В. И.* Социальная задача как категория исторического материализма / В. И. Куценко. – Киев : Наук. думка, 1972. – 371 с.

32. *Юдин, Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки / Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – 391 с.

33. *Бибило, В. Н.* Реализация социальных норм в деятельности суда / В. Н. Бибило // Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2005. – Вып. 16. – С. 69–81.

34. *Бибило, В. Н.* Правоустановительная деятельность суда / В. Н. Бибило // *Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]*. – Минск : БГУ, 2004. – Вып. 15. – С. 60–69.

35. *Бибило, В. Н.* Индивидуальное право субъекта / В. Н. Бибило // *Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]*. – Минск : БГУ, 2007. – Вып. 18. – С. 12–22.

36. *Галаган, И. А.* Судебный и арбитражный контроль / И. А. Галаган, В. С. Основин // *Социальный контроль в СССР: учеб. пособие / науч. ред. В. С. Основин*. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – С. 101–112.

37. *Чепурнова, Н. М.* Судебный контроль в Российской Федерации: проблемы методологии теории и государственно-правовой практики / Н. М. Чепурнова. – Ростов н/Д : Изд-во Сев.-Кавказ. науч. центра высш. школы, 1999. – 222 с.

38. *Муратова, Н. Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юридич. наук: 12.00.09 / Н. Г. Муратова; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – 47 с.

39. *Таричко, И. Ю.* Функция судебного контроля в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юридич. наук: 12.00.09 / И. Ю. Таричко; Омская академия МВД России. – Омск, 2004. – 21 с.

40. *Рябцева, Е. В.* Деятельность и положение суда в состязательном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юридич. наук: 12.00.09 / Е. В. Рябцева; Воронежский государственный ун-т. – Воронеж, 2005. – 24 с.

41. *Зиннатов, Р. Ф.* Функциональная деятельность судьи на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию / Р. Ф. Зиннатов; под науч. ред. Л. Г. Татьяниной. – М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2008. – 208 с.

42. *Ковтун, Н. Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: автореф. дис. ... д-ра юридич. наук: 12.00.09 / Н. Н. Ковтун; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2002. – 59 с.

СИНТЕЗ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ПРАВОСУДИИ*

1. Судебная власть предназначена для рассмотрения конкретных случаев нарушения права. Суд, как орган судебной власти, при рассмотрении дел осуществляет правосудие. В юридической науке господствует мнение, что при осуществлении правосудия нет и не может быть иных норм, кроме правовых. Увлечение интерпретацией права, как регулятора отношений, возникающих при рассмотрении и разрешении дел, привело к тому, что иные виды социального регулирования отвергаются. Именно в этом направлении немало потрудились советская юридическая мысль. Но на правосудие воздействует вся система социальных норм, присущих обществу на определенном этапе его развития. Поэтому возникает необходимость исследовать правосудие с более широких позиций. В настоящее время юридическая наука выходит на новые рубежи, в виду воздействия на нее достижений других наук.

2. Правосудие подвергнуто социальному регулированию, основная цель которого состоит в том, чтобы оказать направляющее воздействие на суд, добиться соответствия его поведения интересам человека и государства. На правосудие воздействуют как нормативные, так и ненормативные регуляторы. Нормативное регулирование является орудием социального контроля над индивидуальным поведением. Ему принадлежит определяющее влияние. Специфика ненормативной сферы регулирования деятельности судей состоит в том, что имеет значение их эмоционально-волевая сторона. Оба вида регулирования выступают в комплексе, сообща, но нормативное регулирование превалирует над ненормативным регулированием. Нормативное регулирование осуществляется с помощью разных видов социальных норм. Особое место среди них принадлежит правовым нормам. Но наряду с ними реализуются идеологические, политические, эстетические, моральные и иные социальные нормы. Они являются дополнительным компонентом к правовым нормам.

При рассмотрении уголовного дела судья делает выбор тех социальных норм, которые им усвоены, и которые пригодны для разрешения именно данного уголовного дела. Если рассматривать уровень развития правосудия с позиций реализации в нем социальных

---

* Проблемы организации управления в современном обществе: теория и практика: Материалы республ. науч.- практ. конф. / Академия аграрных наук Республики Беларусь. – Минск, 1999. – С. 343–345.

норм, то неизбежен вывод: правосудие всегда вынуждено коррелировать с государством. Их тенденции идут в одинаковом направлении. При осуществлении правосудия не могут применяться те социальные нормы, которые не прижились в данном обществе.

3. При применении норм, регулирующих правосудие, важное значение имеет судебное усмотрение как определенная степень самостоятельности суда, которая ограничена рамками законодательства. Объем судебного усмотрения может быть разным, в зависимости от места и роли суда в обществе, характера конфликтов, подлежащих его юрисдикции, и социальной-политической обстановки, сложившейся в государстве. Наряду с целесообразностью сохранения и даже расширения возможностей суда на свое собственное усмотрение там, где это действительно необходимо из соображений справедливости, надо ограничивать его применение, особенно в тех сферах, которые исчерпывающе охвачены нормами права.

4. На правосудие оказывает воздействие и судебная практика как обобщенная судебная деятельность. В ее содержание входит вся судебная деятельность, независимо от того, урегулировано ли ее осуществление нормами права или иными социальными нормами. Важно то, что эта судебная деятельность имеет определенное направление. То, что стало правилом в судебной деятельности, приобретает характер судебной практики. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь относятся к сфере судебной практики, выступают результатом правоприменительной деятельности. В отличие от норм права, непосредственным источником которых является воля законодателя, руководящие разъяснения, хотя и обладают значительной степенью обобщенности, в меньшей мере способны воздействовать на процесс регулирования общественных отношений. Они предназначены для конкретизации закона, итогом которой является формулирование новых социальных норм. Иначе Пленум не выйдет за пределы регулируемой законом стороны общественного отношения и само наличие такого постановления окажется излишним. Социальные нормы, содержащиеся в руководящих разъяснениях, порождаются правоприменительной деятельностью, которая предшествует им. Однако судебная практика, пусть не так часто, но устанавливает новые нормы права. Такая деятельность судей является важным этапом в генезисе закона. Правда, эти новые нормы права не формулируются. Они выводятся из существа принимаемого решения. Но при вынесении су-

дебного акта в обязанность судьи входит обосновать его ссылкой на соответствующие нормы закона. Тогда, когда в законе нет конкретной нормы, применимой к рассматриваемому делу, ссылки имеют весьма отдаленный характер. Иногда наблюдается просто определенная натянутость в правовом опосредовании. И вот здесь-то и происходит, по существу, установление новой правовой нормы, которая словесно, не фиксируется и которую можно вывести из существа принятого судебного акта.

5. Упрочение правового государства и гражданского общества является одной из закономерностей реализации судебной власти, как самостоятельной и независимой в решении вопросов, входящих в ее компетенцию. Окончательно решить, какой порядок в обществе, государстве является легитимным, может только судебная власть. Для этого она сама должна быть легитимной. Легитимность судебной власти состоит в ее соответствии ценностям, на которые она опирается, чьи интересы она защищает, чью деятельность она одобряет, обеспечивает. Легитимна такая судебная власть, с которой согласен и активно поддерживает народ. Органами судебной власти являются суды. Существует два вида судов: государственные и общественные. Государственные суды расположены в пределах государства. Общественные – в сфере гражданского общества. Деятельность обоих не должна противоречить друг другу.

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ*

Судебная практика – это объективированная судебная деятельность, в содержание которой входит вся судебная деятельность, независимо от того, урегулировано ли ее осуществление нормами права или иными социальными нормами. Важно то, что эта судебная деятельность имеет определенное направление. То, что стало правилом в судебной деятельности, приобретает характер судебной практики. Причем судебная практика присуща как узловым, крупномасштабным блокам судебной деятельности, так и более частным, промежуточным. От этого статус судебной практики не меняется.

В Беларуси среди судебных актов обобщенного характера всегда особое место занимали руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда, оформляемые в виде его постановлений.

Надо иметь в виду, что термины «руководящие разъяснения» и «руководящие указания» применяются для обозначения одного и того же явления и имеют одинаковый статус. Предпочтение же в их использовании законодатель отдавал то одному, то другому. Так, термин «руководящие разъяснения» был употреблен в ст. 43 Конституции СССР 1924 г. при определении полномочий Верховного Суда СССР. В ст. 75 Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г. был использован термин «руководящие указания». Периодически издаваемые сборники постановлений Пленума Верховного Суда СССР и пленумов верховных судов союзных республик содержали рубрики: руководящие разъяснения и руководящие указания.

Конституция Республики Беларусь, принятая в 1996 г. на республиканском референдуме, обошла своим вниманием этот принципиальный вопрос. Так, Закон «О судеустройстве и статусе судей в Республике Беларусь», принятый 13 января 1995 г., отказался от того, чтобы разъяснениям придавать характер руководящих. В ст. 47 сказано, что Верховный Суд дает «разъяснения по вопросам применения законодательства Республики Беларусь, возникающим при

---

* Судебная практика по уголовным делам: вопросы уголовного и уголовно-процессуального права: сб. действующих постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, обзоров судебной практики, постановлений и определений кассационных и надзорных судебных инстанций за 1999–2004 гг. / сост. Н. А. Бабий; отв. ред. В. О. Сукало. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2005. – С. 23–31.

рассмотрении судебных дел». Но от такой формулировки статус разъяснений не изменился. К тому же надо учитывать, что разъяснять законодательство могут и другие государственные органы. Для выделения среди них разъяснений Верховного Суда предпочтительнее именовать их «руководящими разъяснениями».

В установлении роли руководящих разъяснений Верховного Суда важное значение имеет предварительное выяснение вопроса о том, связывается ли их появление с наличием закона или нет. Ныне действующее законодательство, как и прежнее, дает на этот счет однозначный ответ: руководящим разъяснениям должен предшествовать закон. В то же время сами руководящие разъяснения обладают свойством обязательности и благодаря этому как бы приближаются к закону.

При осуществлении правоприменительной деятельности любой суд обязан толковать закон, иначе его использование немислимо. Но различие между судами в данном случае состоит в том, какое конкретно явление послужило основой для толкования. Например, принят новый закон. Его необходимо применять. Районный суд будет его толковать под углом зрения применения к конкретному уголовному делу. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в своих разъяснениях по применению этого закона толкует его через призму изучения и обобщения судебной практики и анализа судебной статистики. Выводы его носят общий характер. Значит, в руководящих разъяснениях по сравнению с законом содержатся новые социальные нормы.

Оценивать социальные нормы, формулируемые Верховным Судом в своих руководящих разъяснениях, надо с двух позиций: с учетом статуса, который им придается законом, и действительным статусом, который порождается судебной деятельностью по рассмотрению уголовных дел. Определять новизну нормы в зависимости от местонахождения ее в системе источников права – это значит пренебрегать объективным характером правовых норм и гиперболизировать в них субъективный момент.

Выполняя возложенные функции, Пленум Верховного Суда при конкретизации закона должен формулировать новые социальные нормы, а не ограничиваться лишь оттачиванием словесных формулировок, иначе он не выйдет за пределы регулируемой законом стороны общественного отношения и само наличие такого постановления явится излишним.

Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда надо относить прежде всего к судебной практике, появление которой связано с применением норм права. Судебная практика, выраженная в его общих постановлениях, является результатом правоприменительной деятельности всех судов, входящих в судебную систему. Решение каждого суда с применением норм права к конкретному жизненному случаю – это частица опыта, из которого складывается практика. Со временем повторяющиеся однотипные акты становятся устойчивыми и обобщаются Верховным Судом. Поскольку практикой является то, что стало правилом, руководящим разъяснениям внутренне присуща нормативность, которая носит правоприменительный характер.

Социальные нормы, содержащиеся в руководящих разъяснениях, порождаются правоприменительной деятельностью, которая предшествует им. Они занимают промежуточное положение между правосознанием и нормами права, закрепленными в нормативно-правовых актах. В УПК сказано, что суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению при точном соблюдении законов, но не указано, что суд обязан опираться при этом и на руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Нормы, содержащиеся в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда, являются своего рода модификацией норм права. Их можно отнести к интерпретационным нормам, в которых предписывается определенное понимание закона.

Наличие норм-разъяснений не направлено на устранение, изменение или отмену норм права. Они существуют наряду с нормами права, придавая им более конкретный характер. Связь между ними непосредственная. Но бывают случаи, когда руководящие разъяснения фактически рассчитаны на восполнение пробелов в законодательстве. Тогда возникает необходимость изложить предписания нормы права более подробно. Такого рода нормы, содержащиеся в руководящих разъяснениях, можно назвать нормами-уточнениями. Они также основаны на нормах права, но по своему содержанию несколько больше отдалены от них по сравнению с нормами-разъяснениями, поскольку регулируют более узкую сферу общественных отношений. Нормы-уточнения не заслоняют собой нормы права. В судебных актах судьи не могут ограничиться только ссылкой на руководящие разъяснения. Их указывают лишь наряду с

соответствующими статьями закона, где сформулированы нормы права.

Степень приближенности руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда к нормам права, закрепленным в законах, зависит от того, какие вопросы (общие или конкретные) лежат в их основе. Его постановления могут носить общий характер, например, касаться задач судов по улучшению качества и эффективности их работы, и тогда они значительно удалены от норм права, имеющих непосредственно регулирующее значение.

Судьба норм, содержащихся в руководящих разъяснениях, зависит от судьбы норм права. Если норма права отменяется, то теряют силу и нормы, отраженные в руководящих разъяснениях. При изменении нормы права нормы руководящих разъяснений действуют в тех случаях, когда они не выходят за пределы регулирования тех общественных отношений, границы которых очерчены в нормах права. Внешне это выражается в удлинении времени действия норм руководящих разъяснений по сравнению с первоначальными нормами права.

Между нормами права и нормами, содержащимися в руководящих разъяснениях, не исключены коллизии. Они имеют место в тех случаях, когда между самой нормой права и ее интерпретацией образуется противоречие. Чему тогда следовать: норме права или норме, сформулированной в руководящих разъяснениях Верховного Суда? Большей юридической силой обладают нормы права, закрепленные в законах. Но на практике не исключено, что суды, стремясь к стабильности своих решений, вынуждены следовать тому пониманию закона, который предлагает вышестоящий суд, иначе их решениям грозит отмена. Складывается так, что предпочтение вроде должно отдаваться руководящим разъяснениям, а не закону.

Безусловно, постановления Пленума Верховного Суда не должны идти вразрез с действующим законодательством, иначе вынесение их не достигнет поставленной перед ними цели.

При возникновении противоречий между законом и разъяснениями Пленума Верховного Суда должны применяться законодательные акты, а не постановления Пленума. Анкетирование показало, что 2% судей не ссылаются в своих решениях на разъяснения по причине несогласия с ними. Но об этом они умалчивают в самом судебном акте. Тогда получается, что они нарушают нормы права об обязательности разъяснений. В связи с этим возникает вопрос о

том, какой характер должны носить нормы, содержащиеся в разъяснениях, обязательный или рекомендательный.

Цели, которые преследуются принятием руководящих разъяснений, обычно формулируются в самих постановлениях и им придается такое словесное оформление: «в целях правильного и единообразного применения законодательства», «в целях устранения отмеченных недостатков и единообразного применения закона», «в целях устранения недостатков и повышения уровня осуществления правосудия», «в целях дальнейшего совершенствования судебной деятельности и устранения недостатков», «в целях устранения имеющихся недостатков и в связи с вопросами, возникающими в судебной практике».

Из этого вытекает, что руководящие разъяснения Верховного Суда относятся к сфере судебной практики, выступают результатом правоприменительной деятельности. В отличие от норм права, непосредственным источником которых является воля законодателя, руководящие разъяснения, хотя и обладают значительной степенью обобщенности, в меньшей мере способны воздействовать на процесс регулирования общественных отношений. Для их наличия необходимы нормы права.

О нормативности постановлений свидетельствует тот факт, что в них Пленум не ограничивается указанием на ошибки судов и напоминанием о важности соблюдения закона, а конкретизирует поведение суда в рамках норм права. При этом неизбежно происходит детализация самих правовых норм, в результате которой создаются специальные нормы, являющиеся правоположениями. В отличие от правовой нормы они имеют несколько иную внешнюю форму выражения, однако в структурном отношении обладают теми же элементами: гипотезой, диспозицией и санкцией.

При рассмотрении и разрешении конкретного дела суд применяет закон. Тем не менее судебная деятельность не есть деятельность пассивная, чисто механическая. Каждое уголовное дело имеет столько особенностей, что судья должен обладать высоким уровнем правосознания, чтобы определить, какой закон применим к данному случаю. К тому же могут присоединиться затруднения, возникшие из недостатков самого законодательства, возможно даже неизбежных: его неясности, противоречивости, неполноты. Поэтому выяснение смысла закона в отношении к определенному судебному делу представляет собой один из этапов правоприменения.

Для этого используется толкование законов путем использования определенных приемов.

Ошибочно полагать, что суд обязан толковать лишь закон, имеющий недостатки. Толкование закона надо связывать не с его неясностью или противоречивостью, а с необходимостью правоприменения.

Суд применяет нормы права уже существующие. Толкование сводится к определению того, существует ли необходимая к данному делу правовая норма и охватывает ли она рассматриваемый случай.

Право и обязанность применять закон принадлежит судам всех инстанций. Уголовное дело не может быть оставлено без рассмотрения под предлогом неясности, неполноты или иных недостатков закона. И это относится ко всем судам, входящим в судебную систему.

Под недостатком закона надо понимать прежде всего те случаи, когда закон совершенно отсутствует и возникает необходимость в его пополнении. Однако законодательный путь длителен, и суду открывается возможность конкурировать с законодателем и претендовать на создание самостоятельного источника права. При отсутствии закона не может быть и его толкования. Чем меньше в законодательстве норм общего характера и превалирования конкретных норм, тем в большей мере встречается необходимость в судебном пополнении закона. И все-таки источником руководящих разъяснений Верховного Суда является судебная практика, а не состояние закона. Если закон не применялся, то оснований для руководящих разъяснений нет.

Необходимо различать понятия: «прецедент толкования норм права» и «судебный прецедент». Судебный прецедент ведет к созданию судами новой правовой нормы. Прецедент толкования связан с разъяснением уже существующей нормы права, с выработкой определенного отношения к использованию данной нормы. А это придает судебной правоприменительной деятельности стабильность, что имеет немаловажное значение в повышении ее эффективности.

Следует отметить, что такого рода постановления Пленума влияют на судебную практику лишь косвенно. Поскольку в них конкретно не сформулированы социальные нормы, детализирующие правовые, то применение этих постановлений зависит от того, сможет ли суд при разрешении дела увидеть сходство между за-

крепленными в законе нормами права и тем, что отражено в постановлении. Требовать неуклонного соблюдения этих постановлений нереально. К тому же в законе говорится об обязательности для судов именно разъяснений. Они обладают более высокой юридической силой по сравнению с постановлениями Верховного Суда по конкретным делам.

Общество развивается значительно быстрее официального права. Вследствие этого возникает потребность периодически адаптировать право к процессу социальных изменений. Это можно сделать путем принятия новых законов или путем правотворчества судей. Первый путь трудоемок и длителен. Кроме того, к нему придется часто прибегать. Поэтому деятельность законодательного органа следует использовать для создания наиболее важных, глобальных правовых норм, стабильных в течение длительного времени. В ходе применения этих норм права судьи могут создать нормы интерпретационного характера, обобщение которых относится к полномочиям Пленума Верховного Суда. Судебное нормотворчество в пределах закона неизбежно. Это отвечает потребностям жизни.

Судебная практика по уголовным делам, хотя и не так часто, но устанавливает новые нормы права. Такая деятельность судей является важным этапом в генезисе закона. Правда, эти новые нормы права не формулируются. Они выводятся из существа принимаемого решения. Но при вынесении судебного акта по уголовному делу в обязанность судьи входит обоснование его ссылкой на соответствующие нормы закона. В том случае, если в законе нет конкретной нормы, применимой к рассматриваемому делу, ссылки носят весьма отдаленный характер. Иногда наблюдается просто определенная натянутость в правовом опосредовании. И вот здесь-то и происходит установление новой правовой нормы, которая словесно не фиксируется и которую можно вывести из существа принятого судебного акта.

Судебный прецедент является источником права во многих государствах, там судебное правотворчество вполне закономерно. Но оно присуще и тем странам, которые официально не признают наличие прецедентного права. Иначе неизбежным было бы отказываться в рассмотрении конкретного дела по мотивам отсутствия необходимого для этого случая закона. А это противоречит самому духу правосудия. Раз пробелы в законе порождают конфликт, это говорит о том, что правовое регулирование в данной сфере необходимо и

его невозможно компенсировать иным видом социального регулирования. Объективное право существует независимо от субъективного отношения к нему законодателя. Судебное правотворчество – это своеобразная форма уже сложившихся правоотношений.

Итак, у нас узаконены прецеденты судебного толкования правовых норм, применяемых в сфере правосудия по уголовным делам. Определить же, где завершается судебное толкование и начинается судебный прецедент, сложно ввиду наличия общих норм права. О судебном прецеденте наше законодательство не упоминает. Для многих же государств он является важнейшим источником права. Его историческое значение громадно. У всех народов создание права существенно зависело от накопления судебных приговоров.

В странах, не признающих наличие судебного прецедента, длительное время исходили из того, что судебное решение является обязательным только для сторон, участвующих в деле. Это было связано с господствующей идеей о верховенстве закона. В основу официальной концепции советского права был заложен тезис, что советское право не может рассматривать прецедент в качестве источника права, поскольку это ассоциировалось с разрушением социалистической законности, понимаемой лишь как строгое и неуклонное соблюдение законов; с возможным судебным произволом в процессе одновременного выполнения правотворческих и правоприменительных функций.

На первый взгляд может показаться, что при осуществлении правосудия по уголовным делам судебный прецедент не имеет места хотя бы потому, что на этот счет ничего не сказано в законе. Но надо учитывать, что опираясь только на силу закона, судебный прецедент не приобретет авторитет, который изначально ему присущ, исходя из его природы. Поэтому судебный прецедент, как одна из форм судебной практики, постепенно утверждается сам. Это проявляется по-разному, прежде всего в единообразии подходов к применению уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Можно сказать, что в разъяснениях Пленума Верховного Суда, которые содержат новые правоположения, сформулированы обязательные судебные прецеденты, поскольку в них определены принципиальные подходы при возникновении юридических ситуаций на практике. Ведь по своей природе судебный прецедент – это принцип в решении спорного вопроса. Но одними руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда невозможно обеспечить ис-

пользование судебного прецедента. Даже если в них сформулированы правоположения, уточняющие закон, они предполагают значительную вариантность в их использовании. Судебный же прецедент предполагает более жесткие способы собственной оценки. Причем судебное усмотрение здесь также имеет место, но в рамках выбора конкретного вида судебного прецедента. Правосознание судей хотя и имеет много общего, но его уровень все-таки неодинаков у каждого в отдельности. Между тем замечено следующее явление: по однотипным уголовным делам (одинаковых уголовных дел не бывает) обвиняемым назначается примерно один и тот же вид и размер наказания. Во всяком случае назначенное наказание мало варьирует, в то время как УК предполагает достаточно широкие рамки уголовной ответственности. Значит, закон не заложил в себе столь единообразной уголовной политики. Где же источник общих подходов? Думается, что он кроется в осведомленности судей о том, какие судебные приговоры были вынесены по подобным делам. Эту информацию они могли почерпнуть из опубликованных материалов судебной практики. Публикации по материалам конкретных уголовных дел в официальных источниках суды расценивают как требование к качеству судебной деятельности. Следовательно, в таком разрезе судебный прецедент как явление существует, только не в той форме, которая присуща странам, признающим его в качестве источника права.

Возникает вопрос: менять ли сложившуюся форму судебного прецедента на классический его вид? Попутно возникает вопрос более общего характера: так ли неуязвим судебный прецедент в правовых оценках? Давно замечено, что главным недостатком судебного прецедента является то, что он постепенно начнет выживать закон и в этом случае со стороны народа не будет контроля. В результате в государстве может сформироваться «государство судей», которому будет подвластно все. И самое опасное, что это чревато падением авторитета закона как всеобщего критерия в подходах к оценкам явлений правового характера.

Для правосудия по уголовным делам характерно действие принципа равенства граждан перед законом и судом. Сердцевиной этого принципа является справедливость как нравственная категория. Можно ли полагать, что наличие судебного прецедента в его классической форме обеспечит торжество справедливости в уголовном процессе в большей мере, чем его применение в урезанном

виде? На этот вопрос можно было бы ответить положительно, если бы санкции норм УК и УПК носили исключительно определенный характер или их рамки были узкие. Но судебное усмотрение для своего воздействия на правосудие имеет широкий простор и его как раз достаточно для индивидуализации правоприменительной деятельности. В странах, где основополагающее значение имеет судебный прецедент, законодательство, как правило, не кодифицировано. Поэтому для действия судебного прецедента в обычном виде пришлось бы перенять этот устаревший опыт.

Эффективность правосудия по уголовным делам можно обеспечить в рамках традиционных для нашего государства подходов. Наличие же судебного усмотрения в рамках правовых норм не должно перерождаться в обычный судебный прецедент. Другое дело, что существование его в усеченном виде, путем руководящих разъяснений Верховного Суда, а также опубликования принципиальной части судебных актов (приговоров, определений, постановлений), которые послужат для судей образцом к рассмотрению соответствующих уголовных дел, является дополнительным компонентом к закону и приводит к утверждению справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам.

ЛЕГАЛЬНОЕ УСМОТРЕНИЕ СУДА*

Суд как орган государственной власти предназначен для рассмотрения и разрешения юридических конфликтов. Его деятельность в значительной мере урегулирована нормами права. В законодательстве последовательно проводится идея, что правосудие – это правоприменительная деятельность. В конституциях современных государств, а также в отраслевых нормативно-правовых актах содержится норма права о том, что суды должны осуществлять правосудие в точном соответствии с законом. Однако суд обладает и дискреционными (от фр. *discretionnaire* – зависящий от личного усмотрения) полномочиями. Ввиду того что ему принадлежит право применять к лицам, нарушающим правопорядок и законность, наиболее строгие меры юридической ответственности, проявления его дискреционной власти имеют специфические особенности. Ведь судебная деятельность по рассмотрению юридических дел осуществляется независимо от качества законодательства. Суд вынужден преодолевать препятствия, вызванные состоянием закона. Своеобразным корректором при этом является личность самого судьи, уровень его индивидуального сознания, состояние морали и другие социализирующие факторы. Не случайно законодательство современных государств предусматривает требования, которым должны соответствовать кандидаты на должность судьи.

Проблемы дискреционной власти суда стали объектом пристального внимания на рубеже XX–XXI вв., но свое обоснование они начали получать еще в XIX в. Так, в ст. 12 и ст. 13 Устава уголовного судопроизводства Российской империи (1864 г.), действие которого распространялось и на население белорусских земель, суды обязаны были решать дела «по точному разуму существующих законов», а в случае неполноты, неясности или противоречивости законов должны были основывать свои решения «на общем смысле законов». При этом «воспрещалось останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов», иначе «за нарушение сего правила виновные подвергались ответственности как за противозаконное бездействие власти» [1].

---

* Судовы веснік. – 2006. – № 3. – С. 38–40.

В терминологическом отношении дискреционную власть суда в юридической литературе и законодательстве принято называть усмотрением суда, судебным (судейским) усмотрением.

В отличие от ранее действовавшего современное законодательство широко оперирует понятием «усмотрение». В УПК Республики Беларусь 1999 года в ряде статей (п. 17 ч. 2 ст. 43, ч. 1 ст. 328, ч. 1 ст. 333 и др.) упоминается об усмотрении суда, хотя общей нормы, определяющей его сущность и пределы, нет.

Несмотря на определенные успехи в исследовании понятия и природы судебного усмотрения, данная проблема по-прежнему актуальна. Пожалуй, наиболее неясным остается вопрос о том, чем руководствуется суд, применяя свое усмотрение, если необходимо осуществлять правосудие, а соответствующей нормы права нет ни в одном из официальных источников права. Незавершенность проблем судебного усмотрения в определенной мере можно объяснить укоренившимся мнением, что для правосудия достаточно правовых норм, закрепленных в нормативно-правовых актах. А наличие конституционной нормы права о том, что судьи при осуществлении правосудия подчиняются только закону, традиционно понималось как достаточность в законодательстве норм права для осуществления справедливого правосудия. Сказалось и то, что судебное усмотрение относили к характерным признакам лишь буржуазного правопорядка, где в ущерб требованиям закона судебное усмотрение выдвигалось на передний план.

Диапазон мнений по вопросу о понятии судебного усмотрения довольно широк. К.И. Комиссаров, один из первых исследователей судебного усмотрения, утверждал, что судебное усмотрение представляет собой «предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и относительно определенных указаний закона», а «в случаях отсутствия прямого, абсолютно определенного указания найти такое из ряда предполагаемых законом решений, которое наиболее точно соответствует идее законодателя» [2]. По мнению Д.М. Чечота, понятие «усмотрение» предполагает, что соответствующий орган или должностное лицо действуют по своей воле, не связанной при принятии решения какой-либо правовой нормой. В пределах предоставленных ему полномочий орган государства «свободен в выборе соответствующего решения» [3]. Г.Т. Ткешелиадзе считает, что судебное усмотр-

рение применяется в тех случаях, когда суду предоставлено право выбора между двумя или несколькими решениями, предусмотренными нормами права, равнозначными с точки зрения законности [4]. А.Т. Боннер, рассматривая судебное усмотрение как форму применения норм права, полагает, что его надо связывать с предоставленными суду правомочиями решать правовые вопросы исходя из обстоятельств дела, общих положений закона, принципов права, экономических законов и морали [5].

Между приведенными формулировками судебного усмотрения есть различия, главное из которых состоит в определении степени воздействия правовых норм на характер судебных решений. Все остальные будут производными от него. При этом, если Д.М. Чечот делает упор на волевые особенности судьи при принятии судебного решения, то Г.Т. Ткешелиадзе и А.Т. Боннер, наоборот, связывают судебное усмотрение прежде всего с применением правовых норм. Только Г.Т. Ткешелиадзе в отличие от А.Т. Боннера не называет средства, которыми можно пользоваться, когда отдается предпочтение той или иной норме закона.

Высказаны и другие, более общие суждения относительно понятия судебного усмотрения. Например, О.В. Берг отмечает, что судебным усмотрением «является право судьи производить процессуальные действия, обязательность осуществления которых не установлена процессуальным законом, но и не запрещена им» [6]. О.А. Папкова связывает судебное усмотрение с необходимостью вынесения справедливого решения суда [7]. А. Барак утверждает, что «понятие усмотрения является центральным для понимания судебного процесса» [8]. П.Г. Марфицин считает необходимым различать понятия «усмотрение» и «процесс формирования усмотрения». Как отмечает автор, механизм выбора поведения (решения) является достаточно сложным и включает множество объективных и субъективных внешних и внутренних факторов, но именно его можно назвать процессом формирования усмотрения, «когда из ряда альтернативных решений предпочтение отдается одному из них», а само же «усмотрение есть тот единственный вариант поведения, который выбран правоприменителями как наиболее законный, обоснованный, целесообразный» [9].

Необходимо отметить, что судебное усмотрение не реализуемо без предоставления суду свободы выбора варианта своего поведения. И чем больше таких вариантов, тем шире его свобода. Но она

все же ограничена законодательством, в связи с чем возникает вопрос о формах (способах) выражения в законодательстве усмотрения суда.

Д.Б. Абушенко выделяет три способа, при помощи которых устанавливается определенная свобода правоприменителя: 1) простое указание на судебное усмотрение; 2) использование оценочных категорий; 3) комбинированный способ, когда вместе с оценочной категорией законодатель использует управомочивающие конструкции [10]. К.И. Комиссаров, применительно к гражданскому судоустройству, называет следующие способы: 1) конкретизация субъективных прав и обязанностей; 2) применение норм факультативного характера; 3) применение аналогии закона и аналогии права [11].

Говоря о формах выражения в законодательстве усмотрения суда, следует, во-первых, иметь в виду, что самым реальным, надежным является прямое терминологическое использование данного понятия в самой правовой норме, как это сделано, например, в п. 17 ч. 2 ст. 43 УПК, где определено, что обвиняемый по «усмотрению суда» может участвовать в заседаниях судов кассационной и надзорной инстанций и при производстве по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам. Однако в законодательстве подобных норм не так уже и много. Законодатель предпочитает обходиться без упоминания данного понятия, не отказываясь при этом от самого явления судебного усмотрения. Во-вторых, в действующем законодательстве имеется значительное число диспозитивных норм. Именно в них через такие понятия, как «имеет право», «вправе», «может», закрепляется необходимость применения судебного усмотрения. В-третьих, важной основой для применения судебного усмотрения могут быть нормы, содержащие оценочные понятия: «лица, состоящие в родстве между собой», «тяжкая болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания», «наличие у осужденной малолетних детей», «особо тяжкие последствия», «стихийные бедствия», «исключительные обстоятельства», «иная тяжкая болезнь» и др. Они прочно вошли в жизнь закона, придавая правовому регулированию необходимую полноту и гибкость. Отказ от них означал бы шаг назад. Задача науки состоит в том, чтобы выработать надежные критерии оптимального соотношения в законе формально определенных и оценочных понятий, добиться, чтобы одни и те же оценочные понятия однозначно толковались, а

также чтобы терминологически и понятийно они совпадали с явлениями, которые отражают. По мере развития права происходило известное сужение пределов усмотрения суда за счет замены оценочных категорий исчерпывающим правовым регулированием. Но это только тенденция развития законодательства. Полное же устранение оценочных категорий невозможно. В-четвертых, судебное усмотрение достаточно наглядно проявляется при наличии пробелов в законе. Тогда возникает необходимость применить аналогию закона. Если же нет возможности применить аналогию закона, применяют аналогию права путем использования норм права, имеющих в иных источниках права (судебном прецеденте, нормативном договоре, правовом обычае). Они и выступают своеобразной нормативной основой судебного усмотрения.

Вместе с тем применительно к правосудию в законодательстве обоснованно продолжает оставаться принципиальное ограничение: судьи должны подчиняться «только закону» (ст. 110 Конституции Республики Беларусь). Для регулирования правосудия используется большое количество таких предписаний, которые прямо и исчерпывающе характеризуют как факты, обуславливающие применение нормы права, так и действия суда при наступлении этих фактов. Распространенность ситуации, когда суд связан конкретной нормой права, не исключает и другого варианта регулирования. Ввиду особенностей сущности правосудия, разнообразия внешне сходных дел, которые должны быть разрешены, невозможно установить в нормах закона правила поведения с уже определенными правовыми последствиями. Именно поэтому в ряде случаев в законодательстве намечены лишь общие рамки деятельности суда. Тем самым ему предоставлена известная свобода в определении условий деятельности и выборе конкретных норм. Детального правового регулирования не может быть и потому, что законодатель подчас проверяет на практике различные формы и методы решения возникшей проблемы, чтобы затем отобрать и закрепить в законодательстве лучшие из них как обязательные. Другими словами, законодатель, не только не имея возможности, но и не считая целесообразным охватить все разнообразие конкретных случаев, появляющихся в судебной практике, сознательно предоставляет суду право на очерченную определенными рамками закона свободу деятельности, предоставляя ему тем самым право на усмотрение. Это право становится элементом компетенции суда, своего рода субъективным правом.

Возникают и такие ситуации, когда законодатель, конструируя норму права, не имел намерения дать возможность суду действовать по своему усмотрению, однако норма по каким-либо причинам получилась неясной, что вынуждает суд вносить в свою деятельность элементы усмотрения. Иногда в законе вообще отсутствует норма, регламентирующая конкретное общественное отношение, поскольку законодательство не успевает за чрезвычайно динамичным развитием общественных отношений. Законные же интересы лица защищаются прежде всего путем использования судебного усмотрения. Но по каким бы причинам судебное усмотрение ни возникало, оно всегда должно находиться в рамках закона. Решение, принятое судом на основе усмотрения, влечет те же правовые последствия, как и то, в основе которого лежит конкретное правовое предписание.

Судебное усмотрение – неперенный атрибут судебной деятельности по осуществлению правосудия. Однако по мере развития законодательства происходит определенное сужение его пределов за счет исчерпывающего правового регулирования. Полное его устранение невозможно. Возникает вопрос: чем же заполняется судебное усмотрение в случае, если суду необходимо вынести решение, а соответствующей нормы права нет ни в одном из официальных источников права?

В таких ситуациях суд свободен в выборе своих предпочтений для принятия решения с учетом, конечно, законных интересов участников судебного процесса. Но мера свободы суда исторически обусловлена и меняется: от минимальной – в тоталитарном государстве до максимальной – в демократическом. Безусловно, свобода суда не должна быть абсолютной, иначе возможно превращение ее в судебный произвол. И именно на этапе, когда в наибольшей мере происходит «самоорганизация» деятельности суда, особенно ярко проявляются личностные свойства судьи, которые включают его ценностные ориентации, черты характера, способности, в совокупности образуя не только обобщенный результат его деятельности, но и ее потенциал. Не случайно в законодательстве придается важное значение требованиям, предъявляемым к судье, его профессиональным и личностным качествам. Да и само судейское сообщество заботится, чтобы в обществе утвердилась уверенность в независимости, объективности и беспристрастности судьи при осуществлении правосудия. Так, в Кодексе чести судьи Республики Беларусь

сказано, что «во всех случаях судья должен продуманно осуществлять свой поступок, предвидеть его возможные последствия, соотносить его с нормами нравственности» [12].

В ходе реализации усмотрения используется весь арсенал социальных норм, присущих обществу и усвоенных индивидуальным сознанием судьи. Правовые, экономические, идеологические, политические, нравственные, эстетические, организационные нормы образуют систему социальных норм, функционирующих в обществе. Причем все эти нормы действуют сообща. Правовое опосредование законодатель предусматривает лишь для наиболее важных сторон правосудия, в остальном же доверяет судье применять те социальные нормы, которые не закреплены в законодательстве. Наиболее ярким средством правового ограничения судебного усмотрения являются общие нормы права. В кодексах, принятых на рубеже XX-XXI вв., особо важное значение придается общим положениям, содержащим в себе нормы-цели, нормы-задачи, нормы-принципы, нормы-дефиниции, нормы-презумпции. Именно на них судья держит ориентир, осуществляя свое усмотрение, чтобы не выйти за пределы закона и подчиняться «только закону». Несмотря на то что судья применил социальные нормы, не являющиеся правовыми, их природа не изменилась: они не переродились в правовые нормы. Но результат их использования судьей, наделенным принудительной силой государства в виде судебной власти, вынуждает исполнять любое судебное решение независимо от того, на какие социальные регуляторы опирался судья [13]. Эти социальные нормы оказались своего рода инструментом, материалом, с помощью которого абстрактные нормы права, содержащиеся в законах, превратились в конкретные. Особенности их реализации можно проследить в конкретных действиях суда. Хотя регулирующее воздействие на правосудие таких норм значительно, однако это не служит основанием для утверждения, что в своей совокупности социальные нормы, не являющиеся правовыми, следует именовать неюридическим правом, как полагают отдельные авторы [14; 15].

Проявляясь в качестве социальной системы, правосудие подвержено самоорганизации. На переломных этапах истории общества, когда осуществляется смена общественных формаций, меняется тип государства, обновление законодательства не может произойти одновременно, процесс его зарождения и развития постепенен, что предполагает его компенсацию социальными нормами, не

являющимися по своей природе правовыми. Тем не менее суды и в таких условиях рассматривают юридические конфликты и выносят судебные решения, подлежащие исполнению. Так, в 20-е годы XX в. в СССР происходила реформа законодательства, в том числе и уголовно-процессуального. В тезисах о реформе УПК отмечалось, что при пересмотре УПК надо сделать так, чтобы уголовный процесс был гибкий, лишенный всякой «формалистики и в то же время обеспечивающий обе основные цели: жестокость репрессии по отношению к классовым врагам и поддержание через суд общественно-правовой дисциплины среди трудящихся с вовлечением этих последних в максимальной степени в ту школу государственного управления, которой для нас является суд» [16]. Предлагалось упростить как раз те положения УПК, которые регулировали деятельность суда, поскольку судьи не в состоянии были разобраться в громоздких и многочисленных статьях УПК [17]. Это было важно в связи с тем, что судейский корпус комплектовался из рабочих и крестьян, не имеющих юридической подготовки [18]. Суд рассматривался как упорядоченная форма расправы [19].

Процесс самоорганизации в деятельности суда невозможно ни сдержать, ни тем более остановить. Если в государстве правовое законодательство является неразвитым, то судебное усмотрение в значительной мере заполняется иными социальными нормами, воспринятыми индивидуальным сознанием судьи. Не всегда эти нормы ориентированы на нравственность. Тем не менее правосудие осуществляется исходя из имеющихся реалий.

Список использованных источников

1. Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. – М., 1991. Т. 8. – С. 121.
2. Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. – Свердловск, 1971. – С. 26, 24.
3. Чечот Д.М. Административная юстиция: (теоретические проблемы). – Л., 1973. – С. 72.
4. Ткешелиадзе Г.Т. Судебная практика и уголовный закон. – Тбилиси, 1975. – С. 93.
5. Боннер А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. – М., 1980. – С. 42.
6. Берг О.В. Вопросы судебного усмотрения в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. – 2000. – № 2. – С. 9.

7. Папкина О.А. Судебное усмотрение в гражданском процессе и его виды // Вест. Москов. ун-та. Сер. 11. Право. – 1997. – № 3. – С. 100; Папкина О.А. Пределы судебного усмотрения в гражданском процессе // Журнал российского права. – 1998, – № 2. – С. 107.
8. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. – М., 1999. – С. 13.
9. Марфицин П.Г. Понятие и значение усмотрения в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2002. – № 2. – С. 41.
10. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. – М., 2002. – С. 52.
11. Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 49–56.
12. Первый съезд судей Республики Беларусь: документы и материалы. – Минск, 1998. – С. 154.
13. Бибило В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация на стадии исполнения приговора. – Минск, 1986. – С. 113; Бибило В.Н. Судебное усмотрение // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. – 1994. – № 1. – С. 54–56; Бибило В.Н. Реализация социальных норм в деятельности суда // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 16. – Минск, 2005. – С. 69–81.
14. Рабинович П.М. Проблемы теории законности развитого социализма. – Львов, 1979. – С. 21.
15. Миннихметов Р.Г. Правовая система как синкретизм всех социальных норм // Право и политика. – 2004. – № 3. – С. 9–13.
16. Тезисы о реформе УПК: постановление коллегии НКЮ от 9 июня 1927 г. // Пролетарский суд. – 1928. – № 1–2. – С. 35.
17. Бабичев В. Как упростить наш уголовный процесс // Ежегодник советской юстиции. – 1925. – № 9. – С. 211.
18. Бранденбургский Я. К предстоящей кампании перевыборов судработников и нарзаседателей // Ежегодник советской юстиции. – 1925. – № 47. – С. 1445–1447.
19. Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР: (лекции по теории и истории судостроительства). – М., 1923. – С. 16.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА*

Рассматривается судебная деятельность, регулируемая социальными нормами: правовыми, моральными, религиозными, экономическими, идеологическими, политическими, эстетическими и организационными.

Society develops an appropriate model of justice. The article considers court activity which is regulated by social norms: legal, moral, religious, economic, ideological, political, esthetical and organizational.

Общество устанавливает определенную модель правосудия посредством социальных норм, соответствующих его природе и способствующих реализации представлений человека о справедливости¹. Социальные нормы выполняют особое предназначение: выступают как регуляторы социализации личности, элементы общественного сознания, отображаются индивидуальным сознанием судьи и включаются в его деятельность.

В философской литературе выделяют такие виды социальных норм, как идеологические, политические, экономические, правовые, эстетические, моральные, организационные². При выявлении социальных норм, действующих в сфере правосудия, за основу надо брать именно их положение в нормативно-ценностной иерархии. На этом основании можно выделить основные и дополнительные нормы, однако ни одна из них не обеспечит функционирование правосудия. Они взаимодействуют, так как общественные отношения многообразны, и соответственно им в государстве формируется система социальных, экономических, идеологических и политических норм, отдельные аспекты которых концентрируются в правовых нормах, но, кроме того, они действуют при осуществлении правосудия и без правового опосредования.

Идеологические нормы влияют на все сферы общественных отношений, общественное сознание, в целом – систему социальных норм. Вырабатываясь различными политическими институтами и партиями, идеологические нормы трансформируются в политические. Свойством правосудия является стремление сохранить политическую нейтральность. Но абсолютизация данного положения невозможна в силу того, что судьи при осуществлении

---

* Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Сер. 3. – 2005. – № 3. – С. 98–103.

¹ См.: Бибило В.Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. Мн., 2001. С. 121–122.

² См.: Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978. С. 39.

правосудия должны подчиняться закону, который принимается законодательной властью и поэтому всегда имеет политическую окраску. Определенной гарантией реализации независимого правосудия является требование непринадлежности судей к какой-либо из политических партий. И все-таки судья не может находиться в изоляции от общественных событий. Информация политического характера влияет на его сознание при рассмотрении конкретных дел, особенно если участниками процесса являются лидеры либо представители политических партий, высшие должностные лица государства, придерживающиеся определенной политической линии, выраженной в их деятельности. В этом смысле при осуществлении правосудия остается «свободное место» для реализации политических норм, значительная часть которых все-таки вырастает в моральные и правовые.

В настоящее время в обществе наблюдается своеобразное «оживление» религиозных норм, их открытое использование в идеологической и политической сферах и в связи с этим глубокое проникновение в нравы, обычаи, обряды, стереотип поведения. Существенно также влияние религиозных норм на представления людей о должном, желаемом и предпочитаемом. Религиозные нормы связаны с мироощущением и мировосприятием человека, его верой в «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»¹. Возможно поэтому на протяжении длительного времени в истории культуры моральные кодексы формировались в рамках религиозных систем, что вызывало доверие к такой морали. Существуют целые правовые системы, в основе которых находятся религиозные нормы, трудноотделимые от моральных². Уже поэтому ошибочно полагать, что при осуществлении правосудия нет места для религиозных норм.

Правовые нормы являются основным, фундаментальным регулятором правосудия и занимают особое место в системе других социальных регуляторов. Право в наибольшей мере вторгается в деятельность по осуществлению правосудия, упорядочивает поведение субъектов как носителей общественных отношений. Его система самая четкая, формальная в социальном регулировании. Конечно, сами правовые нормы по степени их общности и значимости

---

¹ Послание к евреям святого апостола Павла 11:1 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1993. С. 1320.

² См.: Тихонравов Ю.В. Судебное религиоведение. М., 1998. С. 56-58.

в регулятивных процессах неоднородны. Но здесь важно подчеркнуть, что их система образует каркас правосудия.

Правосудие неравномерно подвергнуто правовому регулированию: его стороны вне правовых норм регулируются иными социальными нормами. При выборе же правовых норм, пригодных для регулирования правосудия, не следует преувеличивать значимость ни одного из способов правового воздействия. Соотношение их отражает лишь тенденции в развитии прав и свобод участников судебного процесса, а также статус самого суда.

В сфере правосудия особо важное место занимают этические нормы (нормы морали и нормы нравственности). Этика как наука (т. е. сфера общественного сознания) включает большой объем знаний об этих типах норм.

Моральное регулирование в сфере правосудия выполняет особую функцию: воздействует на поведение человека, его внутренние мотивы, обладает универсальностью, проникает во все сферы общественных отношений. Моральные нормы складываются в сфере сознания и выражают типичные ситуации во взаимоотношениях людей. Они обеспечиваются общественным мнением и ориентируют на добровольное применение в качестве внутренних побуждений к совершению определенных социальных поступков или воздержанию от них.

Деятельность судей содержит в себе завершённый цикл воздействия морали и не ограничивается лишь ее поведенческим аспектом. Для проявления роли морали в поведении судьи необходимо, чтобы он эмпирическим или теоретическим путем усвоил ее нормы (когнитивный уровень). Причем это осмысление должно стать убеждением судьи, в котором выразилось бы его отношение к реальности (аксиологический уровень). Поведенческий уровень регулятивной функции морали в сфере правосудия проявляется более рельефно. Сама же весомость морали в деятельности судьи зависит от многих факторов, в том числе от его возраста и стажа практической работы. Анкетирование судей показало: если вопрос, подлежащий разрешению при рассмотрении уголовного дела, не урегулирован нормами права, то 37,2% судей используют нормы морали, причем чем старше по возрасту судья и чем больше стаж его практической работы, тем чаще он опирается на мораль.

При комплектовании судейского корпуса следует учитывать уровень морального сознания кандидата на должность судьи. В

науке должны быть выработаны соответствующие критерии, позволяющие на практике определять уровень нравственности. Процесс выявления уровня морали человека представляет определенные трудности, тем более что имеет значение не столько моральное сознание индивида, сколько его реализация. Различие между судьями по степени моральности обусловлено, по крайней мере, наличием у индивида двух параметров: сферы осознаваемого (качества социализации личности) и неосознаваемого (биологического, того, что дается человеку природой, с рождения и не подлежит изменению либо может быть преобразовано в незначительной мере).

Нравственное сознание как один из структурных элементов морали включает в себя совокупность оценочных и нормативных суждений. Оно фиксирует не только то, что есть, но и ориентирует на то, каким должно быть. Критерием разграничения дозволенных действий и недозволенных во всех системах морали выступает общественный интерес. Поэтому, как ни покажется парадоксальным, моральное сознание по своей сути оказывается сознанием надличностным. Оно в своем практическом осуществлении предполагает способность человека подняться над своими сугубо личными интересами¹.

Индивидуальное моральное сознание судьи формируется, во-первых, путем усвоения норм, установок общества, являясь при этом объектом воздействия социума в целом; во-вторых, судья становится носителем моральных ориентации в зависимости от того, насколько им усвоены нормы общественного морального сознания; в-третьих, сам судья активно развивает свое моральное сознание в процессе осуществления правосудия. В связи с тем, что все эти компоненты взаимообусловлены и действуют одновременно, возникает проблема социализации и индивидуализации морального сознания судьи. Общество социализирует судью. Он усваивает социальные нормы, ценностные ориентации, действуя избирательно, исходя из своего индивидуального сознания, которое не просто воспринимает те или иные стороны общественного сознания, а реализует нормы, ставшие его убеждением. Состояние индивидуального морального сознания имеет важное значение, поскольку оно способно воздействовать на другие формы индивидуального сознания, например на правосознание, и в целом на индивидуальное сознание. Благодаря индивидуальному сознанию личность осмысливает социальную действительность и ин-

---

¹ См.: Звонкова Н.В., Скляр В.А. Универсальный характер морали в пространстве культуры // Вестн. С.-Петербург, гос. ун-та. 1996. Сер. 6. Вып. 3. С. 4.

терпретирует ее¹, что имеет основополагающее значение для формирования внутреннего убеждения судьи. Ведь при рассмотрении каждого дела требуется мобилизация индивидуального сознания и в особенности при разрешении аналогичных дел, где также должны быть дифференцированы подходы в оценке обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Правосудие – та область человеческой деятельности, где право и мораль должны сочетаться наиболее гармонично. Судебная деятельность едина, моральная и правовая ее стороны переплетаются. В реальности не существует в «чистом» виде ни правовой, ни моральной судебной деятельности. Правовая сторона в деятельности суда доминирует, поэтому создается иллюзия, будто судебная деятельность вовсе не подвергнута моральному регулированию. Она подкрепляется тем, что мораль не имеет внешних, официальных форм выражения, поскольку моральные нормы существуют преимущественно в виде традиций, ритуалов, пословиц, поговорок и т.д. Взаимопроникновение права и морали состоит в том, что правовое регулирование включает в себя определенный круг моральных обязанностей, которым придается юридическая общезначимость, в то время как мораль оказывается наполненной рядом общесоциальных прав. Мораль является предпосылкой, условием и «непосредственным ингредиентом правовых предписаний и требований»². В законодательстве, кроме того, имеет место и формальное закрепление норм морали, что ставит их под защиту государства. Выясняя общее, что присуще праву и морали в судебной деятельности, не следует принимать во внимание численный состав правовых и моральных норм. Главное необходимо видеть в том, что мораль неотделима от права, является одной из сторон правоотношений. Объектом права являются действия человека, нравственность же, имея своим объектом внутренний мир человека, ничего не предписывает, а убеждает. Но и право, и мораль стремятся действовать в одном направлении³.

---

¹ См.: Славская А.Н. Интерпретация как механизм правовых представлений личности в российском обществе (опыт психологического исследования) // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 2. С. 7-8; Суслов В. А. Герменевтика права // Правоведение. 2001. № 5. С. 7.

² Проблемы судебной этики / Под ред. М.С. Строговича. М., 1974. С. 20.

³ Розанов В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1886. С. 555.

Решая вопрос о сфере морального и правового воздействия на судебную деятельность, нельзя считать, что сфера первого является более узкой или более широкой по сравнению со второй, а следует видеть их частичное несовпадение, которое выражается в том, что моральные нормы определяют только направленность поведения личности, служат стимулятором для внутренних побуждений к выполнению социально полезных поступков. Правовые же нормы обязательны, их реализация основана на силе принуждения. Пренебрежение моральными нормами не влечет правовой ответственности субъектов. В этом принципиальное различие между сущностью правового и морального регулирования судебной деятельности. Мораль всегда придавала правосудию определенную направленность его развития, хотя сила ее воздействия менялась в зависимости от исторических обстоятельств. Нормы морали моделируют не только отдельные действия суда, но и образ его поведения, выражают предписание в обобщенной форме, которое чаще всего не предопределяет необходимые конкретные действия для суда.

Социальность морали при осуществлении правосудия проявляется через правовые нормы, применяемые судом. Если законодательство в государстве носит реакционный характер, то правосудие не может быть прогрессивнее уровня развития законодательства. Общечеловеческое в морали не компенсирует такого рода издержки, поэтому закон должен быть правовым. Ведь соблюдение правовых норм для суда является главным. Социальное происхождение судей и их социальный статус в обществе не должны отражаться на характере и содержании решений, выносимых судом. В проявлении своих социальных чувств судьи не должны быть ограничены применением права. Между тем анкетирование показало, что 16% опрошенных судей относятся к обвиняемому строже или мягче в зависимости от его профессии, пола, возраста.

Совершенствование нравственных качеств судьи связано не только с надлежащим использованием правовых норм, но и утверждением общечеловеческого в его моральном сознании. Прогресс личности судьи, как и любого человека, заключается в развитии нравственности, одним из проявлений которой является углубление и усиление в его сознании и поведении справедливости.

«Справедливость» как абстрактная категория этики, преломляясь через явления социальной действительности, трансформируется в социальную и предстает в виде действующей справедливости

во всех реально существующих общественных отношениях. Приобретая юридическую специфику в правовых нормах и судебных актах, она выступает и как моральное, и как правовое требование.

Надлежащего отражения идеи справедливости в содержании правовых норм еще недостаточно для того, чтобы она восторжествовала при осуществлении правосудия. Именно в момент применения судом права формируются конкретные моральные оценки как самого права, так и субъекта, к которому оно прилагается, и на передний план выходит моральная сторона судебной деятельности.

Нравственные отношения – это тот идеал, к которому должна стремиться личность. В судопроизводстве требовать такого стремления и рассчитывать на него можно только от должностных лиц, ведущих производство по делу. Но и этих лиц нельзя уравнивать в нравственном отношении, поскольку любая личность побуждается к нравственной деятельности, находясь под влиянием различных духовных потребностей: интеллектуальных, эмоциональных, материальных, эстетических и др. Поэтому не исключено, что одна и та же ситуация будет оценена ими по-разному, даже при условии, если каждый из них будет действовать в рамках закона. Частично этим можно объяснить различия в судебной практике.

Каждой личности присуща своя индивидуальность, качества, проявляющиеся через образ жизни, черты характера, мотивы, нормы поведения и благодаря которым она действует^{1,2}. Но это не означает, что к судьям не должны предъявляться требования нравственного характера. Отражение их в законе и реализация на практике – одна из гарантий нравственной культуры судей. На содержание же профессиональной морали судьи оказывает воздействие характер выполняемых им действий, которые влекут за собой правовые последствия.

Обратим внимание на нежелательность проявления крайности в выборе вида социального регулирования судебной деятельности. Надлежащее регулирование правосудия характеризуется тем, что в нем органически сочетаются правовые и моральные нормы. Причем исходными, основными являются правовые нормы, а моральные носят дополнительный характер. Норма права имеется налицо

---

¹ См.: Иваницкий А.М. Три урока науки о мозге // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 118–121.

² См.: Ловелле Р. П. Понятие «теория» и понятие «личность» // Журнал прикладной психологии. 2000. № 2. С. 20-21.

тогда, когда последствием установления определенного правила является ограничение или, наоборот, расширение свободы участников судебного процесса.

По механизму воздействия на правосудие к моральным нормам близки эстетические, реализация которых также основана на внутреннем рациональном и эмоциональном отношении к ним личности. Но эстетические нормы, в отличие от моральных, воздействуют на поведение субъектов еще более опосредованно. В то же время через них преломляются проблемы общества, а навыки эстетического видения мира приобретаются людьми на основе жизненного опыта¹.

Реализация социальных норм в деятельности судьи в конечном счете предопределяется уровнем его культуры, что и составляет его личностную характеристику. Его индивидуальное сознание не просто слепок функционирующих в обществе норм, а их активная творческая адаптация к процессу юридической деятельности.

---

¹ См.: Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2000. С. 377–378.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ*

Глубокое исследование организации и деятельности суда возможно при использовании двух уровней познания: эмпирического и теоретического. Правда, различие их носит несколько условный характер, поскольку при эмпирическом используются теоретические конструкции, а теоретическое опирается на данные эмпирического исследования как фактофиксирующего исследования. Ярким проявлением сочетания этих уровней является законодательство. При разработке нормативно-правовых актов учитываются теоретические конструкции и эмпирические данные. Говоря о сочетании теоретического и эмпирического познания в судоустройстве, необходимо иметь в виду преобладание одного из них. На этапе реформирования судоустройства преобладает эмпирическая стадия, в дальнейшем начинает развиваться теоретическая система.

Теоретический и эмпирический уровни исследования выработали свои методы.

Метод исследования – это построение и обоснование знаний, совокупность приемов, ведущих к истинным знаниям.

Приращение новых знаний о суде и правосудии возможно как логическим путем, с помощью метода, так и эмпирическим, через опыт, факт, эксперимент, при условии, если они соответствующим образом организованы.

Любое исследование по проблемам судоустройства предполагает определенную цель. При этом исследователь выбирает наиболее эффективный путь достижения этой цели. Например, необходимо изучить преимущества и недостатки существующей судебной системы. Какой метод выбрать? Очевидно тот, который будет наиболее результативным. В данном случае – сравнительный метод. Путем сравнения судебной системы одного государства с судебными системами других государств можно разрешить ряд проблемных вопросов. Если кроме этого метода использовать еще и другие, то представление о судебной системе будет более полным и всесторонним.

---

* Проблемы интеграции науки, техники, производства в современном обществе: Доклады и сообщения на Республиканской научно-практической конференции, 16–19 мая 2001 г. / Академия аграрных наук Республики Беларусь; Белорусский научно-исследовательский институт механизации сельского хозяйства. – Минск, 2001. – С. 319–323.

Методы исследования выбирают в зависимости от конкретной цели. При этом желательно использовать не один метод, а как можно больше. Тогда полученная информация будет более объективной.

В недавнем прошлом исследователи проблем судоустройства полагали, что только метод марксистско-ленинского диалектического материализма является надежным способом поиска закономерностей. Его возводили до уровня всеобщей методологии. Соответственно этому методу, все происходящее пытались объяснить в рамках детерминизма, всеобщей причинно-следственной связи.

Безусловно, было бы неправильным отвергать наличие в природе и обществе причинно-следственных связей. Они прослеживаются при исследовании многих аспектов становления и развития статуса судебной власти в государстве, формировании суда и органов, содействующих осуществлению правосудия. Но, только используя несколько методов, можно добиться установления закономерностей и перспектив развития судебной власти, всей правоохранительной системы.

Диалектический метод в исследовании проблем судоустройства не утратил своего значения. Другое дело, его нельзя рассматривать как единственный и универсальный метод. Дело в том, что в обществе, наряду с закономерными процессами, имеют место случайные явления. Объяснить их, используя диалектический метод, невозможно. Открытия в области естественных наук привели к разработке концепции индетерминизма, согласно которой принципы причинности не всегда применимы к объяснению человеческого выбора и поведения. Каждая конкретная ситуация имеет свои причинно-образующие факторы, которые не вписываются в известные закономерности. По-видимому, только сочетание детерминизма и индетерминизма в состоянии объяснить явления и процессы, лежащие в сфере судоустройства.

В современных условиях на роль основополагающего метода может претендовать синергетика как наука о самопроизвольных, самоуправляющихся процессах. По сравнению с диалектикой, синергетика по иному относится к субъективному и случайному в общественной жизни, рассматривая их не как второстепенные, незначительные, побочные процессы, а как устойчивые и существенные в организации системы общества.

Несомненно, объяснение процессов и явлений в сфере судоустройства, в особенности истории становления и развития органов

судебной власти с позиций синергетики, откроет новые возможности в выявлении существующих закономерностей. Готовых методов в природе не существует. Методы разрабатываются человеком. Они носят объективно-субъективный характер, поскольку являются продуктом мышления и должны соотноситься с предметом, на познание которого они направлены. Одним словом, метод должен быть адекватен объекту познания.

Применительно к судоустройству, методы исследования можно разделить на теоретические и эмпирические.

1. Теоретические методы. В зависимости от конкретной цели исследования в судоустройстве используются такие методы как институциональный, нормативно-ценностный, функциональный, исторический, сравнительный, социологический, системный и др.

Институциональный метод ориентирует на изучение соотношения суда с другими государственными органами и общественными организациями. Используя его, можно выяснить место суда в системе государства и гражданского общества.

Нормативно-ценностный метод позволяет выявить и обосновать оптимальную модель судоустройства и предложить правовые нормы для закрепления их в законодательстве.

Функциональный метод позволяет выявить зависимость статуса судебной власти от статуса законодательной и исполнительной властей, а также от политического режима, установившегося в государстве.

Исторический метод основан на изучении статуса суда в его развитии. Достоинство метода состоит в том, что он дает возможность изучить суд в контексте определенной исторической обстановки. Он позволяет анализировать неоднократно повторяющиеся в истории суда явления. Например, формы участия представителей общественности в осуществлении правосудия.

Сравнительный метод направлен на анализ судоустройства различных государств в целях выявления как общих для них свойств, так и характерных для одного государства.

Социологический метод помогает выявить зависимость судоустройства от развития общества в целом, его социальной системы, экономических отношений, господствующей идеологии, состояния культуры общества.

Системный метод предполагает рассмотрение судоустройства как целостной, саморегулирующей системы, которая, во-первых, ис-

следует как имеющая в своем составе системообразующее ядро – судебную власть; во-вторых, она проявляется в виде взаимосвязи судов, входящих в судебную систему государства; в-третьих, судам как органам судебной власти, способным к саморегуляции в виду наличия принципа независимости судей и подчинения их только закону.

2. Эмпирические методы. В судоустройстве, наряду с теоретическими методами, важную роль играют эмпирические методы, которые стали использоваться с начала XX в. Постепенно их значимость возрастала, поскольку в основе этих методов лежат конкретные факты. Благодаря использованию эмпирических методов, факты обобщаются и служат надежным источником получения информации о суде. Система эмпирических методов позволяет комплексно изучать явления в сфере правосудия.

Эмпирические исследования включают следующие этапы: 1) разработка программы эмпирического исследования; 2) сбор эмпирических данных; 3) обработка эмпирической информации, ее анализ и интерпретация.

Каждый из этих этапов разделяется на более мелкие. Например, разработка программы эмпирического исследования включает: 1) разработку теоретической концепции, которая будет положена в основу эмпирического исследования; 2) разработку методической стороны программы (план исследования, эмпирические методы, определение методики обработки данных и т.д.); 3) разработку организационного раздела программы (расчет финансовых затрат, трудоемкость исследования, участники исследования и т.д.).

К наиболее распространенным эмпирическим методам, применяемым в судоустройстве, относятся: изучение юридических документов, опрос (анкетирование и интервьюирование), метод экспертных оценок.

Изучение юридических документов – основной эмпирический метод. К юридическим документам относятся судебные дела (уголовные, гражданские и др.), протоколы органов судебной власти, органов прокуратуры, адвокатуры, на заседаниях которых рассматриваются вопросы, отнесенные к их компетенции, а также документы органов самоуправления судей, адвокатов. Эти документы хранятся в ведомственных или государственных архивах в соответствии с их принадлежностью. Изучение юридических документов позволяет установить юридические факты, которые имеют важное значение для выявления тенденций в судоустройстве. Если разно-

типных юридических документов изучено достаточно большое количество, то путем сравнения фактов, почерпнутых из них, можно проследить особенности организации правоохранительных органов на различных этапах их становления и развития.

Опрос – метод сбора информации, предусматривающий: 1) устные и письменные обращения исследователя к определенной совокупности людей (респонденты) с вопросами по определенной проблеме; 2) регистрацию и статистическую обработку полученных ответов, а также их теоретическую интерпретацию. Опрос бывает двух видов: анкетирование и интервьюирование.

Анкетирование – разновидность опроса, при котором общение между исследователем проблем судоустройства и респондентом, являющимся источником информации, осуществляется через анкету. Анкета – это совокупность письменных вопросов, сформулированных в определенной последовательности, по определенным правилам. Титульный лист анкеты должен содержать ее название, отражающее предмет исследуемой проблемы. Например, «Суд в современном обществе». Анкета должна содержать вводную часть, обращенную к респонденту. Это необходимо для того, чтобы у него проявился интерес к теме исследования и он был настроен на тесное сотрудничество. Существует стандартная структура вводной части: сообщение о теме и целях исследования; о значении использования ответов на вопросы анкеты для совершенствования законодательства и практики его применения; о важности достоверных и искренних ответов на вопросы, поставленные в анкете; о технике заполнения анкеты. В анкете вначале помещают более простые вопросы, а потом более сложные. Необходимы также вопросы социально-демографического характера, выясняющие личность респондента. Обычно такие вопросы размещаются в конце анкеты. Исследователь проблемы обрабатывает ответы, полученные после заполнения анкеты (анкет), выводит количественные и качественные показатели.

Интервьюирование – это разновидность опроса, при котором общение исследователя с индивидом осуществляется путем беседы, устно. При этом исследователю необходимо иметь программу интервью. Объектами интервьюирования по проблемам судоустройства могут быть судьи, прокуроры, адвокаты и другие работники правоохранительных органов. В ходе интервьюирования информация в определенной мере формируется, уточняется, корректируется.

Интервьюер (или его ассистент) в ходе беседы записывают ответы опрашиваемого.

Метод экспертных оценок – способ получения информации по проблемам судоустройства с помощью специалистов-экспертов. В качестве экспертов должны подбираться компетентные, квалифицированные специалисты (судьи, прокуроры и т.п.), которые хорошо знают исследуемый объект. Экспертные оценки важны для юридической экспертизы нормативно-правовых актов, преобразования правоприменительной деятельности, подбора и расстановки юридических кадров, определения других организационных аспектов, связанных с осуществлением правосудия. Для метода экспертных оценок формируется группа специалистов, которая определяет постановку проблемы, цели и задачи экспертизы, проводит отбор экспертов. После опроса экспертов происходит формализация полученных результатов и их анализ. В основе экспертизы лежит анкета – совокупность вопросов, расположенных в определенной последовательности. Данные анкеты делятся на три группы: 1) сведения о самом эксперте, его научной степени, сфере научных интересов, узкой специализации; 2) выводы по существу исследуемой проблемы; 3) вопросы, позволяющие оценить мотивы, которых придерживался эксперт в своем анализе.

Метод экспертных оценок ценен тем, что его участниками являются специалисты в соответствующей области юридической науки или практики. Существуют очные и заочные методы опроса экспертов. Очные методы – это например, свободное интервью, а заочные – докладная записка.

ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ*

Правосудие как вид государственной деятельности осуществляется на основе принципов – общих положений, отражающих существо данного явления. Принципы правосудия обусловлены самой его природой. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXУП съезду партии отмечено, что одним из важнейших условий успешной работы по дальнейшему укреплению социалистической законности является строжайшее соблюдение демократических принципов правосудия, равенства граждан перед законом, других гарантий, обеспечивающих защиту интересов государства и каждого гражданина¹. В связи с этим первостепенное значение имеет надлежащее закрепление принципов правосудия в законодательстве. Отражение в нормах права принципов правосудия соответственно уровню развития общественных отношений является одной из надежных гарантий наиболее полного их осуществления.

Принципы советского социалистического правосудия – продукт утверждения нового типа государства. До возникновения социалистического права идеи о правосудии находились только в области общественного сознания. С его появлением они получили закрепление в нормативных актах и превратились в принципы правосудия.

К. Маркс отмечал, что люди устанавливают свои общественные отношения соответственно развитию их материального производства². Поскольку «...экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений...»³, постольку правовые нормы являются продуктом определенной эпохи. «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»⁴. Сообразно закономерностям общественного развития законодатель избирает формы и методы правового регулирования об-

---

* Право и демократия: межвуз. сб. науч. тр. – Минск: Университетское, 1988. – Вып. 1. – С. 114–120.

¹ Материалы XXУП съезда КПСС. М., 1986. С. 61.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 133.

³ Там же. Т. 20. С. 26.

⁴ Там же. Т. 19. С. 19.

ственных отношений. Принципы правосудия не только объективны, но и субъективны, ибо выводятся людьми из объективной реальности. Задача состоит в том, чтобы правильно их сформулировать и обеспечить неуклонное проведение в жизнь.

Особенностью общественных отношений является их постоянное изменение. Вследствие этого одни принципы исчезают, другие появляются. Принципы так же «мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой исторические и преходящие продукты»¹. Но в силу субъективного характера принципы более стабильны по сравнению с общественными отношениями, поэтому возникает необходимость искать наиболее удачное их выражение в праве. В.И. Ленин подчеркивал, что «юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих (общественных. – В.Б.) отношений, но могут также (если эти определения плохи) “соответствовать” регрессу или застою»².

Законодательные органы не создают принципов правосудия, а открывают уже существующие в сфере правосудия. В отыскании принципов правосудия велика роль науки. Она призвана: следить за соответствием имеющихся принципов правосудия уровню общественного развития; оказывать помощь законодателю в выявлении новых принципов; находить такие способы для их формулирования и реализации, которые соответствовали бы уровню развития общества, отражали коренные интересы государства, а также потребности личности.

Принципы правосудия – это концентрированное выражение уровня общественного развития, правосознания, общественной и юридической практики. Они объективны в смысле материального источника, их отражающего, и обусловлены в конечном счете экономическими условиями жизни общества. По формальному признаку, связанному с сознанием людей, они субъективны. Но сознание может отразить то, что уже существует. Поэтому закрепление в праве принципов правосудия, чуждых социалистическому обществу, приведет либо к несоблюдению их членами общества, либо вызовет опасность в плане перерождения существа социалистического правосудия.

В своем генезисе принципы правосудия проходят несколько этапов: 1) возникновение идей о правосудии как прообразов прин-

---

¹ Там же. Т. 4. С. 133.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 259.

ципов правосудия; 2) подготовительная работа по реализации этих идей в нормативных актах; 3) закрепление идей в нормах права. Принципы, сформулированные в правовых актах, могут представлять собой удачное, менее удачное или неудачное отражение идей о правосудии, возникших в сфере правосознания. Но в любом случае принципы правосудия будут носить нормативный характер. Те положения, которые еще не закреплены в правовых нормах, не могут быть принципами правосудия. Их следует рассматривать лишь как идеи, научные выводы.

Именно через правовые нормы принципы правосудия способны оказывать воздействие на поведение людей. В этом смысле они имеют опосредствованное значение, поскольку непосредственно действуют правовые нормы. Содержание правовых норм как регуляторов поведения участников судопроизводства предопределено и подчинено соответствующим принципам правосудия. При принятии той или иной нормы права необходимо, чтобы она не находилась в противоречии с действующими в сфере правосудия принципами. Игнорирование этого приведет к разлаженности системы правосудия.

Нормативная сторона принципов правосудия свидетельствует о том, что извне они представляют собой нормы права, соблюдение которых обеспечивается силой государства. Однако система норм права, определяющих правосудие, и система норм, в которых выражены принципы правосудия, не равнозначные понятия. Право не может состоять только из норм, в которых закреплены принципы. Кроме принципов в его содержание входят общие положения, дефиниции, задачи, презумпции, преамбулы, которые взаимообогащают друг друга¹. Каждое из этих общих правовых предписаний занимает самостоятельное место в правовом механизме и не просто обладает нормативным характером, а выполняет роль регулятора общественных отношений.

С.С. Алексеев указывает на устойчивую тенденцию к специализации юридических норм, сущность которой состоит в том, что определенные нормы права предназначаются для выполнения соответствующих операций². Недооценка этого фактора приводит иногда к попыткам придать термину «принцип» многоаспектное значе-

---

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 243.

² Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 52.

ние, что ведет к утрате им строгих очертаний и слиянию с другими представлениями, которые относятся к презумпциям, задачам и т. д.

Нормы, наиболее полно отражающие принципы, – это своего рода нормы-принципы. Закрепленные в Конституции СССР, конституциях союзных республик, Основах законодательства о судостроительстве, Основах уголовного судопроизводства и в УПК, они образуют схему – приближенную модель осуществления одного из видов правосудия – правосудия по уголовным делам. Наличие норм-принципов говорит о многоуровневой структуре права, в которой они являются наиболее глубинными элементами и относятся к разряду нормативных обобщений.

При закреплении принципов правосудия в законах приемы законодательной техники имеют второстепенное значение. Важно, чтобы нормы права были адекватны по своей сути принципам правосудия как объективному явлению.

Нормы-принципы лежат в основе всей правовой системы и отличаются особой устойчивостью. Они остаются неизменными и постоянными на протяжении всего социалистического строя. Формулировка же их может периодически уточняться, как это произошло с некоторыми нормами-принципами в Конституции СССР 1977 г. Однако сущность их остается прежней. С развитием и совершенствованием социалистических общественных отношений идет постоянное обогащение демократического содержания норм, конкретизирующих нормы-принципы. Именно за счет детализирующих норм может меняться правовой статус участников уголовного судопроизводства, при этом нормы-принципы остаются те же.

Наличие одной нормы-принципа без других норм, развивающих определенный принцип правосудия, приведет к формальному ее существованию. С другой стороны, если представить, что какая-либо норма-принцип отменена, а нормы, конкретизирующие ее, продолжают действовать, то это не приведет к устранению принципа. Например, ст. 13 УПК БССР представляет собой норму-принцип, в которой закреплена принцип гласности правосудия по уголовным делам. Если эту статью отменить, то возникает вопрос, будет ли действовать отраженный в ней принцип. Думается, что будет, поскольку идеей гласности правосудия пронизаны конкретные нормы уголовно-процессуального права. Так, применительно к нормам, регламентирующим производство в стадии судебного раз-

бирательства, принцип гласности обнаруживается почти в каждой из них.

На первый взгляд может показаться, что норма-принцип будет играть второстепенную роль, коль сам принцип будет осуществляться даже после ее отмены. Однако это не так. Наличие нормы-принципа усиливает воздействие принципа на поведение субъектов процессуальной деятельности. Хотя сама норма-принцип вытекает из правосознания, однако она оказывает воздействие на всю совокупность представлений и чувств людей. Обыденное сознание формируется в большей мере под влиянием норм-принципов. Граждане могут не знать той или иной нормы, детализирующей норму-принцип, но они осведомлены относительно существования правосудия, которое обусловлено прежде всего наличием норм-принципов.

Еще в большей мере под воздействием норм-принципов формируется профессиональное правосознание. Наличие их позволяет глубже уяснить содержание и природу социалистического правосудия. Правосознание судьи должно своевременно реагировать на общественные отношения, которые в силу объективных причин нуждаются в правовом опосредствовании, а также на те нормы, которые отжили и становятся своего рода правовым балластом. Если для граждан главным является тождественное отражение в их правах и обязанностях явлений общественной жизни, то для судьи важны прежде всего нормы-принципы правосудия, соотношение с ними частных норм. Только согласованность между общими и специальными нормами будет способствовать единообразию в применении закона.

Наличие норм-принципов правосудия и детализирующих их норм предопределяет постановку вопроса о том, создают ли нормы-принципы определенные правоотношения. Следует отметить, что придание решающего значения в осуществлении правоотношений нормам-принципам, как и умаление их роли, не соответствует тому месту, которое они занимают в системе норм процессуального права.

Венгерский ученый И. Сабо отмечает, что марксистская теория права есть в конечном счете теория правовых отношений. При этом имеются в виду не только индивидуальные правонарушения, но и эти правоотношения в их абстрактной форме¹. Если это общеправовое теоретическое положение применить, в частности, к уго-

---

¹ Сабо И. Основы теории права. М., 1974. С. 32.

ловно-процессуальному праву, то можно прийти к выводу, что нормы-принципы создают базовые общественные отношения, или, точнее, абстрактные образы общественных отношений, которые имеются независимо от того, участвуют ли в них конкретные лица.

Правоотношениями могут быть не только строго определенные связи между субъектами, но и не столь детализированные, общие, относительно стабильные. Их возникновение связано главным образом с наличием конституционных норм, которые регулируют наиболее важные общественные отношения, а также с наличием в отраслях права норм-принципов. Правоотношения, порожаемые нормами-принципами правосудия, являются общими. Общие уголовно-процессуальные отношения – первичная форма опосредствования общественных отношений. В рамках их находятся специфические, конкретные правоотношения. Применительно к правосудию по уголовным делам общие уголовно-процессуальные правоотношения возникают во взаимосвязи «государство – участник уголовного процесса». Что касается процессуальных правоотношений, детализирующих общие, то там имеется непосредственная связь между участниками уголовного процесса: «обвиняемый – следователь», «осужденный – суд» и т. д. Специфика уголовно-процессуальных правоотношений, урегулированных нормами-принципами, состоит в том, что они возникают на основе норм-принципов, носят общий характер и являются исходными, первичными для возникновения конкретных отношений.

Важным в теоретическом и практическом отношении является вопрос о том, получают ли принципы правосудия, закрепленные в законе, адекватное выражение на практике. В.М. Семенов считает, что принципы процессуального права являются одновременно принципами процессуальной деятельности, поскольку прокуратура, органы следствия и суд не имеют права при осуществлении своей деятельности выходить за рамки отрасли права¹.

Конечно, принципы правосудия должны получать в законе такое отражение, чтобы при их реализации по возможности не допускались различия между нормами права как моделями правоотношений и реальными правоотношениями. Думается, однако, что различия будут все-таки иметь место, хотя при формулировании в законе принципов правосудия учитываются разнообразные факторы (эко-

---

¹ Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. С. 27, 28.

номический, моральный, этический и др.), но на практике их роль усиливается. Психологический склад личности конкретного судьи, его общий образовательный уровень, не говоря об уровне профессионального правосознания, будут накладывать отпечаток на применение норм права, в которых выражены принципы правосудия. К. Маркс подчеркивал, что государственные функции представляют собой «не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека»¹. Важно, чтобы урегулированная правом сторона общественных отношений при их реализации не выходила за грань закона. В этом смысле, действительно, принципы правосудия, закрепленные в законе, будут в то же время являться принципами правосудия как вида государственной деятельности. Но поскольку реальная жизнь правоотношений, возникающих на их основе, будет богаче, постольку в пределах закона принципы правосудия на практике будут модифицированы.

Таким образом, принципы правосудия, выражая социалистическую природу правосудия и направляя деятельность суда на достижение целей и задач, поставленных государством перед судом, должны получать в законе такое отражение, чтобы при их реализации не только не возникало сомнения относительно наличия того или иного принципа правосудия, но и были созданы правовые условия для их наиболее полного осуществления.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 242.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ*

1. Важной предпосылкой качественного преобразования жизни нашего общества является высокий уровень правовой культуры, который зависит от многих факторов, в том числе и от правовой надстройки, включающей в себя информационную, ценностную, стимулирующую и принудительную стороны. Правовая культура – это единство правовых знаний, оценок и поведения. Человек, обладающий правовой культурой, характеризуется определенным уровнем знания действующих юридических норм; уважительным отношением к праву; положительными оценками права. Иметь правовую культуру – значит не только самому выполнять требования правовых норм, но и добиваться того, чтобы и другие субъекты следовали им.

2. Правовая культура невозможна без определенного уровня правовых знаний. Но нужно проводить различие между профессиональным знанием права и обыденным. Всеобщее знание законов – фикция. К тому же в жизни человек не сталкивается с необходимостью знания всех без исключения норм права. Для того чтобы строить свое поведение в соответствии с законом, в большинстве случаев достаточно знать требования морали, понимать назначение права, а также знать основные права и обязанности, устанавливаемые законодательством.

3. Источники приобретения правовых знаний зависят от уровня образования человека, его возраста, рода занятий и т.п. Так, лица с низким уровнем образования черпают правовую информацию преимущественно в своей микросреде. Лица старшего возраста при выборе варианта своего поведения опираются на свой личный правовой опыт. Распространение правовой информации, необходимой для граждан, пока еще не представляет собой четкой и организованной системы. Вопросы права постоянно находятся в поле зрения средств массовой информации. Поскольку средства массовой информации не единообразны в освещении правовых интересов социальных групп населения, постольку существуют нежелательные искажения в комментировании принятых и уже действующих норма-

---

* Научно-методические проблемы преподавания в вузе: Тезисы докл. науч.-метод. конф. преподавателей и сотрудников БГУ (17–18 апреля 1991 г., г. Минск) /Мин-во народного образования БССР, БГУ. – Минск, 1991. – С. 129–130.

тивных актов. Неадекватное понимание содержания правовых норм особенно опасно в молодежной, студенческой среде. Каких-либо государственных органов или общественных организаций, специально созданных для консультаций граждан по правовым вопросам у нас не существуют. Для оказания юридической помощи граждане могут прибегнуть к услугам адвоката. Однако их деятельность больше связана с истолкованием возникшей правовой ситуации, а не с общим разъяснением норм права. Кроме того, не исключены трудности организационного характера: в БССР на 12 тысяч населения приходится один адвокат. В условиях юридизации жизни нашего общества, а также того, что услуги адвоката платные, помощь адвоката студентам почти недоступна.

4. Системному усвоению студентами действующих юридических норм способствует преподавание основ права, которое осуществляется как правило, для студентов пятого курса. Между тем знания о правовом статусе личности, видах юридической ответственности и других важных правовых вопросах они должны получить в более ранний период: в возрасте, когда особенно активно формируется их мировоззрение. Наиболее оптимальным является преподавание права на третьем курсе, когда студенты усвоили большинство общественных наук и при изложении правовых вопросов нет необходимости объяснять понятия, о которых они уже имеют глубокие знания.

5. На преподавание основ права отводится 30-40 лекционных часов. Проведение семинаров программой не предусмотрено. Необходимо, чтобы лекция носила проблемный характер. Это достигается путем использования ряда приемов: ознакомления студентов с историей рассматриваемой научной проблемы; сообщения о недостатках правового регулирования той или иной сферы общественных отношений; постановки в лекции вопросов, ответы на которые должны дать студенты; конструирования таких правовых ситуаций, которые свидетельствовали бы о их важности в нашей жизни и правильной юридической интерпретации.

6. В последние годы в некоторых вузах республики замечена тенденция к сокращению количества часов, отводимых для изучения студентами основ права. А в связи с предоставления вузам возможности самостоятельно решать некоторые вопросы содержания и организации учебного процесса руководством отдельных факультетов предпринимаются попытки вовсе ликвидировать преподавание

данной учебной дисциплины. В обоснование такого мнения выдвигаются доводы о том, что преподавание права происходит в ущерб специальным предметам и оказывает отрицательное влияние на качество знаний по приобретаемой специальности. При таком подходе не учитывается тот факт, что государство переходит к рыночным отношениям.

ОЦЕНОЧНЫЙ ХАРАКТЕР ПРАВОСОЗНАНИЯ*

Правовое сознание (правосознание) представляет собой одну из форм общественного сознания, выражающую отношение людей к действующему или желаемому праву, что проявляется в виде ощущения необходимости права, его оценки, потребности в развитии законодательства, осмысления процесса и результатов реализации права, соотношения права с другими социальными регуляторами (моралью, религией, политикой, идеологией и др.). Через правосознание происходит усвоение ценностных ориентаций человека, социализация личности, формируются правовые установки, в совокупности образуя стимулы правомерного или неправомерного поведения. Правовая установка придает устойчивый целенаправленный характер той или иной деятельности, выступая в роли стабилизатора в быстротекущих общественных процессах. Положительная правовая установка позволяет упорядочить характер восприятия правовых явлений. Тогда субъекту при возникновении стандартных ситуаций облегчается выбор варианта своего поведения. Структура правосознания включает в себя правовую психологию и правовую идеологию.

Правовая психология объединяет эмоциональные оценки права. Ее содержание образуют чувства, эмоции, переживания, настроения, которые возникают у людей в связи с правовыми нормами и их применением. Она соответствует обыденному уровню общественного сознания и формируется в процессе повседневной практики людей. Невосприятие населением тех или иных запретов или дозволений, содержащихся в законодательстве, снижает эффективность его применения. Игнорирование правовой психологией чревато провалом государственных инициатив. Кроме сознательного аспекта, правовой психологии присуща и область бессознательного, которое может объективироваться в форме доведенных до автоматизма привычек человека, возможности психологического аффекта, стремлений и действий, которые человеком не осознаются, но влияют на формирование его правосознания.

Правовая идеология проявляется в виде совокупности право-

---

* Политическая и социокультурная трансформация в белорусском обществе: материалы респ. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 ноября 2006 г.) / Ин-т парламентаризма и предпринимательства. – Минск: ЗАО «Иппокрена», 2006. – С. 87–89.

вых идей, теорий, взглядов, которые в систематизированном виде отражают правовую реальность в законодательстве и юридической практики. Она характеризуется целенаправленным осмыслением права со всеми его атрибутами (наличием норм права, судебные решения и т.д.). Как способ осознания действительности, ей служит естественно-правовая и позитивистская доктрины права, а также многие современные концепции правопонимания. История развития государства и права свидетельствует о том, что правовая идеология развивалась в контексте интересов господствующих социальных слоев населения, властвующих элит. Цивилизационные процессы в обществе предполагают выработку общечеловеческих ценностей, основанных на гуманистических идеях.

Правосознание как совокупность чувств, представлений, взглядов, убеждений по отношению к праву выражается в виде обыденного, индивидуального, группового, профессионального, научного и общественного правосознания. **Обыденное правосознание** основано на личном опыте и житейских установках. В нем преобладают психологические аспекты. Оно не носит систематизированного характера, является фрагментарным. Каждый человек сталкивается с правовыми нормами, получая о них информацию не только из своего жизненного опыта, но также из средств массовой информации, наблюдения за деятельностью государственных органов, должностных лиц. Роль правовой психологии как элемента правосознания здесь особенно велика. Элементарные представления о праве тесно переплетаются с нравственностью человека. **Индивидуальное правосознание** присуще каждому отдельному человеку. Оно неповторимо вследствие разных познавательных способностей людей, их психологических типов, поскольку каждый человек по-своему воспринимает право. **Групповое правосознание** свойственно социальным группам людей. Взгляды о праве у них могут не совпадать из-за социального расслоения общества. **Профессиональное правосознание** юристов складывается в ходе юридического обучения и юридической деятельности. Профессиональный юрист должен обладать глубокими значениями права и устойчиво-положительным отношением к нему. В своей деятельности он использует не только право, но и свое усмотрение, основанное на праве. Для его правосознания характерна высокая осознанность правовой действительности, поскольку ему необходимо принимать решения, основанные на правовой оценке реальности. **Научное (доктри-**

нальное) правосознание отражается в теории как систематизированные идеи и взгляды, носителями которых являются ученые-юристы, вносящие научный вклад в развитие юридической науки. **Общественное правосознание** представляет собой совокупность правовых эмоций, представлений, понятий, принципов, теорий, которые положительно воспринимаются обществом в целом или крупными социальными слоями общества. Оно проявляется в таких формах как программы политических партий и общественных движений, референдумы, законодательство, демократическое избирательное право, доступ к занятию должностей в государстве и т.д. Идеологи общества или отдельных его социальных слоев пропагандирует правовую психологию и правовую идеологию, что необходимо для всеобщего одобрения права как справедливого и подлежащего неукоснительному соблюдению.

Право и правосознание существуют нераздельно. Права и обязанности субъектов не получают своего закрепления в законодательстве до тех пор, пока они не пройдут через сознание людей. Только те нормы, которые восприняты сознанием, способны к реализации. Право воздействует на правосознание, но и правосознание влияет на право. Их взаимодействие проявляется как в процессе правотворчества, так и правореализации.

СООТНОШЕНИЕ ФУНКЦИИ ПРАВОСУДИЯ И КОМПЕТЕНЦИИ СУДА*

1. Неотъемлемой чертой правового государства является надлежащая реализация законодательной, исполнительной и судебной власти, которые при относительной их самостоятельности образуют единую государственную власть, осуществляемую через систему государственных органов. Любой государственный орган при реализации государственной власти выполняет присущие ему функции. Эти функции определяются функциями государства, под которыми понимаются направления его деятельности, обусловленные потребностями общественной жизни и устремленные на решение исторических задач, стоящих перед государством. В зависимости от периодов развития государства, особенностей внутреннего положения и международной обстановки меняются конкретные методы и средства осуществления функций. Если в функциях государства выражается содержание его деятельности в целом, то в функциях отдельного государственного органа – содержание относительно обособленной части его деятельности. Функции государственных органов существуют как выражение определенной «гармонии» между государством и его органами. В связи с этим важно единство структурной и функциональной сторон в государственном аппарате.

2. Суд специально предназначен для осуществления функции правосудия, которая является одной из сторон правоохранительной функции государства. Судебная деятельность, направленная на реализацию функции правосудия, неоднородна по своему содержанию. В основе ее лежит характер социального конфликта, ставшего предметом судебного рассмотрения. Внешне это проявляется в определенной форме разрешения возникшего вопроса. Характер вопроса и форма его рассмотрения в суде образуют вид судебной деятельности по реализации функции правосудия.

3. Выявлению сущностной характеристики правосудия будет способствовать сопоставление понятий «функция» и «деятельность». Деятельность – это универсальная философская категория, содержание которой раскрывается через другие понятия. В структуру деятельности функция не включается, а рассматривается как внешняя необходимость, как фактор, детерминирующий деятельность. И тем самым между функ-

---

* Право, законность, правопорядок: материалы респ. науч.-практ. конф. «Место и роль юристов в развитии современного общества» (20–21 сент. 1991 г.) /Союз юристов Белорусской ССР. – Минск, 1991. – С. 48–50.

цией и деятельностью осуществляется генетическая связь. Функция предопределяет деятельность. В свою очередь, деятельность олицетворяет функцию. В этом смысле функция предшествует собственно деятельности: прежде чем трудиться, надо знать, в каком направлении прилагать усилия. Функция дает представление о том, что является содержанием деятельности. Деятельностью является то, что наступило, проявилось, существует реально. Деятельность – это осуществленная возможность. В отличие от нее функция представляет собой реальную предпосылку деятельности. Но она выступает не только как средство одной причинности. Функция выражает закономерности различных детерминированных, атрибутивных характеристик деятельности. Функция правосудия указывает направление, в котором должна осуществляться деятельность суда.

4. Функции государственных органов – это сами по себе явления не юридические. Но поскольку закон возлагает на соответствующие органы выполнение тех или иных функций, то у них появляется компетенция на их осуществление. В ходе правовой регламентации функции право судия возникает такое юридическое явление, как компетенция суда. Возложение на суд слишком широкой компетенции приведет к размыванию границ функции правосудия и осуществлению судом своей компетенции за ее пределами. Слишком узкая компетенция суда оставит функцию правосудия не реализованной. Поэтому должна прослеживаться соразмерность компетенции суда и функции правосудия.

5. Суд реализует свою компетенцию на протяжении всей своей деятельности, независимо от того, урегулирована она нормами права или иными социальными нормами. Правовые нормы, конечно, образуют основу судебной деятельности, организуют осуществление функции правосудия, придают ей определенную направленность. Но одних их недостаточно для ее выражения. В силу диалектичности общественных отношений, судебная деятельность едина, правовая и неправовая ее стороны переплетаются между собой. Но поскольку правовая сторона в деятельности суда выступает более наглядно, рельефно, создается иллюзия, будто компетенция суда распространяется только на ту часть деятельности, которая урегулирована правом. На самом же деле суд осуществляет свою компетенцию и тогда, когда наряду с нормами права он использует иные социальные нормы. Компетенция суда – это объем его возможностей по реализации функции правосудия.

ОСОБЕННОСТИ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 ГОДА КАК ФЕОДАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ*

Статут Великого княжества Литовского 1529 года был написан на белорусском языке того времени. В XVI в. Статут не был напечатан, он распространялся в рукописях. Сохранились различные его списки. На русском языке он впервые был опубликован в XIX в., после того как действие Статута Великого княжества Литовского 1588 года было отменено и все три Статута (1529 года, 1566 года и 1588 года) перестали быть действующими законодательными актами и превратились в памятники права. Среди них особое место занимает Статут 1529 года. Его можно рассматривать как первый всеобъемлющий нормативно-правовой акт.

К началу XVI в. в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) начали происходить изменения в экономической, политической и правовой жизни государства. Это выражалось в том, что постепенно исчезала феодальная раздробленность, получала упрочение великокняжеская власть, а правовые нормы «Правды Русской» и Судебника 1467 года не соответствовали новым общественным отношениям.

Обновления законодательства требовала шляхта, стремившаяся юридически обеспечить свою экономическую независимость от магнатов земельной аристократии. Хотя в городах получило упрочение магдебургское право, мещане также были заинтересованы в принятии общегосударственного нормативно-правового акта, опасаясь, однако, что это поставит под угрозу применение выгодного для них магдебургского права. И только в лице шляхты Великий князь Литовский обретал твердую социальную опору.

Статут 1529 года после утверждения его Великим князем Сигизмундом распространял свое действие на всю территорию государства. Структурно Статут содержал 13 разделов. В нем определено социально-правовое положение Великого князя (разд. 1), установлены правила несения воинской службы (разд. 2), изложены права шляхты (разд. 3), сформулированы нормы наследственного права (разд. 4), опекунского права (разд. 5), судебного права (разд. 6). В остальных главах помещены нормы уголовного права.

---

* Право Беларуси: истоки, традиции, современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Новополоцк, 21–22 мая 2004 г.). – Новополоцк: ПТУ, 2004. – С. 3–5.

Статут Великого княжества Литовского 1529 года отражает уровень культуры феодального общества. Появившись как итог сложной социально-политической обстановки, Статут носил объединяющий характер. Атрибут консолидации был важен для того, чтобы законодательным путем закрепить территорию ВКЛ, противостоять военной, религиозной, юридической экспансии с востока и запада. Отсюда в Статуте содержатся не только правовые нормы, отражающие достигнутый уровень развития, но и декларативные нормы. Так, в третьем разделе (ст. 2) сказано, что Великий князь обязуется расширять Великое княжество, возвращать те его владения, которые несправедливо отторгнуты. Много внимания уделено несению воинской службы (см. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Под ред. К.И. Яблонскиса. – Минск, 1960).

По типологии нормативно-правовых актов Статут Великого княжества Литовского 1529 года можно отнести к конституции феодального государства. Источником этого нормативно-правового акта является местный правовой обычай, судебная практика, правовая доктрина и предшествующие ему нормативно-правовые акты. В нем отражены нормы государственного, гражданского, семейного, уголовного, процессуального и иных отраслей права. Он содержит преамбулу, в которой изложены базовые, исходные нормы, носящие общий характер, среди которых особое место занимает норма о том, что Статут распространяет свое действие на коренных жителей католического и православного вероисповедания, независимо от их сословной принадлежности. И как гарантия этого в нем содержалась норма о том, что мещане должны отвечать по земскому праву за преступления против крестьян и подданных княжества. По этим делам, а также по всем остальным иностранцы не могли выступать в качестве адвоката и защищать интересы коренного населения. Институты гражданского общества Статутом не регулировались. Они были сферой, на которую распространялось каноническое и магдебургское право.

Статут состоит из норм, присущих природе конституции, имеющей прямое действие. Нормы права неперсонифицированы, абстрактны. Среди них важное значение имеют нормы, в которых сформулированы принципы, хотя они изложены довольно просто, но не содержат описания ситуационных особенностей, что позволяет отнести их именно к нормам-принципам. Кроме них, содержатся нормы-задачи, нормы-статусы и другие общие нормы.

Статут обязывает в случае возникновения юридического конфликта применять его нормы. Отказа в осуществлении правосудия по мотивам отсутствия закона не должно быть. В шестом разделе закреплен принцип подчинения судей только закону. При отсутствии в законе соответствующей нормы судьям разрешалось применять обычай или свое усмотрение. Эта важная оговорка свидетельствует о силе судебной власти, авторитете судей и доверии, которое оказывает им государство. Это не означает, что судьи не были ответственны за неправосудный приговор. Если судья вынес приговор не в соответствии с законом, и сторона понесла ущерб, то судья должен был возместить ущерб и издержки, а приговор аннулировался. Судья, таким образом, нес личную ответственность перед сторонами. Государство не возмещало ущерб такого рода, что обязывало судей быть осмотрительными при вынесении приговора и искать компромиссное для сторон решение, за исключением тех случаев, когда норма права устанавливала абсолютно определенные санкции.

Авторитет суда укрепляли нормы, обеспечивающие ответственность за проявленное неуважение к суду, которое могло выразиться, например, в обнажении перед судом сабли или меча, учинении беспорядков. В свою очередь, Статут обязывал судей соблюдать нормы нравственности. Осуществляя правосудие, судья не должен был никого оскорблять, иначе потерпевший мог пожаловаться Великому князю или панам Рады.

Статут Великого княжества Литовского 1529 года как феодальная конституция закреплял равенство всех подданных государства перед законом, независимо от их сословной принадлежности и экономического положения. Главное – чтобы они были католиками или православными. Наличие этой нормы-принципа было особенно важным, поскольку она являлась основой формирования суверенитета нации. Государство обеспечивало свой суверенитет путем распространения юрисдикции на всю территорию, а равное действие закона в отношении подданных способствовало религиозному согласию и образованию единой нации Великого княжества Литовского.

Разделение властей в Статуте не имеет своего выражения в виде нормы-принципа, но существует как пронизывающая весь Статут идея, реализованная в ряде конкретных норм. Например, в третьем разделе (ст. 6) сказано, что князь обязуется принимать по-

становления с панами Рады. Особое же место отводится судам. Однако судебная власть еще не была четко отделена от исполнительной, поскольку функцию правосудия могли осуществлять наряду с судьями еще и воевода, староста, маршалок и державцы, и им как лицам, наделенным судебными функциями, также принадлежали обширные полномочия. Важной гарантией служила норма о том, что никто не должен быть наказан, если его вина не будет установлена судом. Она содержит в себе элементы презумпции невиновности, а также предостережение о том, чтобы потерпевший сам по своей воле не расправлялся с виновным. Суд не имеет права собирать доказательства. Он может оценивать лишь то, что представлено сторонами. Ему было известно только содержание искового заявления. В шестом разделе сказано, что если кто-нибудь вызвал в суд другого, а сам не явился со своими доказательствами, то он проигрывает свое дело. Надо учесть, что в ту историческую эпоху господствовала оценка доказательств по формальным признакам. Сила доказательств определялась законом. И все же наличие усмотрения судей, о котором говорится в шестом разделе, вносило определенные коррективы. Это позволяет сделать вывод, что в Великом княжестве Литовском XVI в. существовали элементы оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Статут Великого княжества Литовского 1529 года носил прогрессивный характер. Правовые нормы, закрепленные в нем, проникнуты идеей укрепления правовой государственности, предполагающей правовое закрепление статуса государственных органов и должностных лиц, прав и обязанностей граждан, судебное разрешение юридических конфликтов, личной ответственности осужденного за преступление, отделение религиозных учреждений от государства.

Раздел II

СУДОУСТРОЙСТВО И ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУДИЯ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО СУДОУСТРОЙСТВА *

История белорусского судоустройства неотделима от истории Беларуси. На различных этапах белорусской государственности суд путем осуществления правосудия выполнял функции государства. Воздействие законодательства России на правоприменительную практику всегда было существенным, но особенно в первые годы советской власти. Многие нормативно-правовые акты РСФСР распространяли свое действие на территорию Беларуси, и об этом ЦИК выносил постановления. Например, ЦИК ССРБ издал постановление о распространении действия УПК РСФСР на территорию Беларуси¹. Но был и другой путь: в самом нормативно-правовом акте, изданном органами власти Беларуси, содержались ссылки на законодательство РСФСР. В Положении о судоустройстве ССРБ от 30 марта 1923 г.² в примечании к ст. 2 отмечается, что дела об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту, рассматриваются военно-транспортными трибуналами, действующими в порядке ст. 85, 87 и 89 Положения о судоустройстве РСФСР. В статье 78 указывалось, что военные трибуналы действуют на основе Положения о судоустройстве РСФСР.

Такое отношение к законодательству РСФСР было заложено в Декрете Президиума ЦИК ССРБ от 21 января 1922 г., где отмечалось, что все постановления и распоряжения СНК РСФСР, признаваемые по союзному договору между РСФСР и ССРБ от 16 января 1921 г., обязательны для Беларуси, а все декреты, постановления

---

* Белорусское законодательство о суде, прокуратуре, адвокатуре и органах охраны общественного порядка (1919–1991) / сост. В. Н. Бибило. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. – С. 10–47.

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. 1923. № 4. Ст. 40.

² Там же.

ВЦИК, его Президиума и СНК РСФСР обязательны для Беларуси только в том случае, если они подтверждены в установленном порядке и опубликованы¹.

Говоря о значимости законодательства РСФСР для Беларуси, следует иметь в виду, что реально оно не всегда могло действовать ввиду того, что на территории Беларуси продолжительное время велись военные действия.

Суд. Первым нормативным правовым актом о суде после октября 1917 г. был Декрет о суде № 1, изданный Советом Народных Комиссаров РСФСР 24 ноября 1917 г.² Значение этого Декрета заключалось в том, что он упразднил дореволюционную судебную систему и заложил основы для создания советских судов. В. И. Ленин писал, что революционные массы после 25 октября 1917 г. вступили на верный путь, начав устраивать рабочие и крестьянские суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата³.

Согласно Декрету о суде № 1, начали создаваться местные суды, которые рассматривали уголовные и гражданские дела в составе постоянного судьи и двух заседателей. Уголовные дела на фронтах рассматривались местными судами, которые избирались полковыми Советами, а где их не было – полковыми комитетами. Предварительное следствие по уголовным делам возлагалось на местных судей единолично. В развитие этого Декрета изданы Декрет № 2 о суде и Декрет № 3 о суде⁴.

Параллельно с системой общих судов существовала система революционных трибуналов. Она была ликвидирована в ходе реформы 1922 г., что привело к образованию единой судебной системы. Окончание гражданской войны, переход к мирному строительству, полное овладение большевиками советской властью уже не требовали осуществления правосудия в том виде, который был присущ революционным трибуналам. Революционные трибуналы порождаются революцией и с ее победой или поражением исчезают. По своей политической природе они носят временной характер и стабильному обществу не присущи.

---

¹ Там же. 1922. № 1. Ст. 1.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 4. Ст. 50.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 197.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 26. Отдел первый. Ст. 420; № 52. Ст. 589.

Одним из наиболее важных нормативных правовых актов, регулирующих судоустройство в Беларуси, было Положение о судоустройстве, изданное ЦИК ССРБ 30 марта 1923 г.¹ В нем была закреплена судебная система, в которую входили суды общей и специальной юрисдикции.

К судам общей юрисдикции относились:

- 1) народный суд в составе постоянного народного судьи;
- 2) народный суд в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей;
- 3) Высший Суд Республики;
- 4) Верховный Суд Республики и его коллегии.

В Положении отмечается, что специальные суды являются временными и к ним относятся:

1) военные трибуналы – для рассмотрения дел о воинских преступлениях;

2) особые трудовые сессии народных судов – по делам о преступлениях, совершенных с нарушением законов о труде, и земельные комиссии – по земельным делам. Особые трудовые сессии образовывались в каждом уездном городе в составе одного постоянного народного судьи и двух постоянных членов суда, одного избранного от профсоюзных органов и другого – от местного уездного отдела труда. Они имели ту же компетенцию, что и народные судьи;

3) Белорусская арбитражная комиссия, состоящая при СНК – по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами.

Народным судьей могли быть неопороченные по суду гражданин и гражданка БССР, которые имели стаж политической или юридической работы. Они избирались сроком на один год по представлению Высшего Суда Республики, в уездах – уездными исполкомами, а в Минске – городским исполкомом и утверждались Наркоматом юстиции.

Для формирования состава народных заседателей образовывались специальные комиссии, которые носили название «Комиссия по разверстке». В их состав входили член местного уездного исполкома (председатель комиссии), помощник прокурора и один народный судья. Эти комиссии определяли, сколько народных заседателей должно быть при определенном суде из расчета: 50% – из рабо-

---

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. 1923. № 4. Ст. 40.

чей среды; 35% – от крестьян, 15% – из воинских частей. Эти списки отсылались в трудовые коллективы и воинские части, где проходили выборы народных заседателей. Уездная комиссия утверждала общий список избранных народных заседателей.

Высший Суд Республики состоял из Председателя, двух его заместителей и двенадцати постоянных членов суда, а также народных заседателей. Председатель избирался ЦИК, а его заместитель и члены суда – исполкомом Минского городского Совета сроком на один год и утверждались Наркоматом юстиции. Списки народных заседателей составлялись исполнительной комиссией и утверждались СНК. Высший Суд действовал как суд первой и кассационной инстанции. Он состоял из уголовного и гражданского отделений.

Верховный Суд БССР действовал в составе: 1) Президиума; 2) Пленарного заседания Верховного Суда; 3) Кассационных коллегий Верховного Суда по уголовным и гражданским делам. Председатель и члены Верховного Суда назначались Президиумом ЦИК.

Президиум Верховного Суда БССР состоял из Председателя Верховного Суда и председателей кассационных коллегий. В его компетенцию входило: распределять обязанности между членами Верховного Суда; ведать отчетностью суда; осуществлять надзор за судебными местами, путем назначения ревизий Высшего Суда по предложению Прокурора Республики и заслушивать результаты этих ревизий; возбуждать дисциплинарные производства против членов Верховного Суда, председателя Высшего Суда и их заместителей.

Пленарное заседание Верховного Суда состояло из всех судей Верховного Суда, Председателя Высшего Суда, Прокурора Республики или его старшего помощника. В его компетенцию входило следить за правильным истолкованием судами законов, рассмотрением, отменой и изменением приговоров, выборами дисциплинарной коллегии и т. д.

Кассационные коллегии при рассмотрении дел действовали в составе трех членов Верховного Суда, из них один был председательствующим. При кассационных коллегиях состояли по два помощника Прокурора Верховного Суда.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда состояла из судей этого суда в количестве трех человек. Правом возбудить дисциплинарное производство обладали: Прокурор Республики, состоящий при Верховном Суде, помощник Прокурора Республики, Председа-

тель Верховного Суда Республики, Председатель Высшего Суда. Поводом для возбуждения дисциплинарного производства являлись проступки судей, несовместимые с их служебными полномочиями. Видами дисциплинарных взысканий являлись: замечание, выговор, перемещение и смещение на низшую должность; отстранение от службы с запрещением работы в должности судьи на определенный срок.

Положение о судоустройстве ССРБ от 30 марта 1923 г. заложило основы статуса Верховного Суда в Беларуси как высшей судебной инстанции. Оно регулировало статус следователей, которые состояли при следственных участках и именовались народными следователями, а также при отделе Прокуратуры Наркомата юстиции и назывались следователями по важнейшим делам. Назначение народных следователей производилось определением Высшего Суда Республики, а следователей по важнейшим делам – отделом Наркомата юстиции.

В 1924 г. было принято новое Положение о судоустройстве БССР¹, но оно не вносило существенных изменений в судоустройство и действовало непродолжительное время. Для истории судоустройства Беларуси было характерно функционирование с 1924 г. национальных камер народного суда – специальных судебных составов при районных судах. Их создание – это практическое мероприятие по проведению национальной политики. И хотя этот вид судов просуществовал недолго, он оставил заметный след в истории суда.

В Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ) от 31 июля 1920 г. устанавливалось полное равноправие белорусского, русского, польского и еврейского языков в сношениях с государственными учреждениями, организациями народного просвещения и культуры². В развитие этой Декларации 15 июля 1924 г. ЦИК БССР принял постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики»³, которым был намечен комплекс мер по развитию

---

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. 1924. № 12. Ст. 112.

² Революционные комитеты БССР и их деятельность по упрочению советской власти и организации социалистического строительства (июль, декабрь 1920 г.): сборник документов и материалов. Минск, 1957. С. 53–55.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской

белорусского языка и расширению сферы его применения, развитию национальной культуры, выдвижению кадров из коренного белорусского населения. Государственные учреждения и общественные организации обязаны были в течение трех лет перевести делопроизводство на белорусский язык. Русский язык предполагалось использовать для сношений с другими союзными республиками, а также с общесоюзными органами. С учетом того, что население республики было многонациональным, в этом постановлении говорилось о безусловном обеспечении прав, развитии языка и культуры национальных меньшинств.

В целях реализации положений этого постановления ЦИК БССР были образованы национальные камеры народного суда. Предполагалось, что их функционирование обеспечит максимальную доступность суда для компактно проживающих национальных меньшинств, к которым тогда относились евреи, поляки и латыши. Было образовано десять национальных камер народного суда: шесть еврейских, три польских и одна латышская. Они рассматривали уголовные и гражданские дела. Так, за 1926 г. в общей сложности еврейские национальные камеры рассмотрели 1902 уголовных и 4762 гражданских дела, польские соответственно – 136 и 191, латышская – 17 и 42 дела. Основную массу дел составляли гражданские дела (квартирные споры – 33%, алиментные дела – 10% и др.), но рассматривались и дела о преступлениях против порядка и власти (8%), о кражах и торговле самогоном (1,5%) и др.¹ Национальные камеры народного суда действовали почти десять лет и упразднены были 31 марта 1934 г. постановлением Президиума ЦИК БССР².

31 октября 1925 г. было принято новое Положение о судостроительстве³, которое установило единую судебную систему: народные суды в составе постоянного народного судьи или в составе народного судьи и двух народных заседателей; окружные суды; Верховный Суд. Кроме судов общей юрисдикции Положение предусматривало суды специаль-

---

Социалистической Советской Республики. 1924. № 11. Ст. 108.

¹ Практическое решение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике (к 10-й годовщине Октябрьской революции): Работа среди национальных меньшинств. Минск, 1928. С. 110.

² Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики (с изменениями на 15 июня 1938 г.). Минск, 1938. С. 7.

³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. 1925. № 49. Отдел первый. Ст. 382.

ной юрисдикции и судебно-административные органы: 1) по делам о воинских преступлениях – военные трибуналы; 2) по делам, связанным с нарушением законов о труде, – особые трудовые сессии народных судов; 3) по земельным делам – земельные комиссии, в том числе и Особая Комиссия высшего Контроля по земельным делам; 4) по делам об имущественных спорах между государственными органами – состоящая при Экономическом Совещании БССР арбитражная Комиссия; по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, – Комиссия по делам несовершеннолетних.

Народный судья рассматривал дела единолично или совместно с двумя народными заседателями. Прокурором Республики был Народный Комиссар юстиции, а при нем помощники Прокурора, один из которых был старшим помощником. В округах действовали окружные прокуроры и их помощники. Следователи состояли: 1) при следственных участках; 2) при окружных прокурорах; 3) при отделе Прокуратуры Наркомата юстиции. Коллегии защитников состояли при окружных судах, а Всебелорусское объединение защитников – при Наркомате юстиции. Судебные исполнители состояли при окружных судах. Они назначались, перемещались и увольнялись распоряжением Председателя окружного суда и распределялись им по участкам народных судов в пределах соответствующих районов.

При Верховном Суде существовала дисциплинарная коллегия в отношении судебных работников Верховного Суда, председателей окружных судов, их заместителей, членов окружных судов, прокуроров Наркомата юстиции, окружных прокуроров, их помощников. Дисциплинарная коллегия окружного суда рассматривала дисциплинарные дела о народных судьях, участковых следователях и секретарях этих органов, а также дела в отношении нотариусов и судебных исполнителей.

Положение о судеустройстве БССР 1931 г.¹ закрепило двухзвенность судебной системы: народные суды и Верховный Суд БССР. Окружные суды были упразднены в связи с изменением административно-территориального деления и ликвидацией округов.

Конституция СССР 1936 г. отнесла регулирование судеустройства к ведению СССР. 16 августа 1938 г. был принят Закон «О судо-

---

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. 1931. № 26. Отдел 1. Ст. 186, 187.

устройстве СССР, союзных и автономных республик»¹, в соответствии с которым в БССР действовали три звена судов: 1) народные суды; 2) областные суды; 3) Верховный Суд БССР.

В 50-е гг. XX в. в законодательстве произошли изменения, направленные на расширение компетенции суда. Президиум Верховного Совета СССР 14 августа 1954 г. издал Указ «Об образовании Президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей»². Президиумы этих судов стали рассматривать дела в порядке надзора, что усилило роль судов.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза признал необходимым демократизировать государственное управление и расширить права республиканских и местных органов в социально-политической сфере деятельности. Это привело к существенным изменениям в законодательстве. Верховный Совет СССР 11 февраля 1957 г. принял Закон «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуального кодексов»³. Согласно этому закону, к ведению союзных республик, как и в 20-х годах, было отнесено законодательство о судостроительстве, а высшие органы власти СССР стали издавать общесоюзное законодательство о судостроительстве.

Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. был издан закон, который носил название «Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик»⁴. Этот нормативно-правовой акт закрепил принципиальные положения о судебной системе и структуре судов, обязательные для всех союзных республик. Что касается военных трибуналов, то они действовали на территории Беларуси в соответствии с Положением о военных трибуналах от 25 декабря 1958 г.

В соответствии с Основами законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. в БССР 20 ноября 1959 г. был принят Закон о судостроительстве

---

¹ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.: сб. документов / под ред. С.А. Голунского. М., 1955. С. 564–571.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 17. Ст. 360.

³ Там же. 1957. № 4. Ст. 63.

⁴ Там же. 1959. № 1. Ст. 12.

БССР¹. В структурном отношении этот Закон включал следующие разделы: 1) общие положения; 2) районный (городской) народный суд; 3) областной суд; 4) Верховный Суд Белорусской ССР; 5) судебные исполнители. В Законе определены задачи суда, принципы правосудия, судебная система, структура и порядок формирования судов. В статье 3 сказано, что всей своей деятельностью суд воспитывает граждан в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития. Применяя меры уголовного наказания, суд не только карает преступников, но также имеет своей целью их исправление и перевоспитание.

В Законе закреплены равные права народных заседателей и судей при осуществлении правосудия. Народные заседатели, согласно Закону, призывались к исполнению своих обязанностей в судах в порядке очередности не более чем на две недели в году, кроме случаев, когда продление этого срока вызывалось необходимостью закончить рассмотрение судебного дела, начатого с его участием (ст. 18). За народными заседателями на время исполнения ими обязанностей в суде сохранялась заработная плата.

Закон о судоустройстве БССР от 1959 г. предусмотрел отчеты судей перед теми, кто их избрал: народные судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами района (города) сроком на пять лет, а народные заседатели этих судов избирались на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства (ст. 28). Судьи областных судов избирались областным Советом депутатов трудящихся сроком на пять лет. Областной суд действовал в составе президиума, судебной коллегии по гражданским делам и судебной коллегии по уголовным делам.

Верховный Суд Белорусский ССР избирался Верховным Советом БССР сроком на пять лет. Он действовал в составе Пленума, судебной коллегии по гражданским делам и судебной коллегии по уголовным делам. Законом не было предусмотрено образование Президиума Верховного Суда.

В связи с принятием Конституции СССР 1977 г. и Конститу-

---

¹ Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. 1959. № 16. Ст. 248.

ции БССР 1978 г. в законодательство о судеустройстве были внесены изменения. Законом СССР от 25 июня 1980 г. Верховный Совет СССР утвердил новую редакцию Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судеустройстве в СССР¹ и Положения о военных трибуналах².

26 ноября 1981 г. был принят Закон БССР «О судеустройстве в Белорусской ССР»³. Он также не привел к коренным изменениям в судеустройстве БССР. На момент принятия этого закона уже функционировал Минский городской суд. В своей компетенции он был приравнен к областным судам. Об этом было сказано в Законе. В статье 20 перечислены суды, входящие в судебную систему БССР. К ним относились: Верховный Суд, областные суды, Минский городской суд и районные (городские) народные суды. Судов специальной юрисдикции не было.

Районный (городской) народный суд образовывался в районе, городе областного подчинения, не имеющем районного деления, районе в городе. Президиум Верховного Совета БССР по представлению Министра юстиции мог образовать один народный суд на район и город. Порядок комплектования кадров судов оставался неизменным. Народные судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Народные заседатели избирались на собраниях граждан по месту работы или жительства (военнослужащие – по воинским частям) открытым голосованием сроком на два с половиной года. Количество народных судей для каждого районного (городского) народного суда устанавливалось Президиумом Верховного Совета БССР по представлению Министра юстиции, а количество народных заседателей определялось исполкомом областного (Минского городского) Совета народных депутатов по представлению начальника отдела юстиции исполкома областного (Минского городского) Совета народных депутатов.

Среднее звено судебной системы – областные (Минский городской) суды избирались соответствующим Советом народных депутатов сроком на пять лет. Они не реже одного раза за период пол-

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 27. Ст. 546.

² Там же. Ст. 545.

³ Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР. 1981. № 33. Ст. 671.

номочий должны были представлять отчет о своей деятельности и систематически докладывать о ней соответствующему Совету народных депутатов. Эти суды действовали в составе президиума суда, судебной коллегии по уголовным делам и судебной коллегии по гражданским делам.

Верховный Суд Белорусской ССР являлся высшим судебным органом БССР. Он избирался Верховным Советом БССР сроком на пять лет и был ему подотчетен. Его структура оставалась прежней: Пленум, судебная коллегия по гражданским делам и судебная коллегия по уголовным делам.

Закон о судостроительстве БССР 1981 г. регулировал также вопросы судебного управления, которое выражалось в «организационном руководстве судами». Согласно ст. 19, Министерство юстиции и его органы разрабатывали предложения по вопросам организации судов, проведения выборов судей и народных заседателей; руководили работой с кадрами судов; проверяли организацию работы судов; изучали и обобщали судебную практику; организовывали работу по ведению судебной статистики и т. п.

Накануне упразднения СССР был принят ряд законов, касающихся судостроительства. Закон СССР «О статусе судей СССР» от 4 августа 1989 г. определил основные гарантии независимости судей и народных заседателей, а в Законе СССР «Об ответственности за неуважение к суду» от 2 ноября 1989 г.¹ изложены формы ответственности за проявленное неуважение к суду. В Законе СССР «О конституционном надзоре в СССР» от 23 декабря 1989 г.² сказано, что конституционный надзор в СССР учреждается в целях обеспечения соответствия актов государственных органов и общественных организаций Конституции СССР, конституциям союзных и автономных республик, охране конституционных прав и свобод личности, прав народов СССР, демократических основ советского общества, что его осуществляют Комитет конституционного надзора СССР и органы конституционного надзора союзных и автономных республик.

13 ноября 1989 г. был принят новый общесоюзный нормативно-правовой акт о судостроительстве «Основы законодательства Союза

---

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 9. Ст. 223, 418.

² Там же. № 29. Ст. 572.

ССР и союзных республик о судеустройстве»¹. В этом законе содержалась важная новелла: ст. 11 предоставляла право союзным республикам в порядке, установленном их законодательством по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше десяти лет, решать вопрос о виновности подсудимого судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей). В этом законе произошло отождествление суда присяжных с расширенной коллегией народных заседателей. Между тем это разные формы участия представителей народа в осуществлении правосудия. Коллегия народных заседателей, даже если она расширена до 12 человек, предполагает шэффенскую систему построения суда. Полномочия этой коллегии такие же, как у профессиональных судей. Компетенция же присяжных заседателей ограничена решением вопроса о виновности подсудимого. В определении наказания они не участвуют. Наказание назначает профессиональный судья.

Статья 11 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судеустройстве от 1989 г. осталась не реализованной, поскольку вскоре Советский Союз был упразднен, союзные республики объявили о своей независимости и суверенитете и каждая из них стала избирать тот путь в формировании судебной системы, который казался ей наиболее эффективным.

В Республике Беларусь 13 января 1995 г. был принят Закон «О судеустройстве и статусе судей в Республике Беларусь»².

Наряду с судами общей юрисдикции в Беларуси действовала система хозяйственных судов, предназначенных для осуществления правосудия в области хозяйственных (экономических) отношений в целях защиты прав и законных интересов юридических и физических лиц. До учреждения хозяйственных судов в Беларуси функционировали органы арбитража, которые были созданы в 1931 г. и которым предшествовали арбитражные комиссии, действовавшие в 20-х годах. Арбитраж не являлся судом и в законодательстве не был указан в составе судебных органов. Он выполнял специфические функции по исполнению законов путем разрешения хозяйственных споров. Это был орган государственного управления. В БССР существовал арбитраж двух видов: государственный и ведомственный. Государственный арбитраж рассматривал гражданско-правовые

---

¹ Там же. № 23. Ст. 441.

² Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1995. № 11. Ст. 120.

споры между организациями различных министерств, ведомств, а ведомственный – между предприятиями, учреждениями и организациями одного министерства, ведомства.

Задачи арбитража состояли в обеспечении защиты имущественных прав и законных интересов организаций при разрешении хозяйственных споров; содействии повышению общественного производства, развитию сотрудничества в выполнении народнохозяйственного плана; соблюдению государственной дисциплины при выполнении плановых заданий и договорных отношений. За невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств арбитраж применял имущественные санкции в виде штрафа и неустойки. Арбитраж вмешивался в хозяйственную жизнь предприятий, организаций, информировал партийные, советские органы, органы народного контроля, прокуратуры, министерств, ведомств о нарушениях государственной дисциплины и законности с тем, чтобы виновные понесли установленную законом ответственность.

Законодательство о государственном и ведомственном арбитраже периодически обновлялось. На завершающих этапах СССР существовала следующая система органов государственного арбитража: Государственный арбитраж СССР; государственные арбитражи союзных республик; государственные арбитражи автономных республик; государственные арбитражи краев, областей.

Каждое звено арбитражной системы возглавлялось соответствующим главным государственным арбитром, который нес ответственность за выполнение задач, возложенных на данный арбитраж. Главный государственный арбитр СССР назначался на должность Верховным Советом СССР сроком на пять лет и утверждался Съездом народных депутатов СССР. Главные государственные арбитры союзной и автономной республик назначались на должность соответствующим Верховным Советом союзной или автономной республики сроком на пять лет, а в период между сессиями – Президиумом Верховного Совета союзной или автономной республики с последующим утверждением Верховным Советом союзной или автономной республики. Главный государственный арбитр края, области, города, автономной области и автономного округа назначался на должность соответствующим Советом народных депутатов на срок полномочий Совета по представлению госарбитража союзной республики. Главные арбитры всех арбитражных органов имели заместителей. В низшем звене системы органов государственного

арбитража были государственные арбитры в количестве, определяемом штатным расписанием данного госарбитража.

Рассмотрение спора в органах государственного арбитража производилось в составе председательствующего – государственного арбитра или главного арбитра либо его заместителя и представителей сторон, которыми являлись руководители спорящих организаций или их заместители либо другие лица, например, юрисконсулты, уполномоченные доверенностью на выступление в арбитраже. В случае необходимости рассмотреть сложный спор государственный арбитр или его заместитель могли вводить в состав арбитража дополнительно двух арбитров. Решение по спору принималось государственным арбитром и участвующими в деле представителями сторон и вступало в законную силу немедленно. При этом арбитр способствовал достижению согласия между сторонами. Исполнение решения производилось на основании выдаваемого арбитражем приказа, который являлся исполнительным документом. Ведомственные арбитражи создавались для рассмотрения споров, возникающих между предприятиями, организациями одного и того же министерства, государственного комитета, ведомства. Они функционировали в составе министерств, государственных комитетов и ведомств и были подчинены руководителям этих министерств и ведомств. Ведомственные арбитражи действовали на основании положений о них, утверждаемых руководителями соответствующих министерств и ведомств, по своему составу не были одинаковыми. В одних министерствах и ведомствах арбитраж состоял из главного арбитра, а в других – из главного арбитра и арбитра. В некоторых министерствах и ведомствах арбитражи объединялись с юридическими отделами министерств и ведомств и тогда юридический отдел с арбитражем возглавляло одно должностное лицо, которое одновременно являлось начальником юридического отдела и арбитром министерства, ведомства. Главный арбитр и арбитры ведомственного арбитража назначались руководителем министерства, ведомства.

Дела в ведомственном арбитраже рассматривались арбитром с участием представителей сторон. Решения были окончательными, но могли быть пересмотрены главным арбитром данного ведомственного арбитража. При этом руководитель соответствующего министерства, ведомства вправе был отменить любое решение арбитра или главного арбитра ведомственного арбитража. Органы

государственного арбитража могли проверять работу ведомственных арбитражей. Таким образом, арбитраж – это не суд, а орган государственного управления, призванный разрешать хозяйственные споры.

17 мая 1991 г. был принят Закон СССР «О Высшем арбитражном суде СССР»¹, где в ст. 1 отмечается, что Высший арбитражный суд СССР осуществляет судебную власть в пределах полномочий Союза ССР путем разрешения хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями, в том числе колхозами, индивидуальными, совместными предприятиями и международными объединениями организаций СССР и других стран, государственными и иными органами. Закон СССР «О порядке разрешения хозяйственных споров Высшим арбитражным судом СССР» от 17 мая 1991 г.² урегулировал процедуру деятельности суда по рассмотрению этого вида юридических конфликтов.

После упразднения СССР в России стала действовать система арбитражных судов, а в Беларуси – система хозяйственных судов, учрежденных Законом «О хозяйственном суде» от 5 июня 1991 г.³. Они стали рассматривать споры, возникающие при заключении, изменении, расторжении и исполнении хозяйственных договоров либо по другим основаниям, а также споры о признании недействительными актов государственных и иных органов, не имеющих нормативного характера, не соответствующих законодательству и затрагивающих интересы предприятий и организаций (ст. 23).

Такая слишком общая норма Закона «О хозяйственном суде» вызвала трудности в отнесении хозяйственных споров к юрисдикции общих или хозяйственных судов. Она была конкретизирована Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 23 марта 1995 г. «О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами»⁴.

В соответствии с Законом «О хозяйственном суде» от 5 июня 1991 г. были образованы хозяйственные областные суды и Высший Хозяйственный Суд, а в 1998 г. был создан хозяйственный суд

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 23. Ст. 651.

² Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 23. Ст. 652.

³ Вѣдамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. 1991. № 22. арт. 302.

⁴ Судовы веснік. 1995. № 2. С. 9–10.

г. Минска¹. Решения хозяйственных судов исполняли суды общей юрисдикции. И лишь 30 января 1998 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь было утверждено Положение «О Службе судебных исполнителей хозяйственных судов в Республике Беларусь»².

Адвокатура. Декрет СНК РСФСР о суде № 1 от 24 ноября 1917 г.³ ликвидировал прежнюю адвокатуру. В пункте 3 этого Декрета указывалось, что в роли обвинителей и защитников по уголовным делам и поверенных по гражданским делам допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами. Следующим нормативно-правовым актом, имеющим важное значение для развития адвокатуры в Беларуси, была Инструкция наркомата юстиции РСФСР «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» от 19 декабря 1917 г.⁴, где в пп. 6–10 отмечалось, что судебный процесс проходит с участием обвинения и защиты. В качестве обвинителей и защитников допускались по выбору сторон все пользующиеся политическими правами граждане обоего пола. При революционном трибунале учреждалась коллегия лиц, посвятивших себя правозащитничеству – форме общественного обвинения и общественной защиты, которая образовывалась путем свободной записи всех лиц, желающих оказать помощь правосудию и представивших рекомендации Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Кроме правозащитников (обвинителей и защитников, образующих коллегия при революционном трибунале), в судебных прениях могли принимать участие один обвинитель и один защитник из числа присутствующих в зале судебного заседания.

Коллегии правозащитников как первой организационной формы адвокатуры начали создаваться и в Беларуси, на незахваченных интервентами территориях. Кроме коллегий правозащитников при судах создавались бесплатные консультационные бюро для оказания юридической помощи беднейшему населению (выдача спра-

---

¹ Збор дэкрэтаў, указаў Прэзідэнта і пастановаў Урада Рэспублікі Беларусь. 1998. № 32. арт. 811.

² Там жа. № 4. арт. 93.

³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 4. Отдел первый. Ст. 50.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 12. Отдел первый. Ст. 170.

вок, составление бумаг и т. п.).

Декрет ВЦИК Советов от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)»¹ преобразовал коллегии правозаступников в коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Они учреждались при уездных и губернских исполкомах Советов. Члены коллегий как должностные лица получали заработную плату в таком же размере, как и народные судьи. Для участия в процессе защитники и обвинители персонально назначались судом из числа прикомандированных к суду членов коллегий. Плата за участие в процессах членов коллегий определялась и взималась с обвиняемых и сторон судом и зачислялась в доход государства.

После освобождения территории Беларуси от интервентов 1 августа 1920 г. Военно-революционный комитет издал приказ, который ликвидировал функционировавшую во время оккупации присяжную и частную адвокатуру и определил, что защита, как и другие юридические установления, должна была осуществляться на принципах пролетарской революции². К тому времени в РСФСР пришли к выводу, что коллегии защитников, созданные на основе Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1920 г., не оправдали себя³. Поэтому в Беларуси коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе стали упраздняться, и в соответствии с Декретом ВЦИК Советов Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 21 октября 1920 г. и изданной Наркоматом юстиции 23 ноября 1920 г. Инструкцией об организации обвинения и защиты на суде защита по уголовным делам стала являться общественной повинностью для всех граждан, которые по своей профессии, образовательному, партийному или служебному стажу были подготовлены для исполнения обязанностей защитника в судебном процессе⁴. Списки таких лиц составлялись народными судьями, революционными трибуналами, профессиональными и партийными

---

¹ Собрание указаний и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 85. Отдел первый. Ст. 889.

² Революционные комитеты БССР, июль–декабрь 1920. Минск, 1957. С. 74.

³ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. М., 1923. С. 246.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1920. № 83. Ст. 407.

организациями, коллективами сотрудников советских учреждений. Эти списки направлялись в уездные бюро юстиции или отделы юстиции (в губернских городах) и утверждались исполкомами уездных и городских исполнительских комитетов дважды в год (к 1 января и к 1 июля).

Наличие защиты как общественной повинности граждан не могло быть эффективным, поэтому 25 марта 1922 г. Наркомат юстиции ССРБ издал Положение «О Юридических Консультациях и Бюро Коллегии Правозащитников»¹, которым предусмотрел образование юридических консультаций для более квалифицированного и быстрого оказания юридической помощи населению. Юридические консультации создавались при судах. Их сотрудниками являлись все проживающие в данном городе правозащитники. На них возлагалось: юридическое консультирование; составление деловых бумаг и заявлений; выступление в судебных процессах. Юридическая помощь оказывалась безвозмездно членам профсоюзов и немущим по справкам компетентных органов, а также по усмотрению бюро правозащитников.

ЦИК ССРБ 26 июля 1922 г. утвердил Положение об адвокатуре². Подготовительный период к изданию этого Положения сопровождался бурными дискуссиями. Особенно большие разногласия возникли по вопросу о создании самостоятельных коллегий защитников: создавать их в Минске и уездных городах либо ограничиться образованием одной коллегии при Наркомюсте. Этот вопрос дважды ставился на голосование, и оба раза большинством голосов принималось предложение о создании в Минске при Наркомате юстиции единой коллегии защитников. Положение об адвокатуре 1922 г. предусматривало образование при Наркомате юстиции Коллегии защитников по уголовным и гражданским делам, члены которой получали от Наркомата юстиции свидетельство, удостоверяющее право занятия адвокатской деятельностью.

Общее собрание Коллегии защитников избирало Президиум Коллегии, который утверждался Наркомюстом. На Президиум возлагались наблюдение и контроль за исполнением защитником своих обязанностей, наложение дисциплинарных взысканий на членов Коллегии с правом обжалования постановления об этом в Нарко-

---

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. 1922. № 3. Ст. 52.

² Там же. № 5. Ст. 84.

мюст; распоряжение денежными суммами, поступающими в фонд коллегий; назначение бесплатной защиты; организация консультаций для оказания юридической помощи населению по заданиям Наркомюста. Вознаграждение защитнику за оказание юридической помощи определялось его соглашением с заинтересованной стороной. Лица, признающиеся особым постановлением народного суда неимуществами, освобождались от оплаты. Рабочие государственных и частных предприятий и служащие советских учреждений имели право оплачивать услуги защитников по таксе, установленной Наркомюстом. Кроме членов Коллегии защитников к защите допускались близкие родственники обвиняемого или потерпевшего, уполномоченные представители государственных учреждений и предприятий, а также кооперативов и других общественных организаций. Иные лица допускались только с особого разрешения суда, в производстве которого находилось дело.

26 июля 1922 г. Наркомат юстиции ССРБ принял Положение о коллегии защитников¹, которое более подробно регулировало вопросы формирования белорусской адвокатуры. В нем отмечалось, что Коллегии защитников состоят при Наркомате юстиции. Членами Коллегии защитников могли быть лица, соответствующие одному из следующих требований: 1) лица, имеющие стаж практической работы не менее 2 лет в органах советской юстиции (судьи, следователи, члены коллегии отделов юстиции, консультанты и правозащитники); 2) лица, сдавшие экзамен комиссии, образуемой Наркоматом юстиции. Члены Коллегии защитников не могли занимать должностей в государственных учреждениях и предприятиях. Исключение допускалось для лиц, занимающих должность по выборам, профессоров и преподавателей, а также юрисконсультов учреждений и предприятий.

Лица, желающие вступить в Коллегию защитников, должны были подать соответствующее заявление в президиум Коллегии, который избирался на общем собрании в количестве от 3 до 7 человек сроком на 1 год. Президиум Коллегии мог образовывать в уездных городах уездное бюро защитников, члены которого избирались общим собранием защитников, проживающих в пределах уезда или назначать из числа уездных защитников своего уполномоченного. Президиум Коллегии защитников своим постановлением мог при-

---

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. 1922. № 6. Ст. 106.

влекать члена Коллегии к дисциплинарной ответственности. Постановление могло быть обжаловано в Наркомат юстиции. Вознаграждение за ведение дела определялось по общему правилу, по взаимному соглашению заинтересованного лица и члена Коллегии защитников. С каждого получаемого за ведение дела вознаграждения защитники обязаны были отчислять 3% в фонд Коллегии. Положение о Коллегии защитников от 26 июля 1922 г. содержало приложение, в котором была изложена программа экзамена для кандидатов в члены коллегии защитников, не имеющих двухлетнего юридического стажа.

18 декабря 1925 г. было принято Постановление Народных Комиссариатов БССР «О правах и обязанностях Членов Коллегий Защитников» и Постановление «О правах и обязанностях Окружных Коллегий Защитников»¹. В соответствии с этими нормативно-правовыми актами для оказания всех видов юридической помощи при каждом из пяти окружных судов БССР (Минском, Витебском, Могилевском, Бобруйском, Мозырском) учреждалась окружная коллегия защитников по уголовным и гражданским делам. Распорядительным органом окружной коллегии было общее собрание всех членов коллегии защитников, а исполнительным – президиум и его уполномоченные. Президиум избирался общим собранием на один год. В его компетенцию входило принимать в коллегиям новых защитников, руководить и контролировать исполнение защитниками своих обязанностей, рассматривать дисциплинарные производства. Всебелорусское Объединение Коллегий Защитников созывалось по мере необходимости, но не реже одного раза в год. Его исполнительным органом был Президиум, на который возлагалось общее руководство и надзор за деятельностью окружных коллегий защитников. О своей деятельности, а также о деятельности окружных коллегий Всебелорусское Объединение Коллегий Защитников отчитывалось перед Наркоматом юстиции.

После принятия Конституции СССР 1936 г. наступил коренной поворот в организации адвокатуры: появилось законодательство Союза ССР об адвокатуре. Так, 16 августа 1939 г. СНК Союза ССР утвердил Положение об адвокатуре СССР². Согласно этому Поло-

---

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. 1926. № 1. Ст. 2; № 3. Ст. 14.

² Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1939. № 49. Ст. 394.

жению, для оказания юридической помощи населению образовывались областные, краевые и республиканские коллегии адвокатов. Их деятельностью руководил Наркомат юстиции. Все вопросы, связанные с организацией и деятельностью коллегии адвокатов, разрешались общим собранием членов коллегии и президиума коллегии адвокатов. Президиум коллегии адвокатов избирал из своего состава председателя, заместителя председателя и секретаря президиума. Ревизионная комиссия коллегии адвокатов была предназначена для проведения ревизии финансово-хозяйственной деятельности президиума коллегии и юридических консультаций. Юридической консультацией руководил заведующий. Если в юридической консультации работало не менее 15 адвокатов, то он освобождался от ведения дел и его труд оплачивался президиумом коллегии адвокатов. За недобросовестное исполнение членами коллегии адвокатов своих обязанностей президиум коллегии налагал на них дисциплинарные взыскания: выговор; строгий выговор; отстранение от работы адвоката на срок до шести месяцев; исключение из состава коллегии адвокатов. Наложение взыскания могло быть обжаловано Народному Комиссару юстиции союзной или автономной республики.

В конце 50-х – начале 60-х гг. в СССР произошло обновление законодательства. В 1958 г. были приняты «Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик»¹, где ст. 13 установлено, что в целях осуществления защиты в суде, а также для оказания иной юридической помощи гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям действуют коллегии адвокатов. Коллегии являются добровольными объединениями лиц, занимающихся адвокатской деятельностью, и действуют на основании Положения, утверждаемого Верховным Советом союзной республики. В соответствии с этим нормативным правовым актом СССР в каждой союзной республике был принят свой нормативный правовой акт об адвокатуре.

Положение об адвокатуре Белорусской ССР было утверждено Верховным Советом БССР 15 июня 1961 г.² В структуру данного нормативного правового акта входили следующие разделы: общие положения; члены коллегии адвокатов; права и обязанности адвокатов; коллегии адвокатов Белорусской ССР; областные коллегии

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 12.

² Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. 1961. № 19. Ст. 186.

адвокатов; юридические консультации; меры поощрения адвокатов; дисциплинарная ответственность адвокатов; средства и отчетность коллегии адвокатов. Согласно этому Положению, коллегия адвокатов являлась добровольным объединением лиц, занимающихся адвокатской деятельностью. Своей деятельностью коллегии адвокатов содействовали охране прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений, организаций и колхозов; соблюдению и укреплению социалистической законности и осуществлению правосудия. Общее руководство деятельностью адвокатуры осуществлял Совет Министров Белорусской ССР. Члены коллегии адвокатов не могли состоять на службе в государственных, кооперативных и общественных предприятиях, учреждениях и организациях. Органами коллегии адвокатов Белорусской ССР являлись: 1) съезд адвокатов Белорусской ССР; 2) президиум коллегии адвокатов Белорусской ССР; 3) ревизионная комиссия. Кроме коллегии адвокатов Белорусской ССР, куда включались все адвокаты, существовали областные коллегии адвокатов, органами которых были общие собрания членов областной коллегии адвокатов, президиум областной коллегии адвокатов и ревизионная комиссия. Вскоре после принятия Положения об адвокатуре БССР 1961 г. в него начали вносить существенные изменения и дополнения. Они касались организации и деятельности адвокатуры.

Следующий этап в развитии адвокатуры нужно связывать с Конституцией СССР 1977 г.¹, которая впервые в истории советской адвокатуры определила ее статус в обществе. В статье 161 Конституции СССР сказано: «Для оказания юридической помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов. В случаях, предусмотренных законодательством, юридическая помощь гражданам оказывается бесплатно. Организация и порядок деятельности адвокатуры определяются законодательством Союза ССР и союзных республик». В соответствии с этим положением Конституции СССР 1977 г. Верховным Советом СССР 30 ноября 1979 г. был принят Закон об адвокатуре в СССР², который определил основные вопросы организации и деятельности адвокатуры. На основе этого закона союзные республики приняли свои нормативные правовые акты об адвокатуре.

В БССР 21 мая 1981 г. принято Положение об адвокатуре Бе-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

² Там же. 1979. № 49. Ст. 846.

лорусской ССР¹. Оно включает следующие разделы: общие положения; коллегии адвокатов и их органы; состав коллегии адвокатов; права и обязанности членов коллегии адвокатов; юридические консультации; регулирование и оплата труда адвокатов; поощрение и дисциплинарная ответственность адвокатов; прекращение членства в коллегии адвокатов; средства коллегии адвокатов; взаимоотношения адвокатуры с государственными органами и общественными организациями.

В статье 1 Положения об адвокатуре БССР от 21 мая 1981 г. определены задачи адвокатуры, главная из которых – оказание юридической помощи гражданам и организациям. В этой статье также сказано: «адвокатура Белорусской ССР содействует охране прав и законных интересов граждан и организаций, осуществлению правосудия, соблюдению и укреплению социалистической законности, воспитанию граждан в духе точного и неукоснительного исполнения советских законов, бережного отношения к народному добру, соблюдения дисциплины труда, уважения к правам, чести и достоинству других лиц, к правилам социалистического общежития».

В соответствии с данным нормативным правовым актом в БССР действовали областные и Минская городская коллегия адвокатов. С согласия Министерства юстиции СССР могли образовываться межтерриториальные и другие коллегии адвокатов. Однако таковых в БССР не было. Адвокаты объединились в коллегии, органами которых являлись: 1) общее собрание членов коллегии; 2) президиум коллегии; 3) ревизионная комиссия. Для того, чтобы лицо было принято в коллегия адвокатов, оно должно было иметь высшее юридическое образование, стаж работы по специальности юриста не менее двух лет. Для не имеющих такого стажа предусматривалась стажировка сроком от шести месяцев до одного года. Члены коллегии адвокатов и стажеры не могли состоять на службе в государственных и общественных организациях. Исключение могло быть допущено президиумом коллегии адвокатов для лиц, занимающихся научной или педагогической деятельностью, а также для членов коллегии, работающих в районах, в которых объем адвокатской работы являлся недостаточным.

Организационной формой адвокатуры были юридические консультации. По довольно широкому кругу дел Положение об адвокатах

---

¹ Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР. 1981. № 15. Ст. 296.

туре в БССР от 1981 г. предусматривало оказание гражданам юридической помощи бесплатно (ст. 22). Адвокат мог быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Дисциплинарное взыскание налагалось постановлением президиума коллегии адвокатов и могло быть обжаловано общему собранию членов коллегии. Адвокат мог быть исключен из коллегии адвокатов за недобросовестное отношение к своим обязанностям, за совершение проступков, не совместимых с пребыванием в коллегии. Характерно, что ст. 34 Положения об адвокатуре предусматривала обжалование такого решения президиума коллегии в судебном порядке.

Адвокатура взаимодействовала с Министерством юстиции, отделом юстиции исполкома областного (Минского городского) Совета народных депутатов, с другими государственными органами, а также с общественными организациями (товарищескими судами, добровольными народными дружинами и т. д.). Положение об адвокатуре от 21 мая 1981 г. Белорусской ССР действовало до принятия в Республике Беларусь Закона «Об адвокатуре» от 15 июня 1993 г.¹

Прокуратура. В Беларуси до 1922 г. не было специального органа по надзору за точным и единообразным исполнением законов. До образования прокуратуры ее функции осуществляли различные органы государственной власти: Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), Совет Народных Комиссаров (СНК), Народный Комиссариат Юстиции (НКЮ), народные суды и др. Вопрос об учреждении прокуратуры в Беларуси встал, когда создались условия для мирного хозяйственного строительства и осуществления новой экономической политики (НЭП). Еще до принятия законодательства о прокуратуре в Беларуси начали учреждаться прокурорские должности. В аппарате Наркомата юстиции был образован отдел охраны революционной законности в составе заведующего отделом (наркома юстиции) и «товарищей прокурора». Такие же отделы были созданы и в уездах². В дальнейшем существенное воздействие на становление и развитие прокуратуры в Беларуси оказало законодательство РСФСР, а затем СССР.

В конце 1921 г. по инициативе В.И. Ленина Наркомат юстиции РСФСР разработал проект Положения о прокурорском надзоре, который в мае 1922 г. был передан на рассмотрение ВЦИК. Этот про-

¹ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 20. Ст. 242.

² *Мартиневич И.И.* Становление прокурорского надзора в Белорусской ССР // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М., 1973. С. 305–312.

ект обсуждался на III Сессии ВЦИК, на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, в Политбюро. При обсуждении проекта возникли разногласия, суть которых касалась взаимоотношений прокуратуры с местными органами власти. Одни отстаивали идею создания единой, централизованной и независимой от местных органов власти прокуратуры. Другие высказывались против централизации прокуратуры, требовали подчинить местных прокуроров местным органам власти, иначе значимость Советов как органов государственной власти снизится. В результате обсуждения проекта Положения о прокурорском надзоре большинство высказалось против предоставления прокурору права опротестовывать постановления местных органов власти, т. е. против централизации прокуратуры. В связи с этим В.И. Ленин, который ввиду болезни не участвовал в работе сессии ВЦИК, продиктовал по телефону письмо (т. Сталину для членов Политбюро), опубликованное под названием «О “двойном” подчинении и законности»¹. В этом письме В.И. Ленин настаивал на том, чтобы прокуратура была независимой от местных органов власти, чтобы прокурор был правомочен опротестовать всякое незаконное решение и обладать исключительным правом передать дело в суд. Однако этот замысел В.И. Ленина не был осуществлен. При новом обсуждении в Политбюро проекта Положения слова «с правом передать дело на решение суда» были из него исключены². Положение о прокурорском надзоре РСФСР было утверждено 28 мая 1922 г.³, согласно которому в составе Наркомата юстиции РСФСР образовался отдел прокуратуры для надзора за соблюдением законов. Во главе его в качестве Прокурора Республики стал Нарком юстиции РСФСР.

В Беларуси Положение о прокурорском надзоре было утверждено ЦИК 26 июня 1922 г.⁴, согласно которому прокуратура учреждалась в качестве отдела в составе Наркомата юстиции. Следовательно, одно и то же лицо одновременно было Прокурором Республики и Народным Комиссаром Юстиции. В подчинении Прокурора

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 197–201.

² Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1995. С. 188.

³ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: сб. документов / под ред. С.А. Голунского. М., 1955. С. 230–232.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. 1922. № 5. Ст. 83.

Республики состояли помощники Прокурора, которые им же назначались, увольнялись и отстранялись от должности.

На прокуратуру возлагалось осуществление общего надзора, возбуждение уголовного преследования, наблюдение за деятельностью органов дознания и следствия, утверждение обвинительного заключения, участие в судебных заседаниях, опротестовывание приговоров и определений судов. Эти функции Прокурор Республики осуществлял лично или через своих помощников, права и обязанности которых были регламентированы в Инструкции Наркомата юстиции от 4 августа 1922 г. «О правах и обязанностях Помощников Прокурора Республики»¹. Помощники Прокурора обязаны были ежемесячно отчитываться перед Прокурором по следующим направлениям: 1) о своей деятельности; 2) о работе органов дознания и следствия; 3) о работе местных органов власти; 4) о делах по должностным преступлениям; 5) о состоянии мест лишения свободы.

5 июня 1925 г. был издан Циркуляр Народного Комиссариата Юстиции «О компетенции окружных прокуроров в области уголовного и гражданского процесса»². В нем отмечалось, что в связи с проведением в БССР нового административно-территориального деления и образованием вместо уездов округов, имеющих более обширную территорию по сравнению с упраздненными уездами, функции у окружных прокуроров стали такими же, как у губернских прокуроров согласно Уголовно-процессуальному кодексу.

В функции Прокуратуры входило осуществление надзора за точным исполнением трудового законодательства. В этих целях 21 февраля 1925 г. ЦИК и СНК БССР учредили в составе Наркомата Юстиции должность прокурора по трудовым делам. Он назначался Прокурором Республики по согласованию с Наркоматом труда и пользовался правами Прокурора при Наркомате юстиции. 15 июня 1925 г. Народный Комиссариат Юстиции и Прокурор Республики издали Положение о правах и обязанностях Прокурора по трудовым делам при НКЮ БССР³. В отношении трудовых дел ему принадлежало право возбуждать уголовные дела в связи с нарушением законов о труде, осуществлять надзор за дознанием и следствием по

---

¹ Там же. № 7. Ст. 115.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. 1925. № 28. Отдел первый. Ст. 264.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики 1925. № 28. Отдел первый. Ст. 266.

трудовым делам, участвовать в судебных заседаниях, опротестовывать приговоры и определения и т. д. Прокурор по трудовым делам руководил деятельностью окружных прокуроров и Инспекций труда в отношении трудовых дел путем дачи указаний и разъяснений, которые должны были утверждаться Прокурором Республики и издаваться от его имени.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР»¹ положило начало развитию общесоюзного законодательства о прокурорском надзоре. В этом постановлении говорилось, что Прокуратура СССР учреждается «в целях укрепления социалистической законности и должной охраны общественной собственности по Союзу ССР от покушений со стороны противообщественных элементов». Положение о Прокуратуре Союза ССР было утверждено ЦИК и СНК СССР 17 декабря 1933 г.² Оно положило начало централизации и самостоятельности прокуратуры. В пункте 11 данного Положения говорилось, что прокуроры союзных республик назначаются и отзываются Прокурором СССР по согласованию с центральными комитетами союзных республик.

Однако в БССР, как и в других союзных республиках, прокуратура по-прежнему находилась в составе Наркомата юстиции. И только когда был образован Наркомат юстиции СССР в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г. «Об образовании Народного Комиссариата юстиции Союза ССР»³, прокуратура БССР была выведена из состава Наркомата юстиции БССР и стала полностью подчиняться Прокурору СССР. К слову сказать, это постановление установило, что уголовное и гражданское законодательство, а также законы о судоустройстве и судопроизводстве должны быть едиными для всего Союза ССР.

СНК СССР 5 ноября 1936 г. вынес постановление «О структуре Прокуратуры Союза ССР»⁴, которым утвердил следующую структуру центрального аппарата Прокуратуры СССР: главная военная прокуратура; главная прокуратура железнодорожного транспорта; главная прокуратура водного транспорта; отдел общего надзора; уголовно-

---

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1933. № 40. Ст. 239.

² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1934. №1. Ст. 2а, 2б.

³ Там же. 1936. № 40. Отдел первый. Ст. 338.

⁴ Там же. № 59. Отдел первый. Ст. 450.

следственный отдел; гражданско-судебный отдел; следственный отдел; отдел по специальным делам; отдел по надзору за местами заключения; отдел по жалобам; отдел кадров; группа учета и информации; особый сектор; управление делами; секретариат. При Прокуратуре СССР состояли прокуроры для особых поручений, следователи по важнейшим делам, инспектора и контролеры. В пункте 3 данного постановления отмечалось: «Предложить Прокурору Союза ССР применительно к установленной ... структуре центрального аппарата установить структуру прокуратур союзных и автономных республик, краев и областей». В последующем в БССР не принимались законы, регламентирующие деятельность прокуратуры, так как это было отнесено к компетенции Союза ССР.

В 40-е годы высшими органами государственной власти СССР был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на упрочение значимости прокуратуры в государстве. Так, 16 сентября 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об установлении классовых чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры», а Совет Народных Комиссаров СССР принял Постановление «О введении форменной одежды для прокурорско-следственных работников органов Прокуратуры СССР». Законом СССР от 19 марта 1946 г. Верховный Совет СССР постановил присвоить Прокурору СССР наименование Генерального Прокурора СССР¹.

После XX съезда КПСС был взят курс на преобразование системы прокурорского надзора. 24 мая 1955 г. было принято Положение о прокурорском надзоре в СССР². Отныне органы предварительного следствия, в том числе и органы государственной безопасности, находились под наблюдением прокуратуры: в составе Прокуратуры СССР действовал специальный отдел по надзору за следствием в органах государственной безопасности.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1966 г. было утверждено Положение о военной прокуратуре³.

В Конституции СССР 1977 г.⁴ прокуратуре посвящена глава 21, где прокурорский надзор характеризуется как высший надзор за законностью. 30 ноября 1977 г. Верховный Совет СССР принял За-

---

¹ Советская прокуратура: сб. документов. М., 1981. С. 129-133, 135.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 9. Ст. 222.

³ Там же. 1966. № 50. Ст. 1021.

⁴ Там же. 1977. № 41. Ст. 617.

кон о прокуратуре СССР¹. Этот закон включал следующие разделы: 1) общие положения; 2) система органов прокуратуры и их организация; 3) прокурорский надзор; 4) иные вопросы организации и деятельности органов прокуратуры.

Система органов прокуратуры состояла из Прокуратуры СССР, прокуратур союзных, автономных республик, автономных областей и округов, районных, городских прокуратур. В 1989 г. была установлена новая структура Прокуратуры СССР²: одно Главное управление по надзору за следствием и дознанием и 14 управлений. Кроме того, в составе Прокуратуры СССР было создано несколько отделов: по надзору за рассмотрением гражданских дел в судах, по надзору за соблюдением законов в исправительно-трудовых учреждениях, систематизации и пропаганде советского законодательства и Главная военная прокуратура³.

Работникам органов прокуратуры присваивались классные чины в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1980 г.⁴

После образования Республики Беларусь как суверенного государства законодательство СССР о прокуратуре действовало на ее территории лишь в той части, в которой оно не противоречило ее законодательству, а 29 января 1993 г. был принят Закон Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь»⁵.

Органы предварительного следствия и дознания. После прихода к власти большевиков, согласно Декрету о суде № 1 от 24 октября 1917 г.,⁶ предварительное следствие по общеуголовным преступлениям осуществляли местные народные судьи. Постановления о личном задержании утверждались всем составом местного суда. С изданием 7 марта 1918 г. Декрета о суде № 2⁷ стали учреждаться окружные следственные комиссии (позднее получили название уголовно-следственных комиссий). Они представляли собой коллегиальные органы, предназначенные для расследования

---

¹ Там же. 1979. № 49. Ст. 843.

² Там же. 1989. № 6. Ст. 42.

³ Там же. 1980. № 23. Ст. 438.

⁴ Там же. 1980. № 45. Ст. 950.

⁵ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 10. Ст. 95.

⁶ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 4. Ст. 50.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 26. Отдел первый. Ст. 420.

преступлений, превышающих подсудность местного народного суда. Следственные комиссии состояли из трех лиц, избираемых Советом рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. В дальнейшем Декретом о суде № 3 от 20 июля 1918 г.¹ подсудность местных народных судей была сужена за счет расширения подсудственности уголовно-следственных комиссий. Для расследования преступлений создавались и органы дознания: штабы красной гвардии, инспекции труда на промышленных предприятиях и др. Среди них особое место занимала милиция, функции которой изначально были разнообразны.

28 октября (10 ноября) 1917 г. НКВД РСФСР издал постановление «О рабочей милиции», которое явилось первым нормативно-правовым актом, юридически определяющим создание советской милиции. В нем предписывалось, что все «Советы Рабочих и Солдатских Депутатов учреждают рабочую милицию». В вопросах определения организационных форм деятельности милиции местным органам власти была предоставлена полная свобода. В соответствии с постановлением НКВД «О рабочей милиции» на местах создавались вооруженные формирования под различными названиями: отряды Красной гвардии, охранные дружины, специальные отряды охраны и т. д. Милиция не была построена на профессиональных началах, поскольку существовала идея всеобщего вооружения народа для защиты завоеваний революции. Однако угроза военной интервенции, выступления противников Октябрьской революции (саботаж чиновников, мятежи, заговоры) потребовали создания постоянного органа охраны революционного порядка.

Осенью 1917 г. на не оккупированной части Беларуси была установлена советская власть и создан высший орган власти – Исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзап), который постановил образовать СНК и комиссариаты, в том числе и комиссариат внутренних дел. В Беларуси в октябре 1917 г. продолжала функционировать милиция, созданная Временным правительством, которое демократизировало организацию и деятельность полиции, придав ей новое название – народная милиция. 4 марта 1917 г. приказом коменданта города Минска служащий Всероссийского земского союза М. Михайлов (М.В. Фрунзе) был назначен начальником

---

¹ Там же. № 52. Ст. 589.

милиции Всероссийского земского союза по охране порядка в городе. Он собрал в милицию революционно настроенных рабочих и солдат, что и определило характер ее деятельности. К концу 1918 г. формирование рабоче-крестьянской милиции в основном завершилось. Вскоре органы власти приступили к созданию транспортной милиции (речной и железнодорожной).

Накопленный советской милицией опыт был закреплен в Положении «О рабоче-крестьянской милиции», принятом ВЦИК 10 июня 1920 г.¹ В нем отмечалось, что в состав рабоче-крестьянской милиции входят: городская и уездная милиция; промышленная (фабрично-заводская, лесная и горнопромышленная и т. п.); железнодорожная; водная (речная, морская); розыскная милиция. Народный Комиссариат по военным делам мог привлекать милицию в действующую Красную армию, но с таким расчетом, чтобы в действующей армии одновременно находилось не свыше одной пятой ее наличного состава. Рабоче-крестьянская милиция находилась в ведении НКВД, где функционировало Главное управление милиции. Его возглавлял член коллегии НКВД. Он являлся начальником милиции Республики.

В первые годы советской власти предварительное следствие по уголовным делам о воинских преступлениях проводили, согласно ст. 2 и ст. 3 Декрета о суде № 1,² полковые (отрядные) местные суды. Позже эту функцию стали осуществлять следственные комиссии фронтовых, полковых (отрядных) местных судов. Дознание вели комиссары и начальствующий состав воинских частей.

Положение о народном суде РСФСР, принятое ВЦИК 30 ноября 1918 г.³, наметило переход от коллегиального следствия к единоличному. Следственные комиссии стали поручать проведение следственных действий своим работникам. Единоличное следствие было характерным и для органов военной юстиции. В соответствии с Положением о революционных военных трибуналах, утвержденным 4 февраля 1919 г.⁴, на военных следователей возлагалось производство предварительного следствия по делам о преступлениях

---

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1920. № 79. Ст. 371.

² Там же. 1917. № 4. Ст. 50.

³ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры (1917–1954 гг.): сб. документов / под ред. С.А. Голунского. М., 1955. С. 66–72.

⁴ Там же. С. 79–80.

военного характера (кроме дел о шпионаже и контрреволюционных преступлениях).

В Приказе Реввоенсовета Республики от 30 сентября 1919 г. «О утверждении и введении в действие Положения о военных следователях»¹ отмечалось, что для производства предварительного следствия по преступлениям военнослужащих военные следователи состоят при революционных военных трибуналах, а также при окружных и губернских военных комиссариатах.

25 мая 1922 г. был принят УПК РСФСР,² действие которого было распространено на Беларусь. В статье 23, разъяснявшей употребляемые в кодексе термины, под словом «следователь» понимались: народные следователи; следователи, состоящие при Советах народных судей и революционных трибуналах; военные следователи; следователи по важнейшим делам при Наркомате юстиции. После утверждения в Беларуси 26 июня 1922 г. Положения о прокурорском надзоре³ на прокуратуру было возложено непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов, а также органов дознания.

Положение о судоустройстве в Социалистической Советской Республике Белоруссии от 30 марта 1923 г.⁴ предусматривало две категории следователей: 1) народные следователи при следственных участках; 2) народные следователи при отделе прокуратуры наркомата юстиции. Образование следственных участков и назначение народных следователей на должность производилось Высшим Судом Республики. Следователи по важнейшим делам назначались, перемещались и отстранялись отделом прокуратуры Наркомата юстиции.

В Положении о судоустройстве БССР, утвержденном 15 июля 1924 г.⁵, предусматривалось, что назначение, перемещение, увольнение следователей производится Прокурором Республики. При участковом народном следователе состояли секретарь и рассыльный.

УПК РСФСР 1923 г.⁶, действие которого было распространено

---

¹ Там же. С. 104–111.

² Там же. С. 187–230.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. 1922. № 5. Ст. 83.

⁴ Там же. 1923. № 4. Ст. 40.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. 1922. № 5. Ст. 83. 1924. № 12. Ст. 112.

⁶ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры (1917–1954 гг.): сб. документов / под ред. С.А. Голунского. М., 1955. С. 251–294.

на БССР, в организацию следственного аппарата не внес существенных изменений. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 1924 г.¹ подтвердили, что «органами, производящими предварительное расследование преступлений, являются органы дознания, следователи и иные должностные лица, коим это предоставлено общесоюзными законами и законами союзных республик» (ст. 7).

По Положению о судоустройстве БССР от 31 октября 1925 г.² следователи подразделялись на: 1) участковых следователей при следственных участках; 2) старших следователей при окружных прокуратурах; 3) следователей по важнейшим делам при отделе прокуратуры наркомата юстиции (ст. 80). Таким образом, на первоначальном этапе развития советских органов предварительного следствия следователи находились в ведении органов, при которых они состояли (при местных судах, военных трибуналах, Наркомате юстиции и др.).

В дальнейшем реорганизация органов предварительного следствия связана с организацией общесоюзных правоохранительных органов. Образование общесоюзной прокуратуры привело к укреплению в ее пределах следственного аппарата. При Прокуратуре СССР были учреждены следователи по важнейшим делам. Создание Наркомата юстиции СССР привело к выделению из системы НКЮ союзных и автономных республик органов прокуратуры и следствия и подчинению их Прокурору СССР.

В 1924 и в 1926 гг. произошло расширение территории Беларуси. К ней отошли ряд уездов и волостей Витебской, Смоленской, Гомельской губерний, населенных преимущественно белорусами.

На этих территориях были созданы управления милиции и уголовного розыска. Постановлением ЦИК и СНК БССР от 3 ноября 1924 г. было утверждено Положение о Народном Комиссариате Внутренних Дел БССР³, согласно которому управления милиции и розыска слились в единый орган – Управление милиции и уголовного розыска, который включал: а) отдел милиции; б) отдел уголовного розыска; в) материальный отдел.

---

¹ Там же. С. 367–371.

² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. 1925. № 49. Отдел первый. Ст. 382.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. 1924. № 25–26. Ст. 230.

Для усиления борьбы с преступностью были приняты меры по укреплению личного состава милиции. С этой целью ЦИК и СНК БССР 7 августа 1926 г. приняли постановление «Об утверждении положения о службе Рабоче-Крестьянской Милиции БССР»¹, согласно которому управление милиции НКВД БССР являлось центральным органом милиции республики, а на местах: в округе – управление окружной милиции; в районе – управление районной милиции; в участке района – старший районный милиционер. 22 марта 1928 г. ЦИК и СНК БССР приняли постановление об изменении некоторых статей «Положения о службе Рабоче-Крестьянской Милиции»², в котором уточнялся статус работников милиции.

25 мая 1931 г. СНК СССР утвердил «Положение о рабоче-крестьянской милиции»³, в котором говорилось, что основная задача милиции – охрана революционного порядка и общественной безопасности, необходимых для социалистического строительства. Милиция делилась на: 1) общую милицию; 2) ведомственную милицию. Центральными органами милиции стали управления милиции союзных республик, состоящие при СНК союзных республик. Местными органами милиции являлись областные (и приравненные к ним) управления милиции. Общая милиция выполняла следующие обязанности по борьбе с преступностью: предупреждала и пресекала преступления; обнаруживала и расследовала совершенные преступления; разыскивала лиц, скрывающихся от расследования, суда и исполнения приговора; разыскивала похищенное имущество; приводила в исполнение приговоры судов о ссылке и высылке; вела учет высланных и сосланных и осуществляла специальный надзор за ними. Ведомственная милиция наряду со специальной охраной отдельных предприятий, сооружений и имущества государственных и общественных органов выполняла на территории охраняемых предприятий и сооружений обязанности общей милиции.

После образования СССР функции СНК БССР сузились. Для руководства милицией было создано самостоятельное Главное управление рабоче-крестьянской милиции при СНК БССР. Однако, когда в 1932 г. была установлена паспортная система, на милицию

---

¹ Там же. 1926. № 35. Ст. 129.

² Там же. 1928. № 12. Ст. 99.

³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1931. № 33. Ст. 247.

стала возлагаться обязанность следить за паспортным режимом. В связи с этим 27 декабря 1932 г. было издано постановление об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР¹. Милиция перестала подчиняться местным органам и находилась непосредственно в подчинении вышестоящих ведомственных органов. После принятия 10 июля 1934 г. Постановления ЦИК СССР об образовании общесоюзного НКВД² в составе НКВД СССР было образовано Главное управление рабоче-крестьянской милиции. В БССР было вновь образовано НКВД.

В 1938 г. Верховный Совет БССР установил в Беларуси областное административно-территориальное деление. В связи с этим были образованы областные органы НКВД.

Ведомственным актом НКВД СССР в 1940 г. учреждены должности следователей и старших следователей милиции, организационно объединенные в следственные отделы во главе с начальником отдела, хотя УПК союзных республик о следователях милиции не упоминало.

В период Великой Отечественной войны в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий подследственность военных следователей была расширена. Органы расследования должны были действовать в тесном контакте с командованием воинских соединений, военными советами, к которым переходили функции государственной власти. После окончания войны (1941–1945) законы военного времени были отменены.

25 декабря 1958 г. были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик³, а в 1960 г. УПК БССР. В соответствии с этими нормативно-правовыми актами производство предварительного следствия осуществлялось следователями прокуратуры и следователями органов государственной безопасности. Уголовно-процессуальное законодательство расширило подследственность следственного аппарата за счет сокращения подследственности органов дознания.

В 1963 г. в органах охраны общественного порядка (в то время так назывались органы внутренних дел) был создан следственный аппарат. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля

---

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1932. № 84. Ст. 518, 519.

² Там же. 1934. № 36. Ст. 283.

³ Ведомости Верховного Совета ССР. 1959. № 1. Ст. 15.

1963 г. «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка»¹ отмечалось, что следственный аппарат создается для укрепления законности. Следственному аппарату органов охраны общественного порядка стала подследственна значительная часть преступлений, расследование которых ранее относилось к компетенции прокуратуры. К середине 60-х гг. XX в. в Беларуси сложилось три самостоятельных следственных аппарата: в прокуратуре, органах внутренних дел и органах государственной безопасности.

В первые годы Советской власти предварительное следствие по делам о контрреволюционных (политических) и иных особо опасных преступлениях осуществлялось, согласно Декрету о суде № 1,² коллегиальными органами – следственными комиссиями при губернских и городских Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эти дела были подсудны революционным трибуналам. По особо важным делам предварительное следствие осуществлялось следственной комиссией Революционного трибунала при ВЦИК³ в составе трех человек, избираемых ВЦИК. Расследование дел о контрреволюции, саботаже, спекуляции и должностных преступлениях проводили Всероссийская и местные чрезвычайные комиссии.

6 (19) декабря 1917 г. ЦИК, обсуждая сообщение о готовящейся всероссийской забастовке государственных служащих, поручил Ф.Э. Дзержинскому создать особую комиссию для выяснения способов борьбы с забастовкой. Обстановка была чрезвычайной. Привилегированные слои населения, буржуазия, помещики предпринимали отчаянные усилия для подрыва завоеваний революции. Их сторонники саботировали работу, организовывали стачки. 7 (20) декабря 1917 г. СНК, заслушав доклад Ф.Э. Дзержинского, принял постановление об учреждении *Всероссийской Чрезвычайной комиссии при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем* (ВЧК). СНК наметил основные задачи комиссии: 1) пресечение и ликвидация всех контрреволюционных и саботажнических попыток и действий; 2) предание суду ревтрибунала всех саботажников, контрреволюционеров и выработка мер борьбы с

¹ Ведомости Верховного Совета ССР. 1963. № 16. Ст. 181.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. 1917. № 4. Ст. 50.

³ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры (1917–1954 гг.): сб. документов / под ред. С.А. Голунского. М., 1955. С. 45.

ними; 3) ведение предварительного расследования преступлений, поскольку это нужно для пресечения преступления¹. Возглавил ВЧК Ф.Э. Дзержинский.

Первый состав ВЧК состоял из большевиков. В январе 1918 г. в ее состав вошли левые эсеры, поскольку к тому времени представители этой партии были в составе Советского правительства. В феврале 1918 г. произошло изменение в функциях ВЧК. Она стала применять внесудебные репрессии. Юридическим и идеологическим основанием для применения расстрела послужило постановление СНК от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности!»², которое предписывало расстреливать на месте особо опасных преступников. В связи с этим в ВЧК появилась еще одна функция – предварительное расследование уголовных дел, которые подлежали рассмотрению не в суде, а в коллегии ВЧК. В постановлении ВЦИК от 17 февраля 1919 г. «О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» сказано, что «за чрезвычайными комиссиями сохраняется право непосредственной расправы для пресечения преступлений»³.

Для активизации создания местных ЧК (чрезвычайных комиссий) и уточнения их функций ВЧК 22 марта 1918 г. приняла Постановление, в котором указывалось следующее:

«1. Предлагается всем Советам на местах и в районах немедленно организовать означенные, с одинаковым названием, комиссии.

2. Чрезвычайные комиссии борются с контрреволюцией и спекуляцией, злоупотреблениями по должности и посредством печати.

3. Отныне право производства всех арестов, обысков, реквизиций, конфискаций и проч., связанных с поименованными преступлениями, принадлежит исключительно этим чрезвычайным комиссиям как в г. Москве, так и на местах»⁴.

В борьбе с вооруженными контрреволюционерами и бандами чекистам помогали отряды Красной гвардии и части Красной армии. Но ВЧК нуждалась в постоянной вооруженной силе, и постепенно начали создаваться специальные войска ВЧК.

---

¹ В.И. Ленин и ВЧК: сб. документов (1917–1922 гг.). 2-е изд. М., 1987. С. 18–24.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357–358.

³ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры (1917–1954 гг.): сб. документов / под ред. С.А. Голунского. М., 1955. С. 81.

⁴ Цит. по: *Портнов В.П.* ВЧК (1917–1922 гг.). М., 1987. С. 57.

Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. конкретизировал компетенцию органов ВЧК, изъял некоторые уголовные дела из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении, и передал их органам ВЧК, которые могли применять внесудебные репрессии. Это касалось следующих преступлений: 1) принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против советской власти; 2) государственная измена, шпионаж, укрывательство изменников и шпионов; 3) сокрытие в контрреволюционных целях боевого оружия; 4) подделка денежных знаков, подлог в контрреволюционных целях документов; 5) участие в контрреволюционных целях в поджогах и взрывах; 6) умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, мостов и других объектов, имеющих военное значение; 7) бандитизм; 8) разбой и вооруженный грабеж; 9) взлом советских и общественных складов и магазинов с целью хищения; 10) незаконная торговля кокаином¹.

Определенные изменения в компетенцию ВЧК и местных ЧК внесло Положение о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г.², которое возлагало на ВЧК и местные ЧК обязанность ведения предварительного следствия по уголовным делам, подлежащим направлению в ревтрибуналы. Территориальные ревтрибуналы избирались местными Советами и губернскими исполкомами в составе председателя и двух членов, один из которых – из коллегии губернской ЧК. Чекисты входили в состав не только территориальных, но и военных ревтрибуналов. В исключительных случаях, точно перечисленных в этом Положении, ВЧК и губернским ЧК предоставлялось право заключать виновных в лагерь принудительных работ на срок не свыше 5 лет (ст. 1).

Продвижение польских войск в конце апреля – начале мая 1920 г. по территории Беларуси привело к активным действиям ВЧК и местных ЧК по изоляции лиц, враждебно настроенных к советской власти.

Декрет ВЦИК от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех революционных трибуналов Республики»³ уточнил полномочия органов ВЧК по применению внесудебных репрессий. ЧК могли назначать

---

¹ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры (1917–1954 гг.): сб. документов / под ред. С.А. Голунского. М., 1955. С. 88.

² Там же. С. 126–133.

³ Там же. С. 168–171.

лишение свободы на срок не более двух лет. В местностях, объявленных на военном положении, за ЧК сохранилось право применения любых мер наказания вплоть до расстрела по трем категориям дел: 1) шпионаж; 2) бандитизм; 3) участие в открытом вооруженном восстании.

С переходом Советского государства к мирному строительству в существовании ВЧК отпала необходимость и 6 марта 1922 г. ВЦИК принял Декрет «Об упразднении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов»¹. На НКВД были возложены обязанности: подавления бандитизма, контрреволюционных выступлений, борьбы со шпионажем, контрабандой, переходом границ, а также охраны границ, железнодорожных и водных путей сообщения. Для проведения в жизнь этих задач при НКВД было образовано *Государственное Политическое Управление (ГПУ)* под председательством Народного Комиссара Внутренних дел или назначаемого СНК его заместителя. На местах создавались Политические отделы (в губерниях при губернских исполкомах).

16 октября 1922 г. ВЦИК своим постановлением предоставил ГПУ право осуществлять внесудебную расправу вплоть до расстрела в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях. Особой комиссии НКВД этим постановлением разрешалось высылать и заключать в лагеря принудительных работ деятелей антисоветских политических партий².

С образованием СССР функции НКВД, касающиеся государственной безопасности, были изъяты из его ведения и переданы новообразовавшемуся общесоюзному органу – *Объединенному Государственному Политическому Управлению (ОГПУ)*. А 15 ноября 1923 г. Декретом ЦИК было утверждено «Положение об Объединенном Государственном Политическом Управлении Союза Советских Социалистических Республик и его органах»³. ОГПУ создавалось в целях объединения революционных усилий республик по

---

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1922. № 16. Ст. 160.

² Курицын В.М. 1937 год в истории Советского государства // Советское государство и право. 1988. № 2. С. 109–119.

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1924. № 12. Ст. 105.

борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. Председатель ОГПУ и его заместитель назначались Президиумом ЦИК Союза ССР, и один из них входил с правом совещательного голоса в СНК СССР. При Председателе ОГПУ существовала коллегия, члены которой утверждались СНК СССР.

Сотрудники ОГПУ приравнивались к лицам, состоящим на действительной военной службе. В распоряжении ОГПУ состояли особые войска. ОГПУ руководило работой местных органов государственных политических управлений через своих уполномоченных при СНК союзных республик.

28 марта 1924 г. ЦИК СССР утвердил «Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь». Постановление об этих мерах могло выносить Особое совещание при ОГПУ в составе трех членов коллегии ОГПУ с обязательным участием прокурора. Внесудебную деятельность осуществляла и коллегия ОГПУ. Циркулярами ОГПУ от 29 октября 1929 г. и от 8 апреля 1931 г. в центральном аппарате были образованы «тройки» для предварительного рассмотрения следственных дел и последующего их доклада на заседаниях коллегии или Особого совещания. В состав «троек» входили руководители оперативных управлений (отделов) ОГПУ и полномочный представитель ОГПУ в Московском военном округе. Созданные «тройки» рассматривали следственные дела, представляемые как центральным аппаратом, так и местными органами. Циркуляром 1931 г. предусматривалось участие в заседаниях «троек» представителя прокуратуры ОГПУ¹.

Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. ОГПУ как самостоятельный орган было ликвидировано. Оно вошло в состав общесоюзного НКВД. Судебная коллегия ОГПУ была упразднена². Однако Особое совещание при НКВД сохранилось. Ему было предоставлено право заключать в исправительно-трудовые лагеря, а также определять ссылку и высылку до 5 лет либо высылку за пределы СССР лиц, признаваемых общественно опасными.

Приказом НКВД СССР от 27 мая 1935 г. в НКВД республик и Управлениях НКВД краев, областей были организованы «тройки»

¹ О внесудебных репрессиях // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81.

² История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры (1917–1954 гг.): сб. документов / под ред. С.А. Голунского. М., 1955. С. 517.

НКВД, на которые распространились права Особого совещания. В связи с проведением массовых репрессий приказом НКВД СССР от 30 июля 1937 г. были созданы республиканские, краевые и областные «тройки» для рассмотрения дел «общественно опасных лиц», которые по мерам наказания разделялись на две категории: к первой относились наиболее враждебные лица, а ко второй – остальные, подлежащие заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет. Этим приказом был утвержден персональный состав «троек». В них входили: 1) наркомы внутренних дел или начальники краевых или областных управлений НКВД; 2) первые секретари ЦК компартий союзных республик или краевых (областных) комитетов ВКП(б); 3) республиканские краевые или областные прокуроры. Кроме «троек» существовали и «двойки». В соответствии с приказами НКВД от 11 августа 1937 г. и от 20 сентября 1937 г. списки лиц, подлежащих репрессиям, подлежали рассмотрению «двойками», т.е. наркома внутренних дел республики или начальника областного (краевого) управления НКВД совместно с соответствующим прокурором (республики, края, области). Функционировали и «высшие двойки» в составе Председателя Верховного Суда СССР и Прокурора СССР. Но их постановления при наличии оснований могли отменяться и пересматриваться Пленумом Верховного Суда СССР¹.

В феврале 1941 г. НКВД СССР разделился на Наркомат внутренних дел СССР и Наркомат государственной безопасности СССР. Однако в июле 1941 г. для сосредоточения руководства в одном органе наркоматы объединились. Когда военная обстановка изменилась, вновь произошло разделение на НКВД СССР и НКГБ СССР (апрель 1943 г.). При общей реорганизации министерств в начале марта 1953 г. МВД СССР и МГБ СССР объединились в Министерство внутренних дел СССР и Особые совещания были упразднены. 13 марта 1953 г. из МВД выделился Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, что привело к образованию одноименных комитетов в союзных республиках².

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-

¹ О внесудебных репрессиях //Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81–82.

² Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. - декабрь 1991 г. М., 1995. С. 328, 331.

х и начале 50-х годов», утвержденному Верховным Советом СССР 31 июля 1989 г.¹, сказано: «Осудить внесудебные массовые репрессии периода сталинизма, признать антиконституционными действующие в 30–40-х и начале 50-х годов «тройки» НКВД – УНКВД, коллегии ОГПУ и «особые совещания» НКВД – МВД СССР, и отменить вынесенные ими внесудебные решения, не отмененные к моменту издания настоящего Указа Президиума Верховного Совета СССР. Считать всех граждан, которые были репрессированы решениями указанных органов, включая лиц, осужденных впоследствии за побег из мест незаконного спецпоселения, реабилитированными» (ч. 1 ст. 1).

---

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 9. Ст. 202.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СУДЫ В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО СУДОУСТРОЙСТВА *

На различных этапах белорусской государственности суд путем осуществления правосудия выполнял правоохранительную функцию государства. В первые годы советской власти воздействие российского законодательства на белорусскую правоприменительную практику было особенно существенным. Многие нормативные правовые акты РСФСР распространяли свое действие на территорию Беларуси. В первой белорусской Конституции, принятой в феврале 1919 г. I Всебелорусским съездом Советов, закреплялось равноправие граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности (ст. 15). В последующем в Декларации о провозглашении независимой Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ) от 31 июля 1920 г., обнародованной после освобождения территории от польской оккупации, установилось равноправие белорусского, русского, польского и еврейского языков, что было закреплено в ст. 21 Конституции БССР 1927 г.

15 июля 1924 г. ЦИК БССР принял постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики», в котором подтвердил равноправие всех языков, но белорусский язык, как язык титульной нации, избирался преимущественным для сношений между государственными, общественными и профсоюзными учреждениями и организациями. Для этого намечался комплекс мероприятий по более широкому использованию белорусского языка, развитию национальной культуры, выдвижению кадров из белорусов. Такой политический курс государства получил название «белорусизация».

В республике наряду с белорусами проживали также евреи, русские, поляки, латыши и др. Всем им гарантировалось право пользоваться родным языком. Более того, в местностях их компактного проживания обеспечивалась работа аппаратов советских учреждений на родном языке национальных меньшинств. В целях реализации положений, изложенных в постановлении ЦИК БССР от 15 июля 1924 г., были образованы национальные суды, а точнее национальные камеры народного суда – специальные судебные со-

---

* Праблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І.А. Юхо. Мінск, 18–19 сак. 2011 г. / Мінск: БДУ, 2011. – С. 167–169.

ставы при народных судах для рассмотрения дел, сторонами которых являлись представители национальных меньшинств. Всего в БССР было образовано десять национальных камер народного суда: шесть еврейских (Минская, Витебская, Могилевская, Гомельская, Бобруйская, Мозырская), три польских (Минская, Могилевская, Бобруйская) и одна латышская (Витебская).

Национальные камеры народного суда принимали дела к своему производству при наличии взаимного согласия сторон, которые могли иметь место в отношении уголовных дел частного обвинения, если в дело не вступил прокурор, и по гражданским делам между физическими лицами. Циркуляром НКЮ БССР от 18 декабря 1925 г. «О порядке рассмотрения трудовых дел, находящихся в производстве трудовых сессий или районных народных судов» предписывалось во всех случаях удовлетворять ходатайства о передаче дела в национальную камеру народного суда.

Определение суда о рассмотрении дела в национальной камере народного суда выносилось в распорядительном или судебном заседании и могло быть обжаловано в обычном порядке.

По статистическим данным НКЮ БССР за 1926 г., еврейские национальные камеры народного суда рассмотрели 1902 уголовных и 4762 гражданских дела, польские соответственно – 136 и 191 дело, латышская – 17 и 42 дела. Среди рассмотренных дел 33% составляли квартирные споры, дела об оскорблении и нанесении побоев – 22%, алиментные дела – 10%, иски о зарплате – 4%, о кражах и торговле самогоном – 1,5%, о преступлениях против порядка и власти – 8%. (См.: Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике. Минск, 1928. Ч. 2. С. 20.)

Национальные камеры народного суда действовали почти десять лет и постановлением ЦИК БССР от 31 марта 1934 г. были упразднены.

Функционирование, а в последующем ликвидация национальных камер народного суда – закономерное явление, обусловленное историческими условиями. Их упразднение связано прежде всего с миграцией населения, возросшим уровнем образования населения, реконструкцией народного хозяйства, в целом с изменением политического курса государства.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФУНКЦИИ ПРАВОСУДИЯ*

1. Государственная власть осуществляется всей совокупностью государственных органов. Каждый государственный орган характеризуется следующими признаками: является частью государственного аппарата; обладает определенной организационно-правовой самостоятельностью наделяется государственными властными полномочиями; участвует в реализации задач государства; применяет свойственные только ему формы и методы деятельности; действует от имени государства.

2. При реализации государственной власти любой государственный орган выполняет присущие ему функции. Под функциями государства понимаются направления его деятельности, обусловленные объективными потребностями общественной жизни, устремленные на решение исторических задач, стоящих перед государством. Функции государства остаются неизменными на протяжении всего его типа. Но в зависимости от периодов развития государства, в пределах одного и того типа, меняются методы и средства их осуществления. Функции государственных органов по своему содержанию подчинены функциям государства. Если в функциях государства выражается содержание его деятельности в целом, то в функциях определенного государственного органа – содержание относительно обособленной части деятельности. Функции государственных органов надо трактовать как элементы его деятельности, как деятельность-функция. Для конкретного государственного органа одна из функций государства является ведущей, а остальные носят вспомогательный характер.

3. Правоохранительную функцию государства выполняет специально созданные для этого органы суда, прокуратуры, МВД, КГБ. В своей деятельности каждый из этих органов осуществляет определенную сторону данной функции. Тем самым происходит своеобразное распадение правоохранительной функции на отдельные подфункции: предварительного следствия, дознания, правосудия, прокурорского надзора и др. Отправление правосудия возложено на суд. Он выступает как элемент государственного механизма и поэтому главным в содержании правосудия будет его социально-

---

* Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности /Белорусский ун-т. – Минск, 1987. – С. 106–108.

классовая природа. Правосудие сопутствовало государству на протяжении всей истории его существования. Формы же осуществления правосудия менялись в зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений.

4. Потребность в осуществлении правосудия в социалистическом государстве объясняется наличием конфликтных ситуаций и стремлением государства взять под свой контроль их разрешение. Суд рассматривает не все социальные конфликты, а лишь некоторые, наиболее важные с точки зрения самого государства. Устранение остальных социальных конфликтов возложено на другие государственные органы и общественные организации. Государство старается не допускать разрешения правовых конфликтов по усмотрению сторон. В противоположном случае исход дела зависел бы от соотношения сил конфликтующих сторон. Социалистическое государство способно исходить из индивидуального интереса, сформулированного в нормах права о равенстве граждан перед законом и судом.

5. Суд как орган правосудия необходим прежде всего потому, что судебный порядок разбирательства дела в максимальной степени благоприятствует установлению истины и тем самым способствует нормальному функционированию общественных отношений. Наличие суда отвечает не только интересам государства, но и личности, ибо функция суда – правосудие – является главной и высшей формой защиты прав и законных интересов субъектов права. В процессе осуществления правосудия происходит идеологическое воздействие на личность. Вследствие этого государство заинтересовано не только в правильном по существу разрешении правового конфликта, но и в убеждении человека в необходимости соблюдения процессуальной регламентации судебных актов. Справедливый суд вызывает доверие, что способствует укреплению его авторитета, а значит престижа закона.

6. Социальная обусловленность функции правосудия нашла отражение в целом комплексе правовых норм, определяющих задачи, а также принципы организации и деятельности суда. Нормы права, закрепляющие компетенцию суда, должны вытекать из них. По сравнению с компетенцией функции суда носит более общий, абстрактный характер. Она проявляется через компетенцию. При реализации функции суда всякий раз требуется определенная система его прав и обязанностей, в которых происходит как бы «рас-

творение» функции. Сама функция не может непосредственно воздействовать на общественные отношения. Компетенция суда – это его способность от имени государства действовать в пределах своих прав и обязанностей. Компетенция и функция хотя и близкие, но разные характеристики суда, выражающие главные параметры содержания судебной деятельности.

7. Наличие у суда специфической функции предполагает такие права и обязанности для ее реализации, которые были бы равновелики самой функции. Возложение на суд слишком широкого круга прав и обязанностей приведет к размыванию границ правосудия и осуществлению компетенции за его пределами, без гарантий, которые ему присущи. В свою очередь, узкая компетенция оставляет функцию правосудия не до конца выполненной.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОСУДИЯ*

Государство – динамичное явление. На его состояние, тенденции развития влияют многие факторы. С учетом конкретной исторической эпохи, политического режима и иных факторов, государство оказывает свое воздействие на большую или меньшую сферу общественной жизни. Меняются при этом и грани судебной власти. Упрочение правового государства и гражданского общества является одной из закономерностей в деятельности органов судебной власти при разрешении вопросов, входящих в их компетенцию. Необходимо выделять два уровня судебной власти. Первый уровень – это ее отношения с законодательной и исполнительной властями, а второй – с участниками судебного процесса при рассмотрении юридических конфликтов.

Судебная власть выступает в качестве фактора, приводящего в баланс законодательную и исполнительную власти, мешает выходить за пределы своего предназначения каждой из них. В данном случае задачи судебной власти состоят в том, чтобы определить, действует ли в рамках своих полномочий парламент и правительство. И если один орган стал подменять другой, то эта конфликтная ситуация должна стать предметом рассмотрения судебной власти. Такой аспект в организации судебной власти и реализации ею своей компетенции является исходным положением в обеспечении правового характера государственной власти и формирования правового государства. В правовом государстве права человека прочно защищены. Это обеспечивается функционированием всего механизма государственной власти в целом, и прежде всего законодательной и исполнительной властей. Судебная власть подключается к защите прав человека, когда происходит сбой в деятельности других видов государственной власти.

Судебной власти присущи все атрибуты, которые лежат в основе любой власти, независимо от ее вида. Именно в судебной власти наиболее рельефно проявляется нормативная, поведенческая и социологическая стороны власти. С нормативной стороны судебная власть состоит в наличии компетенции ее субъекта, поведенческой

---

* Право и современность. Изменения в государственной и правовой системах Республики Беларусь и Польской Республики: сб. науч. тр. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – С. 179–187.

– особых форм ее поведения, социологической – общественных отношений, возникающих при ее реализации.

Понятие судебной власти должно включать: 1) наличие не менее двух субъектов отношений, одним из которых является суд; 2) выражение воли суда по отношению к тому, над кем он осуществляет свою власть, сопровождаемое угрозой применения санкций в случае неповиновения выраженной воле; 3) подчинение суду тех, с кем он вступает в отношения, выраженное в судебных решениях; 4) наличие правовых норм, устанавливающих право суда выносить решения, а те, кого они касаются, обязаны подчиняться.

Эти элементы необходимы для наличия властеотношений суда. Поэтому можно сказать, что судебной властью является то, что охватывается ею, т.е. такие общественные отношения, в которых одной стороной является суд или судья, обладающие властными полномочиями.

Судебная власть – это политическое понятие. Когда она выражается в виде деятельности суда по производству конкретного дела, то превращается в функцию правосудия.

В реализации правосудия проявляется как нормативное, так и ненормативное социальное регулирование. Нормативное регулирование правосудия выступает как отражение реально существующих отношений между людьми. Оно является одним из способов конструирования и оправдания фактически сложившихся общественных отношений. Ему присущи такие способы управления поведением участников судебного процесса, которые являются орудием социального контроля над их индивидуальным поведением. Специфика ненормативного регулирования правосудия состоит в том, что средства регуляции не дифференцированы в виде определенных требований, норм, оценок. На передний план здесь выступает эмоционально-волевая сторона судей, что обеспечивает их непредсказуемое или, точнее, малопредсказуемое поведение. Более того, ненормативное регулирование иногда может предопределять применение того или иного вида из числа нормативных регуляторов. Неуважение, проявленное по отношению к суду, не всегда для него безразлично. На этот факт суд может отреагировать, используя нормативные регуляторы.

При осуществлении правосудия преобладает нормативное регулирование, которое означает, что суду и другим участникам судебного процесса предписывается или рекомендуется определен-

ный способ поведения, т.е. их реальное поведение как бы программируется. В конечном счете это детерминируется потребностями общества, государства. Но надо учитывать, что индивиды имеют свои потребности и интересы, свое представление о справедливом правосудии и тем самым воздействуют на эту его модель, которую предлагает государство. С этим фактом вынуждена считаться законодательная власть.

Нормативное регулирование правосудия проявляется через действие социальных норм. Социальные нормы складываются в обществе стихийно или сознательно формулируются на основе определенных общественных отношений. Они выражают волю социальной общности и регулируют практическую деятельность людей¹. При реализации правосудия они могут носить противоречивый характер. Нормы, соответствующие интересам одних слоев общества, могут быть чужды интересам других.

Различные аспекты действия социальных норм в обществе изучаются комплексом наук: социологией, этикой, психологией и т.д. Действие системы социальных норм при осуществлении правосудия вовсе не было предметом научного анализа. Правосудие рассматривается лишь как правоприменительная деятельность суда, что «в судопроизводстве нет и не может быть никаких других отношений кроме правовых»², и что «не может быть между органами суда, прокуратуры следствия и лицами отношений, которые не предусматривались бы процессуальным законом»³. Правда, исключение сделано в отношении норм нравственности. Между тем научные достижения по проблемам теории социальных норм, действующих в обществе, значительны. Вопрос о выявлении специфики различных видов социальных норм, регулирующих правосудие, является актуальным.

В философской литературе наиболее подробную классификацию социальных норм привел В.Д. Плахов, который разделил их по предмету регулирования, по способам формирования, по степени институционализации, по функциям, по способам обеспечения, по социальным целям, по степени общности, по формам объективирова-

---

¹ Даштамиров С.А. Социальные нормы: гносеологический и социологический анализ. Баку, 1984. С. 105–106.

² Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., 1969. С. 72.

³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 35.

ния, по сферам ценностей и другим критериям¹. Безусловно, все они применимы и к социальным нормам, реализующимся в сфере правосудия. Данная тема заслуживает самостоятельного анализа. Но классификация социальных норм сама по себе обусловлена разными исследовательскими целями. Применительно к рассматриваемым нами проблемам, особое значение имеет разделение социальных норм по сферам ценностей на идеологические, политические, экономические, правовые, эстетические, религиозные, моральные, организационные и другие.

Участники правосудия, находясь в различных отношениях друг с другом, выступают как «носители» тех или иных социальных норм, образуя при этом свой нормативный статус. Принимая и реализуя определенную систему социальных норм, они оказываются включенными в особые социальные группы, условно образованные по этому нормативному признаку. Состав суда при рассмотрении конкретного дела организационно оформлен и образует социальную группу, в основе деятельности которой должна лежать общая нормативно-ценностная ориентация.

Социальные нормы соотносятся с ценностными ориентациями людей. Поэтому можно говорить о иерархии ценностей общества, правосудия, человека.

При выявлении социальных норм, действующих в сфере правосудия, за основу надо брать именно их положение в нормативно-ценностной иерархии. На этом основании можно выделить основные и дополнительные нормы. Но надо сказать, что ни один из этих видов не сможет обеспечить функционирование правосудия. Они выступают сообща. Ведь общественные отношения многообразны. Сообразно им и применяются социальные нормы. Эти нормы формируются на основе принятой в государстве системы идеологических, политических, экономических норм, отдельные аспекты которых получают концентрированное выражение в правовых нормах. Но кроме этого, такие нормы действуют при осуществлении правосудия и без правового опосредования. Например, идеологические нормы оказывают влияние на все сферы общественных отношений, общественное сознание, систему социальных норм. Другое дело, что в правовом государстве происходит борьба различных идеологий, в отличие от тоталитарного государства, где какая-то одна

---

¹ Плахов В.Д. Социальные нормы: Философские основания общей теории. М., 1985.

идеология является господствующей и лежит в основе всех социальных норм. Идеологические нормы вырабатываются различными политическими институтами и партиями. Приобретая в реальности политический оттенок, они трансформируются в политические нормы.

Свойством правосудия является стремление быть политически нейтральным. Но абсолютизация этого свойства невозможна, хотя бы в силу того, что судьи при осуществлении правосудия должны подчиняться закону, которому всегда присуща политическая окраска, поскольку он принимается законодательной властью. Определенной гарантией для такого устройства правосудия является то, чтобы судья не состоял в политических партиях. Но все-таки судья не находится в условиях полной политической изоляции. Информация политического характера проникает в его сознание, и он при рассмотрении конкретных дел, особенно если участниками процесса являются лидеры либо представители политических партий, высшие должностные лица государства, политическая линия которых всегда выражена в их деятельности, не может избежать ее воздействия на ход и результаты разрешения дела. В этом смысле при осуществлении правосудия остается место для реализации политических норм, значительная часть которых все-таки вращается в правовые и моральные нормы.

В настоящее время в обществе наблюдается своеобразное оживление религиозных норм. Они открыто стали использоваться в идеологической и политической сферах. Их особенностью является глубокое укоренение в нравы, обычаи, обряды, стереотипы культуры человека, способствуют в целом определению образа жизни человека. Существенно и то, что религиозные нормы оказывают влияние на представления людей о должном, желаемом и предпочитаемом. Возможно поэтому на протяжении длительного времени в истории культуры моральные кодексы существовали в рамках религиозных систем. Кроме того, существуют целые правовые системы, в основе которых лежат религиозные учения, например мусульманское право.

Моральное регулирование в сфере правосудия выполняет особую функцию: воздействует на поведение человека, его внутренние мотивы. Оно обладает универсальностью, способностью проникать во все сферы общественных отношений. Моральные нормы выражают типичные ситуации во взаимоотношениях людей и склады-

ваются в сфере общественного сознания. Они обеспечиваются общественным мнением и ориентируют людей на добровольное их применение в качестве внутренних побуждений к совершению определенных социальных поступков или воздержанию от них.

При комплектовании судейского корпуса надо учитывать уровень морального сознания кандидата на должность судьи. Конечно, выявить состояние морали человека представляет определенные трудности, тем более что значение имеет не столько сам по себе уровень морального сознания, сколько его реализация. Различие между судьями по уровню морали обусловлено по крайней мере наличием у индивида двух параметров. Сферы осознаваемого, т.е. качества социализации личности, и неосознаваемого, т.е. биологического, того, что дается человеку природой с рождения и не подлежит изменению либо может быть преобразовано в незначительной мере. В ст. 62 Закона о судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь сказано, что судьей может быть гражданин «не совершивший порочащих его поступков»¹. Это моральное требование должно быть конкретизировано в этическом кодексе судьи или в документах уставного характера судейских сообществ, действующих в рамках гражданского общества.

В свою очередь, в законодательстве имеет место и формальное закрепление норм морали, что ставит эти нормы под защиту государства. Так, физическая неприкосновенность личности вытекает из нравственных представлений о положении личности в обществе.

В органах правосудия работает значительное количество женщин. Правда, женщин, возглавляющих суды, не так уж много. Наблюдается и такая закономерность: чем выше судебная инстанция, тем меньше судей-женщин в ней представлено. Проблемным является вопрос о том, как это сказывается на качестве судебной практики. Казалось бы, сама по себе постановка вопроса о различиях в морали по признакам пола бессмысленна, поскольку противоречит принципам правосудия, в особенности принципу равенства граждан перед законом и судом. Но исследование этой проблемы предполагает сама природа морали, поскольку первичные детерминанты нравственного опыта лежат в особенностях морального сознания мужчин и женщин. Если для мужчин моральный императив требует уважения к правам других и защиты от посягательств на

---

¹ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1995. № 11. Ст. 120.

собственные права, то для женщин активное добро, активная забота¹.

Решая вопрос о сфере морального и правового воздействия на судебную деятельность, нельзя говорить о том, что сфера первого является более узкой или более широкой по сравнению со второй, а следует говорить лишь о частичном несовпадении этих сфер. Это несовпадение выражается в том, что моральные нормы определяют только направленность поведения личности, служат стимулом для внутренних побуждений к выполнению социально полезных поступков. Правовые же нормы – обязательны, их реализация основана на силе принуждения. Пренебрежение моральными нормами не влечет правовой ответственности субъектов. В этом необходимо видеть принципиальное различие между сущностью правового и морального регулирования судебной деятельности.

Правовые нормы являются основным, фундаментальным регулятором правосудия. Они занимают особое место в системе других социальных регуляторов. Право в наибольшей мере вторгается в деятельность по осуществлению правосудия. Оно упорядочивает поведение субъектов как носителей общественных отношений. В случае коллизии между правовыми и социальными нормами, относящимися к сфере иных социальных регуляторов, правовые нормы остаются приоритетными. Их система самая четкая, формальная в социальном регулировании.

Социальные нормы содержат в себе как объективные, так и субъективные стороны. Объективные вытекают из того, что социальные нормы – это результат отражения общественных процессов, происходящих в государстве. В этой связи они являются вторичными социальными образованиями. Субъективное содержание социальных норм неизбежно, поскольку нормативное отражение действительности, как и любое другое явление, может быть не только адекватным, но и искаженным.

Если рассматривать правосудие с позиции реализации в нем социальных норм, то неизбежен вывод: правосудие всегда вынуждено коррелировать с состоянием общества. Их тенденции общие, идут в одинаковом направлении. При осуществлении правосудия не могут применяться те социальные нормы, которые «не прижились» в обществе.

---

¹ Апресян Р.Г. Первичные детерминанты нравственного опыта // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 37.

При рассмотрении конкретного дела судья делает выбор тех социальных норм, которые им усвоены и которые пригодны для разрешения именно данного дела. Важно подчеркнуть, что в нестабильном обществе представления людей о справедливости, суде и правосудии быстро меняются. И судья вынужден учитывать это обстоятельство. Ведь функционирование социальных норм включает в себя рациональный и эмоциональный уровни¹, что еще в большей мере обуславливает выбор судьей конкретной модели своего поведения.

Мотивы реализации того или иного вида социальных норм могут быть разнообразны и в их основе лежат страсти, эмоции, настроение, психологические особенности субъектов². Причем эти элементы отражают происходящие явления в судебном заседании и могут действовать, согласуясь с рациональной стороной сознания или вступать в противоречие с ней. А это влияет на функционирование социальных норм.

Для участников судебного процесса еще недостаточно осознать и выбрать ту или иную норму поведения. Надо еще проявить активность, чтобы ее реализовать. При этом потребуются преодоление тех или иных внутренних или внешних препятствий. Иногда рациональному выбору линии поведения надо подчинить свои чувства и эмоции.

Судом, и в особенности законодателем, к сожалению, до сих пор слабо учитывается сложность эмоционального и рационального отношения участников судебного процесса к социальным нормам и их практической реализации. Конструируя те или иные нормы закона, создавая целые правовые институты (суд присяжных, протокольную форму досудебной подготовки материалов и т.д.) надо полнее учитывать интересы личности и общества, поскольку их реализация связана с преодолением укоренившихся стереотипов поведения и отношения к правовым и иным социальным нормам в целом. При этом необходимо не просто учитывать возможность подобных стереотипов, а закладывать в социальные нормы такие требования, которые не вызывали бы массовых негативных эмоций. Важно также предусмотреть условия для нейтрализации негативных эмоций, связанных с реализацией прогрессивных социальных норм.

---

¹ Пеньков Е.М. Социальные нормы: управление, воспитание, поведение. М., 1990. С. 25.

² Гулуа В.Л. К вопросу о значении эмоций в моральных поступках //Философские науки. 1977. № 6. С. 106–108.

Действие социальных норм, как регуляторов поведения участников правосудия, определяется условиями социальной действительности и содержанием процесса нормативного отражения в сфере общественного и индивидуального сознания, а также их обратного активного влияния на правосудие. В связи с этим необходимо постоянно и всесторонне изучать социальные нормы, существующие в сфере правосудия, в плане того, насколько они адекватно отражают социальные условия с целью более эффективной судебной деятельности. Создавая новые социальные нормы, необходимо предварительно исследовать их на предмет индивидуального осознания рационального и эмоционального восприятия этих норм. Если же общество не готово к реализации подобных социальных норм, то необходима коррекция в их содержании или создание специальных условий для их осуществления в том виде, в каком они приняты. В сфере правосудия социальные нормы выступают и как средство организации деятельности участников судебного процесса, и как средство контроля за этой деятельностью. Именно такое их содержание позволяет им выполнять регулятивную функцию. Будучи отражением действительности, они обладают всеми атрибутами относительной самостоятельности и активности, соответствуют потребностям общества, опережают их или отстают от них. Но в любом случае социальные нормы оказывают самостоятельное воздействие на состояние правосудия.

Нормативное и ненормативное регулирование правосудия взаимодействует между собой. И хотя первое из них является основным, в смысле конкретной точности своего воздействия, вторым нельзя пренебрегать. Наоборот, потребные идеалы, интересы, цели личности оказывают наиболее глубокое влияние на правосудие. Каждое общество требует определенной меры, степени детализации социального регулирования правосудия. Ввиду того что социальная жизнь динамична, инфраструктура правосудия также не является постоянной и подвержена изменениям сообразно развитию общества.

ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР РУКОВОДЯЩИХ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР*

В упрочении социалистической законности и повышении качества советских законов особая роль принадлежит Пленуму Верховного Суда СССР, который согласно Закону о Верховном Суде СССР¹ может не только рассматривать конкретные уголовные дела, но и на основе изучения и обобщения судебной Практики, анализа судебной статистики давать руководящие изъяснения по вопросам применения законодательства, возникающим при рассмотрении судебных дел.

Вопрос о природе руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР давно дебатруется в юридической литературе. В 40–50-х гг. преобладало мнение, что такого рода судебная практика Верховного Суда СССР является источником права, поскольку в руководящих разъяснениях Пленума содержатся нормы права². Большинство участников дискуссии, проходившей в середине 50-х гг. на страницах журнала «Советское государство и право», признало, что в руководящих разъяснениях имеются правила, конкретизирующие закон, в силу чего эти правила следует отнести к своеобразным подзаконным актам³. Эта точка зрения была основана на содержании практической деятельности Пленума Верховного Суда СССР тех лет. В ряде его постановлений содержались новые правовые нормы, которых в законе не было.

Во второй половине 50-х гг. в партийной печати отмечалось, что Верховный Суд СССР выходил за рамки закона и осуществлял несвойственные ему правотворческие функции⁴. Впоследствии Пленум Верховного Суда СССР пересмотрел свои постановления и те, которые находились в некотором несоответствии с законом, отменил.

---

* Право и демократия: межвуз. сб. науч. тр. – Минск: Университетское, 1989. – Вып. 2. – С. 129–136.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 842.

² Денисов А. И. Советское государственное право. М., 1974. С. 50; Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 42; Ходунов М. Судебная практика как источник права // Соц. законность. 1956. № 6. С. 32.

³ О юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР // Сов. государство и право. 1956. № 8. С. 13–21.

⁴ Укрепление социалистической законности и юридическая наука // Коммунист. 1956. № 11. С. 19.

Существует несколько направлений в определении природы руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР. Одни авторы продолжают относить данные судебные акты к подзаконным¹, другие рассматривают их как толкование закона². Широкое распространение получает мнение о том, что руководящие разъяснения необходимо расценивать как делегированное правотворчество, призванное обеспечить профессионализм в решении вопросов в области правосудия³, как своеобразную форму юридической практики, обобщения опыта применения юридических норм⁴.

Для выяснения природы руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР принципиальное значение имеет анализ ст. 3 и ст. 18 Закона о Верховном Суде СССР. В ст. 3 сказано, что руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение. Из этого вытекает, что руководящие разъяснения могут появиться лишь тогда, когда имеется в наличии закон. В то же время руководящие разъяснения обладают свойством обязательности и тем самым как бы приближаются к закону. В п. 6 ст. 18 говорится о том, что Пленум Верховного Суда СССР рассматривает и решает вопросы о внесении представлений в Президиум Верховного Совета СССР о толковании законов. Это не означает, что Пленум Верховного Суда СССР вовсе не занимается толкованием законов. При осуществлении правоприменительной деятельности любой суд обязан толковать закон, иначе его использование немыслимо. Но все дело в том, что послужило основой для этого. Если например, областной или районный народный суд толкует закон под углом зрения применения его к конкретному уголовному делу, то Пленум Верховного Суда СССР еще к тому же толку-

---

¹ Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С. Н. Братуся. М., 1975. С. 55.

² Тишкевич И.С. Являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права? // Сов. государство и право. 1955. № 6. С. 36; Темушкин О.П. Толкование закона Пленумом Верховного Суда СССР // Сов. государство и право. 1976. № 12. С. 35; Шейнин Х. Б. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР // Сов. государство и право. 1980. № 9. С. 73.

³ Горшенев В.М. Делегированное правотворчество в свете новейшего законодательства СССР // Пробл. социалистической законности. Харьков. 1985. Вып. 15. С. 84-85; Богачева Л. Я Нормативное содержание руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР // Актуальные проблемы укрепления социалистической законности. Уфа, 1987. С. 92.

⁴ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 314; Чистяков Н.Ф. Верховный Суд СССР. М., 1984. С. 154.

ет закон через призму изучения и обобщения судебной практики и анализа судебной статистики. Выводы его носят общий характер. Отсюда своеобразное последствие – обязательность этих выводов. Значит, в руководящих разъяснениях по сравнению с законом содержатся новые социальные нормы. Иначе толкование не имело бы смысла.

В юридической науке появилась новая крайность в оценке руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР: они не создают не только правовых норм, но и вообще никаких норм. М.С. Строгович писал: «Те руководящие указания, которые дает Пленум Верховного Суда СССР по вопросам применения законодательства, не должны и не могут выходить за рамки закона, они не могут не только вступать в противоречие с действующими законами, но и не могут их дополнять иными, в законах не содержащимися правовыми нормами, не могут предписывать того, чего в законах нет»¹. То, что они не должны противоречить закону, само собой разумеется. Но с тем, что они не могут дополнять, уточнять, конкретизировать закон, нельзя согласиться. Иначе возникает вопрос: для чего нужны такие постановления Пленума? М.С. Строгович утверждает, что их роль в том, чтобы «обеспечивать строгое и неуклонное соблюдение судами законов»². Каким же образом это можно сделать, если не углублять регулирование общественных отношений больше, чем это сделал закон. Поэтому неизбежен вывод: руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР регулируют те же общественные отношения, только вторичные их стороны. Наиболее важные определяет закон. Следует согласиться с А.Т. Боннером, который отмечает, что «пленумы Верховных судов в известной мере занимаются нормотворчеством. Поскольку принимаемые ими руководящие разъяснения обязательны для нижестоящих судов, подобные акты должны быть признаны одним из способов преодоления пробелов в праве»³. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР необходимо относить к своеобразному юридическому явлению – правоположениям. Правда, содержание данного понятия пока еще не выкристаллизовалось⁴. Большинство авторов солидар-

---

¹ Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Отв. ред. В.М. Савицкий. М., 1979. С. 10.

² Там же.

³ Боннер А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 1980. С. 149.

⁴ Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 226.

но в том, что правоположения приближаются к нормам права, но не совладают с ними¹.

Исходным при определении природы руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР является то, что суд государственный орган, предназначенный для осуществления функции правосудия. Суд не создан для законотворчества. Он лишь применяет правовые нормы, принятые иными органами государства. Это, конечно, не означает, что высший судебный орган СССР вовсе лишен возможности влиять на законодательство. Он причастен к законодательству, потому что обладает правом законодательной инициативы. Следует отметить, что в истории советского государства были случаи, когда отдельные положения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, воспринимались Верховным Советом СССР без изменений. Это было связано с тем, что судебная практика шла впереди законодательства, которое отставало от требований жизни. И тогда положения, отраженные в постановлениях Пленума, носили первичный характер, а закон – вторичный. Но это исключение.

Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР надо относить не к источникам права, а к юридической практике, появление которой связано с наличием норм права. Судебная практика Пленума Верховного Суда, выраженная в его постановлениях, является результатом правоприменительной деятельности всех судов, входящих в советскую судебную систему. Решение каждого суда с применением права к конкретному случаю – это частица опыта, из которого складывается практика. Со временем повторяющиеся однотипные акты применения права становятся устойчивыми и обобщаются Верховным Судом СССР. Поскольку практикой является то, что стало правилом, то руководящим разъяснениям Пленума Верховного Суда СССР внутренне присуща нормативность, которая носит правоприменительный характер.

Социальные нормы, содержащиеся в постановлениях Пленума, относятся к нормам правоприменения. Они занимают промежуточное положение между правосознанием и нормами права. В статье 65 УПК БССР указано, что суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и социа-

---

¹ Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 9-10; Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 344-345; Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 226-227.

листическим правосознанием. В законе не сказано, что суд обязан опираться при этом еще и на руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР.

Существует мнение, что постановления Пленума Верховного Суда СССР выступают наряду с законом основанием вынесения решения по делу¹. Думается, что ставить в один ряд, закон и его конкретизацию нельзя, поскольку в пределах одного и того же закона можно дать разные по существу руководящие разъяснения. Следует, однако, отметить, что некоторые суды при формулировании решений по тому или иному вопросу в приговорах и определениях наряду с законом упоминают и соответствующее постановление Пленума Верховного Суда СССР, которым конкретизирован данный закон.

Степень приближенности руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР к нормам права зависит от того, какие (общие или конкретные) вопросы лежат в их основе. Постановления Пленума могут носить общий характер, например касаться задач судов по улучшению качества и эффективности их работы, вытекающих из партийных решений. Такие руководящие разъяснения носят менее конкретный характер и значительно удалены от норм права. Как правило, суды их не упоминают в своих судебных актах.

Иное отношение к руководящим разъяснениям по конкретным вопросам. В них неизбежна необходимость регулировать не отраженные в законе стороны общественных отношений. В этом смысле представляет интерес постановление Пленума от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре», в котором даны следующие принципиальные разъяснения: обвинительный приговор не может быть основан на предположениях; все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу подсудимого; признание подсудимым своей вины может быть положено в основу обвинительного приговора лишь при подтверждении его совокупностью других доказательств, собранных по делу; суд вправе ссылаться в качестве мотивов избрания им определенной меры наказания только на такие обстоятельства, которые исследованы и подтверждены в судебном заседании; включе-

---

¹ Леушин В.И. Юридическая практика как основание правоприменительного решения // Юридическая теория и практика; проблемы взаимосвязи. Свердловск, 1984. С. 77.

ние в оправдательный приговор формулировок, ставящих под сомнение невиновность оправданного, недопустимо¹.

Постановления Пленума Верховного Суда СССР не должны идти вразрез с действующим законодательством, иначе вынесение их не имело бы смысла. Надо сказать, что большинство постановлений не выходит за пределы интерпретируемых «законодательных актов. Однако так бывает не всегда. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г. «О некоторых процессуальных вопросах, возникающих в судебной практике при исполнении приговоров» содержится положение о том, что в порядке исполнения приговора суд может определить вид исправительно-трудовой колонии лицам, осужденным к лишению свободы, если в приговоре не определен вид колонии².

С этим нельзя согласиться. Статья 304 УПК обязывает суд при назначении подсудимому наказания в виде лишения свободы определить вид исправительно-трудового учреждения, где он должен отбывать наказание. Кроме того, из ст. 23 УК вытекает, что указание в приговоре суда только срока лишения свободы, без избрания условий для его отбывания, ведет к неполному решению вопроса о наказании. Такая позиция Пленума Верховного Суда СССР противоречит законодательству. Следует отметить, что если в судебной практике 60-х – начала 70-х гг. можно обнаружить случаи определения ИТУ не в стадии судебного разбирательства, а в процессе исполнения приговора, то в более поздний период – уже нет.

Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда относятся к сфере юридической практики, выступают результатом правоприменительной, а не правотворческой деятельности. В отличие от норм права, непосредственным источником которых является воля законодателя, руководящие разъяснения, хотя и обладают значительной степенью обобщенности, в меньшей мере способны воздействовать на процесс регулирования общественных отношений. Для их наличия необходимы нормы права. Регулирование же руководящими разъяснениями общественных отношений, не опосредованных правом, следует расценивать как незаконную деятельность.

Постановления Пленума Верховного Суда СССР по своему содержанию неоднородны. Их можно разделить на носящие нормативный характер и не обладающие свойствами нормативности.

---

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР: 1924-1986. М., 1987. С. 778-786.

² Там же. С. 773.

О нормативности постановлений свидетельствует тот факт, что в них Пленум не ограничивается указанием на ошибки судов и напоминанием о важности соблюдения закона, а конкретизирует поведение суда в рамках норм права. При этом неизбежно происходит детализация правовых норм, в результате которой создаются социальные нормы, являющиеся правовыми положениями. В отличие от правовой нормы, они имеют несколько иную внешнюю форму выражения, однако в структурном отношении обладают теми же элементами: гипотезой, диспозицией и санкцией. Нормативные постановления Пленума Верховного Суда СССР относятся к его руководящим разъяснениям. Иной характер носят постановления Пленума Верховного Суда СССР по конкретным делам. По своей сути они ненормативны. Тем не менее имеют существенное значение в советской правовой системе, являясь образцом правильного применения норм права. Это позволяет их рассматривать как своеобразные прецеденты судебного толкования правовых норм.

Отличие такого прецедента от судебного состоит в том, что судебный прецедент ведет к созданию судами новой правовой нормы, что недопустимо в СССР. Прецедент толкования связан с разъяснением уже существующей нормы права, с выработкой определенного отношения к использованию данной нормы. А это придает судебной правоприменительной деятельности стабильность, что имеет немаловажное значение в повышении ее эффективности.

Следует отметить, что такого рода постановления Пленума влияют на судебную практику лишь косвенно. Поскольку в них конкретно не сформулированы социальные нормы, детализирующие правовые, то применение постановлений зависит от того, сможет ли суд при разрешении дела увидеть сходство между ним и тем, что отражено в постановлении. Требовать неукоснительного соблюдения их нереально. К тому же в Законе о Верховном Суде СССР говорится об обязательности для судов именно руководящих разъяснений. Они обладают более высокой юридической силой по сравнению с постановлениями Пленума по конкретным делам.

Таким образом, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР – самостоятельное правовое явление. Нормы, которые в них содержатся, относятся не к нормам права, а являются близкими к ним социальными нормами – нормами судебной правоприменительной деятельности.

СУД ПРИСЯЖНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Споры вокруг суда присяжных не умолкают. Как и сто лет назад высказываются полярные мнения. Одни являются горячими сторонниками суда присяжных, другие рассматривают его как отживающий институт. На протяжении своей истории существования суд присяжных существенно модифицировался, а некоторые страны вообще от него отказались, отдав предпочтение суду шеффенов. Так, в Италии в 1931 году суд присяжных был заменен судом из двух профессиональных судей и шести заседателей. Прошедшая после второй мировой войны дискуссия о восстановлении суда присяжных не привела к положительному решению¹.

С середины 80-х годов в СССР начал происходить процесс переосмысления, возврата, заимствования правовых понятий, явлений, институтов, которые свойственны странам Запада или существовали в России до октября 1917 года. Это коснулось и суда присяжных.

Верховный Совет СССР в ст. 11 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве, принятых 13 ноября 1989 г., разрешил союзным республикам в порядке, установленном их законодательством, по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше десяти лет, решать вопрос о виновности подсудимого судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей). Замечу, что в этой статье закона суд присяжных отождествлен с расширенной коллегией народных заседателей. Между тем это разные институты.

Основы законодательства о судостроительстве по существу остались не реализованными в связи с тем, что вскоре союзные республики объявили о своей независимости и суверенитете и каждая из них стала избирать свой путь в формировании судебной системы.

В Республике Беларусь вопрос о замене народных заседателей присяжными особенно остро встал в связи с реформой законодательства. В концепции судебно-правовой реформы, принятой 23 апреля 1992 г., позиция изложена достаточно четко: «Введение суда

---

* Судовы веснік. – 1995. – № 1. – С. 53–56.

¹ Судебные системы западных государств. М., 1991, с. 24.

присяжных как наиболее демократичной формы отправления правосудия, выработанной цивилизацией и обеспечивающей независимость и самостоятельность суда, определяется необходимостью расширения реального участия населения в судебной деятельности, привлечения в нее житейского здравого смысла и народного опыта, милосердия и справедливости»¹.

Немецкий юрист Рудольф Иеринг, определяя значимость суда присяжных в конце XIX века, отмечал, что польза от него временная, а не постоянная. Введение суда присяжных он связывал с тем, чтобы освободить юстицию от гнета абсолютизма и от бремени средневековой теории доказательств².

Надо учитывать, что первоначально суд присяжных предназначался для рассмотрения споров с участием себе равных, и жюри формировалось из представителей той социальной среды, к которой принадлежал обвиняемый. Позднее присяжными заседателями стали люди свободных профессий, домохозяйки, пенсионеры.

Исторический опыт свидетельствует, что суду присяжных присуща идея сословности, характерная для феодального общества. Но подобное не может иметь места в современном обществе. Правосознание современного человека настроено на суд, равный для всех.

Безусловно, иметь мнение суда присяжных – это лучше, чем полное устранение общественности от участия в уголовном судопроизводстве. Присяжные заседатели хоть в какой-то мере являются связующим звеном между гражданским обществом, правовые интересы которого они представляют, и государством. В суде эти интересы должны получить согласованное выражение.

Пожалуй, главным недостатком суда присяжных является наделение председательствующего обширными полномочиями по даче присяжным заседателям, прежде чем они уйдут на совещание для решения поставленных вопросов, своеобразной инструкции, которую принято именовать «напутственное слово председательствующего». Кстати, статья 330 проекта УПК Республики Беларусь так и озаглавлена: «Напутственное слово председательствующего».

---

¹ Концепция судебно-правовой реформы. Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1992, № 16, ст. 270.

² Иеринг Р. Цель в праве. СПб, 1897, т. 1, с. 303–304.

Воздействие на волю присяжного заседателя профессиональным судьей заранее предполагается, и можно утверждать, что через напутственное слово может формироваться точка зрения присяжных заседателей, несмотря на предостережения закона о том, что председательствующему запрещается в какой-либо форме выражать свое мнение по вопросам, поставленным перед коллегией заседателей.

Конечно, в напутственном слове председательствующий может и не выразить свое мнение явно, но от завуалированной формы пожеланий нет правовых преград.

Нельзя нейтрализовать негативную сторону содержания напутственного слова председательствующего, если даже указать в законе, что председательствующий перед удалением коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта разъясняет им основные правила оценки доказательств в их совокупности, сущность презумпции невиновности, положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого.

Для того, чтобы не было произвола со стороны судей в оценке доказательств, необходимо их надлежащее отражение в законе. Можно закрепить в законе приоритеты в использовании доказательств. Но это было характерно для средневековья. И от этого начали отказываться в конце XVIII века. Надо также учитывать, что оценка доказательств – это преимущественно мыслительная деятельность субъекта. Следует исходить и из того, что присяжные заседатели не имеют теоретической правовой подготовки. В своем напутственном слове председательствующему бессмысленно глубоко комментировать положения закона. Значит, в обращении к присяжным заседателям он должен приблизиться к фактическим обстоятельствам рассматриваемого уголовного дела, конечно, через призму закона. А отсюда интерпретация доказательств неизбежна.

Таким образом, в самом напутственном слове председательствующего есть возможность, которой судья при желании может воспользоваться, чтобы повлиять, в ту или другую сторону на мнение присяжных заседателей.

Если государство берет курс на введение суда присяжных, то его функционирование необходимо сделать максимально эффективным как в организационном отношении, так и в законодательном закреплении наиболее важных сторон его деятельности.

Перед заключительной частью судебного разбирательства – постановлением приговора в судопроизводстве должно быть выступление председательствующего. Его надо именовать «Речь председательствующего», а не «Напутственное слово председательствующего».

Речь председательствующего — это обращение к прошлому и будущему судебного разбирательства. Должна состоять из двух частей. В первой – председательствующий сообщает присяжным заседателям, что рассмотрение дела закончено, доказательства исследованы, проведены судебные прения и заслушано последнее слово подсудимого. Во второй части знакомит с кругом обязанностей, с техникой формулирования ответов на поставленные вопросы, но без объяснения их существа.

Проблемным является вопрос о том, в какой мере председательствующий в своей речи может углубляться в фактическую сторону дела. Если в законе указать, что председательствующий разъясняет присяжным заседателям суть обвинения и содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый, пусть даже сделать оговорку, что при этом он не должен высказывать собственного мнения, то избежать вторжения в сферу фактической стороны рассматриваемого деяния невозможно. В особенности, если в законе будет содержаться прямое предписание о разъяснении указанных в законе правил оценки доказательств, что означало бы, что обойтись без высказывания суждений о силе доказательств невозможно. Но ведь это уже вопросы вины подсудимого.

Вместе с тем нельзя допустить, чтобы речь председательствующего строилась полностью по его усмотрению. В законе надо предусмотреть ограничения на этот счет. Они должны состоять в том, что в обязанности председательствующего входит объявить, что исследование доказательств по рассматриваемому уголовному делу закончено и присяжные должны вынести свой вердикт, объяснив им техническую сторону дачи ответов на поставленные вопросы. Но и это не является радикальным предохранительным механизмом от негативных последствий, которых можно ждать от деятельности присяжных заседателей.

Присяжные заседатели руководствуются не столько правом, сколько нравственными принципами и исходят из своих представлений о справедливости. Значительная часть нашего законодательства, несмотря на свой обновленный характер, не вызывает у человека доверия.

В определенной мере правовому нигилизму присяжных заседателей может противостоять речь государственного обвинителя и речь защитника, но при условии, если в структурном отношении их речи будут включать и такой элемент, как оценка состава преступления, содержащегося в уголовном кодексе, инкриминируемого подсудимому.

Задачи, стоящие перед государственным обвинителем и защитником, различны. Но есть и общее: в своих выступлениях они опираются на данные, которые были предметом анализа в судебном следствии. Оценка же этих данных должна соотносываться с функциональным назначением обвинения и защиты в уголовном процессе.

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит каких-либо норм, предписывающих определенную структуру обвинительной или защитительной речей. И это правильно. Наличие подобной нормы сковывало бы инициативу лиц и носило бы лишь формальный характер.

Содержащиеся в юридической литературе рекомендации относительно структурных элементов речи государственного обвинителя и речи защитника не имеют принципиальных различий. Общепринятых структурных элементов выступления государственного обвинителя и защитника в судебном разбирательстве недостаточно, если дело рассматривается с участием присяжных заседателей. Так, функция государственного обвинителя не будет до конца реализованной, если он не убедит суд, что действия, вменяемые в вину лицу, государство обоснованно признает общественно опасными и по этой причине УК расценивает их как преступление, то есть он должен аргументировать необходимость наличия в уголовном законодательстве нормы, по которой квалифицируется содеянное.

В свою очередь, защитник, произнося речь, не вправе не обратить внимания на факт наличия в УК соответствующей нормы. Он может согласиться с мнением государственного обвинителя о необходимости ее существования, но может придерживаться и иного мнения.

Присяжные заседатели из двух позиций, предложенных государственным обвинителем и защитником, должны выбрать одну и сообразно с ней дать категорический ответ на вопрос о виновности лица.

Компетенция присяжных заседателей в судебном заседании отличается от компетенции народных заседателей. В совещательной комнате народные заседатели наряду с судьей-профессионалом ре-

шают вопросы факта и вопросы права. Присяжные заседатели ограничены в своих возможностях. Они отвечают лишь на небольшой круг вопросов, касающихся факта совершения преступления, виновности подсудимого и инкриминируемого ему деяния. Профессиональный суд, в свою очередь, совершенно самостоятельно решает вопрос о мере ответственности подсудимого, если он осужден присяжными. Решения присяжных по вопросам, входящим в их компетенцию, ими не мотивируются и являются делом их совести. За вынесенный ими вердикт присяжные не могут привлекаться к какой-либо ответственности.

Попытки привить суд присяжных в современных условиях, причем в классической форме, свойственной английской судебной системе, не могут, на мой взгляд, увенчаться успехом. Для функционирования суда присяжных в Англии сложились благоприятные условия: особенности государственного и общественного строя; высокая компетентность судей; характер уголовного права и процесса; наличие судебного прецедента; значительная роль правового обычая; консерватизм традиций. Без этих условий система английского суда присяжных неосуществима, а если ее и удастся навязать, то без достаточных гарантий в беспристрастности суда она будет функционировать лишь формально.

Традиции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства в Беларуси таковы, что законодатель всегда стремился как можно подробнее регламентировать сферу общественных отношений, действующих при осуществлении правосудия по уголовным делам. Юридическая наука, как правило, всегда готовая к выполнению актуальных социальных заказов, подталкивала к появлению новелл, носящих мнимый демократический характер и часто загромождающих законодательство ненужными подробностями. Как известно, традиции живучи. Провозглашение в 1991 году Республики Беларусь не привело к изменению ориентации в системе детализации правового регулирования явлений. Наблюдаются те же подходы к изменению законодательства, конечно, с учетом новых экономических отношений.

Существование суда присяжных надо связывать с широкими возможностями применения неписаного права и судебного прецедента. Как известно, в Республике Беларусь неписаное право не имеет значения. Судебный прецедент не признан официально. Важно, что судебное истолкование закона не приводит к приобретению

им совершенно иного смысла, как это имеет место в странах с общим правом.

Для некоторых категорий уголовных дел, порожденных современным обществом, например, в сфере бухгалтерского учета, где рассмотрение дела сопряжено со сложными расчетами, или когда преступление совершено с помощью компьютера, суд присяжных вовсе устарел.

Суд присяжных не приобретет авторитет в условиях сложившегося в Республике Беларусь правового стереотипа. Правовое мышление, законодательство, судебная практика – все должно быть приспособлено к природе суда присяжных. Но это возможно только путем коренной переориентации всех атрибутов общества. Насильственное учреждение суда присяжных, попытка привить его на чуждой ему почве есть не что иное как регресс, как возвращение к отживающим правовым институтам.

Но оставлять институт народных заседателей в том виде, в каком он есть, также нельзя. Его необходимо видоизменить, преобразовав в расширенную коллегия народных заседателей с числом, например, не менее пяти человек, и возложить на нее ту же компетенцию, которая присуща судьям-профессионалам, то есть совместно с ними решать вопросы факта и вопросы права. Подсудимому же следует предоставить право выбрать по своему желанию рассмотрение дела только судьями-профессионалами или совместно с расширенной коллегией народных заседателей. И лишь при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусматривающих смертную казнь, признать участие коллегии народных заседателей обязательным. Но это исключение. Правилom же должно быть желание подсудимого.

Что касается уголовных дел, производство по которым может вестись в упрощенном порядке, то есть использоваться протокольная форма досудебной подготовки материалов как эффективный вид предварительного расследования, то для расширенной коллегии народных заседателей при рассмотрении судом такого рода дел нет поля деятельности, что объясняется самой природой преступлений, совершение которых вменялось в вину подсудимым.

АБ ТАВАРЫСКІХ СУДАХ*

У апошнія гады колькасць таварыскіх судаў пачала няўхільна скарачацца, паступова стала звужацца і сфера іх дзейнасці. У сувязі з гэтым актуальным з'яўляецца пытанне аб тым, якое месца займаюць таварыскія суды ў дзяржаве і грамадстве, якая іх функцыя, а таксама далейшы лёс.

Узнікненне і дзейнасць таварыскіх судаў на тэрыторыі Беларусі хоць і мела свае асаблівасці, але іх прававое і фактычнае становішча знаходзілася ў русле агульнадзяржаўных тэндэнцый¹.

У 60-я гг. на старонках савецкага перыядычнага друку развярнулася ажыўленая дыскусія па пытанню аб функцыі, якую выконваюць таварыскія суды. Была выказана думка аб існаванні грамадскага правасуддзя. А. С. Шляпачнікаў адзначаў, што таварыскія суды выконваюць у прадугледжаных законам межах функцыю правасуддзя і з'яўляюцца арганічнай часткай судовай сістэмы². А. Т. Бажанаў лічыў зусім заканамерным расшырэнне кампетэнцыі таварыскіх судаў. Павышэнне іх ролі дае падставу гаварыць аб двух формах ажыццяўлення правасуддзя: дзяржаўнай і грамадскай, якія ўзаемна дапаўняюць адна другую³. Такая думка хоць і атрымала шырокае распаўсюджанне, але не была ўспрынята заканадаўчымі органамі. У ч. 2 арт. 151 Канстытуцыі СССР 1977 г. былі пералічаны суды, на якія ўскладзена функцыя правасуддзя. Сярод іх таварыскія суды не названы. Канстытуцыя выключыла магчымасць ажыццяўлення функцыі правасуддзя таварыскімі судамі.

Аднак і пасля прыняцця Канстытуцыі 1977 г. некаторыя юрысты працягвалі адстойваць неабходнасць уключэння таварыскіх судаў у сістэму органаў правасуддзя. Больш таго, напрыклад, А. А. Чувіллёў пісаў, што поруч з таварыскімі судамі да органаў правасуддзя неабходна аднесці нават камісіі па справах непаўналетніх

---

* Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. – 1992. – № 2. – С. 57–59.

¹ Гл.: Мартинович И.И. Общественные суды БССР в социалистическом строительстве. Мн., 1978.

² Гл.: Шляпочников А.С. Некоторые актуальные проблемы советского уголовного права и криминологии. М., 1966. С. 29.

³ Гл.: Бажанов А.Т. // Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. Казань, 1961. С. 25.

са статусам грамадскіх судаў¹. Прыхільнікі аднясення таварыскіх судаў да органаў правасуддзя спасылаліся на вопыт некаторых краін Усходняй Еўропы, дзе ў канстытуцыйных актах грамадскія суды разам з дзяржаўнымі названыя органамі правасуддзя.

Варта адзначыць, што пытанне аб характары дзейнасці таварыскіх судаў у краінах Усходняй Еўропы вырашалася неаднолькава і мела шмат нюансаў. У кожнай з іх таварыскія суды мелі сваю гісторыю ўтварэння і развіцця, а таксама спецыфіку прававога становішча.

Пытанне аб так званым грамадскім правасуддзі было прадметам абмеркавання ў 1978 г. на V Міжнародным кангрэсе криминолагаў, удзельнікі якога выказалі неаднолькавыя погляды на магчымасць перадачы грамадскім арганізацыям функцыі правасуддзя па справах аб злачынствах. У сувязі з гэтым выклікае цікавасць вывад, да якога прыйшлі аўтары генеральнага даклада: адносна большасці злачынстваў адсутнічаюць умовы для перадачы іх на разгляд грамадскіх органаў².

Згодна арт. 7 Палажэння аб таварыскіх судах, зацверджанага Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР 29 сакавіка 1977 г., якое з некаторымі змяненнямі і дапаўненнямі, дзейнічае і ў сучасны момант, таварыскі суд можа разглядаць справы аб упершыню ўчыненых злачынных дзеяннях, калі яны не маюць вялікай грамадскай небяспекі, і органы ўнутраных спраў, пракуратуры або суд у адпаведнасці з дзеючым заканадаўствам перададуць такую справу на разгляд таварыскага суда³.

У юрыдычнай літаратуры неаднаразова адзначалася, што арт. 7 Палажэння аб таварыскіх судах супярэчыць канстытуцыйнай норме, згодна з якой прызнанне асобы вінаватай ва ўчыненні кожнага злачынства можа быць ажыццёўлена толькі на падставе прыгавору суда. У сувязі з гэтым прапаноўвалася ўключыць таварыскія суды ў агульнадзяржаўную судовую сістэму і прызнаць іх дзейнасць адной з форм ажыццёўлення правасуддзя або выключыць з юрысдыкцыі таварыскіх судаў справы аб злачынствах⁴.

¹ Гл.: Чувилёв А.А. // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979. С. 169.

² Гл.: Участие общественности в борьбе с преступностью в социалистических странах. М., 1980. С. 23–24.

³ Гл.: СЗ БССР. 1977. № 10. Ст. 148.

⁴ Гл.: Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 29; Актуальные проблемы суда, арбитража и прокурорского надзора в свете Конституции СССР 1977 года. М., 1979. С. 91.

Таварыскія суды ўтвараюцца на аснове нарматыўна-прававога акта, прынятага вышэйшым органам улады ў дзяржаве. Парадак іх фарміравання аднолькавы, незалежна ад месца заснавання (прадпрыемства, установа, арганізацыя). Ніводнаму з таварыскіх судаў не дазволена распрацоўваць свае і толькі для сябе лакальныя акты, якія дзейнічалі б замест Палажэння, або разам з ім, у дапаўненне да яго. Значыць, няма падставы лічыць, што таварыскія суды такое фарміраванне, якое знаходзіцца выключна ў межах грамадзянскай супольнасці. Але ў арт. 2 Палажэння сказана, што таварыскія суды ствараюцца па рашэнню агульнага сходу працоўнага калектыву, калектыву студэнтаў і навучэнцаў. Пытанне аб наяўнасці таварыскага суда ставіцца, такім чынам, у залежнасць ад меркавання грамадзян, а не якога-небудзь дзяржаўнага органа. Калі разглядаць статус таварыскіх судаў з гэтых пазіцый, то можна прыйсці да высновы, што яны маюць становішча паміж дзяржавай і грамадзянскай супольнасцю. Тады якая іх функцыя? У арт. 1 Палажэння запісана: «Галоўнае ў рабоце таварыскіх судаў – папярэджанне правапарушэнняў, выхаванне людзей шляхам пераканання і грамадскага ўздзеяння, стварэнне абстаноўкі нецярпімасці да парушэнняў працоўнай дысцыпліны, да любых антыграмадскіх учынкаў». Калі ўлічыць, што таварыскія суды могуць разглядаць справы аб упершыню ўчыненых злачынствах, не маючых вялікай грамадскай небяспекі, то вынікае, што яны поўнамоцны вырашаць пытанне аб вінаватасці. А гэта і ёсць сфера правасуддзя, толькі без гарантый, якія ўласцівы суду – дзяржаўнаму органу. Тут таксама выяўляецца дваістая прырода таварыскіх судаў.

У грамадстве здараюцца розныя сацыяльныя канфлікты. Пашырэнне сферы дзейнасці таварыскага суда па іх разгледжанню прывядзе да звужэння магчымасцей суда дзяржаўнага як органа па абароне правоў і законных інтарэсаў чалавека. Якасць і эфектыўнасць дзейнасці, трэба думаць, будзе вышэй у суда дзяржаўнага, хаця б таму, што ён мае большыя працэсуальныя сродкі.

Паміж людзьмі могуць узнікаць такія жыццёвыя канфлікты, якія можна аднесці да разрады не маючых вялікай небяспекі для грамадства і цяжкасцей для разгледжання. Пакідаць іх без рэагавання суда нельга, інакш гэта будзе падрываць курс на пабудову прававой дзяржавы і зніжаць узровень маралі ў грамадстве. Для вырашэння такой катэгорыі юрыдычных спраў трэба ўтварыць новыя суды пад назвай, напрыклад, міравыя. У іерархіі судаў яны павінны з'яўляцца ніжэйшым звяном. Пры гэтым трэба мець на ўвазе і практычны бок:

магчымасць звяртання чалавека ў такі суд без значных для сябе матэрыяльных выдаткаў і страты часу. Галоўным тут з'яўляецца даступнасць суда.

Наяўнасць міравых судаў не павінна пазбаўляць магчымасці існавання грамадскіх судаў пад рознымі назвамі, не выключаючы і такую, як таварыскі суд. Вядома, значнасць грамадскага суда абумоўліваецца не яго назвай, а іерархічным месцам у сістэме інстытутаў грамадства як чалавечай супольнасці.

У адрозненне ад судаў дзяржаўных сфера дзейнасці грамадскіх – грамадзянская супольнасць, а не дзяржава. Заканадаўчыя органы не ўпаўнаважаны прымаць які-небудзь нарматыўна-прававы акт, рэгулюючы парадак іх утварэння і дзейнасці. У прававой дзяржаве, дзе ёсць вялікі прастор для рэалізацыі індывідуальных свабод чалавека, тая ці іншая супольнасць людзей, утвараючых калектыв, можа выпрацаваць такія нормы паводзін, якія будуць аўтарытэтнымі менавіта для гэтых людзей. Лакальнае або карпаратыўнае рэгуляванне грамадскіх адносін супольнасці людзей здольна аказаць творчае ўздзеянне на развіццё ўсёй прававой надбудовы.

Нормы права, выпрацаваныя супольнасцю людзей, а не дзяржаўнымі органамі, маюць свае спецыфічныя рысы. Яны дзейнічаюць у абмежаванай сферы, канкрэтызуюць і мадыфікуюць агульныя прававыя нормы з улікам мясцовых умоў, рэгулююць такі комплекс грамадскіх адносін, які не набыў агульнадзяржаўнага значэння. Акты, маючыя аўтаномны змест, не патрабуюць ухвалення, ці зацвярджэння дзяржаўнымі органамі, а самастойна рэгулююць шэраг пытанняў, спецыфічных для дадзенага калектыву. Асноўнымі адзнакамі такіх актаў з'яўляецца прыняцце іх непасрэдна дадзенай супольнасцю людзей і ўздзеянне менавіта на гэтую супольнасць. Па-за яе межамі яны не будуць мець ніякага значэння. Але каб калектыв людзей мог прымаць такія лакальныя, карпаратыўныя прававыя акты адносна грамадскіх судаў, трэба мець папярэдні дазвол з боку заканадаўчага органу. Гэты дазвол трэба замацаваць у агульнадзяржаўным нарматыўна-прававым акце, дзе вызначыць агульныя кірункі дэцэнтралізаванага прававога рэгулявання. Інакш будзе існаваць пагроза, што супольнасць людзей перабольшыць сваю кампетэнцыю і замацуе такія нормы права, прырода якіх адпавядае цэнтралізаванаму рэгуляванню, закліканаму забараняць, дазваляць або рабіць непажаданымі дзеянні суб'ектаў і вызначаць кропкі апоры гэтых агульнадзяржаўных палажэнняў. Прамежак гэтых полюсаў –

прадмет дэцэнтралізаванага прававога рэгулявання.

Дэцэнтралізаванае прававое рэгуляванне з'яўляецца строга падзаконным. Вось чаму не толькі ў працэсе ўтварэння лакальных, карпаратыўных прававых норм, але і пры іх прымяненні патрабуецца абавязковае выкананне закону. У выпадку яго парушэння зацікаўленая асоба можа звярнуцца за дапамогай у дзяржаўныя органы. Што датычыцца нарматыўных сістэм, заснаваных на прынцыпе свабоды і фармальнай роўнасці і дзейнічаючых у рамках акрэсленай грамадскай структуры, а таксама прававых звычаяў, якія стыхійна складаюцца ў грамадстве, яны выконваюцца без дзяржаўнага прымусу.

Такім чынам, сучасныя таварыскія суды, якія маюць напоўдзяржаўны характар, будуць паступова адміраць разам з загадамі неправавой дзяржавы. Іх месца зоймуць грамадскія суды, якія будуць знаходзіцца выключна ў сферы грамадзянскай супольнасці. Умацаванне прававой дзяржавы, творчая актыўнасць людзей прывядуць да ўтварэння сапраўды грамадскіх структур.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ*

Человеческое общество включает в себя всю совокупность общественных отношений и представляет собой социальный организм со всеми присущими ему законами функционирования и развития. Оно относится к целостной и динамичной системе, в которой происходят процессы социального управления.

Социальное управление является своеобразным видом общественной практики людей. С одной стороны, оно представляет собой разновидность умственного труда и выступает как элемент духовной деятельности. С другой – не существует само по себе, а в единстве с практикой.

Эволюция социального управления в конечном счете предопределена материальными условиями жизни общества. Подчеркивая базисную детерминацию социального управления, следует отметить, что его виды определяются спецификой тех компонентов надстройки, которые непосредственно связаны с организацией и регулированием общественной жизни.

Совместная деятельность людей не может существовать без власти. Власть – это основа, источник социального управления. С развитием общества претерпевают изменения содержание властных полномочий, методы и средства обеспечения власти, но сама власть не исчезает. Власть и управление диалектически связаны между собой. Они дополняют друг друга, изменяясь под влиянием материальных условий жизни общества и возрастания роли субъективного фактора.

Единая государственная власть для своей реализации требует государственного управления. Именно в нем она находит свое материализованное выражение.

Государственное управление проявляется во вне в виде государственного аппарата: системы государственных органов, обусловленной уровнем общественного и культурного развития. Каждый государственный орган, являясь частью государственного аппарата, наделен государственными полномочиями, действует от имени государства, участвует в реализации его задач, обладает определенной организационно-правовой самостоятельностью, при-

---

* Судебно-правовая реформа и повышение эффективности правосудия: Сб. науч. тр. /Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 1991. – С. 74–81.

меняет присущие только ему формы и методы деятельности. При реализации власти любой государственный орган выполняет свои функции, которые предопределяются функциями государства. При названии функций государства должны быть найдены такие обобщающие термины, которые отражали бы содержательную сторону каждой из функций. Так, функцию, связанную с охраной правопорядка, прав и свобод граждан, обоснованно именовать правоохранительной. Ее осуществляют, в той или иной мере, все государственные органы. Но для одних она является вспомогательной, а для других – основной. Так, суд, прокуратура, органы МВД и КГБ специально созданы для реализации этой функции государства. Каждый из них отражает ту или иную ее сторону. Тем самым происходит своеобразное распадение правоохранительной функции на отдельные подфункции. Подфункции – это внутренняя дифференциация функции. Такая характеристика, однако, имеет относительный характер: Каждая подфункция в отношении собственного внутреннего расчленения может быть рассмотрена как относительное единство, т. е. функция. Вторичное разделение прямо зависит от первичного, от существа того противоречия, внутренним опосредованием которого оно является. Подфункции присуще то, что имеет функция как целое и от чего подфункция производна. В то же время подфункция обладает особенным, что позволяет отграничить ее от других подфункций¹.

Правосудие реализуется в рамках правоохранительной функции. Наличие в законе нормы о том, что правосудие осуществляется только судом, означает, что правосудие включено в систему государственных функций; для его отправления государство специально создает суды; государство гарантирует не возлагать функцию правосудия на другие специально созданные государственные органы; наиболее важные с точки зрения государства социальные конфликты будут разрешаться судом, вне желания стороны рассмотреть возникший спор другим государственным органом.

Правосудие, являясь функцией государства, во вне проявляется в виде деятельности суда. Выбор социальных норм для регулирования правосудия означает нахождение наиболее приемлемых и целесообразных общественных отношений, которые необходимо упрочить в судебной деятельности. Правовые нормы, состав-

---

¹ Форфанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 41.

ляя основу деятельности суда, воспроизводят не только уже сложившиеся общественные отношения, но и намечают реальную модель будущих общественных отношений, еще только зарождающихся. Без этого атрибута право не смогло бы выполнять регулятивную функцию. Относительная стабильность правовых норм является предпосылкой принятия их на определенную историческую перспективу, поскольку право придает единообразие в регулировании общественных отношений и концентрирует в своем содержании отражение самых различных базисных процессов в обществе.

В действующем законодательстве имеются нормы, которые исключают тот или иной вариант поведения суда. Они исчерпывают собой правовое регулирование определенных ситуаций и не оставляют места для наличия иных социальных норм. Но чаще всего в ходе судебной деятельности по применению права взаимно переплетаются и обуславливают друг друга правовые и неправовые виды деятельности. В самом процессе правоприменения наблюдается конкретизация юридических норм, происходит развитие или уточнение. Это идет по нескольким направлениям, которые связаны с тем, что законодатель не имеет возможности охватить правом все разнообразие общественных отношений, возникших в связи с конкретным фактом, или считает это нецелесообразным. Если бы каждый шаг суда по реализации функции правосудия был урегулирован правом, то многие его формы вообще невозможно было бы применить. Они не «подходили» бы к каждому из вариантов человеческого поведения, объективно требующего быть предметом судебного рассмотрения. В деятельности суда неизбежен определенный простор для усмотрения. Он связан как с дальнейшей детализацией правовой нормы, так и с имеющимися пробелами в праве, которые заполняются не правоприменительной деятельностью, а иной социальной деятельностью суда. Конечно, эта социальная деятельность суда должна соответствовать духу закона, но только духу, поскольку буквы закона для данной ситуации нет.

Деятельность суда, в основе которой лежат не правовые, а иные социальные нормы, возникает как по причине невозможности предусмотреть в законе все жизненные ситуации, ввиду высокой степени обобщенности права, так и вследствие необходимости обеспечить творческий характер деятельности суда при осуществлении функции правосудия. Ее объем может быть большим или

меньшим в зависимости от ряда факторов. Основными из них являются: специфика исторической обстановки и характер отношений, в сфере которых она происходит. Бесспорно, периоды ломки общественных отношений и коренных реформ неизбежно сопровождаются более широкими рамками неправовой судебной деятельности. Так, в первые годы Советской власти суды, в основном, действовали не на основе правовых норм, поскольку право только складывалось, а использовали иные социальные нормы. В дальнейшем сфера неправовой судебной деятельности значительно сужается. Но все-таки неправовая судебная деятельность, особенно в настоящее время, в большей мере зависит от характера общественных отношений, где суд реализует свою компетенцию.

Даже в условиях судебного заседания, не говоря уже о подготовке к нему, одной правоприменительной судебной деятельностью невозможно обеспечить принятие решения. Ее оказывается недостаточно, и она дополняется иной социальной деятельностью. Утверждать, что правосудие реализуется только с помощью правоприменительной судебной деятельности, ошибочно. Лишь наиболее, важные стороны судебной деятельности подвергаются правовому регулированию, а в остальном государство доверяет суду действовать по своему усмотрению, опираясь на достигнутый уровень общественных отношений и правосознания.

Правосудие реализуется на протяжении всей судебной деятельности как в судебном заседании, так и за его пределами. Но то, что в действующем законодательстве упор сделан на регулирование судебной деятельности, проходящей в судебном заседании, не является случайным. Именно в судебном заседании сконцентрирована вся информация, касающаяся рассматриваемого вопроса. Подготовительная к судебному заседанию работа направлена на осуществление функции правосудия. Если полагать, что функция правосудия выполняется лишь в ходе судебного заседания, то возникает вопрос: какие цели стоят перед судебной деятельностью, предшествующей ему. Эти цели не могут быть отличны от целей судопроизводства.

Если правоохранительная функция государства распадается на ряд подфункций, среди которых имеется и правосудие, то возникает вопрос: может ли правосудие как, функция суда распадаться на подфункции?

Б.Н. Юрков отмечает, что в соответствии с задачами судопроизводства «суд осуществляет охранительную, воспитательную и

предупредительную функции»¹. Однако названные автором функции не относятся к специфическим функциям суда, поскольку выполняются любым государственным органом в рамках функций, свойственных именно ему. В данном случае форма и метод осуществления этих функций значения не имеют.

А.Ф. Козлов считает, что отправление правосудия включает по крайней мере три основных функции: рассмотрение дела по существу, проверка законности выносимых решений до вступления их в законную силу, проверка законности решений, вступивших в законную силу².

Действительно, вопрос о подфункциях, которые вмещаются в функции правосудия, надо связывать с вопросом о стадиях судопроизводства. Но кроме этого еще и с тем, до каких пределов может осуществляться функция правосудия. Если с этих позиций подойти к такой интегрирующей функции, как правосудие, то можно сделать вывод, что она распадается на следующие подфункции: подготовка судьей (судом) юридического дела к рассмотрению его по существу; рассмотрение и разрешение дела по существу; участие судьи (суда) в исполнении своего решения; проверка законности и обоснованности решений, не вступивших в законную силу; проверка законности и обоснованности судебных актов, вступивших в законную силу. Все они представляют собой определенное единство и относительную обоснованность. Сообразно им происходит формирование статуса судов различных звеньев судебной системы.

Названные подфункции правосудия реализуются в определенной последовательности. Если бы суд был в состоянии каждый раз выносить законный и обоснованный судебный акт, устанавливать истину по делу, не было бы необходимости в наличии тех подфункций, которые предназначены для проверки уже осуществленных подфункций.

Деятельность суда по предупреждению преступлений является сквозной. Она наличествует независимо от формы проявления правосудия. Хотя любое судебное действие направлено на общее и специальное предупреждение преступлений, степень его воздействия зависит от вида правосудия и стадий его осуществления. При

---

¹ Юрков Б. Н. Судебное обеспечение законности в деятельности административных органов. Харьков, 1987. С. 7.

² Козлов А. Ф. Суд первой инстанции как субъект советского процессуального права. Томск, 1983. С. 6.

этом наибольшими возможностями обладает суд, рассматривающий уголовное дело. Его возможности определяются не только уровнем развития уголовно-процессуального законодательства, правосознанием судей, их моральными установками, но в значительной мере также уголовным законом. Уголовно-правовой запрет действий, не соответствующих природе государства и перспективам его развития, должен сопровождаться таким построением норм уголовного закона, чтобы они были доступными для понимания каждого и удобными для применения судом. Механизм воздействия уголовно-правовой нормы на поведение людей (общественные отношения) можно представить следующим образом: норма уголовного права содержит правило поведения (диспозицию), рассчитанное на применение в определенной сфере общественных отношений при определенных условиях (гипотеза); при соблюдении требований нормы общественные отношения приобретают упорядоченный вид, ради достижения которого и предпринимается вмешательство права в жизнь общества (регулирование); если требование нормы нарушено, в действие вступает санкция нормы.

На предупреждение преступлений влияет то, каким образом сформулированы структурные элементы уголовно-правовой нормы, в особенности это касается ее санкций. Наличие в уголовном законе санкций, предусматривающих широкий простор для судебного усмотрения, отрицательно сказывается на предупредительной деятельности суда. Это наглядно проявляется, если санкция содержит в себе, наряду с указанием длительных сроков лишения свободы, условное осуждение, меры имущественного характера и т. д. Нормы уголовного права, содержащие подобные санкции, наоборот, оказывают негативное воздействие, поскольку мешают осуществлению принципа равенства граждан перед законом и судом, одним из аспектов которого является справедливое наказание лиц, виновных в совершении преступлений.

При рассмотрении и разрешении дел суд не предпринимает каких-либо специфических, изолированных от функции правосудия судебных действий, предназначенных для предупреждения преступлений. Если суд надлежащим образом рассмотрел все вопросы, входящие в предмет доказывания, установил истину по делу, вынес законное и обоснованное решение и проконтролировал его исполнение, то можно считать, что суд выполнил свою задачу по предупреждению преступлений. Конечно, объем предупредительного

воздействия на совершение преступлений судебными средствами зависит от того, какое место занимает судебное действие в реализации поставленной задачи: оно является начальным, промежуточным, завершающим процессуальную операцию, стадию, производство по делу в целом. Нарушения, допущенные на начальном этапе деятельности, неизбежно скажутся на конечном, если суд станет пренебрегать совершением проверочных действий.

Согласно действующему законодательству, суд вправе выносить частные определения, в которых обращать внимание государственных органов, общественных организаций и должностных лиц на установленные по делу факты нарушения закона, причины и условия, способствовавшие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер. Количество частных определений, выносимых судами БССР, из года в год увеличивается, но большинство их остается без внимания руководителей предприятий, учреждений, организаций, хотя в законе определен срок для принятия необходимых мер и сообщения об этом суду. Анализ содержания частных определений показывает, что, кроме констатации факта совершения преступления определенным лицом, в них никаких конкретных рекомендаций по устранению негативных обстоятельств не содержится. В лучшем случае, рекомендации носят общий характер: «усилить воспитательную работу», «принять необходимые меры» и т. п.

Суд не располагает возможностями, связанными с повышением действенности частных определений. Он не в состоянии, используя только свои процессуальные средства, выполнить эту сверхзадачу. Иначе ему пришлось бы выходить за пределы предмета доказывания, что в рамках осуществления функции правосудия невозможно. Для углубленного изучения причин преступления суду требовалось бы значительное время и способы, реализовать которые в судебном заседании нет условий. Неизбежно поэтому в частном определении указываются самые очевидные обстоятельства, способствующие преступлению. В информационном отношении частные определения перекликаются с приговором, копия которого направляется по месту работы, учебы или жительства осужденного. Вынесение судом такого вида частных определений не соответствует природе правосудия, поэтому является излишним.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДОУСТРОЙСТВЕ*

История белорусского судоустройства неотделима от истории Беларуси. На различных этапах белорусской государственности суд путем осуществления правосудия выполнял функции государства. Воздействие законодательства России на правоприменительную практику всегда было существенным, но особенно это проявилось в первые годы советской власти. Многие нормативно-правовые акты РСФСР распространяли свое действие на территорию Беларуси и об этом ЦИК выносил постановления. Например, ЦИК ССРБ издал постановление о распространении действия УПК РСФСР на территорию Беларуси. Но был и другой путь: в самом нормативно-правовом акте, изданном органами власти Беларуси, содержались ссылки на законодательство РСФСР. В Положении о судоустройстве ССРБ от 30 марта 1923 г. [1] в примечании к ст. 2 отмечается, что дела об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту, рассматриваются военно-транспортными трибуналами, действующими в порядке ст. 85, 87 и 89 Положения о судоустройстве РСФСР. В статье 78 указывалось, что военные трибуналы действуют на основе Положения о судоустройстве РСФСР.

Такое отношение к законодательству РСФСР было заложено в Декрете Президиума ЦИК ССРБ от 21 января 1922 г., где отмечалось, что все постановления и распоряжения СНК РСФСР, признаваемые по союзному договору между РСФСР и ССРБ от 16 января 1921 г., обязательны для Беларуси, а все декреты, постановления ВЦИК, его Президиума и СНК РСФСР обязательны для Беларуси только в том случае, если они подтверждены в установленном порядке и опубликованы [2].

Говоря о значимости законодательства РСФСР для Беларуси, следует иметь в виду, что реально оно не всегда могло действовать ввиду того, что на территории Беларуси продолжительное время велись военные действия. Первым нормативно-правовым актом о суде после октября 1917 г. был Декрет о суде № 1, изданный Советом Народных Комиссаров РСФСР 24 ноября 1917 г. [3]. Значение этого Декрета заключалось в том, что он упразднил дореволюцион-

---

* Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 21 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2010. – С. 178–197.

ную судебную систему и заложил основы для создания советских судов.

Согласно Декрету о суде № 1 начали создаваться местные суды, которые рассматривали уголовные и гражданские дела в составе постоянного судьи и двух заседателей. Уголовные дела на фронтах рассматривались местными судами, которые избирались полковыми Советами, а где их не было – полковыми комитетами. Предварительное следствие по уголовным делам возлагалось на местных судей и проводилось ими единолично. В развитие указанного Декрета изданы Декрет № 2 о суде и Декрет № 3 о суде [4].

Параллельно с системой общих судов существовала система революционных трибуналов, которая была ликвидирована в ходе реформы 1922 г., что привело к образованию единой судебной системы. Окончание гражданской войны, переход к мирному строительству, полное овладение большевиками властью уже не требовали осуществления правосудия в том виде, который был присущ революционным трибуналам. Революционные трибуналы порождаются революцией и с ее победой или поражением исчезают. По своей политической природе они носят временный характер и стабильному обществу не присущи.

Одним из наиболее важных нормативно-правовых актов, регулирующих судоустройство в Беларуси, было Положение о судоустройстве, изданное ЦИК ССРБ 30 марта 1923 г. [1]. В нем была закреплена судебная система, в которую входили суды общей и специальной юрисдикции.

К судам общей юрисдикции относились: 1) народный суд в составе постоянного народного судьи; 2) народный суд в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей; 3) Высший Суд Республики; 4) Верховный Суд Республики и его коллегии.

В Положении отмечается, что специальные суды являются временными и к ним относятся: 1) военные трибуналы – для рассмотрения дел о воинских преступлениях; 2) особые трудовые сессии народных судов – по делам о преступлениях, совершенных с нарушением законов о труде, и земельные комиссии – по земельным делам. Особые трудовые сессии образовывались в каждом уездном городе в составе одного постоянного народного судьи и двух постоянных членов суда, одного избранного от профсоюзных органов и другого от местного уездного отдела труда. Они имели ту

же компетенцию, что и народные судьи; 3) Белорусская Арбитражная комиссия, состоящая при СНК, – по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами.

Народным судьей могли быть неопороченные по суду гражданин и гражданка БССР, которые имели стаж политической или юридической работы. Они избирались сроком на один год по представлению Высшего Суда Республики, в уездах – уездными исполкомами, а в Минске – городским исполкомом и утверждались Наркоматом юстиции.

Для формирования состава народных заседателей образовывались специальные комиссии, которые носили название «Комиссия по разверстке». В их состав входили член местного уездного исполкома (председатель комиссии), помощник прокурора и один народный судья. Эти комиссии определяли, сколько народных заседателей должно быть при определенном суде из расчета: 50 % – из рабочей среды, 35 % – от крестьян, 15 % – из воинских частей. Эти списки отсылались в трудовые коллективы и воинские части, где проходили выборы народных заседателей. Уездная комиссия утверждала общий список избранных народных заседателей.

Высший Суд Республики состоял из председателя, двух его заместителей и двенадцати постоянных членов суда, а также народных заседателей. Председатель избирался ЦИК, а его заместитель и члены суда – исполкомом Минского городского Совета сроком на один год и утверждались Наркоматом юстиции. Списки народных заседателей составлялись исполнительной комиссией и утверждались СНК. Высший Суд действовал как суд первой и кассационной инстанции. Он состоял из уголовного и гражданского отделений.

Верховный Суд БССР действовал в составе: 1) Президиума; 2) пленарного заседания Верховного Суда; 3) кассационных коллегий Верховного Суда по уголовным и гражданским делам. Председатель и члены Верховного Суда назначались Президиумом ЦИК.

Президиум Верховного Суда БССР состоял из Председателя Верховного Суда и председателей кассационных коллегий. В его компетенцию входило: распределять обязанности между членами Верховного Суда; ведать отчетностью суда; осуществлять надзор за судебными местами, путем назначения ревизий Высшего Суда по предложению Прокурора республики и заслушивать результаты этих ревизий; возбуждать дисциплинарные производства против

членов Верховного Суда, Председателя Высшего Суда и его заместителей.

Пленарное заседание Верховного Суда состояло из всех судей Верховного Суда, Председателя Высшего Суда, Прокурора республики или его старшего помощника. В его компетенцию входило следить за правильным истолкованием судами законов, рассмотрением, отменой и изменением приговоров, выборами дисциплинарной коллегии и т. д.

Кассационные коллегии при рассмотрении дел действовали в составе трех членов Верховного Суда, из них один был председательствующим. При кассационных коллегиях состояли по два помощника прокурора Верховного Суда.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда состояла из судей этого суда в количестве трех человек. Правом возбудить дисциплинарное производство обладали: Прокурор республики, состоящий при Верховном Суде, помощник Прокурора республики, Председатель Верховного Суда республики, Председатель Высшего Суда. Поводом для возбуждения дисциплинарного производства являлись проступки судей, несовместимые с их служебными полномочиями. Видами дисциплинарных взысканий являлись: замечание, выговор, перемещение и смещение на низшую должность; отстранение от службы с запрещением работы в должности судьи на определенный срок.

Положение о судоустройстве ССРБ от 30 марта 1923 г. заложило основы статуса Верховного Суда в Беларуси как высшей судебной инстанции. Оно регулировало статус следователей, которые состояли при следственных участках и именовались народными следователями, а также при отделе Прокуратуры Наркомата юстиции и назывались следователями по важнейшим делам. Назначение народных следователей производилось определением Высшего Суда Республики, а следователей по важнейшим делам – отделом Наркомата юстиции.

В 1924 г. было принято новое Положение о судоустройстве БССР [5], но оно не вносило существенных изменений в судоустройство и действовало непродолжительное время. Для истории судоустройства Беларуси было характерно функционирование с 1924 г. национальных камер народного суда – специальных судебных составов при районных судах. Их создание – это практическое мероприятие по проведению национальной политики. И хотя этот

вид судов просуществовал недолго, он оставил заметный след в истории суда.

В Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ) от 31 июля 1920 г. устанавливалось полное равноправие белорусского, русского, польского и еврейского языков в сношениях с государственными учреждениями, организациями народного просвещения и культуры [6, с. 53–55]. В развитие этой Декларации 15 июля 1924 г. ЦИК БССР принял постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики» [7], которым был намечен комплекс мер по развитию белорусского языка и расширению сферы его применения, развитию национальной культуры, выдвижению кадров из коренного белорусского населения. Государственные учреждения и общественные организации обязаны были в течение трех лет перевести делопроизводство на белорусский язык. Русский язык предполагалось использовать для сношений с другими союзными республиками, а также с общесоюзными органами. С учетом того, что население республики было многонациональным, в этом постановлении говорилось о безусловном обеспечении прав, развитии языка и культуры национальных меньшинств.

В целях реализации положений этого постановления ЦИК БССР были образованы национальные камеры народного суда. Предполагалось, что их функционирование обеспечит максимальную доступность суда для компактно проживающих национальных меньшинств, к которым тогда относились евреи, поляки и латыши. Было образовано десять национальных камер народного суда: шесть еврейских, три польских и одна латышская. Они рассматривали уголовные и гражданские дела. Так, за 1926 г. в общей сложности еврейские национальные камеры рассмотрели 1902 уголовных и 4762 гражданских дела, польские соответственно – 136 и 191, латышская – 17 и 42 дела. Основную массу дел составляли гражданские дела (квартирные споры – 33 %, алиментные дела – 10 % и др.), но рассматривались и дела о преступлениях против порядка и власти – 8 %, о кражах и торговле самогоном – 1,5 % и др. [8, с. 110]. Национальные камеры народного суда действовали почти десять лет. Упразднены 31 марта 1934 г. постановлением Президиума ЦИК БССР [9, с. 7].

31 октября 1925 г. было принято новое Положение о судостроительстве [10], которое установило единую судебную систему:

народные суды в составе постоянного народного судьи или в составе народного судьи и двух народных заседателей; окружные суды; Верховный Суд. Кроме судов общей юрисдикции, Положение предусматривало суды специальной юрисдикции и судебно-административные органы: 1) по делам о воинских преступлениях – военные трибуналы; 2) по делам, связанным с нарушением законов о труде, – особые трудовые сессии народных судов; 3) по земельным делам – земельные комиссии, в том числе и Особая комиссия высшего контроля по земельным делам; 4) по делам об имущественных спорах между государственными органами – состоящая при Экономическом совещании БССР Арбитражная комиссия; по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, – Комиссия по делам несовершеннолетних.

Народный судья рассматривал дела единолично или совместно с двумя народными заседателями. Прокурором республики являлся Народный Комиссар юстиции, а при нем помощники прокурора, один из которых был старшим помощником. В округах действовали окружные прокуроры и их помощники. Следователи состояли: 1) при следственных участках; 2) при окружных прокурорах; 3) при отделе Прокуратуры Наркомата юстиции. Коллегии защитников состояли при окружных судах, а Всебелорусское объединение защитников – при Наркомате юстиции. Судебные исполнители состояли при окружных судах. Они назначались, перемещались и увольнялись распоряжением председателя окружного суда и распределялись им по участкам народных судов в пределах соответствующих районов.

При Верховном Суде существовала дисциплинарная коллегия в отношении судебных работников Верховного Суда, председателей окружных судов, их заместителей, членов окружных судов, прокуроров Наркомата юстиции, окружных прокуроров, их помощников. Дисциплинарная коллегия окружного суда рассматривала дисциплинарные дела о народных судьях, участковых следователях и секретарях этих органов, а также дела в отношении нотариусов и судебных исполнителей.

Положение о судеустройстве БССР 1931 г. [11] закрепило двухзвенность судебной системы: народные суды и Верховный Суд БССР. Окружные суды были упразднены в связи с изменением административно-территориального деления и ликвидацией округов.

Конституция СССР 1936 г. отнесла регулирование судостроительства к ведению СССР. 16 августа 1938 г. был принят Закон «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» [12, с. 564–571], в соответствии с которым в БССР действовали три звена судов: 1) народные суды; 2) областные суды; 3) Верховный Суд БССР.

В 50-е гг. XX в. в законодательстве произошли изменения, направленные на расширение компетенции суда. Президиум Верховного Совета СССР 14 августа 1954 г. издал Указ «Об образовании Президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» [13]. Президиумы этих судов стали рассматривать дела в порядке надзора, что усилило роль судов.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза признал необходимым демократизировать государственное управление и расширить права республиканских и местных органов в социально-политической сфере деятельности. Это привело к существенным изменениям в законодательстве. Верховный Совет СССР 11 февраля 1957 г. принял Закон «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуального кодексов» [14], согласно которому к ведению союзных республик, как и в 20-х гг., было отнесено законодательство о судостроительстве, а высшие органы власти СССР стали издавать общесоюзное законодательство о судостроительстве.

Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. был издан Закон, который носил название «Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик» [15]. Этот нормативно-правовой акт закрепил принципиальные положения о судебной системе и структуре судов, обязательные для всех союзных республик. Что касается военных трибуналов, то они действовали на территории Беларуси в соответствии с Положением о военных трибуналах от 25 декабря 1958 г. [16].

В соответствии с Основами законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. в БССР 20 ноября 1959 г. был принят Закон о судостроительстве БССР [17]. В структурном отношении этот Закон включал следующие разделы: 1) общие положения; 2) районный (городской) народный суд; 3) областной суд; 4) Верховный Суд Белорусской ССР; 5) судебные исполнители. В Законе определены задачи суда, прин-

ципы правосудия, судебная система, структура и порядок формирования судов. В статье 3 сказано, что всей своей деятельностью суд воспитывает граждан в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития. Применяя меры уголовного наказания, суд не только карает преступников, но также имеет своей целью их исправление и перевоспитание.

В Законе закреплены равные права народных заседателей и судей при осуществлении правосудия. Народные заседатели, согласно Закону, призывались к исполнению своих обязанностей в судах в порядке очередности не более чем на две недели в году, кроме случаев, когда продление этого срока вызывалось необходимостью закончить рассмотрение судебного дела, начатого с его участием (ст. 18). За народными заседателями на время исполнения ими обязанностей в суде сохранялась заработная плата.

Закон о судостроительстве БССР от 1959 г. предусмотрел порядок избрания судей. Так, народные судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами района (города) сроком на пять лет, народные заседатели этих судов – на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства (ст. 28), судьи областных судов – областным Советом депутатов трудящихся сроком на пять лет. Областной суд действовал в составе президиума, судебной коллегии по гражданским делам и судебной коллегии по уголовным делам.

Верховный Суд Белорусский ССР избирался Верховным Советом БССР сроком на пять лет. Он действовал в составе Пленума, судебной коллегии по гражданским делам и судебной коллегии по уголовным делам. Законом не было предусмотрено образование Президиума Верховного Суда.

В связи с принятием Конституции СССР 1977 г. и Конституции БССР 1978 г. в законодательство о судостроительстве были внесены изменения. Законом СССР от 25 июня 1980 г. Верховный Совет СССР утвердил новую редакцию Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в СССР [18] и Положения о военных трибуналах [19].

26 ноября 1981 г. был принят Закон БССР «О судеустройстве в Белорусской ССР» [20]. Он также не привел к коренным изменениям в судеустройстве БССР. На момент принятия этого Закона уже функционировал Минский городской суд. В своей компетенции он был приравнен к областным судам. Об этом было сказано в Законе. В статье 20 перечислены суды, входящие в судебную систему БССР. К ним относились: Верховный Суд, областные суды, Минский городской суд и районные (городские) народные суды. Судов специальной юрисдикции не было.

Районный (городской) народный суд образовывался в районе, городе областного подчинения, не имеющем районного деления, районе в городе. Президиум Верховного Совета БССР по представлению Министра юстиции мог образовать один народный суд на район и город. Порядок комплектования кадров судов оставался неизменным. Народные судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Народные заседатели избирались на собраниях граждан по месту работы или жительства (военнослужащие – по воинским частям) открытым голосованием сроком на два с половиной года. Количество народных судей для каждого районного (городского) народного суда устанавливалось Президиумом Верховного Совета БССР по представлению Министра юстиции, а количество народных заседателей определялось исполкомом областного (Минского городского) Совета народных депутатов по представлению начальника отдела юстиции исполкома областного (Минского городского) Совета народных депутатов.

Среднее звено судебной системы – областные (Минский городской) суды избирались соответствующим Советом народных депутатов сроком на пять лет. Они не реже одного раза за период полномочий должны были представлять отчет о своей деятельности и систематически докладывать о ней соответствующему Совету народных депутатов. Эти суды действовали в составе президиума суда, судебной коллегии по уголовным делам и судебной коллегии по гражданским делам.

Верховный Суд Белорусской ССР являлся высшим судебным органом БССР. Он избирался Верховным Советом БССР сроком на пять лет и был ему подотчетен. Его структура оставалась прежней:

Пленум, судебная коллегия по гражданским делам и судебная коллегия по уголовным делам.

Закон о судоустройстве БССР 1981 г. регулировал также вопросы судебного управления, которое выражалось в «организационном руководстве судами». Так, согласно ст. 19 Закона Министерство юстиции и его органы разрабатывали предложения по вопросам организации судов, проведения выборов судей и народных заседателей; руководили работой с кадрами судов; проверяли организацию работы судов; изучали и обобщали судебную практику; организовывали работу по ведению судебной статистики и т. п.

Накануне упразднения СССР принят ряд законов, касающихся судоустройства. Закон СССР «О статусе судей СССР» от 4 августа 1989 г. [21] определил основные гарантии независимости судей и народных заседателей, а в Законе СССР «Об ответственности за неуважение к суду» от 2 ноября 1989 г. [22] изложены формы ответственности за проявленное неуважение к суду. В Законе СССР «О конституционном надзоре в СССР» от 23 декабря 1989 г. [23] сказано, что конституционный надзор в СССР учреждается в целях обеспечения соответствия актов государственных органов и общественных организаций Конституции СССР, конституциям союзных и автономных республик, охране конституционных прав и свобод личности, прав народов СССР, демократических основ советского общества, что его осуществляют Комитет конституционного надзора СССР и органы конституционного надзора союзных и автономных республик.

13 ноября 1989 г. был принят новый общесоюзный нормативно-правовой акт о судоустройстве «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве» [24], который остался нереализованным, поскольку вскоре Советский Союз был упразднен, союзные республики объявили о своей независимости и суверенитете и каждая из них стала избирать тот путь в формировании судебной системы, который казался ей наиболее эффективным.

После упразднения СССР в России стала действовать система арбитражных судов, а в Беларуси – система хозяйственных судов, учрежденных Законом «О хозяйственном суде» от 5 июня 1991 г. [25]. Они стали рассматривать споры, возникающие при заключении, изменении, расторжении и исполнении хозяйственных договоров либо по другим основаниям, а также споры о признании недействительными актов государственных и иных органов, не имеющих

нормативного характера, не соответствующих законодательству и затрагивающих интересы предприятий и организаций (ст. 23).

Такая слишком общая норма Закона «О хозяйственном суде» вызвала трудности в отнесении хозяйственных споров к юрисдикции общих или хозяйственных судов. Она была конкретизирована постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 23 марта 1995 г. «О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами» [26].

В соответствии с Законом «О хозяйственном суде» от 5 июня 1991 г. были образованы хозяйственные областные суды и Высший Хозяйственный Суд, а в 1998 г. создан хозяйственный суд г. Минска [27]. Решения хозяйственных судов исполняли суды общей юрисдикции. И лишь 30 января 1998 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь было утверждено Положение «О Службе судебных исполнителей хозяйственных судов в Республике Беларусь» [28].

В конце XX в. в Беларуси произошли крупные преобразования, изменившие общественный уклад жизни людей. Взятый курс на упрочение права и формирование гражданского общества оказал свое воздействие на все стороны белорусской государственности. Важной вехой на этом пути стала Концепция судебно-правовой реформы, принятая Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г. [29]. И хотя не все ее положения изначально получили позитивную оценку, тем не менее ее значимость в развитии правоохранительной системы громадна [30]. Без преувеличения можно сказать, что квинтэссенцией Концепции явилось стремление придать авторитет судебной власти, упорядочить судебную систему.

Следует отметить, что и Конституция Республики Беларусь, принятая Парламентом 15 марта 1994 г. [31], и Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями), принятая на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. [32], лишь вскользь коснулись вопросов организации органов судебной власти при наличии в своей структуре самостоятельного раздела «Суд». И это понятно, поскольку государство еще не было готово к закреплению на конституционном уровне системы судов, исторические перспективы Концепции судебно-правовой реформы были неопределенны [29].

В начале 90-х гг. XX в. значительно укрепилось правовое положение судей как субъектов, осуществляющих правосудие. Постепенно определился их статус в обществе, что потребовало его закрепления в законодательстве. 13 января 1995 г. был принят Закон «О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь» [33], который содержал три раздела: 1) общие положения; 2) судебная система; 3) статус судей. Закон регламентировал статус лишь судов общей юрисдикции. В отношении хозяйственных судов и Конституционного Суда существовали самостоятельные законы [34; 35]. Правовое регулирование организации деятельности хозяйственных судов постоянно изменялось и детализировалось, постепенно складывались принципы их деятельности, накапливался опыт их функционирования. Это было отражено в новом Законе «О хозяйственных судах в Республике Беларусь» от 9 декабря 1998 г. [36].

Заметим, что все нормативные правовые акты, определявшие статус суда и закреплявшие судебную систему, имели традиционное название «О судоустройстве». И лишь в названии Закона «О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь» от 13 января 1995 г. [33] упомянуто, что правовому регулированию будет подвергнуто и положение судей в обществе.

Длительное время вопрос о переименовании нормативного правового акта о судоустройстве не возникал. В 1980 г. И. И. Мартинович предложила назвать единый нормативный правовой акт, регулирующий организацию судебной деятельности и государственное руководство ею, «Кодекс законов о судоустройстве» [37, с. 65]. Такое название было подвергнуто критике из-за его тавтологичности [38, с. 39]. В ходе обсуждения перспектив развития судебной власти было предложено иное название – «Закон о статусе суда» [39]. Данное название представлялось наиболее точным и емким, поскольку в нем отражается место суда как органа судебной власти в обществе и государстве, само же понятие «статус суда» среди правовых категорий является наиболее широким и основополагающим. К тому же в начале 90-х гг. XX в. возникла острая потребность конкретизации в отраслевом законодательстве конституционного принципа разделения властей в государстве.

Необходимо иметь в виду, что правосудие не может существовать само по себе. Его реализацию надо организовать, т. е. создать соответствующие условия для функционирования судов. В каждом суде, независимо от того, каким звеном судебной системы он явля-

ется, функционирует аппарат суда, осуществляющий организационное обеспечение рассмотрения судом конкретных дел. Между тем в белорусском законодательстве о судоустройстве либо вовсе не упоминалось об аппарате суда, либо его статус определяется лишь в общих чертах. Так, в Законе «О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь» от 13 января 1995 г. [33] сказано: «Аппарат суда обеспечивает его работу по осуществлению правосудия, обобщению судебной практики, анализу судебной статистики, а также по выполнению иных функций суда» (ст. 83). Далее в ст. 86 «Структура и штатная численность аппаратов судов» определено, что «численность работников аппаратов судов, размеры расходов на их содержание устанавливаются в порядке, определенном Президентом Республики Беларусь». К слову сказать, о структуре аппаратов судов ни в названной статье, ни в других статьях даже не упоминается. Сложилась традиция, что конкретизация статуса и функций аппарата суда определяется в соответствующих инструкциях по делопроизводству в суде. Например, в Инструкции по делопроизводству в районном (городском) суде, утвержденной Министерством юстиции Республики Беларусь 8 июня 1998 г., определена структура аппарата суда данного звена судебной системы. Более того, даже нормы закона, касающиеся статуса председателя районного (городского) суда, детализированы в самостоятельном нормативном правовом акте – Положении о председателе районного (городского), межгарнизонного военного суда Республики Беларусь, утвержденном постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь 30 июня 2005 г. [40]. Примерно такие же подходы в правовом регулировании организации деятельности судов сохранились в действующем Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. [41]. И это касается всех судов, входящих в судебную систему Республики Беларусь.

Итак, 29 июня 2006 г. утвержден Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей (далее – Кодекс) [41], состоящий из следующих шести разделов: раздел 1 «Основы, задачи и принципы деятельности судебной системы», раздел 2 «Порядок формирования и комплектования судов», раздел 3 «Статус судьи и народного заседателя», раздел 4 «Органы судейского сообщества», раздел 5 «Обеспечение деятельности судов и органов судейского сообщества», раздел 6 «Заключительные положения». На первый взгляд, Кодексом охватываются все стороны правового регулирования ор-

ганизации органов судебной власти, их статуса, а также примыкающих к ним формирований. Однако на деле это далеко не так. Достаточно обратиться к ст. 51 и ст. 55, где сказано, что Пленум Верховного Суда и Президиум Верховного Суда сами принимают нормативные правовые акты локального характера – регламенты своей деятельности, не связанной с рассмотрением конкретных дел. Так, в ст. 54 определена компетенция Президиума Верховного Суда – указано, что наряду с правосудием по уголовным и гражданским делам им осуществляется рассмотрение: 1) материалов изучения и обобщения судебной практики и судебной статистики, а также проектов постановлений Пленума Верховного Суда; 2) ходатайств о проверке конституционности нормативных правовых актов; 3) вопросов организации работы судебных коллегий, отдельных судей, аппарата Верховного Суда, председателей и судей нижестоящих общих судов. Кроме того, Президиум Верховного Суда вправе заслушать председателей судебных коллегий Верховного Суда и председателей нижестоящих общих судов о деятельности соответственно судебных коллегий Верховного Суда и о своей деятельности. Не обсуждая проблему, действительно ли все эти вопросы компетенции Президиума Верховного Суда соответствуют его природе, отметим, что каждый из них должен быть более пространно изложен в самом Кодексе, без отсылок к иным нормативным правовым актам. И все же мимоходом заметим, что некоторые из них должны находиться в структуре компетенции аппарата суда, а не судебных составов. Повышение значимости аппарата суда в перспективе неизбежно.

Надо сказать, что в Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей достаточно много отсылочных норм и это один из его недостатков. К рассматриваемому аспекту близко примыкает и такой: во многих статьях Кодекса, определяющих компетенцию судов, содержится весьма неопределенное предписание: «...осуществляет иные полномочия в соответствии с законодательными актами» (ст. 25, 26, 32, 36, 37, 38, 40, 46, 47, 49, 51, 54, 62, 63, 64, 66, 69, 70, 71, 72, 73 и др.). Ясно, что судьи осуществляют правосудие, процедура которого определена в процессуальном законодательстве. Подобного рода «резервные» нормативные правовые предписания не несут в себе информационно-правовой нагрузки и сами по себе излишни. Есть и вовсе парадоксальные предписания Кодекса с ориентацией на перспективу, возможно весьма отдаленную. Так, в ст. 28 «Система общих судов» сказано: «В системе

общих судов могут создаваться специализированные суды: по делам несовершеннолетних, семейные, административные и др.», а в ст. 59 «Система хозяйственных судов» по существу тот же подход: «В системе хозяйственных судов могут создаваться специализированные хозяйственные суды: по банкротству, земельные, налоговые и др.». При буквальном толковании такой формулировки оказывается, что Кодекс предусматривает возможность создания самостоятельных видов судов. В статьях 63 и 64 также упоминается о специализированных судах. Вряд ли можно назвать позитивным наличие подобных норм-идей в самом тексте Кодекса.

Следует различать специализированные судебные составы внутри существующих судов и учреждение новых видов судов, обособленных от других, уже функционирующих. Возможно, в Кодексе произошла своеобразная терминологическая несогласованность. Современное состояние общественных отношений не предполагает наличия значительного числа подобных дел, особенно в сфере правосудия по хозяйственным делам. Более того, в юридической литературе поставлена под сомнение необходимость самостоятельного существования хозяйственных судов. Например, Е. В. Богданов отмечает: «Особенности социально-экономического и правового статуса субъектов спорных хозяйственных отношений не дают основания для вывода о самостоятельном виде правосудия по хозяйственным (экономическим) спорам. Явно недостаточно для выделения самостоятельного правосудия по хозяйственным (экономическим) спорам и существования специальных хозяйственных судов» [42, с. 65]. Действительно, судебная защита права собственности должна быть одинаково надежно обеспечена в отношении как физических, так и юридических лиц. В перспективе не исключено создание единых судов [43, с. 204]. В широких слоях юридической общественности обсуждается проблема создания судов по делам несовершеннолетних как звена ювенальной юстиции. Правда, в Кодексе на этот счет содержится лишь диспозитивная норма. Однако и здесь необходимо использовать возможности единого суда, связанные с комплектованием судейского состава, наличием соответствующих помещений и служб по оказанию психологической помощи несовершеннолетним.

Весьма важным является наличие в структуре Кодекса Республики Беларусь о судеустройстве и статусе судей 2006 г. [41] самостоятельного раздела «Органы судейского сообщества». Прежнее

белорусское законодательство о судоустройстве не содержало подобного раздела. Сам факт функционирования судейского сообщества свидетельствует о демократических преобразованиях в обществе, причастности самих судей к упрочению организационно-правовых гарантий судебной власти. В Кодексе определены органы судейского сообщества: съезд судей Республики Беларусь; Республиканский совет судей; конференции судей областных (Минского городского) судов, конференции судей военных судов и конференции судей хозяйственных судов; квалификационная коллегия судей Верховного Суда Республики Беларусь, квалификационные коллегии судей областных (Минского городского) судов, квалификационная коллегия судей военных судов и квалификационная коллегия судей хозяйственных судов (ст. 143). В Кодексе содержатся нормы, определяющие деятельность каждого из органов судейского сообщества. Однако их правовое регулирование не является исчерпывающим: в ст. 147 уточняется, что правила подготовки, порядок проведения заседаний органа судейского сообщества, принятия и оформления его решений, контроля за их исполнением определяются регламентом соответствующего органа судейского сообщества, который им же принимается.

Сама по себе идея о действии локальных нормативных правовых актов плодотворна, поскольку позволяет продолжить правовое регулирование соответствующей сферы общественных отношений, причем на более детальном уровне. Однако в данном случае их принятие должно стать прерогативой высшего органа самоуправления судей – съезда судей Республики Беларусь, что необходимо прежде всего для единообразия юридической практики органов судейского сообщества. Если еще можно допустить, что съезд судей и Республиканский совет судей могут сами принять регламенты своей деятельности, то аналогичный подход не приемлем к конференциям судей и квалификационным коллегиям судей ввиду того, что они функционируют во всех областных судах. Может оказаться, что одноуровневые органы судейского сообщества примут такие регламенты, которые будут существенно отличаться при одинаковом статусе судов и судей.

Наличие Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей 2006 г. [41], а также иных нормативных правовых актов, в которых детализируются вопросы судебной системы, статуса судей, аппарата судов, свидетельствует о существовании самостоя-

тельной отрасли права – судоустройственного права. Как отмечает С. С. Алексеев, отрасли права – это наиболее крупные звенья структуры права, охватывающие качественно обособленную сферу общественных отношений и обеспечивающие специфические режимы правового регулирования [44, с. 172]. Н. В. Сильченко уточняет, что для отрасли права характерны отличительные черты: предмет, метод и особый правовой режим регулирования [45, с. 457–463]. Этим особенностям и соответствует судоустройство как отрасль права.

Для отрасли права весьма важным является наличие системы отраслевых принципов, общих положений, образующих общую часть отрасли. Для каждой отрасли права характерны свои отраслевые принципы, задачи, дефиниции, в целом положения, образующие общую часть отрасли.

В Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей 2006 г. [3] в разделе II «Основы, задачи и принципы деятельности судебной системы» содержится лишь один подраздел «Основные положения». Такое расположение нормативных правовых предписаний не соответствует правилам юридической техники. Кроме того, название главы является более общим, нежели название раздела. Юридический анализ норм права этого раздела показывает, что в ст. 1 закреплены нормы-дефиниции, в ст. 2 – свойства судебной власти, а ст. 3 определяет правовую основу судебной власти (Конституция Республики Беларусь, Кодекс о судоустройстве и статусе судей и иные законодательные акты Республики Беларусь). Именно с содержания правовых основ следовало бы начинать изложение правового материала Кодекса. Кстати, вместо понятия «законодательные акты» следовало бы использовать «нормативные правовые акты», как наиболее точное и широкое. Ведь Кодекс предусматривает наличие регламентов – разновидности нормативных правовых актов, принимаемых самими органами судебной власти и органами судейского сообщества. Далее в Кодексе расположены нормы права, касающиеся судебной системы (ст. 4, 5); задач судов (ст. 6); принципов правосудия (ст. 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13); свойств судебных актов (ст. 14); норм, закрепляющих внешние атрибуты судов (ст. 15, 16, 17, 18). Не возражая против наличия в данном разделе таких разновидностей норм права, следует обратить внимание на их непоследовательное расположение, без учета иерархии норм права, что свидетельствует о недостаточной разработанности общих положений судоустройства.

Следует также уточнить наименование исследуемого Кодекса. В его названии нет необходимости упоминать о «статусе судей». Ведь суда без судей не бывает. Поэтому наиболее приемлемо его озаглавить традиционно: «кодекс о судостроительстве».

В Республике Беларусь в соответствии с законодательством существует три вида судов: общие, хозяйственные и Конституционный Суд. Военные суды входят в систему общих судов, что, к слову сказать, является недостаточно обоснованным. Каждому виду судов присуща своя специфика, получившая отражение в соответствующих главах Кодекса. По существу произошла консолидация имеющихся норм законодательства без поисков того общего, что присуще всем судам. К тому же Конституционный Суд стал приобретать черты квазисудебного органа. Оказалось, что виды судов, входящих в судебную систему, обладают такими, только им присущими чертами, которые вынуждают в соответствующих разделах Кодекса системно изложить статус, структуру, компетенцию каждого из них. За пределами Кодекса остались неурегулированными либо недостаточно отчетливо урегулированными такие общие вопросы статуса органов судебной власти, как место суда в системе государства и гражданского общества, его соотношение с органами законодательной и исполнительной властей, политическими партиями, общественными организациями и движениями и т. п. В связи с этим не лишним будет принятие «Закона о статусе суда», который по своей природе, конечно, будет политизирован. Важно, чтобы в государстве, взявшем курс на утверждение верховенства права и формирование гражданского общества, гражданам было гарантировано право обращения в любые суды (государственные, третейские, общественные, международные), предназначенные для разрешения юридических конфликтов в целях судебной защиты их прав и законных интересов. Тем более что в перспективе не исключено предоставление альтернатив в подсудности дел. Названный закон послужил бы основой для «Кодекса о судостроительстве», а также при необходимости и для других отраслевых нормативных правовых актов, в совокупности составляющих самостоятельную отрасль права – судостроительное право.

Список использованных источников

1. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. – 1923. – № 4. – Ст. 40.

2. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. – 1922. – № 1. – Ст. 1.
3. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. – 1917. – № 4. – Ст. 50.
4. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1918. – № 26. Отдел первый. – Ст. 420; № 52. – Ст. 589.
5. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. – 1924. – № 12. – Ст. 112.
6. Революционные комитеты БССР и их деятельность по упрочению советской власти и организации социалистического строительства (июль, декабрь 1920 г.): сб. док. и матер. – Минск: АН БССР, 1957. – 523 с.
7. Сборник узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. – 1924. – № 11. – Ст. 108.
8. Практическое решение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике (к 10-й годовщине Октябрьской революции): Работа среди национальных меньшинств. – Минск: Национальная комиссия ЦИК БССР, 1928. – 162 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики (с изменениями на 15 июня 1938 г.). – Минск: Госиздат Белоруссии. Соц.-эконом. лит., 1938. – 96 с.
10. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. – 1925. – № 49. Отдел первый. – Ст. 382.
11. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. – 1931. – № 26. Отдел 1. – Ст. 186, 187.
12. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.: сб. документов / под ред. С. А. Голунского. – М.: Госюриздат, 1955. – 635 с.
13. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1954. – № 17. – Ст. 360.
14. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 4. – Ст. 63.
15. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 12.
16. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 14.
17. Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. – 1959. – № 16. – Ст. 248.
18. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1980. – № 27. – Ст. 546.
19. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1980. – № 27. – Ст. 545.
20. Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР. – 1981. – № 33. – Ст. 671.

21. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 9. – Ст. 223.
22. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 22. – Ст. 418.
23. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 29. – Ст. 572.
24. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 23. – Ст. 441.
25. Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1991. – № 22. – Арт. 302.
26. О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь № 2, 23 марта 1995 г. // Судовы веснік. – 1995. – № 2. – С. 9–10.
27. Збор дэкрэтаў, указаў Прэзідэнта і пастаноў Урада Рэспублікі Беларусь. – 1998. – № 32. – Арт. 811.
28. Збор дэкрэтаў, указаў Прэзідэнта і пастаноў Урада Рэспублікі Беларусь. – 1998. – № 4. – Арт. 93.
29. О Концепции судебной реформы: Постановление Верховного Совета Республики Беларусь № 1611–XII, 23 апреля 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 16. – Ст. 270.
30. *Бибилло, В. Н.* Перспективы развития судебной власти по Концепции судебной реформы Республики Беларусь / В. Н. Бибилло // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 13 / отв. ред. В. Н. Бибилло [и др.]. – Минск: БГУ, 2002. – С. 204–214.
31. Конституция Республики Беларусь. Принята Верховным Советом Республики Беларусь 15 марта 1994 года. – Минск: Полымя, 1994. – 31 с.
32. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп.). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 1. – С. 4–28.
33. О судеустройстве и статусе судей в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь № 3514–XII, 13 января 1995 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1995. – № 11. – Ст. 120.
34. Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 22. – Ст. 302.
35. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1994. – № 15. – Ст. 220.
36. Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. – 1999. – № 2. – Ст. 32.
37. *Мартинovich, И. И.* О систематизации республиканского законодательства о судеустройстве / И. И. Мартинovich // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. – Сер. 3. – 1980. – № 2. – С. 63–66.
38. *Бибилло, В. Н.* Судебная власть в уголовном судопроизводстве / В. Н. Бибилло. – Минск: Право и экономика, 2001. – 210 с.

39. *Бибило, В. Н.* Правовой статус суда / В. Н. Бибило // Судебно-правовая реформа: концепция и пути ее реализации в Республике Беларусь: материалы респ. науч.-практ. конф. 26–28 февр. 1992 г. / Верховный Совет Республики Беларусь; Совет Министров Республики Беларусь; Верховный Суд Республики Беларусь. – Минск, 1992. – С. 138–141.

40. Положение о председателе районного (городского), межгарнизонного военного суда Республики Беларусь: утв. постановлением Мин-ва юстиции Респ. Беларусь, 30 июня 2005 г., № 32 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2005. – № 109. – 8/12845.

41. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей: 29 июня 2006 г. № 139–З. – Минск: Амалфея, 2008. – 148 с.

42. *Богданов, Е. В.* Проблемы теории и практики реализации судебной власти в форме правосудия / Е. В. Богданов. – Минск: Право и экономика, 2002. – 106 с.

43. *Бибило, В. Н.* Новый этап в развитии белорусского законодательства о судоустройстве / В. Н. Бибило // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвященной Дню белорусской науки (Минск, 23 января 2009 г.) / М-во внутренних дел Республики Беларусь, Академия МВД. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2009. – С. 204–205.

44. *Алексеев, С. С.* Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / С. С. Алексеев. – М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.

45. *Сільчанка, М. У.* Агульная тэорыя права: вучэб.-метады. комплекс / М. У. Сільчанка. – Гродна: ГрДУ, 2008. – 709 с.

АКТЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РУКОВОДСТВА СУДАМИ*

1. Организационное руководство судами – это отрасль советского государственного управления, осуществляемого в отношении судов Министерством юстиции СССР, министерствами юстиции союзных и автономных республик и их органами. В его предмет входит: организация судебного разбирательства уголовных и гражданских дел, а также дел, возникающих из административно-правовых отношений; исполнение судебных решений; проведение отчетов судей и народных заседателей перед избирателями; профилактическая деятельность; работа с народными заседателями; организация труда судебных работников; методы работы суда, предусмотренные законом и выработанные практикой.

2. Государственные органы, предназначенные для организационного руководства судами, принимают акты, в которых содержится правовое регулирование работы всех звеньев советской судебной системы. Акты организационного руководства судами разделяются на два вида: 1) акты, прямо обращенные к судьям и подлежащие ими исполнению, например, утвержденные Министерством юстиции СССР Инструкция о порядке приема, учета и хранения в судах вещественных доказательств от 11 декабря 1975 г., Инструкция о порядке хранения, отбора и сдачи в архив документов судов от 17 сентября 1980 г. и др.; 2) акты, обращенные к органам юстиции, например, Методические рекомендации Министерства юстиции СССР по проверке организации работы народного суда.

3. Виды управленческих актов, предназначенных для организационного управления судами, зависят от того, какой орган юстиции их принимает. В соответствии с п. 12 Положения о Министерстве юстиции СССР, Министр юстиции СССР издает приказы и инструкции, а также дает указания, обязательные для исполнения министерствами юстиции союзных и автономных республик, управлениями юстиции, а также другими органами. Коллегия Министерства юстиции СССР по важнейшим вопросам принимает решения. Широкое распространение получают такие акты управления, как информационные письма и рекомендации.

---

* Организация и управление: Тезисы докл. Всесоюз. науч.-теор. конф. (г. Минск, 13-15 ноября 1989 г.). – Минск, 1989. – С. 123–125.

4. Акты в сфере организационного руководства судами должны приниматься лишь при наличии управленческой ситуации, возникновение которой связано с проявлением новых обстоятельств, требующих переоценки. Новый акт управления надо принимать, когда ранее изданный перестал быть действенным. Существование дублирующих актов связано с игнорированием управленческой проблемной ситуацией, а также с принятием аналогичных актов несколькими органами организационного руководства судами. В результате создается положение, при котором одновременно действуют несколько актов управления, имеющих разную юридическую силу. Вследствие этого часть управленческих актов воспринимается как второстепенные.

5. Акт организационного руководства судами состоит из двух частей: вводной и постановляющей. Во вводной части содержится оценка деятельности судов, а в постановляющей – устанавливаются конкретные предписания, которыми регулируется решение тех или иных вопросов. Кроме того, в актах управления должны содержаться сведения относительно сроков выполнения задания, а также исполнителей. Результативность актов управления в данной сфере во многом зависит от качества их составления. Загруженность их общими указаниями не нацеливает суды на решение конкретных проблем. Акт управления должен быть изложен четко и ясно, так, чтобы его исполнитель не допускал двусмысленного толкования предписаний. Информационная перенасыщенность затрудняет восприятие и не концентрирует внимание на главном.

6. Качество осуществления правосудия должно постоянно находиться в центре внимания органов, предназначенных для организационного руководства судами. Принимаемые ими акты управления должны быть направлены на повышение воспитательного воздействия судебных процессов; решение задачи повышения квалификации судебных кадров; разработку обоснованных нормативов для определения необходимой численности судей в каждом звене судебной системы; укрепление материально-технической оснащенности судов; повышение культуры составления процессуальных документов; улучшение организации судебного процесса; повышение оперативности судопроизводства; изучение причин несоблюдения процессуальных сроков рассмотрения судебного дела; разработку рекомендаций по работе с народными заседателями; обобщение и распространение положительного опыта выездных судебных засе-

даний; привлечение представителей общественных организаций и трудовых коллективов к участию в судебном разбирательстве.

7. Недостатком в работе органов, осуществляющих организационное руководство судами, является принятие ими из года в год актов управления одинаковой направленности. Такой подход не способствует глубокому изучению организационной стороны в правосудии, поскольку вне поля зрения остаются другие важные аспекты в деятельности судов. Отмена или изменение судом второй инстанции судебных решений по гражданским и уголовным делам наиболее часто происходит по причине нарушения процессуального закона. Между тем, Министерство юстиции СССР и его органы редко принимают акты, которые обязывали бы суды обобщать практику применения процессуального законодательства. Это сказывается и на характере деятельности Пленума Верховного Суда СССР и пленумов высших судов союзных республик по принятию руководящих разъяснений, предметом которых, как правило, является применение материального уголовного и гражданского законодательства. Все это в итоге сказывается на качестве отправления правосудия.

8. Министерства, управления юстиции и суды всех звеньев должны координировать свою работу по обобщению судебной практики, используя при этом судебную практику, а также изучение дел сплошным и выборочным методом. Гарантией успеха является тщательно разработанная программа, которая включает в себя изложение основных задач; формулировку проблемы, выявление уровней ее рассмотрения, постановку вопросов, подлежащих проверке. Необходимым условием успешной реализации обобщения является подведение его итогов на совещании в министерстве или управлении юстиции. Корректировке судебной практики будет способствовать принятие актов управления по следующим направлениям: подготовка информационных писем и обзоров судебной практики; внедрение в судебную работу научной организации труда; повышение квалификации судебных работников.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ КАК ОРГАН СУДЕБНОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Среди органов государственного управления Министерство юстиции занимает особое место. По своему статусу оно относится к отраслевым органам управления. Сфера его деятельности довольно широка и разнообразна. Тем не менее стоящие перед ним задачи сводятся к достижению единой цели: способствовать созданию в государстве условий для надлежащего осуществления им правоохранительной функции.

Статус Министерства юстиции в Республике Беларусь определен в законодательстве. Среди нормативно-правовых актов особое значение имеет Положение о Министерстве юстиции Республики Беларусь, принятое 1 декабря 1995 года. Одним из существенных недостатков этого нормативно-правового акта является то, что он составлен без соблюдения соответствующих правил юридической техники. Кроме того, по своему содержанию он малоинформативен, противоречив и не отвечает запросам юридической практики.

Вначале этого нормативно-правового акта следовало бы определить, какое место занимает Министерство юстиции в системе органов государственного управления, каково его предназначение, то есть то, ради чего оно существует, а затем изложить правовые нормы, в которых закрепить задачи как способы интеграции деятельности в соответствии с ориентиром на присущие его природе функции.

В связи с тем, что задачи Министерства юстиции многочисленны и разнообразны, возникает проблема последовательного расположения правового материала о них. Главное определить, какие задачи являются приоритетными. Из содержания Положения вытекает, что главным для Министерства юстиции в современных условиях является участие в подготовке нормативно-правовых актов, их регистрация и обеспечение прежде всего правоохранительных органов правовой информацией. В настоящее время действительно на передний план выступает именно такого рода деятельность. Но в перспективе, когда законодательство стабилизируется, главным станет обеспечить надлежащее его применение. Вряд ли есть необходимость для подготовки нормативно-правовых актов и изучения юридической практики

---

* Управление в социальных и экономических системах: тезисы докл. респ. науч.-практ. конф. (г. Минск, 19-20 февр. 1997 г.) / Междунар. акад. ин-форм. технологий; Негос. высш. учеб. заведение Ин-т управления. – Минск: Ин-т управления, 1997. – С. 121–122.

создавать в системе Министерства юстиции профильный научно-исследовательский институт. Достаточно функционирования подразделения, в структуре которого необходимо предусмотреть наличие научно-исследовательской группы, в задачу которой входило бы научное обоснование принимаемых решений. Деятельность такого подразделения в большей мере будет носить целенаправленный характер. Кроме того, научные сотрудники могли бы стать резервом для кадрового обеспечения системы юстиции. Что касается Научно-исследовательского института проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы, то он должен иметь самостоятельный статус, ввиду его специфической деятельности.

Главным для Министерства юстиции является обеспечение судебного управления в форме организационного содействия судам в осуществлении правосудия. Именно через него существует взаимосвязь между исполнительной и судебной властями, что необходимо для эффективной работы всего государственного аппарата. Создание самостоятельного судебного ведомства таит в себе опасность, что органы исполнительной власти усилят свои локальные интересы в ущерб эффективности правосудия. К тому же судебное ведомство по своему статусу будет напоминать Министерство юстиции.

Надо учитывать, что реализация задач, стоящих перед Министерством юстиции, осуществима в том случае, если его структура будет приспособлена к их характеру. Что касается численности работников Министерства юстиции, то ее определение должно относиться к компетенции коллегии Министерства юстиции. Министерству юстиции надо предоставить максимально большие полномочия в комплектовании корпуса сотрудников центрального аппарата Министерства юстиции, чтобы Министр юстиции нес персональную ответственность за подбор и расстановку кадров в сфере юстиции.

Ввиду того, что Министерство юстиции занимает важное место в системе органов государственного управления, необходимо, чтобы оно осуществляло выпуск Юридического журнала.

СПОСОБЫ ОБОБЩЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ*

1. Обобщение судебной практики является разновидностью конкретно-социологических исследований, поэтому базируется на методах, характерных для этих исследований. Изучение и обобщение судебной практики по уголовным делам направлено на решение следующих задач: обнаружения недостатков и ошибок в применении судами материального и процессуального уголовного законодательства; определения квалификации и профессиональной пригодности судей; поиска путей разрешения спорных вопросов, возникающих в ходе правоприменительной деятельности суда; выявления наиболее эффективных форм воздействия норм права и иных социальных норм на поведение участников процесса.

2. Процесс обобщения судебной практики распадается на три этапа, каждому из которых присущи определенные методические правила. На первом подготовительном этапе определяются тема, хронологические рамки и методика исследования; совокупность дел, подлежащих изучению; составляется программа обобщения и уточняется содержание основных понятий, которыми будет пользоваться обобщающий, составляется анкета. Второй этап обобщения судебной практики состоит в изучении дел и фиксации фактических данных. Третьим, завершающим этапом обобщения судебной практики является описание, анализ и объяснение собранных данных.

3. Обобщение судебной практики может быть текущим (повторяемым через определенные промежутки времени), единовременным и периодическим. Текущие обобщения проводятся за разные промежутки времени и строго регулярно. Интервалы могут быть разные: месяц, квартал, год или несколько лет. При этом важно, чтобы избранный период был сравним с тем, за который проводилось предыдущее обобщение. Когда поставлена цель провести единовременное обобщение судебной практики, то особо тщательной подготовки требует выбор темы и периода обобщения. Предметом обобщения должна быть наиболее актуальная тема. Что касается периода, то его необходимо избрать так, чтобы в этот отрезок времени исключалось влияние на судебную практику каких-либо

---

* Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью: Тезисы науч.- практ. конф. /Мин-во юстиции Республики Беларусь, НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебных экспертиз. – Минск, 1992. – С. 91–92.

чрезвычайных обстоятельств. Этому в значительной мере может помочь предварительное изучение данных судебной статистики.

4. Обобщение судебной практики по уголовным делам проводится в зависимости от поставленных целей. Как правило, такие обобщения проводятся по отдельным категориям дел. Преступления, относящиеся к одной категории, несмотря на их специфику, могут рассматриваться как однородная совокупность. Задачами обобщения диктуется выделение тех или иных определяющих признаков отдельных категорий дел, являющихся объектом обобщения. В качестве таковых могут выступать уголовно-правовые признаки (степень общественной опасности, объекты посягательства, виды и меры наказания), криминологические (например, распространенность тех или иных видов преступлений), демографические (характеризующие личность преступника: пол, возраст, уровень образования), уголовно-процессуальные (сроки рассмотрения дел, субъекты обжалования).

При анализе обобщений судебной практики важно извлечь из собранных материалов максимум информации. Это позволит по-новому интерпретировать полученные при обобщении результаты, объяснять существо явлений, находить взаимосвязи и тем самым определять тенденции судебной практики.

Раздел III

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕФОРМА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА*

1. Построение правового государства невозможно без принятия таких законов, которые соответствовали бы социально-экономическому уровню развития общества. Это основополагающий признак правового государства, поскольку только при условии его наличия можно обеспечить исполнимость законов и их верховенство. Такой статус законов предполагает отражение в них соотношения интересов личности и общества, а также гарантий взаимной ответственности этих субъектов. В любом государстве имеются социальные конфликты, разрешение которых отнесено к компетенции суда. Суд – это орган, который специально создан для выполнения функции правосудия. Значительная часть судебной деятельности предназначена для рассмотрения уголовных дел. Деятельность органов расследования по отношению к правосудию носит служебный характер. Наиболее важные стороны функций органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, подвергнуты уголовно-процессуальному регулированию. Преобразование государства в правовое должно идти одновременно с коренными изменениями норм уголовно-процессуального права.

2. Реформа уголовно-процессуального права должна опираться на ряд стратегических тенденций, связанных с содержанием и формой норм права, их юридизацией, учетом международного опыта, перенесением акцента в уголовно-процессуальной деятельности с досудебных стадий на судебные, укреплением гарантий осуществления прав и обязанностей всеми участниками уголовного процесса, наделением представителей общественных организаций и трудовых коллективов тем статусом в уголовном процессе, который посилен для реализации ими.

---

* Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности / Белорусский ун-т. – Минск, 1989. – Вып. 3. – С. 82–84.

3. Для эффективного применения норм уголовно-процессуального права должна проследиваться их согласованность. Наличие противоречивых норм мешает ходу процесса. Главным является сосредоточить все нормы, носящие уголовно-процессуальный характер, в одном законодательном акте, не рассеивать их по смежным нормативным актам. Безусловно, в некоторых случаях дублирования невозможно избежать, но от этого нормы не станут коллизионными. При их формулировании необходимо стараться, чтобы форма была как можно ближе к содержанию. Зеркального отражения права как объективного явления в его нормах не может быть. К адекватности следует лишь стремиться. Переосмысливая действующие уголовно-процессуальные нормы на предмет их наличия в правовом государстве, необходимо некоторые из них лишить чрезмерной идеологизации, сделав упор на юридическую сторону. Это касается прежде всего норм-задач, норм-принципов и норм-презумпций.

4. Изменения уголовно-процессуального законодательства должны происходить с учетом юридического опыта зарубежных стран, не игнорируя при этом собственными достижениями. Все прогрессивное, что имеется в деятельности советских правоохранительных органов, необходимо сохранить. В уголовно-процессуальном законодательстве надо отразить и нормы, содержащиеся в международных актах, ратифицированных СССР, относительно статуса участников процесса, презумпции невиновности и т.п.

5. Правовое государство не может функционировать без высокого престижа суда. В настоящее время авторитет советского суда чрезвычайно низок. Это объясняется многими причинами, одна из которых сводится к тому, что суд по- существу не является органом защиты прав и законных интересов личности. Он превратился в карательный орган, который, полагаясь на материалы предварительного расследования, определяет наказание. Его положение усугубляется еще и тем, что в уголовно-процессуальном законе отсутствуют нормы, регулирующие порядок разрешения круга вопросов о наказании, что препятствует стабильности приговора.

6. Советский уголовный процесс по своему содержанию и форме выражения носит состязательно-инквизиционный характер. Этот вывод не колеблет то обстоятельство, что обвиняемый имеет право заявлять отводы, ходатайства, знакомиться с материалами де-

ла и пр. В особенности отголоски инквизиционного процесса заметны в кассационной производстве, круг субъектов которого ограничен, а суд лишен возможности непосредственно исследовать доказательства и вынужден основывать свои решения на имеющихся в уголовном деле и дополнительно представленных материалах. При этом вероятность повторения ошибки суда первой инстанции довольно высока. Повысить эффективность деятельности суда по проверке законности и обоснованности приговоров можно путем реорганизации кассационного производства в апелляционное.

7. В условиях правового государства формы и пределы участия представителей общественных организаций и трудовых коллективов подлежат четкому определению. Главную роль необходимо отвести народным заседателям. По своему положению их невозможно уравнивать с профессиональными судьями. Качество правосудия улучшатся, если оно будет по сложным делам осуществляться коллегией профессиональных судей и пятью народными заседателями, в полномочия которых не входит разрешение юридических вопросов. При определении статуса представителей общественных организаций и трудовых коллективов, на них следует возложить такие обязанности, которые они в состоянии выполнить, иначе их участие в уголовном процессе будет формальным.

ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ*

Современной реформе уголовно-процессуального права положила начало Концепция судебной-правовой реформы Республики Беларусь, принятая Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г. Обновление же норм уголовно-процессуального права особенно активно началось после упразднения Советского Союза и объявления Республики Беларусь самостоятельным и независимым государством. Ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) был принят в 1999 г., а в 2001 г. вступил в силу. В настоящее время мы имеем возможность оценить УПК 1999 г. с позиций достижений юридической науки и практики.

---

* Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях глобализации: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 окт. 2007 г.) – Минск: БГЭУ, 2007. – С. 36–38.

УПК Республики Беларусь взял курс на формирование реального состязательного уголовного процесса, что стало проявляться в участии прокурора в рассмотрении всех уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, расширении возможностей защитника, наличии судебного контроля за предварительным расследованием и другими процедурами, присущими современному состязательному уголовному процессу.

Для эффективного уголовного процесса необходимо удачное сочетание досудебной уголовно-процессуальной деятельности, нацеленной на расследование уголовных дел, и судебной, где происходит рассмотрение и разрешение уголовного дела. Расследование уголовных дел осуществляется с помощью не только гласных, но и негласных форм деятельности органов, ведущих уголовный процесс, поскольку отдельные преступления невозможно расследовать без применения негласных методов. Важно, чтобы негласная деятельность не стала преобладающей, так как это чревато нарушением прав и законных интересов сторон. Вследствие этого современный уголовный процесс необходимо рассматривать как смешанный, где на досудебных стадиях преобладают или, точнее, имеют место проявления розыскного уголовного процесса с зарождением элементов состязательного, а судебным стадиям необходима состязательность в ее как можно более полном выражении.

Природе состязательного уголовного процесса присуще разделение уголовно-процессуальных функций. В части 2 ст. 24 УПК весьма определенно сказано, что обвинение, защита и правосудие отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Такая формулировка одного из аспектов принципа состязательности в уголовном процессе предполагает, что его участники группируются вокруг названных функций и последний движется благодаря реализации их прав и обязанностей.

Попытки избавиться от элементов розыскного процесса, придав уголовному процессу чисто состязательный характер, не увенчались, да и не могли увенчаться успехом. В практике все большее распространение получает тесное взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Можно констатировать, что наметилась тенденция если не стирания граней между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, то, по крайней мере, их взаимодополнения и взаи-

мозависимости, поскольку только сообща можно решить задачи уголовного процесса.

В УПК Республики Беларусь особое внимание уделено результатам оперативно-розыскной деятельности. Так, в ч. 2 ст. 88 УПК закреплено, что источниками доказательств могут быть протоколы оперативно-розыскных мероприятий. Такой подход в определении статуса оперативно-розыскной деятельности необычен для нашего законодательства, поскольку произошло уравнивание в значимости протоколов следственных действий и протоколов оперативно-розыскных мероприятий. Для того чтобы дезавуировать столь смелое правовое предписание УПК, в его ст. 99 и 101 содержится оговорка, общая по содержанию и противоречивая по своей сущности. Оказывается, что согласно ст. 99 УПК с протоколами следственных действий уравниваются лишь протоколы оперативно-розыскных мероприятий о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленные в установленном законом порядке с приложением соответствующей записи прослушивания. Статья же 101 УПК и вовсе умаляет значение протоколов оперативно-розыскных мероприятий как источника доказательств, поскольку требует, чтобы они приобрели статус полноценного источника доказательств только путем их проверки и оценки по правилам, установленным УПК. Такой способ подачи правового материала не только не соответствует современным представлениям о юридической технике, но и способен дезориентировать органы, ведущие уголовный процесс.

Таким образом, в белорусском уголовном процессе наметились две противоборствующие тенденции: с одной стороны, курс на упрочение состязательности, а с другой – попытки уравнивать значимость оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ*

Регулирование правосудия по уголовным делам означает, что суду предписывается определенный (должный) параметр поведения. Деятельности судей как бы заранее задается соответствующий способ выражения своего отношения к разрешаемому делу. И этот способ зависит от конкретных исторических условий, которые порождают существование определенных социальных норм. Характер этих норм предопределяется социальным экономическим состоянием общества. В одни эпохи деятельность суда по рассмотрению уголовных дел подвергалась более жестокому регулированию, а в другие намечались лишь направления, в которых должно осуществляться правосудие. Так, в феодальном обществе, где каждый человек принадлежал к определенному сословию, были распространены социальные нормы особых внутрисословных отношений. Существовали сословные суды. В современных обществах, отличающихся своими социально-экономическими факторами, порождается множество различных типов культуры и укладов жизни, что оказывает влияние на облик суда. При этом суды становятся общими для всех, независимо от социально-политического положения участников процесса. Постепенно утверждается принцип равенства граждан перед законом и судом.

При реализации правосудия по уголовным делам ходит рассмотрение наиболее опасных социальных конфликтов. Поэтому важным является найти, какие социальные нормы должны регулировать процесс судебной деятельности.

С помощью социальных норм общество устанавливает определенную модель правосудия по уголовным делам. Для этого подбираются те социальные нормы, которые соответствуют его природе, способствуют реализации представлений человека о справедливости. Судьи усваивают эти нормы и используют при рассмотрении конкретных дел. В связи с этим социальные нормы выполняют особое предназначение: выступают как детерминанты социального развития личности судьи, его социализации. Усвоенные судьей со-

---

* Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь: материалы международной науч.-практ. конф. (г. Минск, 22–23 апреля 1999 г.) /Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 1999. – С. 256–261.

циальные нормы становятся его личностными нормами. Так, при применении правовых норм, имеющих альтернативный характер, судьи отдают предпочтение определенному их виду, исходя из своих личностных особенностей.

Социальные нормы, как элементы общественного сознания, отображаются индивидуальным сознанием судьи и включаются в его сферу. Однако не все компоненты индивидуального сознания судьи могут получить адекватное выражение в его деятельности. Знание судьей правовых норм еще не означает, что при рассмотрении конкретного дела он обязательно будет реализовывать усвоенные им знания. На правоприменительном пути сможет возникать много препятствий. Отсюда в его сознании формируется как бы два пласта знаний: один адекватно отражает общественное сознание, другой – с учетом возникших социальных помех.

Участники правосудия по уголовным делам выступают как «носители» тех или иных социальных норм. Принимая и реализуя определенную систему социальных норм, они оказываются включенными в особые социальные группы, условно образованные по этому нормативному признаку. Состав суда при рассмотрении конкретного уголовного дела организационно оформлен и образует свою социальную группу, в основе деятельности которой должна лежать общая нормативно-ценностная ориентация.

Социальные нормы соотносятся с ценностными ориентациями людей. Поэтому можно говорить о иерархии ценностей общества, правосудия, человека.

При выявлении социальных норм, действующих в сфере правосудия по уголовным делам, за основу надо брать именно их положение в нормативно-ценностной иерархии. На этом основании можно выделить основные и дополнительные нормы. Но надо сказать, что ни один из этих видов не сможет обеспечить функционирование правосудия. Они выступают сообща. Ведь общественные отношения многообразны. Сообразно им применяются социальные нормы. Эти нормы формируются на основе принятой в обществе, государстве системы социальных, экономических, идеологических и политических норм, отдельные аспекты которых получают концентрированное выражение в правовых нормах. Но кроме этого эти нормы действуют при осуществлении правосудия и без правового опосредования.

Идеологические нормы оказывают влияние на все сферы общественных отношений, общественное сознание, систему социальных норм. Другое дело, что в правовом государстве происходит борьба различных идеологических настроений, в отличие от тоталитарного государства, где какая-то одна идеология является господствующей и она лежит в основе всех социальных норм.

Идеологические нормы вырабатываются различными политическими институтами и партиями. Приобретая в реальности политический оттенок, они трансформируются в политические нормы.

Свойством правосудия по уголовным делам является стремление быть политически нейтральным. Но абсолютизация этого свойства невозможна, хотя бы в силу того, что судьи при осуществлении правосудия должны подчиняться закону, которому всегда присуща политическая окраска, поскольку он принимается законодательной властью. Определенной гарантией для независимого правосудия является то, чтобы судьи не состояли в политических партиях. И все-таки судья не находится в условиях полной изоляции. Информация политического характера проникает в его сознание и он при рассмотрении конкретных дел, особенно, если участниками процесса являются лидеры либо представители политических партий, высшие должностные лица государства, политическая линия которых всегда выражена в их деятельности, не может избежать ее воздействия на ход и результаты разрешения дела. В этом смысле при осуществлении правосудия по уголовным делам остается место для реализации политических норм, значительная часть которых все-таки вырастает в моральные и правовые нормы.

В настоящее время в обществе стали использоваться религиозные нормы. Их особенностью является то, что они глубоко укореняются в нравы, обычаи, обряды, стереотип культурного и этического поведения, способствуют в целом определению образа жизни человека. Существенно и то, что религиозные нормы оказывают влияние на представления людей о должном, желаемом и предпочитаемом. Исторически религиозные нормы связаны с мироощущением и мировосприятием человека. Возможно поэтому на протяжении длительного времени в истории культуры моральные кодексы находились в рамках религиозных систем. Кроме того, существуют целые правовые системы, в основе которых лежат религиозные учения, например мусульманское право. Религиозные нормы особенно трудноотделимы от моральных норм. Уже поэтому нельзя говорить,

что при осуществлении правосудия нет места для религиозных норм.

Правовые нормы являются основным, фундаментальным регулятором правосудия по уголовным делам. Они занимают особое место в системе других социальных регуляторов. Право в наибольшей мере вторгается в деятельность по реализации правосудия. Оно упорядочивает поведение субъектов как носителей общественных отношений. В случае коллизии между правовыми нормами и другими социальными нормами, относящимися к сфере иных социальных регуляторов, правовые нормы остаются приоритетными. Их система самая четкая, формальная в социальном регулировании. Конечно, сами правовые нормы по степени их общности и значимости в регулятивных процессах неоднородны. Но здесь важно подчеркнуть, что их система образует скелет, каркас правосудия.

Правосудие по уголовным делам неравномерно подвергнуто правовому регулированию. Те его стороны, которые оказались вне правовых норм, регулируются иными социальными нормами.

Моральное регулирование в сфере правосудия по уголовным делам выполняет особую функцию: воздействует на поведение человека, его внутренние мотивы. Оно обладает универсальностью, способностью проникать во все сферы общественных отношений. Моральные нормы выражают типичные ситуации во взаимоотношениях людей и складываются в сфере сознания людей. Они обеспечиваются общественным мнением и ориентируют людей на добровольное их применение в качестве внутренних побуждений к совершению определенных социальных поступков или воздержанию от них.

Деятельность судей содержит в себе заверченный цикл воздействия морали и не ограничивается лишь ее поведенческим аспектом. Для проявления роли морали в поведении судьи необходимо, чтобы он эмпирическим или теоретическим путем освоил нормы (когнитивный уровень). Причем, это осмысление должно стать убеждением судьи, в котором выразилось бы его отношение к реальности (аксиологический уровень). Конечно поведенческий уровень регулятивной функции морали в сфере правосудия выступает более рельефно. Сама же весомость морали в деятельности судьи зависит от многих факторов, в том числе от его возраста и стажа практической работы.

Безусловно, выявить состояние морали человека представляет определенные трудности, тем более что значение имеет не столько само по себе моральное сознание индивида, сколько его реализация. Различие между судьями по степени моральности обусловлено по крайней мере наличием у индивида двух параметров: сферы осознаваемого, то есть качества социализации личности, и неосознаваемого, биологического, того, что дается человеку природой, с рождения и не подлежит изменению либо может быть преобразовано в незначительной мере.

Внутренняя непротиворечивость системы права – необходимое условие ее оценки судьями с позиции своего правового и морального сознания. Авторитет права в значительной мере, зависит от его безупречности в плане социальной оправданности возможных, а иногда неизбежных различий в правовом положении отдельных слоев, групп населения. Если такое различие и получит обоснования в самом же праве, то неизбежна негативная моральная оценка, что скажется в целом на состоянии морального климата в обществе.

Причиной возникновения расхождений между массовыми чувствами, настроениями, взглядами и представлениями о справедливом и несправедливом правосудии и законодательстве является отставание норм закона от достижений социального прогресса в целом. Некоторая отчужденность государства от интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений при рассмотрении уголовного дела, нашла свое отражение и в противоречивой деятельности суда, вынужденного основываться на нормах закона, а то и целых правовых институтах, необоснованно сужающих возможности граждан в удовлетворении своих потребностей, а иногда ставящих их в бесправное положение. Но закон есть закон. Подменять его нормами морали нельзя. Необходимо бороться за его отмену законодательными методами.

Крайности в выборе вида социального регулирования судебной деятельности нежелательны. Недостаточная регламентация порождает такое отрицательное последствие как возможность произвола со стороны суда, чрезмерная – ведет к скованности его инициативы в исследовании обстоятельств дела, может послужить причиной вынесения незаконного и необоснованного решения.

УНИФИКАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ СУДЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ*

1. Совершенствование системы правовых норм, регулирующих судебную деятельность, может быть обеспечено таким обновлением законодательства, которое придавало бы ему наибольшую степень соответствия экономическим и идеологическим отношениям; усилением демократического содержания правовых норм; укреплением единства правовых и неправовых, в особенности моральных, форм регулирования общественных отношений в сфере правосудия; научным обоснованием предпринимаемых изменений; высокой нормотворческой техникой; усилением внутренней целостности отраслевых правовых норм, регулирующих правосудие; наличием простора для судебного усмотрения при применении правовых норм; согласованностью между нормами, регулирующими функцию правосудия, и нормами, в которых выражены другие государственные функции.

2. Уголовно-процессуальные нормы содержат информационный аспект, связанный с тем, какие сведения заложить в норму, чтобы она была работающей. Логическая сторона этих норм должна быть как можно точнее выражена в тексте нормативного акта. Она отражается через нормативные предписания, которые являются формой той информации, которую законодатель хотел заложить в право. «Сюжет» уголовно-процессуальных норм должен быть построен настолько «удобно», чтобы была согласованность между государственной волей и ее адресатом.

3. Уголовно-процессуальные нормы, регулирующие судебную деятельность, образуют абстрактную модель правосудия по уголовным делам. В них находят закрепление лишь повторяющиеся, типичные общественные отношения. Социальные же процессы в сфере правосудия не повторяются с абсолютной точностью. Они многообразны. Система уголовно-процессуальных норм построена таким образом, чтобы подвергнуть более или менее обстоятельному правовому регулированию лишь наиболее важные общественные отношения. Для ее совершенствования необходимо использовать метод унификации (интеграции) и дифференциации.

---

* Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности /Белорусский ун-т. – Минск, 1988. – Вып. 2. – С. 91–93.

4. Унификация уголовно-процессуальных норм – это объединение их в целом или отдельных элементов в процессе развития правовой системы при совпадении содержания общественных отношений. В ее основе лежит высокий уровень юридической культуры, фундаментальная разработка юридической науки, а также особенности уголовно-процессуального права. Унификация уголовно-процессуальных норм не имеет ничего общего с механическим их объединением. Применение ее направлено на преобразование уже имеющихся норм. Истории развития системы норм уголовно-процессуального права известны следующие направления унификации: во-первых, на базе нескольких исходных, норм образуется одна новая норма. Это не означает, что в ней формально объединяется содержание этих норм. По своей сути – это новая норма. Во-вторых, на основе обобщения какого-либо вида элементов структуры нескольких уголовно-процессуальных норм образуется новый элемент. В-третьих, на основе нескольких общественных отношений, проникнутых внутренним единством, создается одна правовая норма.

5. Наличие большого числа унифицированных уголовно-процессуальных норм дает широкий простор для усмотрения судей при их применении. А это чревато разнообразием в судебной практике. Если учесть еще недостаточно высокое моральное сознание некоторых судей, то это может привести к игнорированию имеющихся правовых норм и установлению режима беззакония. Поэтому унификация должна использоваться лишь там, где необходима экономия правовой материи.

6. Дифференциация уголовно-процессуальных норм – это их расчленение, расслоение. В ходе развития правовой системы периодически возникает необходимость более общую норму разделить, конкретизировать на несколько самостоятельных предписаний. Такой способ детализирует подвергнутые правовому воздействию общественные отношения и облегчает их применение. Так, норма уголовно-процессуального права о рассмотрении ходатайств о включении времени отбывания исправительных работ в трудовой стаж, закрепленная в ст. 379 УПК БССР 1960 г., впоследствии была разделена на несколько нормативных предписаний, что привело к более частому применению ее судом. Дифференциация норм может проходить также путем введения нового, дополнительного правового предписания, которое уточняет предмет правового регулирова-

ния. Тем самым действие предшествующих норм, находящихся во взаимосвязи с новой, сужается. Такое ограничение может касаться любого структурного элемента правовой нормы. Дифференциация норм уголовно-процессуального права не может быть беспредельной, иначе это приведет к их нагромождению и затруднит понимание и применение права.

ОБЩИЕ НОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА*

1. Нормы уголовно-процессуального права по своему содержанию и форме выражения неоднородны. Они разделяются на общие и конкретные нормы. Общие – фиксируют общественные отношения в обобщенном виде и занимают высшую ступень в иерархии нормативных предписаний данной отрасли права. Конкретные – производны от общих и устанавливаются в целях более детального регулирования общественных отношений.

2. Среди общих норм уголовно-процессуального права наиболее важное место занимают нормы-задачи, нормы-принципы, нормы-презумпции, нормы-дефиниции и статусные нормы. Регулирующее воздействие их на общественные отношения неодинаково. Наиболее общий характер носят нормы-задачи. Они определяют конечный итог деятельности, поэтому в большей мере идеологизированы. Механизм осуществления задач обеспечивается в первую очередь нормами-принципами, которые являются как бы цементирующим началом для множества других норм. В них отражаются глубинные, устойчивые, закономерные связи, благодаря которым уголовный процесс существует как самостоятельное явление. Нормы-принципы воздействуют не на единичные общественные отношения, а на целую их систему, задавая ей определенную направленность движения. Определяя перспективы развития уголовно-процессуальной деятельности, они обладают опережающим отражением социальной действительности. Благодаря им получают фиксацию целые блоки общественных отношений, в рамках которых находят уголовно-процессуальные правоотношения. Границы регулирующего воздействия норм-принципов настолько широки, что, как правило, они полностью не заполняются нормами, призванными регулировать конкретные правоотношения. Всегда остается место для новых норм.

3. Нормы-принципы уголовно-процессуального права необходимо отличать от норм-основ, сосредоточенных в конституциях. Нормы-основы закрепляют устои советского строя, социально-экономической и государственной жизни общества. Они конкретизи-

---

* Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности: тезисы докл. респ. науч.-практ. конф. (г. Минск, 24–25 апреля 1990 г.) / Белорусский ун-т. – Минск, 1990. – Вып. 4. – С. 191–193.

зируются всей системой иных конституционных норм, а также норм, помещенных в отраслевых законодательных актах. Опираясь на нормы-основы, можно определить контуры любых норм, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность. Именно они являются базовыми, а остальные нормы носят производный от них характер.

4. Нормы-дефиниции в механике уголовно-процессуального регулирования выполняют главным образом эвристическую функцию. Их отсутствие лишало бы законодательство ясности. Правоприменительный процесс был бы затруднителен вследствие отсутствия определенных ориентиров и чрезмерно широкого усмотрения должностных лиц, ведущих уголовный процесс. Только на первый взгляд роль дефинитивных норм незаметна. Это связано с тем, что в следственных и судебных актах на эти нормы не принято ссылаться.

5. Нормы-презюмции в уголовно-процессуальном праве выполняют роль своеобразных предпосылок для установления юридических фактов, возникновения субъективных прав и обязанностей и находят применение в процессе доказывания. В сфере уголовного процесса действует много презюмций. Но в виде отдельной нормы закреплена лишь презюмция невиновности. Другие – вытекают из конкретных норм и их можно вывести путем интерпретации этих норм. Например, презюмция истинности вступившего в законную силу приговора вытекает из ст. 366 УПК БССР.

6. Статусные уголовно-процессуальные нормы служат для определения положения участников уголовного процесса. Они содержат в себе указание на сквозные права и обязанности субъектов. Так, норма, отраженная в ч. 2 ст. 48 УПК БССР, носит общий характер. В ней зафиксированы права и обязанности обвиняемого, существующие на протяжении всего уголовного процесса. Она детализируется рядом конкретных норм, предназначенных для придания своеобразия в статусе обвиняемого, присущего определенным этапам уголовно-процессуальной деятельности.

7. Конкретные нормы уголовно-процессуального права производны от общих. Их назначение состоит в том, чтобы детализировать те общественные отношения, которые уже урегулированы общими нормами. Общие нормы должны охватываться конкретными, иначе правоприменительная деятельность будет затруднена. Надо учитывать и другое: система конкретных норм, обеспечивающих

общую, не должна выходить за пределы регулятивных возможностей общей нормы, которая обладает более высокой степенью абстрактности. Она содержит в себе множество различных вариантов поведения. В законе невозможно назвать каждый из них. В нем необходимо лишь определить рамки допустимого поведения. Главным является, чтобы не было противоречий между общими и конкретными нормами, поскольку их правильное соотношение – важный показатель уровня развития уголовно-процессуального права.

РЕГУЛЯТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩИХ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА*

В Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) заложена модель уголовного процесса как социальной системы, которая должна быть реализуемой, работающей и исходить из уровня современной культуры, проявляющейся в виде взаимосвязанного единства социальных норм, идей, материальных условий. Главная ценность УПК в том, что сам его текст выполняет три основные функции: 1) передача буквальной информации как неизменного смысла УПК, что выражается в существовании норм, носящих абсолютно определенный характер; 2) наличие простора для интерпретации норм права, что является генератором их нового смысла; 3) проникнутость УПК единым контекстом, своего рода «духом», обеспечивающим его смысловой потенциал¹.

Наиболее важная роль в производстве по уголовному делу принадлежит уголовно-процессуальным нормам. Как и любые правовые нормы, их можно разделить на общие и конкретные.

Некоторые авторы конкретные нормы права именуют специальными², хотя это неточно, поскольку специальными могут быть и общие нормы. Особенностью специальных норм является то, что они предназначены для регулирования специфических сфер общественных отношений. А это может быть обеспечено с помощью как общих, так и конкретных норм одновременно. Конкретные нормы права детализируют общие, независимо от их направленности.

Общие нормы фиксируют общественные отношения в обобщенном виде. С их помощью отражаются задачи, принципы, презумпции, дефиниции, функции, а также статус участников процесса. Они присущи общей части уголовно-процессуального права и распространяются на все или на большую часть институтов данной

---

* Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики: сб. науч. тр. – Минск: БГУ, 2005. – С. 315–323.

¹ Бибило В.Н. Нормативная структура деятельности в уголовном процессе // Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права: Материалы междунар. науч. конф. Минск, 17 окт. 2003 г. Мн., 2003. С. 124–127.

² Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987; Каз Ц.М. Соотношение общих и специальных уголовно-процессуальных норм и дальнейшее совершенствование законодательства // Развитие и применение уголовно-процессуального законодательства (к 25-летию УПК РСФСР). Воронеж, 1987. С. 34–38; Фаршатов И.А. Специализированные и специальные нормы права // Государство и право. 2003. № 6. С. 22–28.

отрасли права. Общие нормы являются исходными, занимают высшую ступень в иерархии норм. Регулирующее воздействие общих норм довольно велико. Оно проявляется прежде всего в том, что эти нормы служат правовым материалом для создания конкретных норм. Именно в пределах их действия должны осуществляться более частные нормы. Кроме того, общие нормы обладают и собственными регулятивными возможностями, особенно в случаях наличия пробелов в компетенционных нормах. Суды ссылаются на общие нормы уголовно-процессуального права при решении конкретных дел, особенно в тех случаях, когда в судебном акте надо обосновать незыблемость положений закона, действий тех или иных принципов.

В УПК Республики Беларусь, принятом в 1999 г.¹, в первой части «Общие положения» сформулированы общие нормы и как исключение в этом же разделе имеются и конкретные нормы. В свою очередь, во второй части «Досудебное производство» и третьей части «Судебное производство» в развитие общих норм содержатся конкретные нормы.

Общие нормы уголовно-процессуального права различны по своему содержанию и целевому назначению. Среди них наиболее важное место занимают нормы-задачи, нормы-принципы, нормы-презумпции, нормы-дефиниции, нормы-статусы. Внутри общих норм также можно проследить иерархичность. Иерархически высшая норма очерчивает содержание норм низшего уровня.

Существует мнение, что нормы, определяющие принципы, занимают самое высокое положение в системе норм права, что они носят более общий характер, чем нормы-задачи². С этим нельзя согласиться. Нормы-принципы и нормы-задачи отражают разные стороны в регуляции общественных отношений. Главное отличие их в том, что нормы-принципы носят более юридический характер. Нормы-задачи определяют конечный итог деятельности, поэтому они в большей мере идеализированы. Понятие задачи отражает необходимость осуществить определенную деятельность. Механизм же осуществления задач обеспечивается в первую очередь принципами, которые направ-

---

¹ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 77–78. 2/71.

² Ларин А.М. Проблемы структуры уголовно-процессуального кодекса // Развитие и применение уголовно-процессуального законодательства (к 25-летию УПК РСФСР). Воронеж, 1987. С. 23; Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 222.

ляют процесс регулирования общественных отношений. Сам закон не дает основания отождествлять нормы-принципы и нормы-задачи. Так, например, в ст. 7 УПК 1999 г. закреплены задачи уголовного процесса, а в ст. 10 они конкретизированы. Нормы-принципы являются как бы цементирующим материалом для множества других норм. В них отражаются глубинные, устойчивые, закономерные связи, благодаря которым функция правосудия существует как самостоятельное явление.

Нормы-принципы отличаются от других норм уголовно-процессуального права содержанием и регулирующими свойствами, а также способами реализации. Они воздействуют не на единичные общественные отношения, а на их систему в целом, задавая ей направленность движения. Определяя перспективы развития уголовно-процессуальной деятельности, они обладают опережающим отражением социальной действительности. Благодаря им получают фиксацию целые блоки общественных отношений, в рамках которых находятся уголовно-процессуальные правоотношения. Причем границы регулирующего воздействия норм-принципов настолько широки, что, как правило, они полностью не заполняются нормами, призванными регулировать конкретные правоотношения. Всегда остается место для новых норм.

В юридической литературе по вопросу о регулятивных возможностях норм-принципов высказано мнение, что нормы-принципы непосредственно не регулируют общественные отношения, хотя влияют на сознание участников отношений¹, и их лишь условно можно назвать нормами права, поскольку они служат только упорядочению общественных отношений, единству юридической системы² и по своей природе являются декларативными нормами³.

Предложенная Н.И. Матузовым конструкция общих правоотношений позволяет наглядно показать непосредственное регулирующее воздействие норм-принципов на сферу общественных отношений⁴. Правоотношениями в широком смысле слова могут выступать не только строго определенные связи между отдельными субъектами, но

---

¹ Витченко А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974. С. 30–31.

² Пиголкин А. С. Основные черты законодательства развитого социализма // Советское государство и право. 1981. № 10. С. 25.

³ Фаршатов И. А. Указ. соч. С. 25.

⁴ Матузов Н. И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. 1976. № 3. С. 23–33.

и более общие, не столь детализированные, относительно стабильные. Их возникновение связано главным образом с наличием конституционных норм, которые регулируют наиболее важные общественные отношения, а также с наличием в отраслях права, в частности уголовно-процессуальном, норм-принципов.

Правоотношения, порождаемые нормами-принципами, являются общими. Общие уголовно-процессуальные правоотношения – первичная форма опосредования общественных отношений. В рамках их находятся специфические, конкретные уголовно-процессуальные отношения. Общие уголовно-процессуальные отношения возникают во взаимосвязи «государство – участник уголовного процесса». Что касается процессуальных правоотношений, детализирующих общие, там имеется непосредственная связь между участниками уголовного процесса «обвиняемый – следователь», «осужденный – суд» и т. д. Значит, специфика общих уголовно-процессуальных правоотношений, урегулированных нормами-принципами, состоит в том, что они возникают на основе норм-принципов, но общий характер и являются исходными, первичными для возникновения конкретных отношений.

Высокая правовая культура общества предполагает широкое использование норм-принципов уголовно-процессуального права для регулирования общественных отношений, посредством которых обеспечиваются общие рамки поведения субъектов правоотношений. Нормы-принципы создают базовые общественные отношения (или абстрактные их образы), которые имеются независимо от того, участвуют ли в них конкретные лица. Вместе с тем роль норм-принципов не переоценивать. Принципы абстрактны, т. е. несодержательны без своих следствий (допущение, ограничение, запрет, требование)¹. Это объясняется тем, что в принципах в готовом виде не представлено знание о содержании правосудия. По образному выражению Гегеля, «принцип содержит все в скрытом виде, но лишь в скрытом виде, латентно, пустое, формальное понятие, но не сам предмет. Он подобен скупому, который держит в мешке все наслаждения как возможность, в действительности же избавляет себя от утомительности самого наслаждения»².

В УПК помещены нормы-принципы, которые пронизывают все стадии уголовного процесса. В последние годы наблюдается усиление

---

¹ Карабеков К.Ч. Принцип обусловленности, его основные компоненты и функции. Ташкент, 1988. С. 15.

² Гегель. Работы разных лет: В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 537.

интереса к исследованию принципов уголовного процесса¹.

Надо учитывать, что полная реализация норм-принципов происходит в судебном процессе, особенно в стадии судебного разбирательства, где осуществлял непосредственное исследование доказательств. На досудебных стадиях принципы лишь зарождаются. Это объясняется тем, что при расследовании преступлений наряду с УПК применяется законодательство об оперативно-розыскной деятельности, предусматривающее не только гласные, но и негласные формы работы. С учетом того, что правосудие – функция суда, а судопроизводство – ее последовательная реализация, которая в конечном счете образует форму правосудия, принципы, как наиболее общие положения, определяющие направление судебной деятельности, отражают существо именно правосудия. Они рассчитаны прежде на те отношения, в которых одной из сторон выступает суд или, по крайней мере он является посредником в отношениях других участников судебного процесса. При реализации норм-принципов путем осуществления деятельности они определенным образом трансформируются. Это происходит потому, что кроме правовых норм правосудие регулируется иными социальными нормами².

Нормы-принципы уголовно-процессуального права необходимо отличать от норм-основ, сосредоточенных в конституции. Нормы-основы закрепляют устои государства и гражданского общества. Они конкретизируются всей системой норм конституции, а также помещенных в отраслевых законодательных актах.

Отождествление понятий «принцип», «основа», «начало» в юридической литературе и законодательстве в определенной мере происходит из-за того, что слово «принцип» (от лат. *principio*) в переводе с латинского языка означает основа, начало, т. е. исходное положение³.

В УПК Республики Беларусь (1999) глава 2 названа «Задачи и

---

¹ Громов Н.А., Николайченко В.В. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. 1997. № 7. С. 33–40; Агутин А.В., Ерашов С.С. Понятие, структура и свойства системы принципов российского уголовного процесса // Адвокатская практика. №3. С. 58–64; Гриненко А. В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. 2000. № 6. С. 179–192; Виршич Ж.И. Принципы правосудия в системе категорий уголовного процесса // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 11. Мн., 2001. С. 245–255; Кудрявцев А. В., Лившиц Ю.Д. О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение № 4. С. 162–170; Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 162–178.

² Бибило В.Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. Мн., 2001. С. 100–145.

³ Словарь иностранных слов. М., 1986. С. 409.

принципы»¹; однако положения, к которым относятся конкретные принципы, сформулированы без использования понятия «принцип». К слову сказать, та же ситуация сложилась и в других кодексах. Так, Гражданский кодекс Республики Беларусь, принятый в 1998 г., содержит ст. 2 «Основные начала гражданского законодательства», но эти начала характеризуются через понятие «принцип». В этой статье сказано: «Под основными началами гражданского законодательства понимается система принципов, определяющих и регламентирующих гражданские отношения»².

В философской литературе принято различать понятия «принцип», «основа», «начало». И все-таки в отличие от категории «принцип», получившей в философской литературе надлежащее освещение³, категории «основа» уделяется явно недостаточное внимание⁴. В.И. Куценко отмечает, что «принцип – общее требование к системе, осуществление которого объединяет различные элементы в одну структурную организацию, интегрирует различные процессы в одну основную тенденцию развития»⁵. Категория «основа» часто отождествляется с сущностью. Так, А.М. Минасян отмечает, что «категории «сущности» и «основы» – однопорядковые понятия. Основа есть та же «сущность», выражающая связь сущности и непосредственно данного в чувственном созерцании явления, т.е. переход сущности в свое опосредование, в свои формы существования и развития»⁶. Конечно, «основа» и «сущность» отражают внутренние стороны, связи объекта. На это обращает внимание К.И. Гулиан, отмечая, что «основа – есть последнее определение сущности, есть финал противоречия или разрешенное противоречие»⁷. Прав М.В. Эмдин, когда пишет: «Категория основы выражает те явления или стороны предметов, которые объективно служат первоначальным источником, определяющим существование и развитие всех остальных производных явлений или сторон предметов, находясь с ними в отношении диалектической взаимообу-

---

¹ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 77–78. 2/71.

² Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101.

³ Снесар В.И. Роль принципов в познании. Философско-методологические аспекты. Саратов, 1985. С. 192.

⁴ Билялов А.К. Об определении категорий «основа» и «обоснование» // Философские науки. 1976. № 5. С. 141.

⁵ Куценко В.И. Социальная задача как категория исторического материализма. Киев, С. 88.

⁶ Минасян А.М. Диалектический материализм: Курс лекций. Ростов-н/Д, 1972. С. 232.

⁷ Гулиан К.И. Метод и система Гегеля: В 2 т. / Пер. с румын. М., 1963. Т. 2. С. 575.

словленности»¹.

В современной юридической литературе некоторые авторы используют в качестве синонимов термины «принципы (основы)»² и «принципы (начала)»³. Их дифференциацию предлагает Е.Г. Комиссарова⁴, по мнению которой понятия «начало» и «принцип», хотя и являются ценностями одного идеологического рода, могут использоваться как самостоятельные и даже независимые друг от друга⁵, при этом понятие «принцип» должно быть сохранено для обозначения и характеристики тех правовых идей, которые не достигли уровня юридической нормы, но, как только эти реальности приобретают общее значение, они становятся юридическими нормами в виде «основных начал»⁶.

Понятия «начала», «принципы», «основы», хотя и близкие по смыслу, но не совпадающие по своему содержанию, и каждый из них имеет свое самостоятельное значение. Понятие «начала» необходимо связывать с онтологическим основанием уголовно-процессуальной деятельности, ее идеализацией, отсутствием помех в продвижении к намеченным целям. Понятие «принцип» представляет собой обобщение и распространение определенного положения на весь уголовный процесс как деятельность, из которой данный принцип абстрагирован. Что касается «основ», то они объединяют те общие положения, на которых зиждется уголовный процесс, а прежде всего задачи, принципы, презумпции, дефиниции, статусы.

Нормы-дефиниции в механизме уголовно-процессуального регулирования выполняют главным образом вспомогательную функцию. Их отсутствие лишало бы законодательство ясности. Правоприменительный процесс был бы затруднен из-за отсутствия определенных ориентиров. А это привело бы к тому, что каждый судья использовал

---

¹ Эмдин М.В. Основа и обоснование // Некоторые вопросы диалектического материализма. Л., 1962. С. 90.

² Мартинович И. Конституция о судебной власти // Судовы веснік. 1994. № 4. С. 6–9. Гриненко А.В. Унификация понятия «принципы уголовного судопроизводства» // Юридическое образование и наука. 2000. № 2. С. 13–16.

³ Мартынич Е.Г., Маржинянц Ю.И. Принципы уголовного процесса и правосудия: эволюция понятия, соотношение и совершенствование законодательных регламентаций // Российский судья. 2001. № 5. С. 30–34; Уголовный процесс: Учеб. / Под ред. И.Л. Петрухина. М., 2001. С. 69.

⁴ Комиссарова Е.Г. Об основных началах гражданского законодательства // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 13–20.

⁵ Там же. С. 14–15.

⁶ Там же. С. 20.

бы новые понятия по-своему. Законность оказалась бы под угрозой.

Дефинитивные уголовно-процессуальные нормы являются работающими. Только на первый взгляд их роль незаметна. Это связано с тем, что в судебных актах не принято ссылаться на эти нормы. Между тем весомую обоснованность, убедительность судебному решению может придать, наряду с другими общими нормами, и данный их вид. Но от норм-дефиниций не следует требовать больше того, на что они способны. Как писал Ф. Энгельс, «краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить»¹.

В нормах-дефинициях выражены понятия, определен их смысл, что облегчает применение УПК. В ст. 6 УПК «Разъяснение некоторых понятий и наименований, содержащихся в настоящем Кодексе» сформулированы основные понятия, в том числе и оценочного характера, краткое определение которых позволяет четко отграничить их от других явлений. В особенности они необходимы, когда в разъясняемое понятие вкладывается условный, а не общепринятый смысл. Например, в п. 1 ст. 6 УПК содержится разъяснение понятия «близкие родственники», к которым кроме лиц, состоящих в родстве, отнесены супруги. Согласно брачно-семейному праву брак не влечет родства, его последствием является супружество. Но во избежание громоздкости уголовно-процессуальных норм в УПК содержится общая норма, в которой перечислены лица, подпадающие в уголовно-процессуальном аспекте под статус близких родственников участников уголовного процесса.

Нормы-дефиниции выступают как самостоятельный элемент содержания уголовно-процессуального законодательства. Однако их значение не следует преувеличивать, а тем более смешивать с другими правовыми явлениями. В нормативно-правовых актах иногда содержатся дефиниции (от лат. *definition* – определение), формулировки той или иной юридической конструкции, например задач, принципов, презумпций. Их предназначение в том, чтобы в концентрированном виде выразить соответствующее понятие, закрепив его в виде нормы-задачи, нормы-принципа, нормы-презумпции и т. д. Как уже отмечалось, упоминаемые юридические явления при отсутствии обобщаю-

---

¹ Энгельс Ф. Материалы к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 634–635.

щей нормы могут быть выражены в нескольких конкретных нормах, что связано с особенностями законодательной техники. Такие определения (дефиниции) не относятся к нормам-дефинициям, а имеют иное дифференцирующее значение. Наличие подобных дефиниций важно в любой отрасли законодательства¹, поскольку они придают ясность, выразительность регулируемым юридическим явлениям, акцентируя наиболее значимую черту, свойство.

Нормы-презумпции в уголовно-процессуальном праве выполняют роль своеобразных предпосылок, оснований для установления юридических фактов, возникновения субъективных прав и обязанностей и находят применение в процессе доказывания. Нормы-презумпции являются сложным и не разработанным в науке явлением. В уголовно-процессуальном законодательстве наиболее рельефно закреплена лишь презумпция невиновности. Но в сфере уголовного судопроизводства действуют и другие презумпции. Однако все они выводятся из других норм путем их интерпретации. Например, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора вытекает из конкретной нормы о том, что вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда обязательны для всех государственных органов, общественных организаций, предприятий, должностных лиц и граждан.

В.К. Бабаев считает, что презумпции вытекают из предшествующей жизненной практики. Они имеют и политическую направленность, которая иногда настолько очевидна, что заслоняет или даже исключает логическую их природу. К таким презумпциям относится и презумпция невиновности обвиняемого².

Действительно, по общему правилу, предполагаемая невиновность обвиняемых должна была бы носить постоянный, повторяющийся характер, т.е. большинство лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, должны были бы быть невиновными. Но это не так. Их невиновность на самом деле носит не постоянный, а исключительный характер. Обвиняемый, как правило, оказывается виновным в совершении преступления. Политическое значение презумпции невиновности обвиняемого состоит не столько в том, что она выступает гарантией против необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности, сколько в том, чтобы придать авторитет суду, подчеркнув,

---

¹ Москаленко И.В. Дефиниции в системе юридических средств механизма граждан правового регулирования // Право и образование. 2005. № 1. С. 18–23.

² Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: Учеб. пособие. Горький, 1974. С.15.

что только ему принадлежат полномочия по определению правовой судьбы обвиняемого.

Презумпция невиновности имеет и юридический аспект, который раскрывается через систему положений, закрепленных в законе, к которым, в частности, относятся: вина лица в совершении преступления должна быть доказана; все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не удалось устранить, решаются в пользу обвиняемого; органы и должностные лица, ведущие уголовный процесс, должны предпринять предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела; обязанность доказывания не может возлагаться на обвиняемого; признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу; никто не обязан свидетельствовать против себя; запрещается добиваться признаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер; обвиняемый наделяется правом на защиту; обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Презумпция невиновности имеет характер работающего ориентира. Нормативная ее сторона не вызывает сомнения. Дискуссии о презумпции невиновности продолжаются, и она нуждается в глубокой теоретической разработке и последовательном практическом применении¹.

Нормы-статусы в уголовно-процессуальном праве служат для определения положения участников уголовного процесса. Они образуют сквозные права и обязанности участников процесса, которые затем конкретизируются применительно к отдельным этапам уголовно-процессуальной деятельности. Так, в общей части УПК нормы определяют статус участников процесса. Эти нормы носят общий характер. Они детализируются рядом конкретных уголовно-процессуальных норм.

Нормы-статусы определяют статус всех участников уголовного процесса, включая суд. Согласно принципу равенства граждан перед законом и судом при определении правового статуса личности во внимание не принимается ее происхождение, социальное и имущественное положение, расовая и национальная принадлежность, пол, образование, характер и род занятий и т.д. На содержание правовых норм, определяющих статус личности в судебном процессе, оказывают влияние лишь функции, которые возлагаются на них государством.

---

¹ Ефимичев П.С. Презумпция невиновности: в чем ее сущность? // Журнал российского права. 2000. № 7. С. 112.

Правовой статус суда затрагивает интересы не только судей, но и каждого человека, который вступает в правоотношения с судом. Несомненно, положение суда в системе государственных органов зависит от конкретно-исторических условий, социально-экономической природы общества. По существу, правовой статус суда – легальные пределы его деятельности, мерило общественного прогресса. Поэтому исследование данной проблемы не должно ограничиваться лишь юридическими рамками. Думается, что в настоящее время данная проблема составляет одно из магистральных направлений юридической науки и нуждается в дальнейшей разработке применительно к новым условиям развития государства.

В основе правового статуса суда лежит его фактический социальный статус, определяемый всей совокупностью экономических, политических, духовных, нравственных и иных условий жизни общества. В праве лишь фиксируется это обусловленное место суда. Правовые нормы как бы обрамляют его. Синтезирующим началом в определении правового статуса суда является определение его функции. В ст. 9 УПК сказано, что правосудие осуществляется только судом. Для того чтобы эта функция надлежащим образом выполнялась, нужны не только правовые, но также экономические и нравственные гарантии. В системе общественных отношений имеются такие отношения, которые не зависят от воли человека. Они объективны по своей природе. Именно им принадлежит предопределяющая роль в формировании статуса суда. Нельзя пренебрегать также и нравственными отношениями. Они содержат в себе тот потенциал, который поможет укрепить престиж суда.

Правовой статус суда в системе государственных органов определяют прежде всего общие нормы. По своей природе они более стабильны, чем конкретные, жизнь которых гораздо короче. Конкретный правовой статус суд приобретает, когда выступает субъектом правоотношений при рассмотрении дела. Тогда на переднем плане находятся конкретные правовые нормы, наличие которых в системе уголовно-процессуального законодательства закономерно. Такие нормы устанавливаются с целью детализации регулирования общественных отношений, зафиксированных общими нормами. Метод конкретизации реализуемой нормы состоит в том, чтобы способствовать ее осуществлению посредством принятия норм более конкретного характера. Это есть опосредованная форма реализации правовых норм общего характера, проявление системности правовых норм в действии.

Конкретные нормы не регулируют новые общественные отношения. Они конкретизируют те общественные отношения, которые уже урегулированы общими нормами. Здесь важно, чтобы общие нормы охватывались конкретными, иначе применение их будет затруднено. Надо учитывать и другое: комплекс норм, обеспечивающих общую норму, не должен выходить за пределы ее регулятивных возможностей.

Общая норма уголовно-процессуального права обладает высокой степенью абстрактности. Она содержит в себе множество различных вариантов поведения. Законодатель не в состоянии указать каждый из них. Он вынужден лишь определить рамки допустимого поведения. Как отмечает С.С. Алексеев, «развитие специализации права состоит, помимо иных моментов, в том, что регулятивные, правоохранные, общие предписания обрастают конкретизирующими положениями, и, таким образом, на базе каждой из указанных разновидностей постепенно формируются самостоятельные общности»¹.

Система норм уголовно-процессуального права будет неэффективной, если она противоречива. Истоки противоречий могут быть в новой политической обстановке, сложившейся в государстве. Кроме этого, частые изменения и дополнения закона ведут к хронологическим и иерархическим противоречиям. Нормы права, которые принимались в различное время, будут отличаться степенью детализации регулируемых отношений, местом расположения, отношением к уже имеющимся нормам и правовым институтам. И как результат этого – общая несогласованность норм, их несоответствие не только представлениям о правилах юридической техники, но и особенностям системы общественных отношений. Именно по этим причинам приходится периодически принимать новые УПК.

---

¹ Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 111.

СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ*

В ходе осуществления правосудия по уголовным делам реализуется правоприменительная деятельность суда. Однако лишь наиболее важные стороны правосудия подвергаются правовому регулированию. В остальном государство доверяет суду действовать по своему усмотрению¹.

Судебное усмотрение – это определенная степень самостоятельности суда, которая ограничена законодательством. Значимость судебного усмотрения зависит от уровня детализации правового регулирования, который избрал законодатель. Следует отметить, что этот уровень неодинаков и зависит от важности той или иной сферы общественных отношений, подвергаемых правовому опосредованию. Причем в разных государствах приоритетные сферы могут не совпадать. Это объясняется комплексом причин, в основе которых лежит характер правовой системы государства, на формирование которой оказывают воздействие многие факторы, в том числе и преемственность правовых традиций государства.

Судебное усмотрение занимает важное место в странах с системой общего или смешенного права, где деятельность прокуратуры, полиции и иных органов, ведущих досудебное расследование уголовных дел, в значительной мере оказалось неурегулированным в законодательном порядке. Так, в США на базе Конституции сформировалось уголовно-процессуальное законодательство, включающее в себя акты, принятые в разное время. Уголовно-процессуальные законы в большинстве штатов также представляют собой совокупность актов, в которых решаются лишь основные вопросы уголовного судопроизводства. Попытки по упорядочению и кодификации уголовно-процессуального права неоднократно предпринимались. Еще в 1930 году Институт американского права завершил разработку и опубликовал Примерный уголовно-процессуальный кодекс (УПК), в котором было обобщено то, что сложилось в законодательстве и судебной практике на этот момент.

---

* Формирование основ конституционного государства в Республике Беларусь: Сб. науч. тр. – Новополоцк: ПГУ, 2001. – С. 171–177.

¹ Бибило В.Н. Нормативное и ненормативное регулирование в генезисе правосудия по уголовным делам // Право и демократия: Сборник научных трудов. – Мн., 1999. – Вып. 10. – С. 284.

Процесс модернизации уголовного судопроизводства не завершен и находится в стадии корректировки отдельных институтов¹. Та же ситуация наблюдается и в Англии, где принят ряд законодательных актов, регулирующих лишь отдельные вопросы уголовного процесса, а не их комплекс². Для стран с англосаксонской системой права наличие судебного прецедента является итогом значимости судебного усмотрения.

Правовая концепция с конца XVIII в. стала основываться на том, что максимум законности в отправлении правосудия есть минимум судебного усмотрения, которое отождествлялось с судебским произволом. Говоря о свободе усмотрения, Чезаре Беккариа отмечал: «Нет ничего опаснее общепринятой аксиомы, что следует руководствоваться духом закона. Это все равно, что уничтожить плотину, сдерживающую бурный поток произвольных мнений»³. Определенное соотношение между законом и усмотрением было заложено во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., где ст. 6 определила: «Закон есть выражение общей воли». Но в ст. 5 говорилось: «Закон может запрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не запрещено законом, то дозволено и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом»⁴. Позже подобный принцип был выдвинут в СССР на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС⁵, а затем и XIX Всесоюзной партийной конференции⁶ было провозглашено: разрешено все, что не запрещено законом.

При принятии закона всегда приходится выбирать: идти по пути детализации законодательства или предоставлять судам возможность для широкого усмотрения.

Судебное усмотрение не имеет ничего общего с упрощением УПК, а именно такой курс был взят в СССР в 20-е годы XX в. В тезисах о реформе УПК отмечалось, что при пересмотре УПК надо

---

¹ Гуценко К.Ф. Уголовная юстиция США. – М., 1979. – С. 87–108.

² Михеенко М.М., Шибико В.П. Уголовно-процессуальное право Великобритании, США и Франции: Учебное пособие. – Киев, 1988. – С. 6.

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М., 1939. – С. 209.

⁴ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: Сборник документов / Под ред. П.Н. Галанзы. – М., 1957. – С. 251.

⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня 1987 г. – М., 1987. – С. 68.

⁶ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. – М., 1988. – С. 62.

сделать так, чтобы уголовный процесс был гибким, лишенным всякой «формалистики и в то же время обеспечивающий обе основные цели: жестокость репрессии по отношению к классовым врагам и поддержание через суд общественно-правовой дисциплины среди трудящихся с вовлечением этих последних в максимальной степени в ту школу государственного управления, которой для нас является суд»¹. Предлагалось упростить как раз те положения УПК, которые регулировали деятельность суда, поскольку судьи не в состоянии разобраться в громоздких и многочисленных статьях УПК². Это было важно в связи с тем, что судейский корпус комплектовался из рабочих и крестьян, не имеющих юридической подготовки³. Суд рассматривался как упорядоченная форма расправы⁴.

В действующем законодательстве Республики Беларусь есть ситуации, когда суд связан жесткими рамками закона и для его усмотрения не остается места. Но каждый шаг суда невозможно подробно регламентировать. Именно поэтому в ряде случаев в УПК содержатся лишь общие рамки деятельности суда. Тем самым ему предоставляется определенная свобода в выборе варианта своего поведения.

Детального правового регулирования правосудия по уголовным делам не может быть также вследствие того, что законодатель подчас проверяет на практике разнообразные формы и методы решения возникшей проблемы, чтобы затем отобрать и закрепить в законодательстве лучшие из них как обязательные.

Независимо от того, по каким причинам возникло судебное усмотрение, его место должно находиться в рамках норм права. Решение, принятое судом исходя из своего усмотрения, влечет те же правовые последствия, что и решение, которое принято на основе конкретной нормы права.

Судебное усмотрение необходимо понимать, как право принимать решения, основываясь на общих положениях закона с учетом конкретных обстоятельств дела в интересах достижения задач и целей правосудия, не забывая при этом о гарантиях личности в уголов-

---

¹ Тезисы о реформе УПК: Постановление коллегии НКЮ от 9 июня 1927 г. // Пролетарский суд. – 1928. – № 1–2. – С. 35.

² Бабичев В. Как упростить наш уголовный процесс // Еженедельник советской юстиции. – 1925. – № 9. – С. 211.

³ Бранденбургский Я. К предстоящей компании перевыборов судработников и нарзаседателей // Еженедельник советской юстиции. – 1925. – № 47. – С. 1445–1447.

⁴ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судостроительства). – М., 1923. – С. 16.

ном процессе¹.

Термин «судебное усмотрение» не употреблялся в законодательстве. В юридической литературе его стали широко использовать. Единообразия же в том, какой смысл в него вкладывать нет. Незаботанность проблемы судебного усмотрения в определенной мере объясняется также укоренившимся мнением, что для правосудия достаточно тех правовых норм, которые закреплены в нормативно-правовых актах. Сказалось и то, что судебное усмотрение относили к характерным признакам лишь буржуазного правопорядка, где в ущерб требованиям закона судебное усмотрение выдвигается на передний план.

Вопрос о том, что понимать под судебным усмотрением, является спорным. По мнению Д.М. Чечота, понятие «усмотрение» предполагает, что соответствующий орган или должностное лицо действует по своей воле, не связанной при принятии решения какой-либо правовой нормой. В пределах предоставленных ему полномочий орган государства «свободен в выборе соответствующего решения»². Г.Т. Ткешелиадзе считает, что судебное усмотрение применяется в тех случаях, когда суду предоставлено право выбора между двумя или несколькими решениями, предусмотренными нормами права, равнозначными с точки зрения законности³. А.Т. Боннер, рассматривая судебное усмотрение как форму применения норм права, полагает, что его надо связывать с предоставленными суду правомочиями решать правовые вопросы исходя из обстоятельств дела, общих положений закона, принципов права, экономических законов и морали⁴.

Между приведенными формулировками судебного усмотрения есть различия, главное из которых состоит в определении степени воздействия правовых норм на характер судебных решений. Все остальные будут производными от него.

Д.М. Чечот делает упор на волевые моменты при принятии судебного решения. Значимость норм права, по его мнению, второстепенна. Г.Т. Ткешелиадзе и А.Т. Боннер, наоборот, связывают судебное усмотрение, прежде всего, с применением правовых норм. Только

---

¹ Бибило В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. – Мн., 1986. – С. 113; Бибило В.Н. Судебное усмотрение // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Сер. 3. – 1994. – № 1. – С. 54–56.

² Чечот Д.М. Административная юстиция (Теоретические проблемы) – Л., 1973. – С. 72.

³ Кешелиадзе Г.Т. Судебная практика и уголовный закон. – Тбилиси, 1975. – С. 93.

⁴ Боннер А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. – М., 1980. – С. 42.

Г.Т. Ткешелиадзе в отличие от А.Т. Боннера не называет средства, которыми можно пользоваться, когда отдается предпочтение той или иной норме закона.

Высказаны и другие, более общие, суждения относительно понятия судебного усмотрения. Например, О.В. Берг отмечает, что судебным усмотрением «является право судьи производить процессуальные действия, обязательность осуществления которых не установлена процессуальным законом, но и не запрещена им»¹. О.А. Папкина связывает судебное усмотрение с необходимостью вынесения справедливого решения суда².

Судебное усмотрение базируется на нормах права. Поэтому, как правильно отмечает Аарон Барак, «понятие усмотрения является центральным для понимания судебного процесса»³. Для обеспечения целесообразности и справедливого решения необходимо сочетание норм права и судебного усмотрения, ограниченного их пределами.

Судебное усмотрение наиболее наглядно проявляется при наличии пробелов в уголовно-процессуальном праве. С учетом того, что у нас единственным официально признанным источником права является закон, то более точным было бы говорить о пробелах в уголовно-процессуальном законе. Пробел – это такая правовая ситуация, которая не урегулирована законодательством. Поэтому о пробелах в законодательстве можно говорить условно, т.к. их наличие неизбежно: закон не в состоянии урегулировать все явления правового характера при осуществлении правосудия по уголовным делам.

Зависимость пределов судебного усмотрения от состояния уголовно-процессуального законодательства может выражаться по-разному. Но при этом суд не должен подменять собой другие государственные органы. Он обязан действовать в рамках предоставленной ему государством функции правосудия.

При осуществлении правосудия по уголовным делам суд, получив право разрешать конкретный вопрос по своему усмотрению, не действует абсолютно свободно, ибо он всегда связан рамками закона, независимо от того, они узкие или широкие. Формы закрепления их

---

¹ Берг О.В. Вопросы судебного усмотрения в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. – 2000. – № 2. – С. 9.

² Папкина О.А. Судебное усмотрение в гражданском процессе и его виды // Вестник Московского университета. – Сер. 11, Право. – 1997. – № 3. – С. 100; Папкина О.А. Пределы судебско-го усмотрения в гражданском процессе // Журнал российского права. – 1998. – № 2. – С. 107.

³ Барак Аарон. Судейское усмотрение / Пер. с англ. – М., 1999. – С. 13.

различны. УПК оперирует понятиями типа «имеет право», «вправе», «может» и т.п. На базе этих общих формулировок устанавливается значительная часть компетенции суда.

Если решение суда выходит за пределы предоставленных суду полномочий, оно должно быть признано незаконным.

Основой для применения судебного усмотрения могут быть нормы, содержащие оценочные понятия: «лица, состоящие в родстве между собой», «тяжкая болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания», «наличие у осужденной малолетних детей», «особо тяжкие последствия», «стихийные бедствия», «исключительные обстоятельства», «иная тяжкая болезнь» и др. Эти оценочные понятия носят качественный характер и их не всегда легко использовать в практической деятельности в связи с противоречивостью познавательного процесса.

Трудности в применении правовых норм возникают и тогда, когда в законодательстве не указано, каким содержанием охватывается употребленное понятие, имеет ли оно более широкий смысл в данной ситуации чем тот, который заложен в нормативно-правовых актах, принадлежащих к другой отрасли права.

Оценочные понятия прочно вошли в жизнь уголовно-процессуального закона, придавая уголовно-процессуальному регулированию необходимую полноту и гибкость. Отказ от них – означал бы шаг назад. Задача науки уголовно-процессуального права сводится к тому, чтобы, во-первых, выработать надежные критерии оптимального соотношения в законе формально определенных и оценочных диспозиций; во-вторых, добиться того, чтобы одни и те же оценочные понятия однозначно толковались; в-третьих, чтобы терминологически и понятийно они совпадали с явлениями, которые отражают.

По мере развития права происходило известное сужение пределов усмотрения суда при рассмотрении и разрешении уголовных дел за счет замены оценочных категорий исчерпывающим регулированием. Но это только тенденция развития законодательства. Полное же устранение оценочных категорий невозможно.

Судебное усмотрение имеет особенно широкий простор при отсутствии правовой регламентации конкретного вопроса. Тогда суд вынужден применять нормы, регулирующие сходные отношения. Эти нормы и выступают своеобразной условной нормативной основой судебного усмотрения. Возникает явление, которое предполагает применение аналогии закона.

Уголовное право находится в особых условиях, поскольку оно определяет, какие действия или бездействия, являются преступлением. Суд не может использовать аналогию при квалификации деяний.

Иное дело уголовно-процессуальное законодательство. Хотя в нем нет нормы, которая прямо разрешала бы аналогию закона, однако это не означает, что при осуществлении правосудия по уголовным делам она не используется.

Избежать применения аналогии уголовно-процессуального закона невозможно. Особенно наглядно это проявлялось на примере судопроизводства по исполнению приговора. Порядку судебного разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, посвящена ст. 432 УПК. В ней получили отражение наиболее специфические стороны судебной деятельности в стадии исполнения приговора. Что касается таких общих вопросов, как подготовительные действия, связанные с открытием судебного заседания, проверкой явки вызванных лиц, необходимостью приглашения переводчика, если кто-либо из лиц, участвующих в рассмотрении дела, не владеет языком судопроизводства, разъяснением прав и обязанностей, а также других вопросов, которые неизбежны при проведении судебного заседания на любом этапе реализации правосудия по уголовным делам, то они не получили специального закрепления в УПК. Из этого, однако, не следует, что в судебной практике могут выпадать необходимые атрибуты судебного заседания. Председательствующий, прибегая к использованию аналогии закона, проводит те же подготовительные действия, которые свойственны стадии судебного разбирательства.

Примерно таким же образом по степени детализации урегулирован порядок судебного заседания в кассационном и надзорном производстве.

Нельзя согласиться с П.С. Элькинд, что поскольку основанием для применения аналогии закона являются пробелы в нем, постольку ликвидация их путем совершенствования уголовно-процессуального законодательства приведет к устранению аналогии при сохранении института расширительного толкования норм¹. В.И. Каминская же утверждала, что законодатель, учитывая потребности практики и новые, выдвинутые жизнью вопросы, может с необходимой полнотой регламентировать процессуальную деятельность и не допускать про-

---

¹ Элькинд П.С. К вопросу об аналогии закона в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка: Межвузовский сборник. Куйбышев, 1982. – С. 81–84.

белов в законодательстве¹.

Применение аналогии уголовно-процессуального закона сохраняет свое значение и впредь. Это связано с тем, что нормы права более стабильны, чем общественные отношения, которые они подвергают правовому регулированию. В связи с быстрым изменением характера общественных отношений законодатель не всегда в состоянии оперативно реагировать на эти изменения. К тому же в УПК сосредоточены нормы, которые потребуются при производстве любого уголовного дела. В этом смысле они носят абстрактный характер. Задача состоит в том, чтобы правильно их применить в возникшей на практике ситуации. И здесь существенную помощь могут оказать нормы-принципы, нормы-задачи, нормы-презумпции и другие общие нормы, как сквозные, постоянные положения, являющиеся своего рода ориентиром в применении аналогии уголовно-процессуального закона.

Не обосновано мнение Е.Г. Мартынчика, связывающего наличие законности в уголовном процессе с узкой сферой судебного усмотрения. Он отмечает, что чем «меньше сфера личного усмотрения органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, чем полнее регламентированы их полномочия, тем больше гарантий законности совершаемых ими действий и принимаемых решений»².

В законодательстве должны оптимально сочетаться исчерпывающие нормы права и возможность судебного усмотрения, объем которого зависит от места и роли суда в обществе, характера правовых конфликтов, подлежащих его юрисдикции, самой исторической обстановки, сложившейся в государстве на определенном этапе его развития.

---

¹ Демократические основы советского социалистического правосудия / Под ред. М.С. Строговича. – М., 1965. – С. 89.

² Мартынчик Е.Г. Развитие уголовно-процессуального законодательства. – Кишинев, 1977. – С. 43–44.

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ*

Формирование понятий в любой науке является важным моментом. Как указывал В.И. Ленин, понятия выполняют в познании роль ступенек, узловых пунктов, помогающих познать и овладеть действительностью¹. Значение понятия уголовно-процессуального правоотношения предопределяется тем, что эта проблема тесно связана с судебной и следственно-прокурорской практикой. Кроме того, от общего понятия уголовно-процессуального правоотношения зависит решение ряда других вопросов, прямо или косвенно с ним связанных. К их числу относится вопрос о структуре правоотношений, об элементах механизма уголовно-процессуального регулирования и т.п.

За последнее время в изучении теории правоотношений сделан заметный шаг вперед, по многим спорным вопросам достигнуто единство². Следует, однако, отметить, что учение о правоотношении разработано в основном цивилистической наукой. Выводы и предложения, которые она сформулировала, применимы для отражения специфики гражданско-правовых отношений. Что касается иных отраслей права, и в частности уголовно-процессуального права, то цивилистическая конструкция правоотношений не отражает всех видов правовых связей между участниками уголовного процесса и становится узкой при перенесении ее без соответствующих оговорок в область уголовно-процессуальной деятельности. К тому же авторы, исследующие проблемы, связанные с правоотношениями, не уделяют должного внимания вопросу о их генезисе, изучение которого представляется фундаментальным для этой правовой категории³.

Понятие правоотношения тесно связано с таким более широким понятием, как общественное отношение. Длительное время под правоотношением единодушно понималось общественное отноше-

---

* Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Серыя 3. – 1985. – № 3. – С. 71–73.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.

² См.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении.— М, 1974; Назаров Б.Л. Социалистическое право в социальных связях. – М., 1976; Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. – Л., 1981.

³ См.: Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск, 1974; Дудин А. П. Объект правоотношения. – Саратов, 1983.

ние, урегулированное нормами права. В настоящее время в юридической науке существуют два определения правоотношений, которые соответствуют двум, хотя и связанным, но все-таки разным, правовым явлениям. В одном случае под правоотношением понимаются субъективные права и юридические обязанности, представляющие индивидуальные модели поведения субъектов права. Это своего рода «правоотношение – модель». Во втором случае под правоотношением понимается фактическое отношение, урегулированное нормами права, именуемое «правоотношением-отношением»¹. Рассмотрение понятий «правоотношение – модель» и «правоотношение – отношение» в уголовно-процессуальной области поможет выяснить процесс образования уголовно-процессуальных отношений и тем самым определить их понятие.

Характеризуя уголовно-процессуальные правоотношения, В.П. Божьев отмечает, что это идеологические общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального права, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в сфере уголовного судопроизводства². Однако такое понимание уголовно-процессуальных правоотношений не объясняет истоков их образования и упускает из поля зрения наличие деятельности, без которой вообще немислимо наличие уголовно-процессуальных правоотношений.

Уголовно-процессуальные правоотношения и деятельность – две стороны уголовного процесса. Нет уголовно-процессуальной деятельности вне уголовно-процессуальных правоотношений. И, наоборот, не может быть правоотношений без деятельности его субъектов, так как эти правоотношения есть продукт их деятельности. Основоположники марксизма подчеркивали, что отношение есть результат и форма человеческой деятельности, что общественные отношения – продукт деятельности живых личностей³. Учет взаимосвязи между уголовно-процессуальными правоотношениями и деятельностью их субъектов предопределяет подход к исследованию понятия уголовно-процессуального правоотношения. Прежде всего, следует иметь в виду, что уголовно-процессуальные правоотношения не возникают на пустом месте. Они формируются на основе производственных отношений, которые создаются в процессе

¹ Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. – М., 1980, с. 96–97.

² См.: Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения, – М., 1975, с. 87.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 402–403; Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 149, 427.

деятельности людей и определяются производственными силами общества. Материальные отношения – основа всех других общественных отношений, а от материальной деятельности людей зависит всякая иная деятельность. Поэтому характер правоотношений определяется, в конечном счете, отношениями материального производства.

Уголовно-процессуальные правоотношения возникают как результат экономической, политической и духовной деятельности. Установление уголовно-процессуального права является лишь способом образования именно уголовно-процессуальной деятельности. В этом смысле уголовно-процессуальному праву принадлежит «оформительская» роль в уже существующей деятельности. В задачу законодателя входит решение вопроса о том, каким сторонам деятельности при производстве по уголовному делу придать уголовно-процессуальный характер.

В уголовно-процессуальном законодательстве сконцентрированы нормы, которые служат базой для существования уголовно-процессуальных правоотношений. Уголовно-процессуальная норма – это общая модель, содержащая правила поведения. Понимание процессуальных норм как моделей поведения предполагает, что они не являются и не могут быть ни реальным поведением, ни существующим правоотношением, а представляют собой лишь мысленный образ поведения. Без уголовно-процессуальной нормы не может возникнуть ни уголовно-процессуальное «правоотношение-модель», ни «правоотношение-отношение». Нормы права являются истоками появления правоотношений. Нормы и правоотношения – соотносимые понятия.

Уголовно-процессуальное «правоотношение-модель» индивидуализирует общую модель нормы права. При этом качество модели сохраняется, т.е. мысленный образ остается, но он уже индивидуализирован. Нельзя, однако, отождествлять мысленную модель индивидуального поведения с самим поведением, поскольку модель существует в области сознания. Правоотношения на данном этапе развития еще не возникает, имеется лишь модель предполагаемой социальной связи. Уголовно-процессуальные «правоотношения-модели» возникают в рамках уголовного процесса. На их основе возникают конкретные уголовно-процессуальные «правоотношения-отношения», т.е. фактические отношения, существование которых порождает субъективные права и обязанности их участников.

«Правоотношение-отношение» отображает «правоотношение-

модель». В принципе, образ должен быть адекватен оригиналу. «Правоотношение-модель» это как бы «чистое» юридическое отношение, которое запечатлено в сознании субъекта. Уголовно-процессуальное «правоотношение-отношение» хотя и соответствует «правоотношению-модели», однако по своему содержанию богаче, поскольку на него оказывают влияние нравственные, этические и другие отношения.

Проследим процесс зарождения уголовно-процессуального правоотношения. В нормах уголовно-процессуального кодекса заложены модели всех возможных правоотношений. Эти модели будут общими моделями-правоотношениями независимо от того, ведется ли уголовный процесс или нет. Какие конкретно из этих моделей разовьются в действующие уголовно-процессуальные правоотношения, зависит от многих факторов: характера совершенного преступления, личности участников уголовного судопроизводства и т.д. Однако это не означает, что остальные модели правоотношений являются лишними. Они необходимы при производстве иных уголовных дел.

Наличие конкретного уголовного дела кладет начало преобразованию общих моделей-правоотношений в индивидуальные модели. Так, в ст. 334 УПК БССР сказано, что потерпевший вправе обжаловать приговор. В этой норме заложена, общая модель-правоотношение. Она существует до производства по определенному уголовному делу. Затем, если начал вестись уголовный процесс, и его участниками являются конкретные государственные органы и физические лица, то эта абстрактная, общая модель-правоотношение превратится в индивидуализированную модель-правоотношение. Но эта индивидуализированная модель-правоотношение может остаться не реализованной, если потерпевший не предпримет предусмотренных в законе мер для подачи в суд кассационной жалобы. И только в случае, когда потерпевший представит в суд кассационную жалобу, можно считать, что уголовно-процессуальное правоотношение, направленное на реализацию права потерпевшего на обжалование, образовавшись, прекратило свое существование, вызвав возникновение других уголовно-процессуальных правоотношений.

Таким образом, появлению уголовно-процессуального правоотношения как фактического поведения предшествует наличие правоотношения-модели в сознании человека. Необязательно, чтобы из каждого правоотношения-модели возникали конкретные фактиче-

ские отношения. Однако любое фактическое уголовно-процессуальное правоотношение в своем генезисе будет проходить этап «правоотношения-модели».

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что уголовно-процессуальным правоотношением называется возникающая на основе норм уголовно-процессуального права индивидуализированная связь участников уголовного процесса, характеризуемая наличием уголовно-процессуальных прав и обязанностей и принудительно гарантируемая государством.

СТРУКТУРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ*

1. Любое общество, как сложное социальное образование, представляет собой комплекс общественных отношений, значительная часть которых регулируется нормами права. К их числу относятся уголовно-процессуальные отношения, являющиеся разновидностью правоотношений. Они возникают, развиваются и прекращаются в ходе производства по уголовному делу. Как и другие правоотношения, этот вид правоотношений не существует без норм права. Однако нормы права их не создают, а регулируют. Правоотношения – это связь людей на основе норм права. Необходимым условием реализации уголовно-процессуальных отношений является практическая деятельность их субъектов.

2. Уголовно-процессуальные правоотношения не возникают произвольно. Непосредственной предпосылкой их возникновения служит наличие юридических фактов. Уголовно-процессуальное право определяет те события и действия, при наступлении которых общественные отношения приобретают форму уголовно-процессуальных отношений. Юридическим фактам принадлежит роль «двигателя» уголовного процесса. Причем юридические факты имеют двойственную природу. С одной стороны, они порождают возникновение новых уголовно-процессуальных отношений, а с другой – реализуют прежде возникшие правоотношения. Для наличия конкретных уголовно-процессуальных отношений необходимы специфические юридические факты.

3. Уголовно-процессуальные правоотношения всегда направлены на исследование какого-то объекта. Вследствие того, что уголовный процесс представляет собой не какой-то одномоментный акт, а имеет временную протяженность, уголовно-процессуальные правоотношения можно рассматривать в трех аспектах: во-первых, как систему всех уголовно-процессуальных отношений, имеющих при производстве по уголовному делу, во-вторых, как систему уголовно-процессуальных правоотношений, присущих стадиям уголовного процесса, и в-третьих, как единичные, конкретные правоотношения. Поэтому представляется обоснованным выделение трех объектов уголовно-процессуальных правоотношений: уголов-

---

* Совершенствование уголовно-правовой борьбы с преступностью: Тезисы докл. респ. науч. конф. (14 октября 1983 г.) /Вильнюсский ун-т. – Вильнюс, 1983. – С. 80–81.

ного процесса в целом, каждой из его стадий и единичного уголовно-процессуального правоотношения.

4. Уголовно-процессуальные правоотношения имеют свое содержание и свою форму. Диалектическое взаимодействие содержания и формы характеризуется определяющей ролью содержания. Особенностью формы является ее удвоенность. Уголовно-процессуальным правоотношениям присущи внутренняя и внешняя форма. Содержание правоотношений составляет деятельность субъектов, урегулированная нормами уголовно-процессуального права. Во вне эта деятельность проявляется в виде прав и обязанностей субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. Реализация прав и обязанностей субъектов есть способ, форма выражения их деятельности. Поэтому права и обязанности субъектов составляют внутреннюю форму уголовно-процессуальных правоотношений. Формальная последовательность осуществления прав и обязанностей субъектами образует внешнюю форму уголовно-процессуальных правоотношений.

ГЕНЕЗИС ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ*

1. Правосудие по уголовным делам как вид государственной деятельности происходит на основе принципов, вытекающих из его природы. Принципы – это наиболее общие положения, отражающие существо правосудия. Принципы познаются и выводятся путем анализа всей системы социалистического правосудия. Принципы правосудия по уголовным делам есть концентрированное выражение уровня общественного развития, правосознания, общественной и юридической практики. Они объективны в смысле материального источника их отражения и обусловлены в конечном счете экономическими условиями жизни общества. По формальному признаку, связанному с сознанием людей, они субъективны. Закономерности отражения таковы, что сознание может отразить то, что уже существует. Закрепление в праве принципов правосудия, чуждых социалистическому обществу, приведет либо к тому, что эти принципы не будут в действительности соблюдаться членами общества либо это вызовет опасность в плане перерождения существа социалистического правосудия.

2. В своем генезисе принципы правосудия по уголовным делам проходят несколько этапов: 1) возникновение идей о правосудии, как прообразов принципов правосудия; 2) подготовительная работа по реализации этих идей в нормативных актах; 3) отображение идей в нормах права. Принципы, сформулированные в правовых актах, могут представлять собой удачное, менее удачное или неудачное отражение идей о правосудии, возникших в сфере правосознания. Но в любом случае принципы правосудия будут носить нормативный характер. Те положения, которые еще не закреплены в правовых нормах, не могут быть названы принципами правосудия. Их следует рассматривать лишь как идеи, научные выводы, а не принципы права. Именно через правовые нормы принципы правосудия по уголовным делам способны оказывать воздействие на поведение людей. В этом смысле принципы правосудия имеют опосредствованное значение, поскольку непосредственно действуют правовые нормы. Содержание правовых норм, как регуляторов поведения участников судопроизводства, предопределено и

---

* Актуальные вопросы развития советского государства и права /Белорусский ун-т. – Минск, 1985. – С. 91–94.

подчинено соответствующим принципам. При принятии той или иной нормы права, регулирующей правосудие по уголовным делам, необходимо, чтобы она не находилась в противоречии с действующими в сфере правосудия принципами. Игнорирование этим, приведет к разлаженности всей системы правосудия.

3. Нормативная сторона принципов правосудия по уголовным делам свидетельствует о том, что извне они представляют собой нормы права, соблюдение которых обеспечивается силой государства. Это главное отличие принципов права от принципов правосознания, поскольку область правосознания относится к идеальному. Однако система норм права, определяющих правосудие по уголовным делам, и система норм, в которых выражены принципы данного вида правосудия, не равнозначные понятия. Право не может состоять только из норм, в которых закреплены принципы. Кроме принципов в содержание права входят общие положения, дефиниции, задачи, презумпции, преамбулы и другие элементы права, которые взаимообогащают друг друга. Каждое из этих общих правовых предписаний занимает самостоятельное место в правовом механизме и не просто обладает нормативным характером, но выполняет роль регулятора общественных отношений. Недооценка этого факта приводит иногда к попыткам придать термину «принцип» многоаспектное значение, что ведет к утрате им строгих очертаний и слиянию с другими понятиями.

4. Принципы правосудия по уголовным делам обнаруживаются не в одной, а во многих нормах права. Степень их отражения может быть разной. Одни нормы, регулирующие правосудие по уголовным делам, раскрывают его принципы наиболее полно. Это своего рода нормы-принципы. В других нормах принципы выражены менее определенно. Встречаются и такие нормы права, в которых принципы отражены непоследовательно или не совсем верно. Принципом правосудия по уголовным делам, таким образом, будет не только тот принцип, который получил текстуальное закрепление в норме права, но и такой, который вытекает из ряда норы права. Главное, чтобы при принятии нормы права было соответствие между нормой и принципами. Право должно быть внутренне согласованным. На принципы возлагается роль так объединить свойства права, чтобы можно было проследить единство его принципов.

Хотя принципы правосудия по уголовным делам могут различными способами отражаться в праве, однако искать их надо не в

какой-то конкретной норме, а во всей системе норм, регулирующих правосудие. Свое полное звучание тот или иной принцип правосудия не может получить в одной норме права, даже если он текстуально в ней закреплен. Для этого нужен комплекс норм. Отождествление принципов с содержанием одной лишь нормы, в которой он отражен, равнозначно отрицанию данного принципа.

5. Принципы правосудия по уголовным делам в действующем законодательстве закрепляются, как правило, в виде норм-принципов. Отражение в Конституции СССР, конституциях союзных республик, основах законодательства о судостроительстве, основах уголовного судопроизводства и в УПК, нормы-принципы образуют схему, приближенную модель осуществления правосудия по уголовным делам. Их наличие говорит о многоуровневой структуре права, в которой нормы-принципы являются наиболее глубинными элементами и относятся к разряду нормативных обобщений. Специфической особенностью норм-принципов правосудия по уголовным делам является то, что они отличаются большой стабильностью, лежат в основе всей правовой системы. От прочих норм они отличаются особой устойчивостью. Нормы-принципы в своем существе остаются неизменными в течение всего периода социалистического строя. Формулировка их может периодически уточняться, как это произошло с некоторыми нормами-принципами в Конституции СССР 1977 г. Однако сущность их остается той же. С развитием и совершенствованием социалистических отношений идет постоянное обогащение демократического содержания норм, конкретизирующих нормы-принципы. Именно, за счет детализирующих норм может меняться правовой статус участников уголовного судопроизводства. При этом нормы-принципы остаются в прежнем виде.

6. Принципы правосудия по уголовным делам должны получать в законе такое отражение, чтобы при их реализации по возможности не допускались различия между нормами права как моделями правоотношений и реальными правонарушениями. Думается, однако, что различия будут иметь место, при формулировании в законе принципов правосудия по уголовным делам учитываются разнообразные факторы (экономический, моральный, этический и др.), но на практике их роль усиливается. Психологический склад личности конкретного судьи, его общий образовательный уровень, не говоря об уровне профессионального правосознания, будут

накладывая отпечаток на применение норм нрава, в которых выражены принципы правосудия. Важно, чтобы урегулированная правом сторона общественных отношений при их реализации не выходила за грань закона. В этом смысле принципы правосудия по уголовным делам, закрепленные в законе, будут в то же время являться принципами осуществления данного вида правосудия. Но поскольку реальная жизнь правоотношений, возникающих на их основе, будет богаче, постольку в пределах закона принципы правосудия на практике будут модифицированы.

СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ*

1. Нормы уголовно-процессуального права, являясь регулятором общественных отношений, содержат модели правоотношений, возникающих при производстве по уголовному делу. Эти нормы регулируют не наиболее распространенные, типичные отношения, а все уголовно-процессуальные правоотношения, которые потенциально возможны при расследовании и рассмотрении уголовного дела. Именно в рамках конкретных уголовно-процессуальных правоотношений проявляются и ими же ограничиваются уголовно-процессуальные права и обязанности участников уголовного процесса. Вне правоотношения нет ни прав, ни обязанностей. Этому положению не колеблет то обстоятельство, что в статьях уголовно-процессуального закона могут быть закреплены только права, или только обязанности.

2. В уголовном процессе наиболее отчетливо проявляется принцип: всякое уголовно-процессуальное право одного субъекта предполагает процессуальную обязанность другого субъекта, и наоборот, чья-то обязанность предполагает чье-то право требовать его реализации. Соответствие уголовно-процессуальных прав и обязанностей субъектов характеризуется еще и тем, что каждый из них обладает системой прав и обязанностей, в которой сочетаются и общественные, и личные интересы. Причем, гарантии реализации уголовно-процессуальных прав и обязанностей носят одну и ту же уголовно-процессуальную природу. Для достижения целей уголовного процесса необходимо осуществление как прав, так и обязанностей участников правоотношений.

3. Уголовно-процессуальные права и обязанности – соотносящиеся категории. Это предполагает их корреляцию. Связь уголовно-процессуальных прав и обязанностей сложна, многопланова и многогранна. Она выражается прежде всего в том, что одному и тому же субъекту уголовно-процессуального правоотношения присущи и права, и обязанности. Задача состоит в том, чтобы гарантировать права данного субъекта и вместе с тем требовать от него выполнения своих обязанностей. Расширение уголовно-

---

* Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности в СССР: тезисы науч. докл. и сообщ. респ. науч.-практ. конф. 3–4 октября 1983 г. / Белорусский ун-т. – Минск, 1983. – С. 326–328.

процессуальных прав не означает уменьшения уголовно-процессуальных обязанностей. Возложение обязанности не уменьшает права. Между уголовно-процессуальными правами и обязанностями не должно быть «конкуренции», а должна проследиваться органическая связь. Не имеет значения тот факт, что уголовно-процессуальные права и обязанности не всегда возникают одновременно. Существует определенная последовательность их проявления. Иногда, чтобы иметь право, необходимо выполнить обязанность.

4. Уголовно-процессуальные права и обязанности не сливаются друг с другом. Главное различие между правами и обязанностями состоит в том, что за невыполнение обязанностей законом предусмотрены санкции. Уголовно-процессуальное право субъект может и не реализовать. Надлежащее осуществление прав и обязанностей предполагает прежде всего знание и понимание их участниками правоотношения. А это в свою очередь во многом зависит от того, как в законе сформулированы правомочия субъектов. Если права и обязанности отдельных участников уголовно-процессуальных отношений получили достаточно полное правовое регулирование, то этого нельзя сказать, например, в отношении обязанностей подозреваемого. Между тем, чем четче в законодательстве определены уголовно-процессуальные права и обязанности, тем надежнее будет гарантировано их осуществление.

СПРЭЧНЫЯ ПЫТАННІ ПРАВЯДЗЕННЯ ЭКСПЕРТЫЗЫ Ў КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ*

Экспертыза з'яўляецца адным з відаў навукова-тэхнічных сродкаў, якія выкарыстоўваюцца ў крымінальным судаводстве. У залежнасці ад таго, як закон рэгулюе назначэнне і правядзенне экспертызы, у многім залежыць эфектыўнасць правасуддзя. Кола пытанняў, рашаемых з дапамогай экспертных даследаванняў, пашыраецца, расце іх узровень. Але застаецца яшчэ шэраг праблем, якія патрабуюць вырашэння, паколькі маюць вялікае тэарэтычнае і практычнае значэнне.

У працэсе даказвання экспертыза выступае як адна з форм збірання і даследавання доказаў. Адсюль паўстае задача: вызначыць месца экспертызы ў сістэме крымінальна-працэсуальных дзеянняў.

Згодна з арт. 72 КПК БССР, экспертыза назначаецца ў выпадках, калі пры правядзенні даследавання, папярэдняга следства і пры судовым разборы неабходны спецыяльныя пазнанні ў навуцы, тэхніцы, мастацтве або рамястве. З сэнсу гэтай юрыдычнай нормы выцякае, што экспертыза – адзіная форма выкарыстання спецыяльных ведаў у крымінальным працэсе. На самай справе гэта не так. Пры раскрыцці злачынстваў, а таксама ў час судовага разгляду магчымы ўдзел асобы, якую закон імянуе спецыялістам. Нягледзячы на тое, што спецыяліст, як і эксперт, валодае спецыяльнымі ведамі ў навуцы, тэхніцы, мастацтве, або рамястве, яго роля некалькі іншая, чым у эксперта. Ён павінен аказаць дапамогу следчаму і суду пры іх працы з доказамі.

Акрамя названых форм, неабходнасць выкарыстання спецыяльных пазнанняў у крымінальным працэсе ўзнікае і ў іншых выпадках. У дзеючым КПК БССР няма агульнай нормы, якая вызначала б іх. Гэта – недахоп заканадаўчай тэхнікі і ён павінен быць ліквідаваны.

У арт. 75 КПК акрэслена, калі правядзенне экспертызы з'яўляецца абавязковым. Шляхам тлумачэння зместу норм гэтага артыкула можна прыйсці да вываду, што калі няма ў наяўнасці пералічаных у законе абставін, дык следства і суд могуць абысціся без экспертызы. Між тым, экспертыза неабходна для вырашэння ўсіх пытанняў, якія адносяцца да яе прадмету. Артыкул 75 КПК неабгрун-

---

* Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Сер.3. – 1990. – № 2. – С. 64–66.

тавана звужвае прымяненне арт. 72 КПК. Пры ўдасканаленні заканадаўства гэты аспект трэба мець на ўвазе.

Дзеючы крымінальна-працэсуальны закон пабудаваны так, што накіроўвае на правядзенне экспертызы менавіта ў стадыі папярэдняга следства: большасць норм, якія вызначаюць статус экспертызы, змешчана ў раздзелах, дзе гаворка ідзе аб дазнанні і папярэднім следстве. Артыкулы 291–293 КПК, існуючыя для вызначэння парадку правядзення экспертызы ў судзе, даслоўна паўтараюць некаторыя нормы гл. 17 КПК «Правядзенне экспертызы», або адсылаюць да нормаў гэтай главы. Такі падыход да заканадаўчай рэгламентацыі экспертызы адмоўна адбіўся на практыцы. Суд рэдка назначае яе правядзенне. Тады, калі яна неабходна, ён накіроўвае справу на дадатковае следства. Нормы КПК, рэгулюючыя правядзенне экспертызы, пажадана змясціць у агульнай частцы КПК, якая мае аднолькава важнае значэнне для дзейнасці на працягу ўсяго крымінальнага працэсу, а ў асобнай частцы трэба каб знаходзіліся дэталізуючыя нормы.

Сярод норм КПК найбольш важнае значэнне маюць нормы, якія вызначаюць кампетэнцыю эксперта. Паняцце «кампетэнцыя» эксперта адрозніваецца ад паняцця «кампетэнтнасць» эксперта.

Пад кампетэнцыяй эксперта трэба разумець сукупнасць яго правоў і абавязкаў, якія азначаны ў законе і рэалізуюцца пры следстве і разглядзе крымінальнай справы. Кампетэнтнасць эксперта – гэта здольнасць менавіта дадзенай асобы, валодаючай спецыяльнымі пазнаннямі, вырашаць пытанні, уваходзячыя ў прадмет экспертызы. Яна вызначаецца ўзроўнем ведаў эксперта. На практыцы могуць быць выпадкі, калі ў якасці эксперта выступаюць асобы, якія валодаюць кампетэнцыяй, але ўзровень іх ведаў у навуцы, тэхніцы, мастацтве або рамястве такі, што не дазваляе лічыць іх кампетэнтнымі. Кампетэнцыяй эксперта павінны надзяляцца толькі тыя асобы, якія валодаюць кампетэнтнасцю. Тым больш, што ў арт. 74 КПК сказана, што эксперт не можа прымаць удзел у справе «ў выпадку, калі выявіцца яго некампетэнтнасць». Адсутнасць гэтай нормы не давала б магчымасці ўдзельнікам працэсу заявіць адвод такому эксперту. Але ў гэтым пытанні заканадаўца не да канца паслядоўны, бо ў КПК няма нормы, якая давала б магчымасць выбраць эксперта зацікаўленаму ўдзельніку працэсу. Больш таго, у арт. 72 КПК сказана: «Экспертыза праводзіцца экспертамі адпаведных устаноў або іншымі спецыялістамі, назначанымі асобай, якая

праводзіць дазнанне, следчым, пракурорам і судом». Такім чынам, ініцыятыва ўдзельнікаў працэсу выключаецца.

Дзеючае заканадаўства недаацэньвае і саму значнасць экспертызы для пошукаў ісціны па разглядаемай справе. Зыходзячы са зместу арт. 72 КПК, правядзенне экспертызы магчыма толькі ў ходзе папярэдняга следства і судовага разбору крымінальнай справы. Гэта адмоўна адбіваецца на вырашэнні пастаўленых задач, паколькі застаюцца невыкарыстанымі працэсуальныя магчымасці нават таго суда, у абавязак якога ўваходзіць непасрэднае даследаванне доказаў. У прыватнасці, неабходнасць экспертызы можа ўзнікнуць у стадыі выканання прыгавору, асабліва пры вызначэнні фізічнага і псіхічнага становішча асуджанага. Заключэнне эксперта замяняецца заключэннем урачэбнай камісіі. Між тым, заключэнне ўрачэбнай камісіі не адносіцца да доказаў. Аб ім не ўпамінаецца ў арт. 63 КПК, дзе пералічаны ўсе магчымыя віды доказаў. І гэта натуральна. Заключэнне ўрачэбнай камісіі служыць іншым мэтам. Яно з'яўляецца адной з працэсуальных падстаў для разбору ў судзе некаторых пытанняў, звязаных з адбыццём пакарання. Калі суд сумняваецца ў кампетэнтнасці ўрачоў, тады назначэнне экспертызы выключаецца, бо ўзнікаюць цяжкія працэсуальнага характару: у КПК БССР няма нормы, якая прадугледжвала б правядзенне экспертызы на даным этапе крымінальна-працэсуальнай дзейнасці. У стадыях, дзе правяраецца законнасць і абгрунтаванасць прыгавораў, суд таксама не мае магчымасці прыняць рашэнне аб правядзенні экспертызы, бо засноўвае свае вывады толькі па наяўных у справе і дадаткова прадстаўленых матэрыялах. У юрыдычнай літаратуры існуе меркаванне аб неабходнасці пашырэння паўнамоцтваў суда касацыйнай інстанцыі і ўвядзенні элементаў апеляцыі¹. Трэба зазначыць, што ў многіх замежных краінах праверка законнасці і абгрунтаванасці прыгавораў, якія не ўступілі ў законную сілу, з'яўляецца апеляцыйным або касацыйна-апеляцыйным дзеяннем².

Згодна з крымінальна-працэсуальным заканадаўствам, у стадыі аддання пад суд вырашаецца пытанне не аб назначэнні экспертызы, а аб выкліканні эксперта для яго ўдзелу ў пасяджэнні, калі справа падляжыць судоваму разбору. Мэтай такога выклікання з'яўляецца

¹ Гл.: Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. С. 81–82; Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 120.

² Гл.: Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. М., 1978. С. 306.

допыт эксперта, які даваў заключэнне на папярэднім следстве і гэта заключэнне для ацэнкі судом патрабуе тлумачэння, у сувязі з ягонай няяснасцю або супярэчнасцю іншым доказам. Пры адсутнасці гэтых умоў суд можа абмежавацца толькі абвясчэннем заключэння эксперта. Калі экспертыза на папярэднім следстве не праводзілася, выкліканне эксперта будзе азначаць, па сутнасці, назначэнне экспертызы, што недапушчальна ў стадыі аддання пад суд. Для правядзення экспертызы ў судзе першы раз, трэба ў стадыі судавага разбору вынесці аб гэтым вызначэнне.

Выкліканне ў суд эксперта, даўшага заключэнне на папярэднім следстве, мэтазгодна ў выпадках, калі для ацэнкі абгрунтаванасці вывадаў эксперта, праверкі правільнасці прымянення ім канкрэтных метадык, прыведзеных у даследчай частцы заключэння, разлікаў і іншых, патрабуючых тлумачэння эксперта або дапаўнення заключэння фактаў. На жаль, у практыцы маюць месца неабгрунтаваныя выкліканні экспертаў у суд (напрыклад, толькі для пацвярджэння ў поўным аб'ёме данага ім раней заключэння). Для папярэджання неабгрунтаванага гублення часу эксперта суды павінны карыстацца пастановай Пленума Вярхоўнага Суда СССР «Аб судовай экспертызе па крымінальных справах», дзе сказана, што суд па хадайніцтву эксперта можа абмежаваць яго прысутнасць у судовым пасяджэнні часам, неабходным для даследавання доказаў, маючых адносіны да прадмету экспертызы¹.

Цэнтральным момантам правядзення экспертызы з'яўляецца афармленне яе вынікаў і накіраванне іх органу або асобе, назначыўшай экспертызу, а таксама ацэнка і далейшае выкарыстанне ў даказванні. Заява эксперта аб немагчымасці даць заключэнне не з'яўляецца доказам.

Заключэнне эксперта ацэньваецца судом, пракурорам, следчым або асобай, якая праводзіць даследаванне, па перакананню, заснаванаму на ўсебаковым, поўным і аб'ектыўным разглядзе ўсіх акалічнасцей справы ў іх сукупнасці, кіруючыся законам і сацыялістычнай правасвядомасцю. Для асоб, вядучых крымінальны працэс, заключэнне эксперта не з'яўляецца абавязковым, аднак нязгода з ім павінна быць матывавана. Асноўны цяжар пры ацэнцы заключэння эксперта ўзнікае, калі вызначаецца яго навуковая годнасць. Эксперт павінен дзейнічаць у межах сваёй кампетэнцыі і кампетэнтнасці. Парушэн-

¹ Гл.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.). М., 1987. С. 793.

не іх прывядзе да ліквідацыі гэтага віду доказаў. Такое становішча можа скласціся ў наступных выпадках: дача заключэння асобай, якая не з'яўляецца спецыялістам у данай галіне ведаў; выхад эксперта пры правядзенні ім даследаванняў за межы сваіх ведаў, калі ён: не валодаючы кампетэнтнасцю, праводзіць даную экспертызу; умешваецца ў вобласць спецыяльных пазнанняў другога эксперта; вырашае пытанні права; прыходзіць да вынікаў, заснаваных на лагічных розумазаключэннях, якія не адносяцца да вынікаў прымянення спецыяльных ведаў; даследуе аб'ект экспертызы пры адсутнасці існуючых метадык, ідзе ў сваіх даследаваннях далей, чым дазваляе сучаснае становішча данай галіны ведаў; самастойна збірае матэрыялы для даследавання.

Экспертыза, праведзеная экспертам не адпаведнай спецыяльнасці, не можа з'яўляцца доказам па справе. Менавіта таму, патрабуецца ўстанавіць: ці сапраўды эксперт валодае спецыяльнымі пазнаннямі ў патрабуемай галіне ведаў. Ацэнка кампетэнтнасці эксперта не абмяжоўваецца толькі канстатаваннем наяўнасці ў яго адпаведнай адукацыі. Яна ідзе далей: следчы, пракурор і суд павінны вызначыць як агульную, так і вузкую спецыяльнасць эксперта. Мала ўстанавіць, напрыклад, што заключэнне дадзена экспертам-крыміналістам, трэба таксама выявіць вобласць яго спецыялізацыі (трасалогія, балістыка і г. д.).

У сваім заключэнні эксперт можа прыйсці да розных вынікаў і даць катэгарычнае або верагоднае заключэнне. Як ставіцца да верагодных заключэнняў эксперта? Ці могуць яны з'яўляцца доказамі па справе?

Пазнанне ісціны ў крымінальным працэсе – пераважна інфармацыйная з'ява. Яе каштоўнасць вызначаецца праз прырост ступеняў верагоднасці даказваемых акалічнасцей па справе, пераход ад верагодных ведаў да пэўных. Напрыклад, на месцы крадзяжу знайдзены фрагмент сляда пальца і па маючым даным эксперт не можа даць катэгарычнае заключэнне, што адбітак зроблены менавіта гэтым чалавекам, а не іншым. Аднак даследаванне робіць такі вывад вельмі верагодным, што можа сведчыць аб магчымай прыналежнасці нейкай асобы да злачынства.

Верагодныя заключэнні экспертаў па сваёй лагічнай характарыстыцы і даказальнай сіле не адрозніваюцца ад ускосных доказаў, якія шырока выкарыстоўваюцца пры следстве і судовым разборы крымінальнай справы і маюць даказальнае значэнне, калі падмацо-

ўваюцца сістэмай іншых доказаў.

Акрамя «чыста даказальнага» значэння, верагодныя заключэнні эксперта могуць выкарыстоўвацца для вылучэння следчых і судовых версій, ацэнкі другіх доказаў, пошукаў новых фактычных даных, а таксама з'яўляцца асновай для назначэння комплексных і камісійных экспертыз.

У арганізацыйным плане рашэнне праблемы паляпшэння якасці экспертызы павінна забяспечвацца пастаянным удасканаленнем сістэмы дзяржаўных экспертных устаноў і павышэннем узроўню падрыхтоўкі судовых экспертаў. Дзяржаўную сістэму экспертных устаноў трэба развіваць шляхам уключэння ў яе новых відаў экспертызы, а таксама аптымізацыі тых, што праводзяцца.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ*

1. Эффективность осуществления правосудия по уголовным делам обуславливается рядом факторов: уровнем развития и применения судом норм права; особенностями личности судей и народных заседателей; качеством уголовно-процессуальной деятельности, предшествующей судебной; наличием социально-экономических гарантий, необходимых для отправления правосудия, и обеспечиваемых деятельностью всех государственных органов и общественных организаций; использованием в судопроизводстве достижений науки и техники.

2. Экспертиза является одним из видов научно-технических средств, используемых в уголовном судопроизводстве. Она представляет собой тот канал, через который происходит внедрение достижений естественных и технических наук в следственную и судебную практику. В зависимости от совершенства правового регулирования вопросов назначения, проведения и оценки экспертных исследований, применения экспертом в своей деятельности подлинно научных положений, а также организации экспертной службы, во многом определяется эффективность правосудия по уголовным делам.

3. К компетенции эксперта относятся вопросы, решение которых требует специальных познаний. В каждом конкретном уголовном деле органы предварительного расследования и суд определяют характер таких вопросов. Вместе с тем, в уголовно-процессуальном законе перечислены случаи, когда экспертиза непременно должна быть проведена. В практической деятельности органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, наблюдаются крайности в экспертизе. В одних случаях, она проводится тогда, когда для выяснения обстоятельств дела не требуются специальные познания, а в других – ею пренебрегают, хотя необходимость ее проведения прямо предусмотрена законом.

4. Исходя из смысла ст. 72 УПК БССР, проведение экспертизы возможно только в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Такое ограниченное применение экспертных исследований отрицательно сказывается на решении за-

---

* Роль судебной экспертизы в социалистическом правовом государстве: Тезисы науч.-практ. конф. /Мин-во юстиции БССР, НИИСЭ. – Минск, 1989. – С. 67–71.

дач уголовного процесса, поскольку остаются не использованными процессуальные возможности даже того суда, в обязанность которого входит непосредственное исследование доказательств. Так, необходимость в экспертизе может возникнуть в стадии исполнения приговора, в особенности для определения физического и психического состояния осужденного. Заключение врачебной комиссии, в отличие от заключения эксперта, служит иным целям. Оно является одним из процессуальных оснований для рассмотрения в суде некоторых вопросов, связанных с отбыванием наказания. Если суд усомнился в подлинности этого документа, либо убедился в некомпетентности врачей, то в вопросе назначения экспертизы у суда возникают трудности процессуального характера. В стадиях, предназначенных для проверки законности и обоснованности приговоров, суд вовсе лишен возможности принимать решение о проведении экспертизы, поскольку он основывает свои выводы лишь на имеющихся в деле и дополнительно представленных материалах.

5. Действующий уголовно-процессуальный закон сконструирован так, что нацеливает на проведение экспертизы именно в стадии предварительного расследования: большинство норм, касающихся данного процессуального действия, помещено в разделах, регулирующих дознание и предварительное следствие. Статьи 291–293 УПК, предназначенные для определения порядка проведения экспертизы в суде, либо повторяют положения гл. 17 УПК «Производство экспертизы», либо содержат отсылочность к нормам этой главы УПК БССР диспозиции. Такой подход к законодательной регламентации экспертизы сказался на практике ее применения. Суд редко назначает проведение экспертизы. Там, где она необходима, он вносит определение о направлении дела на дополнительное расследование.

6. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству в стадии предания суду решается вопрос не о назначении экспертизы, а о вызове эксперта. Цель такого вызова состоит в допросе эксперта, который давал заключение в стадии предварительного расследованиями это заключение для надлежащей оценки судом требует разъяснения ввиду его неясности или противоречия другим доказательствам. При отсутствии этих условий суд может ограничиться оглашением заключения эксперта. Если экспертиза в стадии предварительного расследования не проводи-

лась, то вызов эксперта будет означать по существу назначение экспертизы, что недопустимо в стадии предания суду. Для проведения экспертизы в суде впервые по данному уголовному делу надо в стадии судебного разбирательства вынести об этом определение суда.

7. Экспертные исследования проводятся после вынесения судом определения о назначении экспертизы. В зависимости от вида экспертизы, она может проводиться как непосредственно в суде, так и в ином месте, но в любом случае эксперт должен подготовить письменное заключение, которое оглашается в судебном заседании. Допрос эксперта не является обязательным и проводится при необходимости разъяснить содержание заключения эксперта. Если для производства экспертизы потребуются длительное время, то слушание дела откладывается до получения судом заключения эксперта.

8. Оценка заключения эксперта включает два момента: оценка тех фактических данных, которые изложены в заключении, и оценка источника доказательств, то есть самого эксперта. Она состоит: в анализе соблюдения процессуального порядка подготовки, назначения и проведения экспертизы, в научной обоснованности проведенного экспертом исследования; в квалификации эксперта; в сравнительном анализе заключения эксперта с иными доказательствами по уголовному делу. Главным при оценке заключения эксперта является определение компетенции и компетентности лица, проводившего экспертизу. Под компетенцией эксперта надо понимать тот круг вопросов, которые относятся к данному виду экспертизы. Компетентность эксперта состоит в способности именно данного лица, обладающего специальными познаниями, решить возникшие вопросы. Она определяется уровнем знаний, которыми он располагает.

9. Значимость экспертизы в уголовном процессе связана с решением проблем ее правового регулирования. Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства необходимо связывать с размещением в общей части УПК всех норм, регулирующих производство экспертизы в уголовном процессе, безотносительно к его стадиям. В стадии предания суду должна быть предоставлена возможность назначения экспертизы. Это не будет противоречить юридической природе данной стадии, поскольку здесь речь идет не о самом проведении экспертных ис-

следований, а о подготовке к ним. Только в этом случае в суд можно будет вызвать именно эксперта, а не какое-то неопределенное лицо, обладающее специальными познаниями. Возможность проведения экспертизы в стадиях, существующих для проверки законности и обоснованности приговоров, зависит от решения более общего вопроса: будут ли допущены в советский уголовный процесс элементы апелляционного производства.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ*

Эффективность деятельности по расследованию и рассмотрению уголовных дел во многом зависит от надлежащего использования научно-технических средств. Проведение экспертизы в уголовном процессе представляет собой один из путей внедрения достижений естественных и технических наук в следственную и судебную практику.

В юридической литературе понятие экспертизы толкуется по-разному. Одни авторы рассматривают экспертизу как специальное исследование, а другие считают, что это процессуальное (следственное или судебное) действие. По мнению И.Л. Петрухина, экспертиза – это осуществляемое в установленной законом процессуальной форме исследование вещественных доказательств и других выявленных при расследовании уголовного дела материалов и объектов, которое проводится по поручению суда (прокурора, органа расследования) лицами, сведущими в науке, технике или других специальных отраслях знания, и составление обоснованного заключения по специальным вопросам, возникающим при расследовании или судебном рассмотрении уголовного дела [1]. А.Р. Шляхов называет экспертизу процессуальным действием, состоящим в исследовании обстоятельств дела, проводимом по поручению следователя или суда лицом, сведущим в науке, технике, искусстве или ремесле, для установления фактических данных в форме заключения эксперта [2]. Оба эти определения совпадают в содержательном плане, различие между ними состоит в оценке статуса экспертизы в системе уголовного процесса.

Какие же основы заложены в действующем законодательстве для определения положения экспертизы в уголовном процессе?

Нормы Общей части УПК неоднородны по своему содержанию. Среди них есть нормы-задачи, нормы-принципы, нормы-презумпции, нормы-дефиниции, статусные нормы и др. Все они имеют фундаментальное значение и подлежат детализации в Особой части УПК. В системе норм, регулирующих деятельность, связанную с производством экспертизы, имеются нормы, обладающие разной степенью общности. Наиболее общий характер носят

---

* Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – Минск, 1992. – Вып. 9. – Ч. II (окончание). – С.126–133.

нормы, определяющие статус экспертизы и эксперта в уголовном процессе. Статусные нормы служат для определения места экспертизы в системе процессуальных (следственных и судебных) действий, прав и обязанностей эксперта. Причем эти нормы определяют ее постоянный статус. Они подлежат детализации применительно к конкретным стадиям уголовного процесса.

В ст. 72 УПК БССР сказано: «Экспертиза производится экспертами соответствующих учреждений либо иными специалистами, назначенными лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом». Исходя из смысла этой нормы можно сделать вывод, что, по мнению законодателя, экспертиза – это специальное исследование. При таком подходе остается неясным, к чему относится эта деятельность по назначению – к допросу, очной ставке, освидетельствованию или другим процессуальным (следственным или судебным) действиям она явно не относится. Изолированное ее существование бессмысленно. Нужна деятельность в ее продолжение, которой будет непосредственное исследование объектов материального мира лицом, обладающим специальными познаниями.

Экспертиза при расследовании и рассмотрении уголовных дел – многоаспектное явление, включающее в себя процессуальную и непроцессуальную деятельность. Закон определяет лишь основания и порядок проведения экспертизы. Что касается самого хода экспертного исследования, путей и средств для разрешения поставленных задач, то эксперт выбирает их сам, используя при этом имеющиеся у него специальные познания.

Проведение экспертизы невозможно обеспечить только деятельностью эксперта или лиц, ведущих уголовный процесс. Судебная экспертиза в уголовной процессе может состояться благодаря их совместной или поэтапной деятельности. Г.М. Надгорный правильно отмечает, что «экспертиза для следователя (суда) в отличие от некоторых других следственных (судебных) действий является опосредствующим средством доказывания. Если установление обстоятельств дела путем, например, осмотра производится непосредственно самим следователем или судом, то при производстве экспертизы между подлежащими исследованию объектами (обстоятельствами) и следователем (судом) появляется дополнительное звено – эксперт, который и выступает в качестве непосредственного субъекта познания» [3]. Экспертиза – это процессуальное (следственное или судебное) действие, состоящее в исследовании обсто-

ятельств дела лицом, обладающим специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, по поручению компетентных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, результаты которого оформляются в виде заключения эксперта.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство недооценивает значимость экспертизы для установления истины по уголовному делу. Согласно ст. 72 УПК БССР, проведение экспертизы возможно только в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Такое ограниченное применение экспертных исследований отрицательно сказывается на решении задач уголовного процесса, поскольку остаются неиспользованными процессуальные возможности даже того суда, в обязанность которого входит непосредственное исследование доказательств. В частности, необходимость в экспертизе может возникнуть в стадии исполнения приговора, в особенности при определении физического или психического состояния осужденного. Заключение эксперта заменяется заключением врачебной комиссии, между тем статус этих документов неодинаков: заключение эксперта – источник доказательств, заключение врачебной комиссии является одним из процессуальных оснований для рассмотрения в суде некоторых вопросов, связанных с отбыванием наказания. Если суд усомнился в компетентности врачей, то при назначении экспертизы у него возникнут трудности процессуального характера. В стадиях, предназначенных для проверки законности и обоснованности приговоров, определений и постановлений, суд также лишен возможности принимать решения о проведении экспертизы, поскольку основывает свои выводы лишь на имеющихся в деле или дополнительно представленных материалах, выходом из создавшегося положения может послужить преобразование кассационного производства в апелляционное. Анкетирование судей БССР показало, что 68% народных судей и 28% судей, проверяющих законность и обоснованность судебных актов, считают, что предоставление суду возможности осуществлять непосредственное исследование доказательств в стадии кассационного производства явилось бы эффективным средством повышения эффективности правосудия.

Согласно действующим уголовно-процессуальным нормам, в стадии предания суду решается вопрос не о назначении экспертизы, а о вызове эксперта. Целью такого вызова является допрос эксперта, который давал заключение в стадии предварительного расследова-

ния, но оно ввиду неясности или противоречия другим доказательствам требует разъяснения для надлежащей оценки судом. При отсутствии этих условий суд может ограничиваться оглашением заключения эксперта. Если экспертиза в стадии предварительного расследования не проводилась, то вызов эксперта будет означать, по существу, назначение экспертизы, что недопустимо в стадии передачи суду. Для проведения экспертизы в суде впервые по данному уголовному делу необходимо в стадии судебного разбирательства вынести об этом определение суда.

Вызов в суд эксперта, давшего заключение на предварительном следствии, целесообразен в случаях, когда для оценки обоснованности выводов эксперта, проверки правильности применения им конкретных методик, расчетов и иных данных требуются разъяснения эксперта или дополнения заключения. Нет необходимости вызывать эксперта для подтверждения в полном объеме данного им ранее заключения.

УПК союзных республик сконструирован так, что нацеливает на проведение экспертизы именно в стадии предварительного расследования: большинство норм, касающихся данного процессуального действия, помещено в разделе «Дознание и предварительное следствие». Так, статьи 291–293 УПК БССР, предназначенные для определения порядка проведения экспертизы в судах, либо повторяют положения гл. 17 УПК БССР, которая носит название «Производство экспертизы», либо отсылают к нормам этой главы. Такой подход к правовой регламентации экспертизы в уголовном процессе отрицательно сказался на практике ее применения. Суд редко назначает проведение экспертизы, там, где она необходима, он выносит определение о направлении дела на дополнительное расследование. Обобщение практики производства судебной экспертизы по делам, рассматриваемым народными судами г. Минска за 1986–1987 гг., показало, что только по одному уголовному делу экспертиза проводилась в суде. Вследствие этого нормы УПК, регулирующие производство экспертизы, желательно поместить в Общей части УПК, которая имеет одинаково важное значение для деятельности во всех стадиях уголовного процесса.

В ст. 72 УПК БССР сказано, что экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле, а в ст. 75 УПК

перечислены случаи, при наличии которых проведение экспертизы обязательно. Следует отметить, что в УПК союзных республик нет единообразия в выборе оснований, при наличии которых проведение экспертизы обязательно. Так, статья 79 УПК РСФСР предписывает ее проведение для установления причин смерти и характера телесных повреждений, психического состояния обвиняемого или подозреваемого, психического или физического состояния свидетеля или потерпевшего, возраста обвиняемого, подозреваемого или потерпевшего. Статья 75 УПК БССР добавляет к этому еще по делам о половых преступлениях, установление половой зрелости потерпевших, но не содержит указания относительно обязательного проведения экспертизы для установления психического или физического состояния свидетеля или потерпевшего. УПК Азербайджанской ССР предусматривает обязательное проведение экспертизы для проверки оспариваемых обвиняемым документов ревизии, произведенной без его участия, если эти результаты послужили основанием к возбуждению уголовного дела (ст. 73 УПК Азербайджанской ССР). УПК Казахской ССР, наоборот, сократил по сравнению с другими УПК перечень случаев обязательного назначения экспертизы. Такой разницей невозможно объяснить национальными, историческими или иными особенностями союзных республик. Учитывая, что возможности судебной экспертизы в уголовном процессе возрастают, в общесоюзном уголовно-процессуальном законодательстве необходимо сформулировать исходную норму, которая служила бы ориентиром для законотворчества союзных республик.

Сопоставление содержания статей 72 и 75 УПК БССР приводит к выводу, что обязательное проведение экспертизы необходимо лишь при наличии оснований, указанных в законе. В остальных случаях назначение экспертизы зависит от усмотрения компетентных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс. Не возражая против такого подхода в решении вопроса о необходимости судебной экспертизы, следует отметить, что распределение нормативного материала об этом в действующем УПК не является удачным. Логичнее было бы вначале определить статус экспертизы, а затем статус эксперта.

Научно-технический прогресс способствовал использованию в уголовном процессе кроме названных в УПК дополнительной и повторной экспертизы еще и комплексной. Проведение комплексной экспертизы в большинстве УПК союзных республик не предусмотрено. Правда, о возможности ее назначения в уголовном процессе говорится

в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», где отмечается, что в необходимых случаях, когда установление того или иного обстоятельства выходит за пределы компетенции одного эксперта, может быть назначено проведение ряда исследований, осуществляемых несколькими экспертами на основе использования разных специальных познаний. При этом эксперты вправе составить совместное заключение, в котором должно быть указано, какие исследования провел каждый эксперт, какие факты он лично установил и к каким пришел выводам. Каждый эксперт может подписать общее заключение либо ту часть его, которая отражает ход и результаты проведенных им лично исследований [4].

Следует иметь в виду, что руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР относятся к сфере юридической практики, выступают результатом правоприменительной, а не правотворческой деятельности. В отличие от норм права, являющихся выражением воли законодателя, руководящие разъяснения, хотя и обладают значительной степенью обобщенности, в меньшей мере способны воздействовать на процесс регулирования общественных отношений. Для их наличия необходимы нормы права. Анкетирование народных судей БССР показало, что на вопрос, как они относятся к руководящим разъяснениям Пленума Верховного Суда СССР при осуществлении правосудия по уголовным делам, 19% судей ответило, что ссылаются на них в приговорах; 140 – в определениях; 1 – в постановлениях; 38 – не ссылаются, поскольку ничего нового по сравнению с законом они не содержат; 26 – не ссылаются из-за того, что на этот счет не было указаний вышестоящих инстанций; 2% – не ссылаются, так как не согласны с разъяснениями.

В.И. Леушин считает, что постановления пленума Верховного Суда СССР выступают основанием для вынесения решения по делу и на них, наряду с законом, необходимо делать ссылку. Отдавая должное самой попытке поднять престиж постановления Пленума, нельзя согласиться с намерением уравнивать их с законом. Ставить в один ряд сам закон и его уточнения, данные Верховным Судом СССР, нельзя, поскольку в пределах одного и того же закона можно дать разные, по существу, руководящие разъяснения. Не случайно комплексная экспертиза в практике следственных органов и суда встречается редко.

В ст. 76 УПК БССР сказано: «Если эксперты одной специальности придут к общему заключению, последнее подписывается всеми

экспертами. В случае разногласия между экспертами каждый эксперт дает свое заключение отдельно». Из этой нормы вытекает, что подготовка общего заключения экспертами разных специальностей противоречит закону. Г.М. Надгорный считает, что нет необходимости указывать в УПК о возможности назначения комплексной экспертизы, поскольку в настоящее время решение познавательных задач путем использования данных из разных отраслей знаний – общепризнанная форма научной деятельности, а достаточно лишь исключить из УПК формулировку, из которой следует недопустимость подписания совместного заключения экспертами разных специальностей [6, 7].

В законе необходимо отразить не только то, как составляется заключение экспертов разных специальностей, но и условия, при которых возможно проведение комплексной экспертизы. Иначе правовое регулирование данной системы общественных отношений не будет носить заверченный характер. Ведь специфические черты комплексной экспертизы состоят не только в ее процессуальной природе, но и в предметной сущности. Формулировка общего вывода всеми экспертами – это наиболее желательная ситуация, однако она не всегда реализуема. Производство комплексной экспертизы не должно обезличивать деятельность экспертов, исключать их персональную ответственность. Этого можно достичь указанием в заключении на лицо, выполнившее то или иное исследование. При этом ч. 2 ст. 76 УПК БССР могла бы приобрести такое содержание: «При назначении для производства экспертизы нескольких экспертов они до дачи заключения совещаются между собой. Если эксперты придут к общему заключению, последнее подписывается всеми экспертами. В случае разногласий между экспертами каждый эксперт дает свое заключение отдельно». Норма, регулирующая производство комплексной экспертизы, должна быть помещена среди норм, определяющих условия проведения дополнительной и повторной экспертизы. Все эти нормы следует разместить в ч. 2 ст. 72 УПК, а ст. 77 УПК БССР исключить.

Литература

1. Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. – М., 1964.
2. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. – М., 1979.
3. Надгорный Г.М. Понятие судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1984. – Вып. 29.
4. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.). – П., 1987.

5. Леушин В.И. Структура юридической практики // XXVII съезд КПСС и развитие теории государства и права. – Свердловск, 1987.
6. Надгорный Г.М. Об избыточной процессуальной регламентации судебной экспертизы в уголовном процессе // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1989. – Вып. 39.
7. Там же. – С. 19.

ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ*

1. Заключение эксперта, как и любое доказательство по уголовному делу, подлежит тщательной оценке лицами, ведущими уголовный процесс. Оно не обладает какими-либо преимуществами перед другими доказательствами и оценивается на общих основаниях. Законом установлено, что заключение эксперта не является обязательным для лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, однако несогласие их с заключением должно быть мотивировано (ст.76 УПК БССР). Такая формулировка закона в теории и практике уголовного процесса иногда расценивается как необходимость придавать особо важное значение заключению эксперта и оценивать его, используя своеобразие правила. Между тем, необходимо учитывать, что уголовно-процессуальное законодательство содержит требование, согласно которому при обосновании выводов по делу обязательно указывать не только доказательства, положенные в основу принимаемого решения, но и мотивы, по которым были отвергнуты другие доказательства (ст. 316 УПК). Вместе с тем, норму, положенную в ст. 76 УПК нельзя признать излишней, поскольку заключение эксперта является результатом применения специальных знаний, и законодатель, в связи с этим, счел необходимым подчеркнуть, что несогласие должностных лиц, оценивающих данное доказательство, должно быть мотивировано.

2. Как и любое доказательство по уголовному делу, заключение эксперта состоит из фактических данных и источника этих фактических данных. Вследствие этого оценке подвергаются не только конечные выводы эксперта, но и доказательство в целом. Заключение эксперта оценивается на предмет относимости фактических данных к делу и допустимости служить средством уголовно-процессуального доказывания, т.е. оцениваются содержание фактических данных и форма их получения. Оценка заключения эксперта включает в себя: 1) анализ соблюдения процессуального порядка подготовки, назначения и проведения экспертизы, а также последствия нарушения правил, если они были допущены; 2) анализ соответствия заключения эксперта заданию; 3) оценка научной обоснованности проведенного экспертом исследования; 4) анализ заключения эксперта на предмет его полноты,

---

* Вопросы судебной экспертизы в практике правоохранительных органов БССР: Тезисы докл. науч.-практ. конф. /Мин-во юстиции БССР, НИИСЭ, Белорусский ун-т. – Минск, 1985. – С. 23–25.

всесторонности и объективности; 5) оценка квалификации эксперта; б) сравнительный анализ оценки заключения эксперта с иными доказательствами по уголовному делу.

3. В заключении эксперта могут содержаться выводы, носящие вероятный характер. Хотя они не могут быть положены в основу принимаемого решения, однако это не означает, что предположительные выводы вовсе не требуют оценки лицами, на которые возложена обязанность доказывания. Из числа окончательных вероятных выводов доказательственное значение могут иметь некоторые промежуточные, предшествующие конечному в данном заключении эксперта выводу. Иное решение вопроса на практике может привести к натяжкам со стороны эксперта в ту или другую сторону, что затруднит установление объективной истины. Вероятные выгоды эксперта могут послужить ценной информацией для отыскания новых доказательств.

4. Оценка заключения эксперта представляет собой мыслительную деятельность лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, отдельные стороны которой урегулированы нормами уголовно-процессуального права. Заключение эксперта оценивается по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном его рассмотрении. В ст. 17 Основ уголовного судопроизводства указывается, что лица, ведущие процесс, оценивают доказательства руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Такую формулировку нельзя признать точной, поскольку в ней правосознанию придаются несвойственные ему качества. По своему существу правосознание является компонентом права. Кроме того не исключается, что под предлогом социалистического правосознания может необоснованно расширяться база для субъективного усмотрения должностных лиц. Хотя при производстве по уголовному делу усмотрение лиц, на которых лежит обязанность доказывания, неизбежно, поскольку все общественные отношения не могут быть урегулированы правом, однако усмотрение их должно находиться в пределах системы норм права. Поэтому в ст. 17 Основ следует исключить указание на необходимость руководствоваться при оценке доказательств социалистическим правосознанием. Оценка доказательств должна производиться только на основе закона.

ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ*

Оперативно-розыскная деятельность может носить как гласный, так и негласный характер. При осуществлении гласной оперативно-розыскной деятельности лицо, интересы которого затрагиваются, осведомлено о соответствующем оперативно-розыском мероприятии. Негласная оперативно-розыскная деятельность предполагает, что лицо, в отношении которого она проводится, не знает и не должно знать о ней. Об этом осведомлен лишь сотрудник оперативного подразделения, его начальник, а также прокурор при условии, если на ограничение конституционных прав и свобод человека требуется его санкция. О проводимом негласном оперативно-розыском мероприятии в определенной мере может также знать оперативный сотрудник, внедренный в организованную группу в качестве агента, и лицо, конфиденциально сотрудничающее с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, виды которых и порядок проведения определены в нормативно-правовых актах. К оперативно-розыскным мероприятиям относятся: 1) опрос граждан; 2) наведение справок; 3) сбор образцов для сравнительного исследования; 4) проверочная закупка; 5) исследование предметов и документов; 6) наблюдение; 7) отождествление личности; 8) обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; 9) слуховой контроль; 10) контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; 11) прослушивание телефонных переговоров; 12) снятие информации с технических каналов связи; 13) оперативное внедрение; 14) контролируемая поставка; 15) оперативный эксперимент (ст. 11 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» от 9 июля 1999 г.).

По своему содержанию оперативно-розыскные мероприятия схожи со следственными действиями. Например, обследование зданий, сооружений, транспортных средств напоминает обыск, а отождествле-

---

* Політика в сфері боротьби зі злочинністю: актуальні проблеми сьогодення: матеріали Всеукраїнської науково-практичної/ конференції / 25–26 лютого 2011 року. – Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, 2011. – С. 21–22.

ние личности – предъявление для опознания. Оперативно-розыскные мероприятия являются как бы суррогатом следственных действий. Они представляют собой тот резерв, без которого невозможно расследовать некоторые преступления.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, оформляют дела оперативного учета, порядок ведения которых определяется ведомственными нормативными актами. Эти дела образуют своего рода параллель по отношению к уголовным и содержат сведения о проведенных оперативно-розыскных мероприятиях, которые оформляются в виде протоколов, справок, рапортов, меморандумов (обзорных справок, включающих сведения обобщающего и аналитического характера).

Оперативно-розыскные мероприятия способствуют получению сведений, которые Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» называет «результаты» (ст. 15, 16, 17 и др.), но не разъясняет смысл этого понятия.

В УПК Республики Беларусь 1999 г. нет единообразия в наименовании результатов оперативно-розыскной деятельности. В одних случаях их называют «материалы» (ст. 101), в других – «предметы и документы» (ст. 103). Важно то, что новый УПК признал использование оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе, ее значимость в доказывании.

«Результаты» оперативно-розыскной деятельности – обобщенное понятие. Следует установить, в каких формах они будут применяться в уголовном процессе. В ч. 3 ст. 16 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» уточнено, что используются именно «данные о результатах оперативно-розыскной деятельности», которые и есть «доказательства» в оперативно-розыском смысле. Понятие же доказательств в уголовно-процессуальном смысле закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве. В статье 88 УПК Республики Беларусь сказано: «Доказательствами являются любые фактические данные».

В УПК проведено различие в процедуре включения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс. Оно состоит в том, что «предметы и документы», изъятые в ходе оперативно-розыскных мероприятий, приобщаются к уголовному делу путем вынесения следователем постановления. Они имеют самостоятельное значение в доказывании и используются наряду с теми источниками доказательств, которые названы в ч. 2 ст. 88 УПК, и не требуют превращения их в источники доказательств путем проведения следствен-

ных действий. Сама процедура их приобщения и есть самостоятельное уголовно-процессуальное действие. В отличие от «предметов и документов» «материалы», полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, должны быть подтверждены следственными действиями, хотя в законодательстве не определено, какие документы должны оформляться в данном случае. В статье 15 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» лишь сказано, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут заводить дела оперативного учета, порядок ведения которых определяется ведомственными нормативными актами.

Результаты оперативно-розыскной деятельности представляются органу дознания, следователю, прокурору на основании постановления органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в котором должны содержаться следующие сведения: время и место его вынесения; основания представления результатов оперативно-розыскной деятельности со ссылкой на соответствующие нормы права; результаты какого оперативно-розыскного действия и в каком объеме представляются; через какой источник доказательств эти результаты предпочтительнее было бы включить в уголовный процесс; меры, которые в случае необходимости следует предпринять для обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Суд не вправе требовать представления результатов оперативно-розыскной деятельности, и при ускоренном производстве по уголовному делу (при котором обычное дознание и предварительное следствие не осуществляются) суд рассматривает лишь материалы органов дознания, поскольку сама природа ускоренного производства предполагает факт очевидности преступления, когда известно лицо, совершившее преступление, и оно не отрицает своей вины.

В стадии судебного разбирательства стороны не могут ходатайствовать перед судом об истребовании результатов оперативно-розыскной деятельности. Ведь они не знают, какими результатами эти органы располагают, а разрешение ходатайства о «представлении доказательств» связано с конкретным указанием о том, что собой представляет предполагаемое доказательство и у кого оно находится.

Оперативно-розыскная деятельность по уголовному делу должна вестись до представления прокурором уголовного дела в суд, а в случае, если дело будет приостановлено судом, она может возобновляться.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ*

Расследование преступлений нередко сопровождается значительными трудностями познавательного характера, возможным противодействием нормальному ходу уголовного процесса. Но независимо от особенностей уголовного дела следователь осуществляет функцию обвинения и на нем лежит обязанность доказывания обстоятельств, связанных с общественно опасным деянием. Для полноты предмета доказывания ст. 90 УПК Республики Беларусь предусматривает обязанность следователя выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, установив которые и обнаружив нарушения закона, он вправе внести в соответствующие организации или должностному лицу представление о принятии мер по их устранению (ст. 199 УПК). Это означает, что, во-первых, следователь должен выявить нарушения закона, приведшие к преступлению; во-вторых, установить причины и условия, способствовавшие совершению преступления; в-третьих, подготовить уголовно-процессуальный документ под названием «Представление», в котором предписать должностному лицу или организации, которым оно адресуется, принять меры к устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления. Согласно ст. 199 УПК представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его получения.

В УПК Республики Беларусь не определена структура этого уголовно-процессуального документа, которому придается важное практическое значение. В Российской Федерации такая попытка предпринималась в виде закрепления в УПК официального бланка названного документа (Приложение № 165 к ст. 476 УПК РФ), однако она не увенчалась успехом, поскольку согласно федеральному закону от 5 июня 2007 г. № 87–73 гл. 57 УПК РФ «Перечень бланков процессуальных документов» утратила силу.

Ввиду того, что УПК относит представление профилактиче-

---

* Проблемы борьбы с преступностью и подготовка кадров для правоохранительных органов: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус, науки (Минск, 21 января 2011 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под ред. В.Б. Шабанова. - Минск: Академия МВД, 2011. - С. 164-165.

ского характера к уголовно-процессуальным документам, логично предположить, что, как и все документы такого рода, оно должно состоять из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей. Обобщение материалов практики подготовки следователем представлений профилактического характера показывает, что в их содержании не всегда четко прослеживается каждый из элементов его структуры. Что касается рекомендуемых мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления, то они бывают неконкретными либо невыполнимыми из-за завышенных требований к возможностям тех, кому они адресованы. Проблема, однако, состоит в том, что изложенные в УПК рассматриваемые полномочия следователя, направленные на предупреждение новых преступлений, не соответствуют природе деятельности следователя по предварительному расследованию преступлений.

Деятельность следователя по внесению в соответствующие организации или должностному лицу представлений об устранении нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступлений (ст. 199 УПК), напоминает прокурорский надзор прежде всего по названию уголовно-процессуального документа. Но не только. Согласно ст. 4 закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» прокурор осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законодательства в различных сферах деятельности и за различными организациями, должностными лицами и иными гражданами. В случае обнаружения нарушений законодательства прокурор должен внести в соответствующую организацию или должностному лицу акт прокурорского реагирования, который в ст. 38 закона «О прокуратуре Республики Беларусь» именуется «Представление». Конечно, основания для внесения такого юридического документа у прокурора и следователя могут не совпадать. Следователь вносит представление при производстве по уголовному делу, когда уже совершено преступление, прокурор же вправе внести представление, согласно современному законодательству, не только в этом случае, но и при любом обнаруженном нарушении закона, еще не приведшем к преступлению. При этом ни прокурор, ни следователь не вправе вмешиваться в хозяйственную или распорядительную деятельность соответствующих организационных структур и предлагать, например, учредить или ликвидировать соответствующие должности или рабочие места, произвести закупку товаров для ремонта и т. п.

Анализируя деятельность следователя по внесению представлений об устранении нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления, необходимо помнить, что в результате рассмотрения уголовного дела суд может вынести оправдательный приговор на том, например, основании, что отсутствовало событие преступления. В таком случае представление следователя, как уголовно-процессуальный документ, предусмотренный ст. 199 УПК, будет и вовсе незаконным. К слову сказать, УПК не предусматривает возможности обжалования представлений следователя профилактического характера.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ*

В Республике Беларусь следователи являются должностными лицами органов прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности и финансовых расследований. В их компетенцию входит предварительное следствие по уголовным делам, правила подследственности которых определены в ст. 182 УПК (1999 г.) Республики Беларусь. Независимо от ведомственной принадлежности следователи обладают одинаковыми полномочиями, основой которых является самостоятельность при принятии решений о производстве по уголовному делу.

Несмотря на стремление законодателя укрепить статус следователя, придать ему как можно больше процессуальной самостоятельности, его правовое положение оказалось значительно урезанным из-за почти неограниченных возможностей прокурорского надзора, а также судебного контроля за предварительным расследованием преступлений. Нельзя сбрасывать со счетов и полномочия начальника следственного подразделения (ст. 35 УПК), деятельность которого стала носить не только организационный характер, как это присуще его природе, а в определенной мере перекликается с компетенцией прокурора.

Проблемы процессуальной самостоятельности следователя предопределяются местом прокуратуры в системе государственных органов: 1) является ли она самостоятельным органом; 2) функционирует при суде либо при органах предварительного расследования преступлений.

Организация прокуратуры при суде в современных условиях имела бы тот недостаток, что прокурорским надзором недостаточно охватывалась бы досудебная уголовно-процессуальная деятельность, направленная на возбуждение уголовного дела и его предварительное расследование. Надзор за расследованием преступлений в данном случае либо носил бы формальный характер, либо превратился бы в диктат прокурора, ведущий к слиянию полномочий органов дознания, предварительного следствия, прокурора и суда, что

---

* Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе: материалы междунауч.-практ. конф. (г. Минск, 13–14 октября 2006 г.). – Минск: БГУ, 2007. – С. 179–182.

способствовало бы коррупции в правоохранительной системе.

В случае образования единых следственных органов включение прокуратуры в их структуру также неприемлемо, поскольку прокурор будет ведомственно заинтересован в ходе и результатах досудебной уголовно-процессуальной деятельности. Такой вариант, конечно, имеет и положительную сторону, связанную с более широкими возможностями прокурора отстаивать свое мнение в суде, что привело бы к усилению принципа состязательности в стадии судебного разбирательства. На ближайшую перспективу в Республике Беларусь желательнее сохранить прокуратуру как самостоятельный и независимый орган, что обусловлено необходимостью осуществления общего надзора прокурора, который был бы затруднен либо вовсе не реализуем при ином статусе прокуратуры.

Для более качественного предварительного расследования необходимо создание «единого следственного аппарата» как органа, в котором было бы сосредоточено предварительное следствие по всем уголовным делам. Полномочия же органов дознания следует ограничить только осуществлением неотложных следственных действий, после чего все уголовные дела публичного и частно-публичного обвинения должны передаваться в органы «единого следственного аппарата».

Концепция судебно-правовой реформы, принятая Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г., предусматривала, что реформа предварительного следствия должна привести к расширению процессуальной самостоятельности следователя и созданию независимого Следственного комитета, который должен стать единственным органом предварительного следствия в республике. Однако эти положения остались нереализованными. Наоборот, законодательство и практика пошли по пути расширения круга органов предварительного следствия, создав органы финансовых расследований.

Специфика способов совершения преступлений требует адекватных методов их расследования. Между тем оперативно-розыскные мероприятия не имеют доказательственной силы, в том числе и для продвижения уголовного дела в досудебных стадиях уголовного процесса, до тех пор пока они не будут проверены путем проведения следственных действий. Оформленное уголовное дело направляется прокурором в суд, где с помощью процессуальных возможностей стадии судебного разбирательства происходит

проверка материалов уголовного дела. В приговоре суд вправе использовать только те доказательства, которые им проверены либо получены в судебном процессе. Для большей эффективности уголовного процесса в суд должен поступать лишь итоговый документ досудебной деятельности по расследованию уголовного дела – обвинительный акт (обвинительное заключение). Материалы же об обстоятельствах преступления должны представляться прокурором в судебном разбирательстве, а само уголовное дело формироваться судом в условиях судебного заседания. Информация, полученная и соответствующим образом оформленная в ходе досудебной уголовно-процессуальной деятельности, лишь в судебном заседании может приобрести статус доказательств. Природе доказательств в уголовном процессе присущ неременный атрибут – быть именно судебными доказательствами. Что касается доказательств, полученных органами дознания и предварительного следствия, то они имеют статус таковых только для этих органов в целях подготовки уголовного дела к рассмотрению его судом.

В последнее время в Республике Беларусь формируется тенденция охвата юрисдикцией судебной власти как можно большего круга юридических конфликтов. В связи с этим оптимальным было бы учредить при судах должность следственного судьи, роль которого должна состоять в подготовке дела к слушанию в судебном разбирательстве, т. е. в деятельности на стадии «Назначение и подготовка к судебному разбирательству», а также в осуществлении судебного контроля за предварительным расследованием. Но если его деятельность сводить только к таким полномочиям, то нет необходимости уточнять, что этот судья является следственным. Главное назначение следственного судьи в том, чтобы собственными процессуальными средствами, без помощи органов, предназначенных для расследования преступлений, довести поступившее в суд уголовное дело (пусть даже только в виде обвинительного заключения) до такого состояния, чтобы оно явилось предметом рассмотрения в стадии судебного разбирательства. В плане собирания доказательств его деятельность необходимо сосредоточить прежде всего в оформлении представленных письменных источников доказательств. Следственный судья не должен обладать правом производить такие следственные действия, как например обыск, выемка и т. д. Если ограничить следственного судью такого рода деятельностью по собиранию доказательств, то его взаимоотношения с прокурором не будут по своему характеру напо-

минать конкуренцию, а, наоборот, способны впредь стимулировать подготовку к надлежащему осуществлению функции государственного обвинения. При этом надо до минимума свести усложнение взаимоотношений между следственным судьей и прокурором, не лишая прокурора присущей ему функции в уголовном процессе, выпячивая значимость статуса следственного судьи или даже абсолютизируя его роль в суде.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ*

Следственное действие в уголовном процессе – это объединенная общей целью система уголовно-процессуальных действий, проводимых уполномоченными должностными лицами для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, при наличии определенных оснований и в порядке, предусмотренном законом.

Следственные действия необходимо отличать от оперативно-розыскных мероприятий. В соответствии с ч. 2 ст. 88 УПК (1999) Республики Беларусь протоколы следственных действий с определенными оговорками оперативно-розыскных мероприятий допускаются в качестве источников доказательств. Поэтому от того, какие действия станут уголовно-процессуальными, а какие оперативно-розыскными, зависят возможности по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном процессе. Принятый в 1999 г. Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» достаточно подробно регламентировал порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий. Более того, стала прослеживаться определенная корреляция между следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями. Так, опрос граждан, по существу, напоминает допрос; отождествление личности – предъявление для опознания; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности – осмотр и т.п. УПК Республики Беларусь не только не вывел оперативно-розыскную деятельность из орбиты уголовного процесса, а наоборот, сделал шаг по их совмещению. И хотя это лишь робкая попытка, тем не менее основа для единого процесса расследования заложена. Важно, чтобы следственные действия продолжали оставаться приоритетным способом установления истины по уголовному делу, поскольку их проведение сопряжено с гораздо более значительными гарантиями защиты прав и законных интересов личности в уголовном процессе. УПК Республики Беларусь значительно продвинулся на пути демократизации уголовного судопроизводства. Совершенствование правовой

---

* Формирование правовых основ инновационной экономики: материалы респ. науч.-практ. конф. (г. Минск, 12 декабря 2008 г.). – Минск: БГЭУ, 2008. – С. 10–12.

регламентации затронуло и уголовно-процессуальные нормы о следственных действиях. Поскольку они являются основным способом получения доказательств и установления истины по уголовному делу, то их реализация сопряжена с ограничением прав граждан. Вследствие этого система следственных действий и особенности правовой регламентации каждого из них должны быть такими, чтобы обеспечить быстрое и полное расследование уголовного дела, защиту прав и законных интересов участвующих в уголовном процессе лиц.

В УПК (1999) Республики Беларусь о следственных действиях упоминается во многих статьях (ст. 67, 103, 192 и др.). Однако в ст. 6 УПК, где раскрывается содержание основных понятий и наименований, используемых в УПК, определение следственного действия отсутствует. Не содержится также и самостоятельного раздела либо статьи общего характера, где был бы дан перечень следственных действий. Если исходить из наименования глав УПК, то следственными действиями являются: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент (гл. 23 УПК); обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров (гл. 24 УПК); допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте (гл. 25 УПК); назначение и проведение экспертизы (гл. 26 УПК).

Наряду с термином «следственные действия» УПК оперирует понятием «процессуальные действия», определяя их в п. 35 ст. 6 УПК Республики Беларусь как «действия уполномоченных на это должностных лиц, совершаемые в ходе производства по материалам и уголовному делу». И все же для большей точности и наглядной отраслевой принадлежности их следовало бы именовать «уголовно-процессуальные действия». Данный термин является интеграционным, объединяющим разноплановые явления в уголовном процессе.

Следственные действия занимают самостоятельное место в уголовном процессе. Каждое следственное действие состоит из системы уголовно-процессуальных действий, объединенных общей целью, придающей ему заверченный вид. Так, ст. 222 «Очная ставка» УПК Республики Беларусь состоит из следующих уголовно-процессуальных действий: вызов для очной ставки двух ранее допрошенных лиц, в показаниях которых имеются существенные противоречия; разъяснение участникам очной ставки их прав и обязан-

ностей; предупреждение свидетеля и потерпевшего об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний; выявление взаимоотношений между участниками очной ставки; вопросы, которые задает должностное лицо, производящее очную ставку ее участникам, а также вопросы друг другу; предъявление приобщенных к уголовному делу вещественных доказательств и документов; оглашение показаний участников очной ставки, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, а в необходимых случаях воспроизведение звуко- и видеозаписи этих показаний; составление протокола очной ставки.

Правовому регулированию необходимо подвергать следующие стороны следственного действия: основания проведения следственного действия; состав участников следственного действия; последовательность реализации прав и обязанностей участниками следственного действия; уголовно-процессуальная ответственность участников следственного действия в случае несоблюдения ими своих прав и обязанностей.

Проведение следственных действий необходимо для установления обстоятельств, связанных с совершенным либо предположительно совершенным преступлением. Познавательные же возможности, направленные на выяснение фактов прошлого, ограничены: временем, отводимым для расследования уголовного дела; субъектами, полномочными осуществлять следственные действия; установлением такого порядка проведения следственного действия, который одновременно соответствовал бы интересам общества и гарантировал соблюдение интересов личности; наличием такой формы закрепления результатов следственного действия, которая, с одной стороны, объективно отражала бы ход его проведения, а с другой – была устойчивой, позволяющей неоднократно оценивать полученные материалы. При этом следует учитывать, что не все стороны проведения следственных действий можно подвергнуть правовому регулированию, а лишь наиболее важные, обеспечивающие гуманные способы установления истины.

В УПК Республики Беларусь определены общие правила производства следственных действий (ст. 192), правила составления протокола следственного действия (ст. 193–195), статус участников следственного действия, оказывающих содействие в надлежащем его проведении (участие специалиста – ст. 200; участие переводчика – ст. 201; участие понятых – ст. 202). Однако все эти сведения

несколько оторваны от правового регулирования конкретных следственных действий, поскольку нет самостоятельного раздела «Следственные действия», в котором были бы сосредоточены все правовые нормы, касающиеся проведения следственных действий. Общие же правила могли предварять нормы о конкретных следственных действиях. Такая компактность норм была бы более удобной для правоприменительной деятельности и, конечно, в большей мере соответствовала сложившимся представлениям о требованиях соблюдения правил юридической техники.

ПРЕДАНИЕ СУДУ КАК ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ*

В 1999 г. в Республике Беларусь был принят Уголовно-процессуальный кодекс, который существенным образом преобразовал стадию предания суду. Прежде всего это коснулось самого названия стадии: вместо «Предание обвиняемого суду и подготовительные действия к судебному заседанию» (гл. 23 УПК БССР 1960 г.) – «Назначение и подготовка судебного разбирательства» (гл. 33). Данный этап уголовного судопроизводства стал обеспечиваться единолично судьей, без проведения судебного заседания, путем вынесения постановления, в котором фиксируется одно из следующих решений: 1) о направлении дела по подсудности; 2) о прекращении производства по делу; 3) о приостановлении производства по делу; 4) о назначении судебного разбирательства. Основания для прекращения производства по делу (ст. 279 и п. 3–10 ч. 1 ст. 29 УПК) либо его приостановления (ст. 280 УПК) носят больше организационный, нежели сущностный характер и не обязывают судью оценивать доказательства, «не предрешая вопроса о виновности», что было оговорено в ч. 1 ст. 223 УПК БССР 1960 г. и являлось предметом острых дискуссий и критических суждений. Разве можно было выяснить, вопрос о достаточности оснований для рассмотрения дела в стадии судебного разбирательства, не затронув при этом вопроса о виновности лица. Так или иначе, при изучении материалов дела у судьи складывалось мнение в отношении виновности лица.

Наименование стадии «Назначение и подготовка судебного разбирательства» является наиболее точным, поскольку отражает и ее содержание, и предназначение. Вместе с тем термин «предание суду» не должен исчезнуть из юридического лексикона. В УПК Республики Беларусь содержится гл. 31 «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему для направления в суд», в которой изложены правовые предписания, касающиеся завершающего этапа стадии предварительного расследования преступлений. Направление прокурором уголовного дела в суд (ст. 266) нель-

---

* Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 16 окт. 2009 г. / редкол.: Г.А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2010, – С. 157–159.

зя рассматривать как несущественные действия прокурора. Ведь прокурор не вправе потребовать возвращения из суда уголовного дела без решения суда в соответствующей судебной стадии. Поэтому именно такие действия прокурора по уголовному делу можно назвать одним из элементов предания суду.

Согласно ст. 324 УПК «судебное следствие начинается с оглашения государственным обвинителем предъявленного лицу обвинения». Из смысла этого, предписания неясно, какой уголовно-процессуальный документ подлежит оглашению. Если предположить, что это «Постановление о привлечении в качестве обвиняемого», то информации, содержащейся в нем, явно недостаточно, поскольку расследование дела после его вынесения продолжалось. В свою очередь, «Постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд» носит чисто служебный, ведомственный характер, хотя ст. 260 УПК и обязывает составлять его достаточно пространно. Что касается такого документа, как «Справка о результатах проведенного по делу предварительного расследования», то это своего рода резюме, отчет следователя, органа дознания о проделанной работе по конкретному уголовному делу. Прикладной характер носит и «Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание». В результате оказывается, что прокурор, получив такого рода документы вместе с уголовным делом, хотя и проверяет его материалы в соответствии со ст. 263 УПК, однако не составляет обобщающего уголовно-процессуального документа, а ограничивается лишь вынесением постановления о направлении уголовного дела в суд (ст. 266 УПК). Обвиняемому же и потерпевшему направляется копия постановления следователя, органа дознания о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд. Такой подход законодателя снижает статус прокурора, ухудшает качество выполнения им обвинительной функции в стадии судебного разбирательства, не способствует его значимости в судебных прениях. В обязанности прокурора в связи с этим должно входить составление обвинительного заключения как итогового уголовно-процессуального документа его досудебной деятельности. Что касается постановления о направлении уголовного дела в суд, то оно носит больше роль сопроводительного письма, нежели документа, на содержание которого могут существенным образом повлиять стороны. Правила о подсудности достаточно четко обозначены в УПК. Предание суду должно охватывать: 1) составление

прокурором обвинительного заключения и направление его копий обвиняемому и потерпевшему; 2) вынесение постановления о направлении уголовного дела в суд; 3) направление в суд вместе с уголовным делом обвинительного заключения и постановления о направлении уголовного дела в суд.

СТАДИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В БЕЛОРУССКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ *

Аннотация

В статье рассмотрены этапы развития правового регулирования стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе. Выявлено, что поиски наиболее рациональной организации данной стадии велись постоянно.

По УПК Республики Беларусь 1999 года уголовно-процессуальное регулирование анализируемой стадии достаточно рационально. Внесены предложения по учреждению должности следственного судьи, по изменению правовой регламентации деятельности прокурора на завершающем этапе предварительного расследования преступлений.

В системе уголовного процесса стадия назначения и подготовки судебного разбирательства занимает своеобразное место, являясь тем каналом, который соединяет предварительное расследование преступлений и судебное разбирательство уголовных дел. Длительное время она именовалась стадией предания суду, осуществляемой единолично судьей или коллегиально судьей и народными заседателями. В УПК Республики Беларусь 1999 года произошло изменение не только ее сущности, но и названия: вместо предания суду – назначение и подготовка судебного разбирательства, которые осуществляются единолично судьей.

Без преувеличения можно сказать, что в истории развития уголовно-процессуального права ни одна из стадий не подвергалась столь частым преобразованиям как данная стадия.

По Уставу уголовного судопроизводства России 1864 года [1], действие которого было распространено и на входящие в ее состав белорусские земли, на первоначальных этапах его действия наблюдалась дифференциация процедуры предания суду в зависимости от тяжести преступления. По делам о тяжких преступлениях предание суду происходило в условиях закрытого судебного заседания (обвинительной камеры), где стороны не присутствовали. Все основывалось исключительно на письменных материалах предварительного расследования дела. Судебная палата либо утверждала, либо отвергала оглашенный прокурором обвинительный акт (ст.ст. 529,532,533), а затем дело направлялось для подготовки к рассмотрению его по существу (образование состава присяжных заседателей, назначение времени и места судебного разбиратель-

---

* Судовы веснік. – 2011. – № 1. – С. 55–60.

ства, вызов в суд сторон и т. д.). Иной, более упрощенный, порядок предания суду был установлен в отношении дел о менее тяжких преступлениях: при получении обвинительного акта от прокурора окружной суд одновременно решал вопрос о предании суду и вопросы, связанные с подготовкой дела к его рассмотрению по существу. В последующем произошло изменение в законодательном регулировании предания суду и был установлен единый порядок по всем уголовным делам, схожий с изначальным по делам о менее тяжких преступлениях [2, с. 415].

По УПК РСФСР 1922 года и УПК РСФСР 1923 года, действие которых распространялось и на Беларусь, предание суду осуществлялось коллегиально в условиях распорядительного заседания, по форме напоминавшего упрощенное судебное заседание, которое, хотя и проводилось в составе судьи и двух народных заседателей, но обвиняемый и потерпевший не вызывались, а прокурор участвовал по своему усмотрению (ст.ст. 247, 248 УПК РСФСР 1923 года). Суд, признав обвинительное заключение соответствующим предъявляемым требованиям, выносил «Определение об утверждении обвинительного заключения и о предании обвиняемого суду» (ст. 240 УПК РСФСР 1923 года). При этом суд должен был ограничиваться анализом лишь обвинительного заключения и не мог рассматривать актов предварительного расследования. Об этом было прямо оговорено в примечании к ст. 236 УПК РСФСР 1923 года.

С 1927 года начинается упрощение уголовно-процессуального законодательства, и к 1929 году в большинстве союзных республик распорядительные заседания упраздняются и создаются подготовительные заседания, в которых дело проверялось лишь в тех случаях, когда народный судья или председатель суда не соглашался с обвинительным заключением.

В 30-е гг. XX в. вновь возвратились к более усложненной процедуре предания суду. Решения первого Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников стали основополагающими в борьбе с упрощением уголовного процесса. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР 7 июня 1934 г. принял постановление «О необходимости строжайшего соблюдения судами уголовно-процессуальных норм» [3], которым на суд возлагалась обязанность предварительно проверять полноту материалов следствия, правильность обвинения, квалификацию преступления. В Законе «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик», принятом

Верховным Советом СССР 16 августа 1938 г. [4], была закреплена уже существующая на тот момент система предания суду. В ст. 27 Закона предусматривалось, что народный суд до рассмотрения дела в судебном заседании: а) утверждает обвинительное заключение, представленное прокурором, а в случае несогласия с ним вправе возвратить дело на доследование либо прекратить дело производством при наличии к этому достаточных оснований; б) разрешает вопрос о заключении обвиняемого под стражу или освобождении его из-под стражи; в) выносит решение об обязательном участии при рассмотрении дела защитника и прокурора. Таким образом, была установлена коллегиальная форма предания суду путем проведения подготовительного судебного заседания.

Следует отметить, что такого рода изменения в законодательстве и судебной практике велись на фоне политических репрессий, происходивших в государстве, когда применялись незаконные меры уголовной ответственности [5; 6, с. 328–331; 7].

До введения в действие Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года [8] предание суду по всем уголовным делам, по которым проводилось предварительное следствие или дознание и по которым прокурор утверждал обвинительное заключение, осуществлялось в подготовительном судебном заседании (коллективно) и актом предания суду являлось определение суда.

Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 года [8] и УПК БССР 1960 года [9] изменили порядок подготовки уголовного дела к рассмотрению в стадии судебного разбирательства, уточнив название: «Предание суду и подготовительные действия к судебному заседанию», что в юридической науке получило название «стадия предания суду». Главной особенностью данной стадии стало то, что предание суду могло осуществляться единолично судьей либо коллективно – судьей и двумя народными заседателями в условиях судебного заседания, которое носило название распорядительного.

Как вытекало из ст. 224 УПК БССР, регламентирующей решение вопросов, связанных с подготовкой к рассмотрению дела в судебном заседании, предназначение стадии предания суду состояло в недопущении рассмотрения в судебном заседании тех дел, которые поверхностно расследованы либо по которым необоснованно предъявлено обвинение, или в случае существенного нарушения за-

кона. В соответствии со ст. 224 УПК судья или суд в отношении каждого обвиняемого обязан был выяснить следующие вопросы: 1) подсудно ли дело данному суду; 2) содержит ли деяние, вменяемое в вину обвиняемому, состав преступления; 3) предъявлено ли обвинение по всем деяниям и привлечены ли все участники совершения преступления; 4) не имеется ли обстоятельств, влекущих прекращение либо приостановление дела; 5) собраны ли по делу доказательства, достаточные для его рассмотрения в судебном заседании; 6) правильно ли применен к деяниям, вменяемым обвиняемому, уголовный закон; 7) соблюдены ли при возбуждении дела, производстве дознания или предварительного следствия требования УПК; 8) составлено ли обвинительное заключение в соответствии с требованиями УПК; 9) правильно ли избрана мера пресечения в отношении обвиняемого; 10) приняты ли меры, обеспечивающие возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества.

Для решения такого круга вопросов судье необходимо было предварительно ознакомиться с материалами дела, тщательное изучение которого оказывалось важным и потому, что судья обязан был оценивать доказательства, имеющиеся в уголовном деле, с точки зрения того, вправе ли он единолично принять решение о предании суду или для этого необходимо коллегиальное решение в условиях распорядительного заседания. При этом согласно ч. 2 ст. 223 УПК БССР по делам о преступлениях несовершеннолетних и о преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь, требовалось во всех случаях проводить распорядительное заседание. Вопрос о предании суду коллегиально решался и в случаях несогласия судьи с выводами обвинительного заключения или необходимости изменить меру пресечения, избранную в отношении обвиняемого.

Для изучения качества и эффективности УПК БССР 1960 года в Беларуси в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. автором данной публикации было проведено анкетирование судей. Оказалось, что они неоднозначно оценивали стадию предания суду. В частности, 5% опрошенных судей пришли к выводу, что правовое регулирование стадии предания суду не нуждается в совершенствовании, надо только добиваться надлежащего применения существующих норм УПК; 34% судей полагали, что стадия предания суду должна проводиться по всем уголовным делам судьей единолично без участия

народных заседателей; 27% опрошенных считали, что предание суду должен осуществлять прокурор; 32% – стадию предания суду необходимо исключить из системы уголовного процесса, а вопросы, связанные с подготовкой уголовного дела к судебному разбирательству, судья мог бы решать в рабочем порядке, без вынесения какого-либо процессуального документа [10, с. 113].

По УПК Республики Беларусь 1999 года данный этап уголовного судопроизводства стал обеспечиваться единолично судьей, без проведения судебного заседания, путем вынесения постановления, в котором фиксируется одно из следующих решений: 1) о направлении дела по подсудности; 2) прекращении производства по делу; 3) приостановлении производства по делу; 4) назначении судебного разбирательства.

Основания для прекращения производства по делу (ст. 279 и пп. 3–10 ч. 1 ст. 29 УПК) либо его приостановления (ст. 280 УПК) носят в большей мере организационный, чем сущностный характер и не обязывают судью оценивать доказательства, «не предвешая вопроса о виновности», как ранее предусматривалось в ч. 1 ст. 223 УПК БССР 1960 года и являлось предметом острых дискуссий и критических суждений. Невозможно было выяснить вопрос о достаточности оснований для рассмотрения дела в стадии судебного разбирательства, не затронув при этом вопроса о виновности лица, поэтому так или иначе при изучении материалов дела у судьи складывалось мнение в отношении виновности лица [10, с. 113].

Несмотря на то, что данная стадия в современном белорусском уголовном процессе осуществляется единолично судьей без проведения судебного заседания, компетенция судьи довольно широкая. Наряду с разрешением вопросов, имеющих непосредственное отношение к подготовке судебного разбирательства, судья согласно ст. 277 УПК разрешает следующие три вопроса: приняты ли меры, обеспечивающие возмещение вреда, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества; подлежит ли изменению или отмене примененная в отношении обвиняемого мера пресечения; подлежат ли удовлетворению заявления и ходатайства.

В ст. 284 УПК установлено, что «в случае непринятия органом уголовного преследования мер, обеспечивающих возмещение вреда, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества, судья обязывает его принять необходимые меры обеспечения». Наличие у судьи полномочий такого рода напоминает возвра-

щение прокурору уголовного дела для дополнительного расследования, что не предусмотрено в действующем УПК. Если уголовное дело находится в суде, то его судьбу должен определять суд (судья), не подключая к исполнению своих решений органы предварительного расследования. Вместе с тем в ст. 276 УПК вообще не предусмотрено возможности вынесения судьей такого решения. По-видимому, это связано с тем, что в ст. 276 УПК перечислены итоговые для данной стадии решения по уголовному делу, а не дополнительные.

Следует также обратить внимание на несоответствие между названием ст. 284 УПК – «Меры обеспечения гражданского иска и конфискации имущества» – и ее содержанием, где сказано о мерах, обеспечивающих именно «возмещение вреда, причиненного преступлением». Гражданский иск является одной из процессуальных форм возмещения вреда, причиненного преступлением, наряду с уголовно-правовой реституцией, то есть возвращением законным владельцам денег и предметов, утраченных в результате преступления. Возможность рассмотрения вопроса о возмещении вреда по собственной инициативе суда в действующем УПК закреплена, хотя и наблюдается усиление принципа состязательности в уголовном процессе. В связи с этим название и содержание ст. 284 УПК необходимо привести в соответствие, озаглавив ее «Меры обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, и конфискации имущества».

Среди вопросов, подлежащих решению по поступившему в суд уголовному делу, в п. 3 ст. 277 УПК предусмотрено выяснение, «подлежит ли изменению или отмене примененная в отношении обвиняемого мера пресечения». Судья не вправе применить меру пресечения, поскольку для этого недостаточно процессуальных средств данной стадии в закреплённом в УПК виде. По собственной инициативе он вправе изменить или отменить ее. Данная норма также является резервной. Органы предварительного расследования, применяя меры пресечения, должны учитывать и такой аспект.

Судья может продлить срок нахождения обвиняемого под стражей, домашним арестом (ст. 283 УПК), хотя в ст. 277 УПК об их продлении не упоминается, что является недостатком этого Кодекса.

В стадии назначения и подготовки судебного разбирательства рассматривается также вопрос о том, подлежат ли удовлетворению заявления и ходатайства (п. 5 ст. 277 УПК). О возможности подачи

жалоб в данной стадии в УПК не упоминается. В уголовном процессе заявления и ходатайства сторон могут быть разнообразными: о вызове в судебное заседание новых свидетелей, экспертов, специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов и т. д. Если по УПК Российской Федерации в некоторых случаях назначаются предварительные слушания, то по УПК Республики Беларусь судья единолично должен принять одно из двух решений: удовлетворить ходатайство (заявление) или отказать в этом, что в последующем не лишает лицо возможности вновь заявить ходатайство.

В судебной практике Республики Беларусь в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства довольно редко отменяется или изменяется мера пресечения, принимаются меры, обеспечивающие возмещение вреда, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества, а также редко заявляются ходатайства. В определенной мере это связано с надлежащей досудебной уголовно-процессуальной деятельностью органов, ведущих уголовный процесс, а также с другими причинами. Одна из причин состоит в том, что сторона защиты не желает преждевременно раскрывать информацию, поскольку сторона обвинения может воспользоваться оставшимся до судебного разбирательства промежуточным временем и восполнить образовавшийся пробел в доказательствах. Однако самое главное, пожалуй, состоит в том, что одно и то же ходатайство можно заявлять неоднократно.

Применительно к российской судебной практике Т.Ю. Максимова отмечает, что нередко случаи, когда доказательства, признанные недопустимыми в ходе предварительного слушания, признаются допустимыми в ходе судебного разбирательства, чему в определенной мере способствует норма, закрепленная в ч. 7 ст. 235 УПК Российской Федерации, согласно которой суд, по ходатайству стороны, вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым [11, с. 11]. Автор предлагает расширить процессуальные возможности данной стадии в уголовном процессе Российской Федерации, предусмотрев в УПК более детальный порядок исследования доказательств [11, с. 12]. О.Ю. Гурова отмечает, что УПК Российской Федерации, к сожалению, не содержит указания о возможности обжалования сторонами постановления о направлении дела по подсудности [12, с. 34–35]. Т.К. Рябинина уточняет, что применительно к стадии назначения и подготовки судебного разбирательства необходимо установить об-

щие положения, касающиеся обжалования не только итоговых, но и промежуточных судебных решений всеми заинтересованными лицами [13, с. 17].

В УПК Республики Беларусь закреплена простая процессуальная форма стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, не дифференцируя ее в зависимости от особенностей уголовного дела. Такой вариант имеет преимущества, поскольку не ущемляется действие принципа гласности в стадии судебного разбирательства, не делает бессмысленным проведение предварительных слушаний, связанных с исключением доказательств, поскольку то же ходатайство можно заявить вновь, а лишение же подобного права ущемляло бы законные интересы сторон.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 377 УПК постановления судьи о направлении дела по подсудности (ст. 278 УПК), прекращении (ст. 279 УПК) или приостановлении производства по уголовному делу (ст. 280 УПК) обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежат. Они вступают в законную силу с момента их принятия. Что касается таких вопросов, как: подлежит ли изменению или отмене примененная в отношении обвиняемого мера пресечения, приняты ли меры, обеспечивающие возмещение вреда, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества, подлежат ли удовлетворению заявления и ходатайства, то они носят характер гарантий и решения по ним не подлежат обжалованию и опротестованию. Такое правовое регулирование позволяет оперативно и эффективно разрешить вопросы, подлежащие выяснению по поступившему в суд уголовному делу.

В случае вынесения судьей постановления о назначении судебного разбирательства оно подлежит исполнению секретарем судебного заседания, который направляет обвиняемому и потерпевшему копию постановления о назначении судебного разбирательства, вызывает в судебное заседание лиц, необходимость вызова которых судья указал в постановлении о назначении судебного разбирательства (ст. 283 УПК).

Для осуществления деятельности в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, а также судебного контроля за предварительным расследованием желательно было бы учредить должность следственного судьи. Функции такого судьи должны заключаться в том, чтобы собственными процессуальными средствами довести поступившее в суд уголовное дело до такого состояния,

которое требуется для его рассмотрения в стадии судебного разбирательства. В плане собирания доказательств его деятельность необходимо сосредоточить прежде всего на оформлении представленных письменных источников доказательств. Следственный судья не должен обладать правом производить такие следственные действия, как обыск, выемка и т. д. Если ограничить следственного судью такого рода деятельностью по собиранию доказательств, то его взаимоотношения с прокурором не будут по своему характеру напоминать конкуренцию, а наоборот, способны впредь стимулировать подготовку к надлежащему осуществлению функции государственного обвинения. Доказательства, которые не были собраны на стадии предварительного расследования из-за упущения прокурора, должны стать объектом его внимания не ранее чем в стадии судебного разбирательства. При этом следовало бы до минимума свести усложнение взаимоотношений между следственным судьей и прокурором, не лишая прокурора присущей ему функции в уголовном процессе, переоценивая значимость статуса следственного судьи или даже абсолютизируя его роль в суде [14, с. 264–265].

Наименование стадии – «Назначение и подготовка судебного разбирательства» является наиболее точным, поскольку отражает ее содержание и предназначение. Вместе с тем термин «предание суду» не должен исчезнуть из юридического лексикона [15, с. 173–175]. В УПК Республики Беларусь содержится глава 31 «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему для направления в суд», в которой изложены правовые предписания, касающиеся завершающего этапа стадии предварительного расследования преступлений. Направление прокурором уголовного дела в суд (ст. 266 УПК) нельзя рассматривать как несущественные действия прокурора. Поскольку прокурор не вправе потребовать возвращения из суда уголовного дела без решения суда в соответствующей судебной стадии, то именно такие действия прокурора по уголовному делу можно назвать одним из элементов предания суду.

Упрощенную форму стадии назначения и подготовки судебного разбирательства необходимо рассматривать как достаточно рациональную, не ущемляющую действия принципов правосудия в стадии судебного разбирательства, что неизбежно в случае введения предварительного слушания. Это, конечно, не означает, что белорусское уголовно-процессуальное законодательство не нуждается в совершен-

ствовании правовых норм, регламентирующих деятельность прокурора на досудебной части уголовного процесса.

Согласно ст. 324 УПК судебное следствие начинается с оглашения государственным обвинителем предъявленного лицу обвинения. Из смысла этого предписания неясно, какой уголовно-процессуальный документ подлежит оглашению. Если предположить, что это «Постановление о привлечении в качестве обвиняемого», то информации, содержащейся в нем, явно недостаточно, поскольку расследование дела после его вынесения продолжалось. В свою очередь, «Постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд» носит чисто служебный, ведомственный характер, хотя ст. 260 УПК и обязывает составлять его достаточно пространно. Что касается такого документа, как «Справка о результатах проведенного по делу предварительного расследования», то это своего рода резюме, отчет следователя, органа дознания о проделанной работе по конкретному уголовному делу. Прикладной характер носит и «Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание». В результате оказывается, что прокурор, получив такого рода документы вместе с уголовным делом, хотя и проверяет его материалы в соответствии со ст. 263 УПК, но не составляет обобщающего уголовно-процессуального документа, а ограничивается лишь вынесением постановления о направлении уголовного дела в суд (ст. 266 УПК), обвиняемому же и потерпевшему направляются копии постановления следователя, органа дознания о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд. Такой подход законодателя снижает статус прокурора, ухудшает качество осуществления им обвинительной функции в стадии судебного разбирательства, не способствует его значимости в судебных прениях. В связи с этим в обязанности прокурора должно входить составление обвинительного заключения как итогового уголовно-процессуального документа досудебной деятельности. Что касается постановления о направлении уголовного дела в суд, то оно носит больше роль сопроводительного письма, чем документа, на содержание которого могут существенным образом повлиять стороны. Правила о подсудности достаточно четко обозначены в УПК. Предание суду, осуществляемое прокурором, должно охватывать: 1) составление прокурором обвинительного заключения и направление его копий обвиняемому и потерпевшему; 2) вынесение постановления о направлении уголовного дела в суд; 3) направление в

суд вместе с уголовным делом обвинительного заключения и постановления о направлении уголовного дела в суд.

Таким образом, история развития уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что постоянно ведутся поиски наиболее рациональной организации стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. В УПК Республики Беларусь 1999 года законодатель отказался от термина «предание суду». Стадии, следующей за предварительным расследованием преступлений, было придано новое название – «Назначение и подготовка судебного разбирательства». Уголовно-процессуальное регулирование данной стадии достаточно рационально. Однако необходимо изменить правовую регламентацию деятельности прокурора на завершающем этапе предварительного расследования преступлений.

Резюме

В статье рассмотрены основные этапы развития правового регулирования стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе. Обоснованы преимущества единоличной деятельности судьи в этой стадии. Доказана необходимость правового оформления деятельности прокурора по осуществлению предания обвиняемого суду. В его обязанности должно входить: 1) составление обвинительного заключения; 2) направление копий этого заключения обвиняемому и потерпевшему; 3) вынесение постановления о направлении дела в суд; 4) направление уголовного дела вместе с названными документами в суд.

Список литературы

1. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1991. – Т. 8: Судебная реформа. – С. 120–251.

2. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1996. – Т. 2. – 606 с.

3. Суды обязаны строго соблюдать уголовно-процессуальные нормы: разъяснение 47-го пленума Верховного суда Союза ССР по вопросу о необходимости строжайшего соблюдения судами уголовно-процессуальных норм, 7 июня 1934 г. // Советская юстиция. – 1934. – № 19. – С. 2–3.

4. О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик: Закон, принятый на 2-й сессии Верховного Совета СССР 16 августа 1938 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг.: сб. документов / сост. Л.Н. Гусев; под ред. С.А. Голунского. – М., 1955. – С. 564–571.

5. О внесудебных репрессиях // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 10. – С. 81–82.

6. Коржихина, Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.: учебник / Т.П. Коржихина. – М., 1995. – 418 с.
7. Протько, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протько. – Минск, 2002. – 686 с.
8. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. – 1959. – № 1. – Ст. 15.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР // Уголовный кодекс Белорусской ССР; Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР: офиц. тексты с изм. и доп. на 1 апр. 1985 г. – Минск, 1985. – С. 141–331.
10. Бибило, В.Н. Проблемы правосудия по уголовным делам: анализ эмпирических данных / В.Н. Бибило // Право и демократия: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 5. – Минск, 1992. – С. 110–117.
11. Максимова, Т.Ю. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми на предварительном слушании / Т.Ю. Максимова // Российский судья. – 2007. – № 4. – С. 11–13.
12. Гурова, О.Ю. Историческое развитие стадии подготовки к судебному заседанию и ее современное состояние / О.Ю. Гурова // История государства и права. – 2004. – № 4. – С. 29–35.
13. Рябинина, Т.К. Обжалование судебных решений в стадии назначения судебного заседания / Т.К. Рябинина // Российский судья. – 2007. – № 4. – С. 14–17.
14. Бибило, В.Н. Статус следователя в уголовном процессе / В.Н. Бибило // Право и демократия: сб. науч. тр. – Вып. 17 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2006. – С. 257–265.
15. Бибило, В.Н. Развитие правового регулирования стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе / В.Н. Бибило // Экономика, право и проблемы управления: сб. науч. тр. – Минск, 2009. – С. 168–175.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВЕРКИ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРИГОВОРОВ, НЕ ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ*

В реализации задач советского уголовного судопроизводства наряду с судами первой инстанции участвуют суды второй инстанции. Их деятельность направлена на то, чтобы не допустить вступления в законную силу судебных приговоров, определений и постановлений, в которых имеются нарушения требований материального или процессуального законов. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 года «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия» сказано, что свыше 96% уголовных дел разрешается судами в строгом соответствии с законом и по ним выносятся обоснованные и справедливые судебные акты, однако некоторые суды при разрешении дел в кассационном порядке мирятся с нарушениями законов, не устраняют судебные ошибки, что ослабляет борьбу с преступностью и подрывает авторитет суда¹.

Наиболее часто предметом исследования суда второй инстанции является приговор. Поскольку в приговоре отражаются не только результаты деятельности суда первой инстанции, но и предварительного расследования, полномочия суда второй инстанции распространяются и на проверку деятельности, предшествующей судебной. В кассационном порядке ежегодно проверяется до 27% дел, рассмотренных народными и до 66% дел – областными или равными им судами².

В деятельности судов первой и второй инстанций имеются существенные различия. Если для суда первой инстанции главным является установить факты, составляющие предмет доказывания, дать им социально-правовую оценку и определить последствия применения уголовного закона к конкретным обстоятельствам, то для суда второй инстанции главное – проверить правильность разрешения дел, рассмотренных судами первой инстанции. Для обоих судов законом предусмотрены разные процессуальные условия исследования обстоятельств преступления. Суд, постановляющий

---

* Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. – Серыя 3. – 1989. – № 3. – С. 65–68.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 1. С. 8.

² См.: Темушкин О.П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. М., 1978. С. 144.

приговор, непосредственно воспринимает доказательства, а проверяя законность и обоснованность не вступившего в законную силу судебного решения, он ограничивается рассмотрением письменных материалов. В ст. 341 УПК БССР сказано: «При рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет законность и обоснованность приговора по имеющимся в деле и дополнительно представленным материалам».

В заседании суда, рассматривающего дело в кассационном порядке, может участвовать защитник, гражданский истец, гражданский ответчик, потерпевший и их представители, а также представители общественных организаций и трудовых коллективов. Вопрос об участии осужденного в заседании суда, рассматривающего дело в кассационном порядке, разрешается этим судом. Явившийся в судебное заседание осужденный или оправданный во всех случаях допускается к даче объяснений (ст. 344 УПК). Участие прокурора в кассационном производстве является обязательным, поскольку прокурор дает заключение о законности и обоснованности приговора и это является одной из частей кассационного рассмотрения дела (ст. 344 и 346 УПК). Протокол заседания суда не ведется. Содержание заявлений, выступлений, ходатайств и объяснений, а также заключения прокурора излагаются в определении суда. Само же судебное заседание в стадии кассационного производства состоит из следующих частей: 1) подготовительной; 2) доклада члена суда; 3) объяснений участников процесса; 4) заключения прокурора и 5) вынесения определения.

Достаточно ли таких процессуальных средств для стадии кассационного производства, чтобы стать надежной гарантией исполнения только правосудных приговоров? Как уже отмечалось, судебное следствие в кассационном производстве отсутствует. Суд полагается на информацию, отраженную в протоколе заседания стадии судебного разбирательства. Приговор не может быть признан законным и обоснованным, если содержащиеся в нем выводы не соответствуют доказательствам, проверенным в ходе следствия и отраженным в протоколе судебного заседания. Поэтому протокол судебного заседания необходимо расценивать как процессуальный документ, на котором основывается и за которым следует приговор суда. Между тем в УПК вопрос о статусе протокола в стадии судебного разбирательства не нашел обоснованного разрешения. Так, в ст. 264 УПК сказано, что протокол судебного заседания должен

быть подписан не позднее чем через трое суток после судебного заседания, а по сложным делам – через семь суток. В течение трех суток после подписания протокола прокурор, защитник, подсудимый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители могут подать свои замечания по протоколу (ст. 265 УПК). Свидетель не назван в числе участников процесса, которые могут проконтролировать, как записаны в протоколе его показания. Однако свидетельские показания являются основным источником доказательств. Хотя свидетель – лицо, не заинтересованное в исходе дела, но его показания имеют исключительно важное значение для выводов суда. Кроме того, на практике суд не пренебрегает и информацией, содержащейся в выступлениях эксперта и специалиста.

В юридической литературе высказано мнение, чтобы сделанные секретарем судебного заседания записи допросов подсудимого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста оглашались после каждого допроса и их правильность обсуждалась сторонами с оставлением за судом права принятия окончательного решения¹. Проведение в жизнь этого предложения существенно повысило бы значимость судебного заседания.

Эффективным представляется и введение такого правила, когда каждый из участников процесса, давших показания в стадии судебного разбирательства, ставил бы свою подпись в протоколе судебного заседания сразу же после оглашения содержания его выступления. Хотя при этом продолжительность судебного процесса несколько удлинится, но в целом сэкономит время, которое затрачивается на изготовление протокола, ознакомление с ним участников процесса и рассмотрение замечаний. Кроме того, предлагаемый порядок усилит воспитательную роль судебного заседания и повысит значение такого уголовно-процессуального действия, как предупреждение свидетеля об уголовной ответственности за отказ или отклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 285 УПК), а также предупреждение эксперта об ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу заведомо ложного заключения (ст. 276 УПК)². Значит, при постановлении приговора

---

¹ См.: Баренбойм П.Д., Рубежов Г.С. О повышении качества и доказательственного значения протокола судебного заседания // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Вып. 43. С. 70.

² Субъектом преступления по ст. 177 и 178 УК БССР может быть свидетель, потерпевший и эксперт. В УПК не содержится нормы о предупреждении потерпевшего в стадии судебного раз-

суд не может использовать протокол судебного заседания, поскольку он к этому времени еще не подготовлен. Протокол как процессуальный документ становится предметом исследования лишь суда, проверяющего законность и обоснованность приговора. Низкое качество протокола сказывается на эффективности кассационного производства. Ведь суд второй инстанции, лишенный возможности непосредственного исследования доказательств, неизбежно повторит ошибки суда первой инстанции, вытекающие из протокола судебного заседания, и закрепит их в своем определении.

Неточности, упущения, спорные положения в приговоре осложняют его исполнение. Препятствия такого рода устраняются в порядке исполнения приговора, поскольку они не затрагивают его существа (ст. 376 УПК). Может ли такие дефекты исправлять кассационный суд, если он обнаружил их в ходе проверки законности и обоснованности приговора? Действующим законодательством такое право кассационной инстанции не предоставлено. Поэтому может сложиться парадоксальная ситуация: кассационный суд должен сознательно повторять в своем определении те же ошибки, которые допущены в приговоре. Поэтому предоставление кассационному суду права устранения дефектов приговора диктуется необходимостью не только оперативности судопроизводства, но и тем, что проверка законности и обоснованности приговора не будет полной, если вышестоящий суд обойдет своим вниманием даже несущественные ошибки суда нижестоящего.

Некоторые авторы предлагают расширить полномочия суда при проверке законности и обоснованности приговоров, не вступивших в законную силу, и ввести в кассационное производство элементы апелляции¹. Противоположного мнения придерживается М.С. Строгович. По его мнению, в расширении прав кассационного суда нет необходимости, ибо это приведет к апелляции, которая создаст почву для необоснованных выводов, подлежащих непосредственному исследованию². Представляется, что опасения

бирательства об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Такое противоречие между УК и УПК необходимо устранить.

¹ См.: Перлов И. Л. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. С. 81–82; Кулаева О.И. Вопросы повышения эффективности кассационного производства // Вопросы уголовного процесса. Саратов, 1979. Вып. 2. С. 98; Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 120.

² См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М, 1970. Т. 2. С. 388.

М.С. Строговича не имеют оснований. В деятельности государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, всегда имеется, в рамках закона, простор для усмотрения, однако по большинству уголовных дел истина устанавливается. Следует отметить, что во многих странах социалистического содружества проверка законности и обоснованности судебных актов, не вступивших в законную силу, по своему характеру является кассационно-апелляционным производством с преобладанием элементов кассации или апелляции¹.

В советское уголовно-процессуальное законодательство необходимо ввести нормы, согласно которым суды второй инстанции без отмены приговора и направления дела на новое судебное разбирательство могли бы изменять приговор, как в лучшую для подсудимого сторону, так и в сторону неблагоприятную для него, если фактические обстоятельства дела установлены судом первой инстанции правильно. При этом должно быть обеспечено дифференцированное рассмотрение дел в зависимости от совершенного преступления и наказания, предусмотренного за него уголовным законом. Это не означает отказа от таких демократических черт кассационного производства, как свобода обжалования, ревизионный порядок производства, возможность представления в суд второй инстанции дополнительных материалов. Для переоценки доказательств, а также исследования дополнительных материалов необходимо проведение судом второй инстанции судебного следствия, чтобы выявить ошибочность или неполноту решения суда, вынесшего приговор, и не направлять дело на новое судебное разбирательство. Наличие в кассационном производстве элементов апелляции не должно вести к отказу от производства в порядке судебного надзора. Деятельность по проверке законности и обоснованности не вступивших в законную силу судебных решений, даже с элементами апелляции, не может полностью исключить судебные ошибки. Следует учитывать и то, что для приговоров Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик кассационное производство вовсе исключено, поскольку они вступают в законную силу немедленно после вынесения. Часть же приговоров лишается проверки в кассационной инстанции вследствие отсутствия кассационной жалобы либо протеста прокурора. Кроме того, нельзя игнорировать и возможности вынесения ошибочных решений самим кассационным судом. Они подлежат устранению в порядке судебного надзора.

---

¹ См.: Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. М., 1978. С. 306.

Таким образом, суд, проверяющий законность и обоснованность приговора, находится в процессуальных условиях, которые не всегда позволяют обеспечить надлежащую проверку законности и обоснованности приговора, что сказывается на эффективности касационного производства. Предоставление суду второй инстанции возможности непосредственно исследовать доказательства окажет положительное воздействие на качество осуществления правосудия в целом.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА*

Исполнение приговора регулируется нормами различных отраслей права: уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и др. Уголовный кодекс (УК) регулирует основания и условия уголовной ответственности, определяет, какие виды и сроки наказания может назначить суд за совершенное преступление. Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) определяет учреждения, на которые возложена обязанность исполнения наказания, а также регламентирует саму процедуру отбывания наказания в зависимости от его вида. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) регулирует деятельность суда по исполнению приговора. При этом одни предписания приговора суд исполняет сам, не требуя участия иных государственных органов, исполнение же других поручает органам, специально для этого предназначенным. В ходе исполнения приговора могут возникать разного рода препятствия, которые вызывают необходимость принять решение о том, чтобы не исполнять приговор в том виде, в каком он был вынесен. Такое решение принимается в условиях судебного заседания [1].

Среди всех государственных органов, причастных к исполнению приговора, главенствующая роль принадлежит суду, на который возлагается обязанность осуществления судебного контроля за исполнением приговора. В ст. 18 УИК Республики Беларусь, которая так и названа «Судебный контроль», определены основные его направления. Наличие такой статьи необходимо для эффективной работы органов и учреждений, исполняющих наказание. Но задача состоит в определении оптимальных пределов судебного контроля и форм, в которых он должен осуществляться, что является важным, поскольку сам суд не осуществляет функцию фактического исполнения наказания, а следит за тем, чтобы оно было исполнено другими органами.

После провозглашения Республики Беларусь в качестве самостоятельного и независимого государства началась реформа законодательства о суде и правосудии. Ее началу предшествовало принятие 23 апреля 1992 г. Концепции судебно-правовой реформы Рес-

---

* Современные проблемы правоправедения: сб. науч. тр. Вып. 1 / редкол.: Г. Б. Шишко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГЭУ, Интегралполиграф, 2011. – С. 16–20.

публики Беларусь [2], которая предусмотрела возможность создания пенитенциарных судов. Но в этой части положения Концепции остались нереализованными, хотя наметилась тенденция усиления роли суда при исполнении приговора. Так, в ст. 22 УИК сказано: «При исполнении служебных обязанностей посещать учреждения, исполняющие наказание, без специального разрешения имеют право <...> судьи судов, осуществляющих судопроизводство на территориях, где расположены учреждения, исполняющие наказания», а в ч. 5 ст. 18 определено: «В случаях и в порядке, установленных законодательством, суд рассматривает жалобы на действия администрации органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности» [3]. Несмотря на такие широкие правовые возможности контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание, на практике они не используются. И это связано не столько с несколько расплывчатыми правовыми предписаниями (где, в частности, неясна роль судьи при посещении учреждений, исполняющих наказание, и особенно то, что касается итогового документа по результатам визита), сколько с возложением на судью несвойственных ему функций. Ведь посещая исправительное учреждение, судья будет выслушивать жалобы и заявления осужденных, по которым он должен принять решение, иначе посещение мест лишения свободы потеряет всякий смысл. В то же время он может принимать лишь такие решения, которые входят в его компетенцию. Предоставив судье возможность общаться с осужденными в местах лишения свободы, ему следует предоставить право быть инициатором в возбуждении вопросов, связанных с отбыванием наказания и требующих судебного разрешения. Между тем судья не участвует в непосредственном воспитании осужденных, а значит, вероятность ошибки в возбуждении того или иного вопроса будет довольно велика. Что касается своевременного возбуждения вопросов, требующих судебного разрешения, то это может быть обеспечено другими субъектами и, прежде всего, самим осужденным.

Судебный контроль за исполнением приговора осуществляется в условиях стадии уголовного процесса, которую принято именовать стадией исполнения приговора, непременным участником которой является суд.

Непосредственной предпосылкой (юридическим фактом) возникновения стадии исполнения приговора является факт вступле-

ния приговора в законную силу. Но рамки стадии исполнения приговора подвижны, и некоторые действия, направленные на исполнение приговора, осуществляются еще до вступления приговора в законную силу. При оправдании обвиняемого либо при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания или с освобождением от отбывания наказания, а также с осуждением к наказанию, не связанному с лишением свободы, или к условному неприменению наказания обвиняемый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению (ст. 366 УПК 1999 г.). Может быть и так, что приговор уже исполнен, а необходимость в наличии самой стадии исполнения приговора продолжается. Это касается рассмотрения судом ходатайства о снятии судимости.

В отличие от других стадий уголовного процесса стадия исполнения приговора не носит непрерывного характера. Она то возникает, то прекращается. Все зависит от того, сколько вопросов, входящих в компетенцию суда, надо разрешить, что определяется множеством обстоятельств: видом и сроком наказания, условиями отбывания лишения свободы, состоянием здоровья осужденного и т. д. Бывает, что приговор исполнен, а необходимости рассмотреть хотя бы один вопрос, связанный с исполнением приговора, не было. В некоторых случаях стадия исполнения приговора ограничивается лишь одним своим структурным элементом – обращением к исполнению вступившего в законную силу приговора, который является неизменным, постоянным атрибутом стадии исполнения любого приговора.

Обращение к исполнению вступившего в законную силу приговора состоит в том, что суд вместе с копией приговора направляет органу, осуществляющему исполнение наказания, «письменное распоряжение об исполнении приговора» (ст. 401 УПК), форма и реквизиты которого в законодательстве не определены, но в соответствии с инструкциями о делопроизводстве в судах оно оформляется в виде документа с названием «Распоряжение об исполнении вступившего в законную силу приговора». В случае изменения приговора при рассмотрении дела в суде второй инстанции к копии приговора прилагается копия определения этого суда. Если приговор должен исполняться несколькими органами, то этот документ направляется каждому из них, и в нем необходимо указать, в какой части тот или иной орган должны исполнить приговор. При осуждении одним приговором нескольких человек «Распоряжение об

исполнении вступившего в законную силу приговора» направляется в органы, исполняющие наказание, в отношении каждого осужденного.

По содержанию, форме изложения и особенностям подготовки «Распоряжение об исполнении вступившего в законную силу приговора» не является уголовно-процессуальным документом, а больше напоминает сопроводительное письмо. Надо сказать, что в 70–80-х гг. XX в. суды и вообще допускали упрощенчество: направляли в органы, исполняющие наказание, только копию приговора и справку о вступлении приговора в законную силу. Такая практика вела к затруднениям, связанным с определением момента начала исполнения приговора. Да и само уголовное дело имело незавершенный вид. Но и существующая система обращения к исполнению приговора несовершенна. Следует иметь в виду, что вступление приговора в законную силу – это лишь юридический факт, который наступает независимо от воли суда и других участников процесса. Его последствием является констатация того, что необходимо начинать исполнение приговора. И эта своего рода удостоверительная деятельность суда должна оформляться в виде постановления судьи.

Наличие «Постановления об обращении к исполнению вступившего в законную силу приговора» открывало бы возможность исполнять приговор не только в отношении наказания, но и в отношении гражданского иска, вещественных доказательств, судебных издержек и других решений, которые составляют содержание приговора. Существующие же пробелы в УПК приводят к неопределенности исполнения приговора именно в этой его части. К тому же для аппарата суда (судебных исполнителей, секретарей и т. п.) нет документа, который бы обязывал их исполнять эти решения.

Согласно ч. 4 ст. 399 УПК, оправдательный приговор, обвинительный приговор без назначения наказания, а также освобождающий обвиняемого от наказания приводятся в исполнение немедленно после их провозглашения. Это означает, что если обвиняемый находился под стражей, то он освобождается от этой меры пресечения и к нему уже не применяются ни меры пресечения, ни наказания. Что касается других решений, зафиксированных в приговоре, то они исполняются в обычные сроки. В этой части приговор вступает в законную силу по истечении срока на обжалование и опротестование, т. е. по истечении десяти суток со дня провозглашения

приговора. При этом «Распоряжение об исполнении вступившего в законную силу приговора» не составляется, поскольку оно предназначено для направления в органы и учреждения, исполняющие наказание. Значит, никакого иного документа, который являлся бы основанием для исполнения таких видов приговоров, нет. Для большей четкости в действиях, направленных на исполнение всех решений, содержащихся в приговоре, следовало бы предусмотреть в законодательстве и использовать на практике вынесение единолично судьей самостоятельного уголовно-процессуального документа с названием «Постановление об обращении к исполнению вступившего в законную силу приговора».

Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора, не является непременным, постоянным структурным элементом стадии исполнения каждого приговора. При исполнении приговора возникает множество вопросов, но судебной деятельности требуют наиболее важные, а остальные разрешаются иными органами, например органами, исполняющими наказание. Критерием, лежащим в основе определения пределов полномочий суда по разрешению этих вопросов, служит существо приговора. Но что же понимать под существом приговора? В п. 30 ст. 6 УПК 1999 г. сказано, что «приговор – решение, вынесенное судом первой инстанции по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого, о применении или неприменении к нему наказания и по другим вопросам, подлежащим разрешению» [4]. В статье 352 УПК перечислены вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора. Среди них есть такие, которые относятся к виновности и наказуемости лица: доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется лицо; доказано ли, что деяние совершил обвиняемый; является ли это деяние преступлением и по какой статье УК предусмотрена ответственность за его совершение; виновен ли обвиняемый в совершении этого деяния; имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность обвиняемого; подлежит ли обвиняемый наказанию за совершенное им преступление; какое наказание должно быть назначено обвиняемому; подлежит ли обвиняемый дополнительному наказанию и какому именно; имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания или освобождения от отбывания наказания; в исправительном учреждении какого вида и режима должен отбывать наказание осужденный к лишению свободы; подлежит ли удовлетворению

гражданский иск; о применении принудительных мер безопасности и лечения в случаях, предусмотренных ст. 101 УК. Эти вопросы составляют существо приговора. Если хотя бы один из них не отражен в приговоре, то такой приговор является незаконным и необоснованным. Другое дело, когда вынесен доброкачественный приговор и в ходе его исполнения появились обстоятельства, которые вызывают необходимость изменить порядок его исполнения. Именно тогда потребуются уголовно-процессуальные средства стадии исполнения приговора.

Кроме вопросов, образующих существо приговора, в ст. 352 УПК перечислены другие вопросы, которые входят в содержание приговора и подлежат разрешению при его постановлении: о взыскании государственной пошлины; о том, как поступить с имуществом, на которое наложен арест; какова должна быть судьба вещественных доказательств; на кого и в каком размере возложить процессуальные издержки. Если эти вопросы не разрешены при постановлении приговора, то приговор не будет полным. И здесь возникает проблема: можно ли эти вопросы рассмотреть суду в стадии исполнения приговора или такой приговор подлежит отмене, поскольку все-таки не все вопросы, подлежащие разрешению при постановлении приговора, были предметом стадии судебного разбирательства.

Следует отметить, что суды, как правило, с большой ответственностью относятся к составлению приговора, тщательно продумывают все его составные части, чтобы в приговоре не было пробелов и не возникало трудностей при его исполнении. И все же в тех редких случаях, когда в силу различных причин в приговоре содержатся несущественные упущения, они устраняются в порядке исполнения приговора.

В ст. 402 УПК содержится правовое предписание о том, что судом, постановившим приговор, «разрешаются всякого рода сомнения и неясности», возникающие при исполнении приговора. Что же понимать под ними, закон не дает разъяснения, но из его смысла вытекает, что это несущественные дефекты приговора, к которым относится, прежде всего, отсутствие в приговоре суда решения по вопросу, не касающемуся его существа (например, о государственной пошлине, процессуальных издержках и т. п.). Проводить новое судебное разбирательство для разрешения подобных вопросов трудоемко и вряд ли целесообразно, тем более что по составу участни-

ков судебного заседания и их процессуальным действиям оно будет схоже с уголовным судопроизводством по исполнению приговора. Остается одно – вынести по нему решение в порядке исполнения приговора. Причем опасения, связанные с недостаточностью процессуальных средств этой стадии, неосновательны. Ведь в порядке исполнения приговора разрешается ряд более сложных вопросов (об условно-досрочном освобождении от наказания, замене наказания и т. д.), чем, например, решения о процессуальных издержках, тем более такое постановление суда может быть обжаловано и опротестовано.

К «разного рода сомнениям и неясностям», возникающим при исполнении приговора, относится исправление ошибок, которых суд мог избежать при условии внимательного отношения к составлению приговора. Речь идет о том, что при постановлении приговора были решены вопросы, не затрагивающие существа приговора, но при этом судья допустил несущественную ошибку, например не зачел в срок отбывания наказания время нахождения лица под стражей; не отметил меру пресечения при вынесении оправдательного приговора и т. д.

Ввиду того что стадия исполнения приговора носит столь специфический характер, особенно остро встает проблема распределения нормативного материала, формирующего эту стадию. В УПК 1999 г. недостаточно четко разграничены соответствующие этапы этой стадии. Но особенно уязвима ст. 402 «Суды, разрешающие вопросы, связанные с приведением приговора, определения, постановления в исполнение, и порядок их разрешения», где объединены разноплановые правовые предписания. Между тем задача состоит в том, чтобы сформулировать нормы УПК удобными для их применения. При этом необходимо помнить о соответствующей корреляции УПК и УК, что особенно наглядно проявляется в стадии исполнения приговора.

Раздел в УПК «Исполнение приговора» следовало бы представить в виде двух глав. В главе «Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений суда» поместить статьи под названиями: «Вступление приговора в законную силу и обращение его к исполнению», «Вступление определения или постановления суда в законную силу и обращение его к исполнению», «Обязательность исполнения приговора, определения, постановления суда», «Порядок обращения к исполнению приговора, определения поста-

новления суда», «Извещение об исполнении наказания», а в главе «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» расположить статьи – «Суды, разрешающие вопросы, связанные с исполнением приговора», «Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора», «Порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора», «Обжалование постановлений суда» [5].

Следует обратить внимание еще на один важный аспект. В статье «Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора» необходимо последовательно, с указанием статей УК, перечислить все вопросы, которые суд компетентен разрешать в порядке исполнения приговора. Вряд ли здесь есть необходимость проводить их классификацию, поскольку для правоприменителя важны отсылки к статьям УК, обосновывающим правомерность и законность его деятельности. В качестве последнего пункта этой статьи необходимо указать на возможность рассмотрения сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора.

Список источников

1. Бибило В.Н. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения приговора / В.Н. Бибило // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 14 / редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) и др. – Минск: БГУ, 2003. – С. 286–293.
2. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 16. – Ст. 272.
3. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 32–2/140.
4. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 77–78. – 2/71.
5. Бибило В. Уголовно-процессуальное регулирование компетенции суда в стадии исполнения приговора. / В. Бибило // Судовы веснік. – 2004. – № 4. – С. 42–47.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА*

1. Для успешного выполнения задач уголовного судопроизводства необходимо не только раскрытие преступлений, изобличение и осуждение виновных лиц, но и своевременное и точное исполнение приговора. В ходе исполнения приговора могут возникать вопросы, требующие судебного разрешения. Качественное проведение судебного заседания в стадии исполнения приговора способствует повышению уровня правосознания граждан, усиливает воспитательное воздействие судебных актов и в конечном счете способствует предупреждению правонарушений.

2. Судопроизводство в стадии исполнения приговора является частью уголовного процесса, одним из этапов отправления правосудия. Поэтому оно строится в соответствии с общими принципами советского уголовного процесса, определяется их системой. Действующее законодательство не содержит детальных правил, регламентирующих процедуру судебного разрешения вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора. Статья 377 УПК БССР и аналогичные статьи УПК других союзных республик устанавливают лишь общую структуру судебного заседания: доклад председательствующего, объяснения явившихся лиц, заключение прокурора. Такой лаконизм можно объяснить тем, что законодатель отделил лишь характерные особенности данной стадии процесса. В остальной части суд и другие участники судебного рассмотрения дела должны руководствоваться общими положениями, содержащимися в первом разделе УПК.

3. Обобщение материалов практики судебного заседания в стадии исполнения приговора показывает, что действующее законодательство, регулирующее процедуру рассмотрения дела, не всегда соблюдается. Так, в 27% случаев суд не устанавливает личность осужденного; в 18% – не объявляет о составе суда, об участии прокурора, защитника, переводчика, секретаря судебного заседания; в 42% – не разъясняет участникам судебного заседания их право заявить отвод составу суда или кому-нибудь из судей, прокурору, секретарю и переводчику; в 62% – не разъясняет участникам процесса

---

* Результаты исследований и перспективы борьбы с преступностью в Литовской ССР: Тезисы докл. Респ. науч. конф. 3–4 декабря 1987 г. /Вильнюсский ун-т. – Вильнюс, 1987. – С. 87–89.

их прав и обязанностей.

4. УПК не содержит прямого указания на необходимость ведения протокола при рассмотрении судом дел в стадии исполнения приговора. Однако такая обязанность суда вытекает из общего правила о том, что при производстве следственных действий, а также на судебных заседаниях судов первой инстанции обязательно ведутся протоколы. Протокол судебного заседания в стадии исполнения приговора – основной документ, по которому возможна проверка соблюдения порядка проведения судебного заседания, прав участников процесса, полноты исследования обстоятельств дела, законность и обоснованность вынесения определения. Поэтому отсутствие в деле протокола судебного заседания – одно из оснований к отмене определения суда.

5. Качество протоколов судебного заседания в стадии исполнения приговора не всегда соответствует предъявляемым требованиям. Изучение уголовных дел показало, что в ряде случаев протоколы не отражают всего хода судебного заседания, а содержат лишь перечисление совершенных в суде уголовно-процессуальных действий. Объяснения участников процесса записываются иногда очень кратко, при этом упускаются моменты, имеющие существенное значение для дела. Низкое качество многих протоколов судебного заседания 32% опрошенных судей объяснили отсутствием в законе детальной регламентации процедуры судебного заседания в стадии исполнения приговора; 27% – малозначительностью рассматриваемых вопросов; 16% – отсутствием трудностей в исследовании обстоятельств дела, в остальных случаях судьи ссылались на недостаток времени, загруженность судов рассмотрением гражданских и уголовных дел, частым отвлечением судей на выполнение поручений, не связанных с осуществлением правосудия.

6. Согласно действующему законодательству все вопросы, возникающие в стадии исполнения приговора, рассматриваются судом коллегиально. Между тем, участие народных заседателей в судебном заседании необходимо и полезно тогда, когда их жизненный опыт поможет вынести законный и обоснованный судебный акт. Дела же по вопросам чисто правового характера могут, по нашему мнению, разрешаться единолично судьей, так как участие народных заседателей при рассмотрении таких дел формально. В число вопросов, которые могут быть единолично разрешены судьей без ущерба для качества решения, следует включать те, которые входят

в группу сомнений и неясностей. Вопросы, связанные с отбыванием наказания либо освобождением от него, по своему характеру требуют коллегиального рассмотрения, ибо при их разрешении предполагается знание жизненных обстоятельств, которые лежат в основе возникшего вопроса, а не просто применения норм права в ситуациях, носящих бесспорный характер.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА *

Коллегиальное рассмотрение уголовных дел – одна из важнейших гарантий всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела и внесения законных и обоснованных судебных решений. Значение этого принципа в достижении истины в уголовном процессе настолько велико, что его нарушение является безусловным основанием к отмене приговора (ст. 353 УПК БССР).

Надлежащее осуществление принципа коллегиальности возможно только в том случае, если будет обеспечено фактическое равноправие всех членов судебного состава, когда будут исключены попытки председательствующего в судебном заседании оказать какое-либо давление на народных заседателей, пусть даже неумышленное, связанное с наличием профессионального приоритета судьи.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает обязательное коллегиальное рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции, в кассационной и надзорной инстанциях (ст. 9 Основ). В связи с этим возникает вопрос: допустимы ли из этого общего правила исключения, когда юридическое значение имеют действия единолично совершенные судьей, и если такие исключения имеются, то не подрывают ли они действие принципа коллегиальности в стадии исполнения приговора.

В ст. 367 УПК БССР изложен порядок обращения к исполнению приговора, определения и постановления суда. В ней говорится, что распоряжение об исполнении посылаются судьей или председателем суда тому органу, на который возложена обязанность приведения приговора в исполнение. Следовательно, закон допускает единоличные действия судьи, направленные на начало приведения приговора в исполнение. Это своего рода исключение из принципа коллегиальности, действующего в судопроизводстве по исполнению приговора. Оно обусловлено тем, что деятельность по обращению приговора к исполнению, не нуждается по своему содержанию в коллегиальных усилиях суда, хотя ее нельзя сводить к

---

* Проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства БССР: Тезисы докл. науч.-практ. конф. / /Мин-во юстиции БССР, НИИСЭ, БГУ. – Минск, 1984. – С. 31–34.

техническим действиям, которые можно поручить секретарю судебного заседания.

Единоличные или коллегиальные действия в стадии исполнения приговора зависят от их характера. По действующему УПК все вопросы, возникающие при исполнении приговора и требующие уголовно-процессуальной деятельности, разрешаются коллегиально. С этим нельзя согласиться. Участие народных заседателей в судебном заседании необходимо и полезно тогда, когда их жизненный опыт может вынести законный и обоснованный судебный акт. Дела же по вопросам чисто правового характера могут разрешаться единолично судьей. Участие народных заседателей в судебном заседании при рассмотрении таких дел формально. К числу вопросов, которые могут быть единолично разрешены судьей, без ущерба на качество вынесения решения относятся те, которые входят в группу сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора. К ним относятся прежде всего вопросы, связанные с различного рода зачетами в срок отбывания наказания (зачете предварительного заключения, если подсудимый до постановления приговора содержался под стражей и порядке меры пресечения или задержания в соответствии с п. 6 ст. 317 УПК; зачете времени нахождения осужденного в психиатрическом лечебном учреждении, а также времени применения принудительных мер медицинского характера и время пребывания осужденного в лечебном учреждении во время отбывания наказания согласно ст. 374 УПК); искажениями фамилии, имени, отчества, года и места рождения, а также иных биографических данных участников уголовного судопроизводства; описками и арифметическими ошибками, допущенными при составлении приговора; определением судьбы вещественных доказательств; определением размера и распределением судебных издержек; отменой меры пресечения в случаях, когда при оправдании подсудимого или осуждении его с освобождением от наказания в приговоре суда не указано об отмене меры пресечения и др.

Вопросы, связанные с отбыванием наказания либо освобождением от него, по своему характеру требуют коллегиального рассмотрения, ибо их разрешение требует принятия решения, касающегося оценки жизненных обстоятельств, которые лежат в основе возникшего вопроса, а не просто применение права в ситуациях, носящих бесспорный характер.

Таким образом, в стадии исполнения приговора необходимо

обеспечить дифференцированный подход к осуществлению принципа коллегиальности. Его следует сочетать с единоличными действиями судьи. Иначе абсолютизация принципа коллегиальности в некоторых случаях может стать помехой в достижении задач, стоящих перед судопроизводством по исполнению приговора.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО БОЛЕЗНИ В ПОРЯДКЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА*

1. Согласно ст. 370 УПК БССР и аналогичным статьям УПК других союзных республик в случае, когда осужденный во время отбывания наказания заболел хронической душевной или иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, суд вправе освободить осужденного от дальнейшего отбывания наказания.

Это правило основано на том, что в отношении лица, заболевшего хронической душевной или иной тяжелой болезнью, не могут в полной мере применяться меры исправительно-воспитательного воздействия. Кроме того, такое лицо в силу болезненного состояния в значительной степени теряет общественно опасный характер. Поэтому продолжение отбывания им наказания утрачивает смысл, не отвечает принципам социалистического гуманизма.

2. При решении вопроса об освобождении осужденного от отбывания наказания в связи с хронической душевной болезнью главным является характер заболевания. Оно должно быть стойким, продолжительным, трудно поддаваться лечению. Душевная болезнь, носящая временный характер, не может служить основанием для освобождения лица от отбывания наказания. В случае освобождения осужденного, заболевшего хронической душевной болезнью, препятствующей отбыванию наказания, суд вправе одновременно применить к нему принудительные меры медицинского характера или передать его на попечение органов здравоохранения. Вид принудительных мер медицинского характера (помещение в психиатрическую больницу общего или специального типа) определяется судом с учетом рекомендации врачебной комиссии в зависимости от характера болезни и тяжести совершенного преступления.

3. Другим основанием к освобождению осужденного от отбывания наказания по состоянию здоровья является наличие у него иной тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания. В отличие от освобождения от отбывания наказания в связи с хронической душевной болезнью, при освобождении осужденных, страдающих иным

---

* Проблемы совершенствования гражданско и уголовно-правового законодательства в свете решений XXV съезда КПСС и новой Конституции СССР (Уголовно-правовые науки): Тезисы докл. Республ. науч. конф., посвященной 400-летию Вильнюсского ун-та (1–2 февраля 1979 г.). – Вильнюс, 1979. – С. 97–99.

тяжким заболеванием, препятствующим отбыванию наказания, юридическое значение имеет не только характер заболевания, но и тяжесть совершенного преступления, личность осужденного, время отбытого им по приговору наказания и другие обстоятельства. Поскольку лицо, страдающее иным тяжким заболеванием, способно правильно оценивать общественную опасность действий, которые оно совершило, и правильно воспринимать меры исправительно-трудового характера, применяемые по отношению к нему, освобождение такого лица от отбывания наказания не является безусловным.

4. По общему правилу досрочное освобождение от отбывания наказания по болезни не допускается, если осужденный умышленно причинил себе телесное повреждение или иным образом преднамеренно нанес вред своему здоровью, вызвавших тяжелую болезнь, препятствующую отбыванию наказания. Однако это правило в УПК БССР, как и в УПК большинства других союзных республик, нормативно не закреплено. Поэтому его целесообразно ввести в действующее законодательство там, где оно отсутствует.

5. Поскольку закон предусматривает освобождение от отбывания наказания по болезни без каких-либо оговорок в отношении характера назначенного судом наказания, следует признать, что правила об освобождении осужденных от отбывания наказания по болезни распространяются как на основные, так и дополнительные меры наказания.

6. Ходатайствовать перед судом об освобождении осужденного от отбывания наказания по УПК БССР может лишь начальник органа, ведающего исполнением наказания. В УПК других союзных республик перечень лиц, наделенных таким правом, расширен. Представляется, что правом постановки вопроса перед судом об освобождении осужденного от наказания по болезни должны обладать также прокурор и наблюдательная комиссия при исполнительном комитете районного (городского) Совета народных депутатов, что должно быть отражено в законе.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СНЯТИЯ СУДИМОСТИ*

Судимость – особый институт уголовного права. Судимым считается лицо, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор с назначением конкретной меры уголовного наказания за преступление¹. Вынесение обвинительного приговора с освобождением от наказания или без назначения наказания не влечет за собой признания судимости.

Из-за судимости человек нередко испытывает на себе определенные последствия, как общеправовые (ограничения в праве выбора места жительства, запрещение занимать некоторые должности и т.п.), так и уголовно-правового характера (наличие судимости влияет на определение вида исправительно-трудового учреждения, является обстоятельством, которое может влиять на оценку действий лица, привлеченного к уголовной ответственности и т. д.).

Однако, если осужденный исправился, то с него должны быть сняты ограничения, связанные с судимостью. В связи с этим законодательство предусмотрело особый порядок погашения и снятия судимости с лиц, которые отбыли наказание и дальнейшее правоограничение которых не вызывается необходимостью.

В силу своей правовой природы погашение и снятие судимости означает, что лицо, ранее осужденное за совершение преступления, в определенных правовых условиях признается несудимым и в отношении его не могут наступить последствия, связанные с судимостью. Поэтому представляется недостаточно точной формулировка п. 1 ст. 38 УК БССР, согласно которой повторное совершение преступления признается отягчающим ответственность обстоятельством, без указания на погашение или снятие прежней судимости.

Это дало повод отдельным авторам утверждать, что было бы ошибкой при назначении наказания не учитывать то обстоятельство, что лицо ранее совершало преступление и после погашения или снятия судимости вновь встало на преступный путь².

В.В. Ераксин и Л.Ф. Помчалов в книге «Погашение и снятие судимости в советском уголовном праве» отмечают, что суд всегда должен учитывать факт погашения или снятия судимости при оцен-

* Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. 1979. - № 1. – С. 74–77.

¹ См.: Перлов И. Д. Исполнение приговора. М., 1963, с. 207.

² См.: Годунов Н. Погашение и снятие судимости. – «Советская юстиция», 1975, № 2, с. 11.

ке общественной опасности лица, совершившего преступление, для правильного определения ему вида наказания¹.

Необходимо отметить, что Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 19 октября 1971 года «О практике назначения судами видов исправительно-трудовых учреждений лицам, осужденным к лишению свободы» рекомендовал судам с целью правильного определения вида исправительно-трудового учреждения тщательно выяснять вопрос о наличии у подсудимого в прошлом судимости, разъяснив, что под ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы «следует понимать лиц, которые за совершенное в прошлом преступление были осуждены к наказанию в виде лишения свободы и отбывали это наказание в тюрьме, исправительно-трудовой колонии или в воспитательно-трудовой колонии, независимо от снятия или погашения судимости к моменту вынесения приговора за вновь совершенное преступление»².

Надо различать три вида ликвидации последствий, вытекающих из судимости: погашение судимости по истечении установленных законом сроков, снятие судимости с лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы сроком свыше десяти лет, либо особо опасных рецидивистов, и досрочное снятие судимости.

Согласно ст. 54 УК БССР судимость погашается по истечении трех лет у осужденных на срок не более трёх лет лишения свободы, ссылке или высылке; пяти лет – при осуждении к лишению свободы на срок более трех лет, но не свыше шести; восьми лет – при осуждении к лишению свободы сроком более шести лет, но не свыше десяти со дня отбытия наказания (основного и дополнительного).

Осужденные могут примерным поведением и честным отношением к труду доказать свое исправление раньше. В таком случае, если лицо осуждалось к лишению свободы, то по ходатайству общественных организаций суд может снять с него судимость раньше установленных сроков.

Досрочное снятие судимости допускается только в отношении осужденных к лишению свободы. В отношении же осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, судимость досрочно не снимается. Она погашается в сроки, определенные законом.

Нельзя согласиться с мнением, что применение этого положе-

---

¹ См.: Ераксин В. В., Помчалов Л. Ф. Погашение и снятие судимости в советском уголовном праве. М., 1963, с. 45.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1973. М., 1974, с. 373.

ния необходимо распространить и на осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы¹. Во-первых, потому, что судимость хотя и создает для человека некоторые ограничения, но не лишает его права участвовать в трудовой и общественной жизни, во-вторых, при осуждении к таким наказаниям сроки погашения судимости непродолжительны и, следовательно, не влекут длительных правоограничений.

Большой интерес представляет решение вопроса о том, кто имеет право обращаться в суд с ходатайством о снятии и досрочном снятии судимости. Следует отметить, что ст. 54 УК БССР решает его только применительно к досрочному снятию судимости. По правилам ст. 378 УПК БССР суды рассматривают вопрос о снятии судимости по ходатайству лица, отбывшего наказание, или по ходатайству общественных организаций, а о досрочном снятии судимости – по ходатайству общественных организаций. Думается, что вопрос о том, кто может ходатайствовать о снятии и досрочном снятии судимости должен быть регламентирован в УПК, а не в УК БССР, поскольку уголовное законодательство не регулирует процедуры применения уголовного закона и разрешения уголовно-правовых отношений.

Ходатайствовать о снятии судимости могут общественные организации по месту последней работы или по месту жительства наказанного лица. Однако это не означает, что к ее ходатайству не могут присоединиться общественные организации, где осужденный работал ранее.

В ст. 378 УПК БССР нет указания относительно права коллективов трудящихся на возбуждение ходатайств о снятии и досрочном снятии судимости. Мы считаем это пробелом в уголовно-процессуальном законодательстве. Общественная организация по месту работы лица является частью трудового коллектива, и если закон предоставляет право на волеизъявление части коллектива, то трудно объяснить, почему такое право не предоставлено всему коллективу.

В УПК БССР не названы документы, которые необходимо представить вместе с ходатайством о снятии судимости. Поскольку в ст. 378 УПК БССР разъясняется, что рассмотрение вопроса о снятии и досрочном снятии судимости производится без истребования

---

¹ См.: Манаев Ю. Устранить недостатки в применении института досрочного снятия судимости. – «Социалистическая законность», 1965, № 6, с. 52.

судебного дела, то в суд должны быть представлены документы, на основании которых он мог бы всесторонне исследовать материалы дела и вынести правильное решение.

УПК союзных республик (ст. 378 УПК БССР, ст. 370 УПК РСФСР, ст. 414 УПК УССР и др.) предписывают вопросы о снятии и досрочном снятии судимости рассматривать районным (городским) народным судам по месту жительства лиц, отбывших наказание, независимо от того, приговором какого суда они были осуждены.

Во всех УПК союзных республик не указаны сроки рассмотрения дел о снятии судимости. Это способствует тому, что в судебной практике дела о снятии и досрочном снятии судимости долгое время остаются без движения. Поэтому целесообразно в законе предусмотреть срок, в течение которого такие дела должны быть рассмотрены судом.

В уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик неодинаково решен вопрос об участниках судебного заседания по этому роду дел. Исключение составляет лишь вопрос об осужденном, присутствие которого при разбирательстве дела является обязательным.

Согласно ст. 378 УПК БССР и ст. 349 УПК Молдавской ССР представитель общественной организации, возбудившей ходатайство о снятии или досрочном снятии судимости, вызывается в суд лишь «в необходимых случаях». УПК Казахской ССР (ст. 360) устанавливает, что представитель общественной организации приглашается на заседание суда. Иначе говоря, по УПК БССР, Молдавской ССР и Казахской ССР вопрос о снятии и досрочном снятии судимости может быть рассмотрен и в отсутствие представителя общественной организации.

На наш взгляд, предпочтительнее решен этот вопрос в других союзных республиках, где считают присутствие представителя общественной организации обязательным. Участие в судебном заседании представителя общественной организации, возбудившей ходатайство о снятии или о досрочном снятии судимости, способствует не только правильному разрешению дел, но и усилению воспитательного воздействия судебного процесса.

Участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о снятии и досрочном снятии судимости согласно УПК БССР (ст. 378) является обязательным. По УПК некоторых союзных

республик (Азербайджанской ССР, Латвийской ССР и др.) неявка прокурора не останавливает рассмотрение ходатайства. Поскольку акт снятия и досрочного снятия судимости влечет за собой юридические последствия для осужденного в виде отмены ограничений, связанных с судимостью, заключение прокурора поможет суду избежать ошибки в этом отношении.

Более удачной поэтому следует считать позицию законодателя тех союзных республик, где участие прокурора в судебном заседании признается обязательным.

УПК Азербайджанской ССР (ст. 390) считает обязательным участие защитника в судебном заседании при рассмотрении вопроса о снятии или досрочном снятии судимости. Что касается УПК БССР (ст. 49), как и УПК других союзных республик, то они определяют лишь начальный момент, с которого защитник допускается к участию в рассмотрении дела, но не указывает, до какого времени возможно его участие в уголовном судопроизводстве. Исходя из общего смысла уголовно-процессуального закона следует признать, что защитник может участвовать во всех делах, разрешаемых судом, в том числе и вопроса о снятии судимости.

В соответствии со ст. 340 УПК БССР определение суда о снятии и досрочном снятии судимости обжалованию не подлежит. В УПК других союзных республик отмечается, что такие определения кассационному обжалованию не подлежат, но могут быть опротестованы в порядке судебного надзора.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик нет единства ни в определении подсудности этого рода дел, ни в круге участников уголовно-процессуальной деятельности, ни в перечне документов, которые представляются в суд вместе с ходатайством о снятии или досрочном снятии судимости. Эти различия нельзя объяснить какими-либо местными или национальными особенностями союзных республик. Поэтому процессуальный порядок снятия и досрочного снятия судимости нуждается в унификации.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ИСПОЛНЕНИЮ ПРИГОВОРА *

1. Для успешного выполнения задач советского уголовного судопроизводства необходимо не только быстрое раскрытие преступлений, изобличение и осуждение виновных, но и своевременное и точное исполнение приговора. Качественное исполнение приговора повышает его эффективность, способствует формированию у граждан убеждения в неотвратимости наказания. Исполнением приговора завершается правовая деятельность, связанная с совершением преступного деяния. От того, как организовано исполнение приговора, во многом зависит эффективность борьбы с преступностью. Стадию исполнения приговора составляет уголовно-процессуальная деятельность суда, прокурора, исправительно-трудовых учреждений и иных государственных органов, а также общественных организаций по проведению в жизнь всех предписаний, содержащихся в приговоре. Непременным участником уголовного процесса на всех его этапах, включая и стадию исполнения приговора, является прокурор. В его обязанности входит следить за точным и единообразным исполнением законов.

2. Формы и методы прокурорского надзора в стадии исполнения приговора зависят от вида приговора. Если суд вынес оправдательный приговор или обвинительный приговор без назначения наказания либо об освобождении от его отбывания, прокурор следит за немедленным их исполнением. В случае нахождения лица под стражей или применения к нему иной меры пресечения прокурор обязан осуществлять надзор за деятельностью суда по отмене любой меры пресечения. И лишь после вступления перечисленных приговоров в законную силу исполняются другие, содержащиеся в них решения: о судьбе вещественных доказательств, о размере судебных издержек, о возмещении материального ущерба и т.д.

3. Прокурорский надзор за своевременным обращением к исполнению вступившего в законную силу приговора служит важной гарантией строгого соблюдения законности при исполнении наказания и способствует эффективности борьбы с преступностью. Прокурор обязан вникнуть в существо приговора, подлежащего обращению к исполнению. При обнаружении в нем каких-либо дефектов либо вынесении незаконного или необоснованного приговора прокурор должен поставить

---

* Проблемы совершенствования правовой основы государственной и общественной жизни /Белорусский ун-т. – Минск, 1986. – С. 117–119.

вопрос перед соответствующей судебной инстанцией об исправлении судебной ошибки.

4. По действующему уголовно-процессуальному законодательству все вопросы, связанные с исполнением приговора и требующие судебного решения, рассматриваются судом с участием прокурора. Рассмотрение дела в отсутствие прокурора является существенным нарушением закона и влечет отмену вынесенного определения. При неявке прокурора суд обязан отложить слушание дела. Участвуя в стадии исполнения приговора, прокурор не выступает в качестве государственного обвинителя, ибо его обвинительная деятельность закончилась с вынесением приговора. Функция прокурора в уголовном судопроизводстве по исполнению приговора состоит в осуществлении надзора за соблюдением законности при рассмотрении дел. Эффективность участия прокурора в стадии исполнения приговора возрастает, если прокурор еще до судебного заседания тщательно ознакомится с представленными в суд материалами. При их недостаточности для обстоятельного рассмотрения возникшего вопроса и вынесения по нему законного и обоснованного решения прокурор должен возбудить перед судом ходатайство о пополнении материалов, об истребовании новых доказательств или вызове в суд для дачи показаний тех или иных лиц. Прокурор вправе и сам истребовать необходимые материалы от организаций и учреждений.

5. В судебном заседании при рассмотрении вопросов, возникших в процессе исполнения приговора, прокурор вправе заявлять ходатайства и отводы, участвовать в исследовании доказательств, следить за соблюдением процессуального регламента судебного заседания, принимать меры к тому, чтобы не нарушались права участников судопроизводства. По обсуждаемым судом вопросам прокурор дает заключение. Кроме того он наделен правом опротестовывать незаконные и необоснованные определения суда. Однако в соответствии со ст. 340 УПК БССР опротестованию в кассационном порядке подлежат не все определения суда, выносимые при исполнении приговора. Такое ограничение в правах прокурора нельзя признать оправданным, поскольку оно не согласуется с общим правилом, действующим в сфере уголовного судопроизводства, согласно которому ни одно из вынесенных незаконных и необоснованных определений суда не должно исполняться. Своевременное исправление прокурором ошибок, допущенных при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, повысит эффективность прокурорского надзора в стадии исполнения приговора.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ СУДА В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА*

Исполнение приговора включает в себя деятельность по исполнению не только наказания, но и всех других решений суда, зафиксированных в приговоре (в отношении гражданского иска, вещественных доказательств, процессуальных издержек и т. д.), и регулируется нормами различных отраслей права. Уголовный кодекс (УК) определяет основания и условия уголовной ответственности, виды и сроки наказания. Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) называет учреждения, на которые возложена обязанность исполнения наказания, а также регламентирует саму процедуру отбывания наказания в зависимости от его вида. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) регулирует деятельность суда по исполнению приговора.

Среди всех государственных органов, причастных к исполнению приговора, главенствующая роль принадлежит суду, на который возлагается обязанность осуществления судебного контроля за исполнением приговора. В ст. 18 УИК «Судебный контроль» определены основные его направления. Наличие такой статьи необходимо для эффективной работы органов и учреждений, исполняющих наказание. Но задача состоит в определении оптимальных пределов судебного контроля и форм, в которых он должен осуществляться, что является важным, поскольку сам суд не осуществляет функцию фактического исполнения наказания, а следит за тем, чтобы оно было исполнено другими органами.

В 70-е годы XX в. в советской юридической литературе были высказаны конкретные предложения, направленные на усиление роли суда при исполнении приговора, которые состояли в том, чтобы предоставить судьям возможность знакомиться с процессом отбывания наказания, посещать места лишения свободы, встречаться и беседовать с осужденными¹. Однако эта точка зрения не была воспринята законодателем.

После провозглашения Республики Беларусь самостоятельным и независимым государством началась реформа законодательства о

---

* Судовы веснік. – 2004. – № 4. – С. 42–47.

¹ Гельфер М. О повышении роли суда в исправлении и перевоспитании осужденных // Социалистическая законность. 1970. № 5. С. 51–52; Карпец И.И. Наказание: Социальные, правовые и криминалогические проблемы. М., 1973. С. 272–273.

суде и правосудии. Ее началу предшествовало принятие 23 апреля 1992 г. Концепции судебной-правовой реформы Республики Беларусь¹, которая предусмотрела возможность создания пенитенциарных судов. Но в этой части положения Концепции остались нереализованными, хотя наметилась тенденция усиления роли суда при исполнении приговора. Так, в ст. 22 УИК сказано: «При исполнении служебных обязанностей посещать учреждения, исполняющие наказание, без специального разрешения имеют право <...> судьи судов, осуществляющих судопроизводство на территориях, где расположены учреждения, исполняющие наказания», а в ч. 5 ст. 18 определено: «В случаях и в порядке, установленных законодательством, суд рассматривает жалобы на действия администрации органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности»². Несмотря на такие широкие правовые возможности контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание, на практике они не используются. И это связано не столько с несколько расплывчатыми правовыми предписаниями (где, в частности, неясна роль судьи при посещении учреждений, исполняющих наказание, и особенно то, что касается итогового документа по результатам визита), сколько с возложением на судью несвойственных ему функций. Ведь посещая исправительное учреждение, судья будет выслушивать жалобы и заявления осужденных, по ним он должен принять решение, иначе посещение мест лишения свободы потеряет всякий смысл. В то же время он может принимать лишь такие решения, которые входят в его компетенцию. Предоставив судье возможность общаться с осужденными в местах лишения свободы, ему следует предоставить право быть инициатором в возбуждении вопросов, связанных с отбыванием наказания и требующих судебного разрешения. Между тем судья не участвует в непосредственном воспитании осужденных, а значит, вероятность ошибки в возбуждении того или иного вопроса будет довольно велика. Что касается своевременного возбуждения вопросов, требующих судебного разрешения, то это может быть обеспечено другими субъектами и, прежде всего, самим осужденным.

Судебный контроль за исполнением приговора осуществляется в условиях стадии уголовного процесса, которую принято именовать стадией исполнения приговора. Суд – ее неперемный участник.

¹ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1992. № 16. Ст. 272.

² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 32. 2/140.

Непосредственной предпосылкой (юридическим фактом) возникновения стадии исполнения приговора является факт вступления приговора в законную силу. Но рамки стадии исполнения приговора подвижны, и некоторые действия, направленные на исполнение приговора, осуществляются еще до вступления его в законную силу. При оправдании обвиняемого либо при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания или с освобождением от отбывания наказания, а также с осуждением к наказанию, не связанному с лишением свободы, или к условному не применению наказания обвиняемый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению (ст. 366 УПК). Может быть и так, что приговор уже исполнен, а необходимость в наличии самой стадии исполнения приговора продолжается. Это касается рассмотрения судом ходатайства о снятии судимости.

В отличие от других стадий уголовного процесса стадия исполнения приговора не носит непрерывного характера. Она то возникает, то прекращается. Все зависит от того, сколько вопросов, входящих в компетенцию суда, надо разрешить, что определяется множеством обстоятельств: видом и сроком наказания, условиями отбывания лишения свободы, состоянием здоровья осужденного и т. д. Бывает, что приговор исполнен, а необходимости рассмотреть хотя бы один вопрос, связанный с исполнением приговора, не было. В некоторых случаях стадия исполнения приговора ограничивается лишь одним своим структурным элементом – обращением к исполнению вступившего в законную силу приговора, который является неизменным, постоянным атрибутом стадии исполнения любого приговора¹.

Обращение к исполнению вступившего в законную силу приговора состоит в том, что суд вместе с копией приговора направляет органу, осуществляющему исполнение наказания, «письменное распоряжение об исполнении приговора» (ст. 401 УПК), форма и реквизиты которого в законодательстве не определены, но в соот-

---

¹ Матвиенко Е.А. Некоторые вопросы исполнения приговора в советском уголовном процессе // Вопросы уголовного права и процесса: Сб. статей. Вып. 1, сер. юрид. Минск, 1958; Куцова Э.Ф. Исполнение приговора. М., 1960; Перлов И.Д. Исполнение приговора. М., 1963; Литвинов Р.В. Рассмотрение судом вопросов исполнения приговора. Воронеж, 1964; Матвиенко Е.А. Приговор суда и его исполнение. Минск, 1968; Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978; Матвиенко Е.А., Бибило В.Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. Минск, 1982.

ветствии с инструкциями о делопроизводстве в судах оно оформляется в виде документа с названием «Распоряжение об исполнении вступившего в законную силу приговора».

По содержанию, форме изложения и особенностям подготовки «Распоряжение об исполнении вступившего в законную силу приговора» не является уголовно-процессуальным документом, а больше напоминает сопроводительное письмо. Надо сказать, что в 70–80-е годы XX в. судьями допускалось упрощенчество: они направляли в органы, исполняющие наказание, только копию приговора и справку о вступлении приговора в законную силу. Такая практика вела к затруднениям, связанным с определением момента начала исполнения приговора. Да и само уголовное дело имело незавершенный вид. Но и существующая система обращения к исполнению приговора несовершенна. Следует иметь в виду, что вступление приговора в законную силу – это лишь юридический факт, который наступает независимо от воли суда и других участников процесса. Его последствием является констатация того, что необходимо начинать исполнение приговора. И эта своего рода удостоверительная деятельность суда должна бы оформляться в виде постановления судьи.

Наличие «Постановления об обращении к исполнению вступившего в законную силу приговора» открывало бы возможность исполнять приговор не только в отношении наказания, но и в отношении гражданского иска, вещественных доказательств, судебных издержек и других решений, которые составляют содержание приговора. Существующие же пробелы в УПК приводят к неопределенности исполнения приговора именно в этой его части.

Согласно ч. 4 ст. 399 УПК оправдательный приговор, обвинительный приговор без назначения наказания, а также приговор, освобождающий обвиняемого от наказания, приводятся в исполнение немедленно после их провозглашения. Это означает, что если обвиняемый находился под стражей, то он освобождается от этой меры пресечения и к нему уже не применяются ни меры пресечения, ни наказания. Что касается других решений, зафиксированных в приговоре, то они исполняются в обычные сроки. В этой части приговор вступает в законную силу по истечении срока на обжалование и опротестование, то есть по истечении десяти суток со дня провозглашения приговора. При этом «Распоряжение об исполнении вступившего в законную силу приговора» не составляется, по-

сколькx оно предназначено для направления в органы и учреждения, исполняющие наказание. Значит, никакого иного документа, который являлся бы основанием для исполнения таких видов приговоров, нет. На мой взгляд, для большей четкости в действиях, направленных на исполнение всех решений, содержащихся в приговоре, следовало бы предусмотреть в законодательстве и использовать на практике вынесение единолично судьей самостоятельного уголовно-процессуального документа с названием «Постановление об обращении к исполнению вступившего в законную силу приговора».

Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора, не является непременным, постоянным структурным элементом стадии исполнения каждого приговора. При исполнении приговора возникает множество вопросов, но судебной деятельности требуют наиболее важные, а остальные разрешаются иными органами, например органами, исполняющими наказание. Критерием, лежащим в основе определения пределов полномочий суда по разрешению этих вопросов, служит существо приговора.

Деятельность суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, Т. Н. Добровольская расценила как самостоятельные особые производства¹, Ю.К. Якимович – как самостоятельные дополнительные производства, предложив выделить в УПК специальный раздел «Дополнительные производства», саму же стадию исполнения приговора именовать «Исполнительное производство», поскольку в этой стадии решаются вопросы, связанные с исполнением не только приговора, но и других, разрешающих дело по существу актов суда первой инстанции². В.В. Николук отграничивает деятельность суда, связанную с исполнением мер уголовно-правового воздействия на осужденных, от уголовного судопроизводства и рассматривает в качестве самостоятельного вида судебной деятельности, назвав его уголовно-исполнительным судопроизводством, и предлагает правовые нормы, регламентирующие деятельность суда, связанную с исполнением приговора, сконцентрировать в уголовно-исполнительном законодательстве, а в уголовно-процессуальном законодательстве эту деятельность вовсе не регу-

---

¹ Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговора. М., 1979. С. 18–20.

² Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: Система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991. С. 13–15, 27, 117, 133.

ликовать¹.

Реформа законодательства, проходящая в конце XX – начале XXI в. в государствах, возникших на постсоветском пространстве, оставила во многом традиционные подходы к регулированию судопроизводства по исполнению приговора. Так, в УПК России, принятом в 2001 году, в разделе «Исполнение приговора» упорядочены уголовно-процессуальные нормы, регулирующие стадию исполнения приговора², определение ее правовой природы осталось прежним. Для Республики Беларусь характерно то, что произошло перераспределение правовых норм между УПК, УК и УИК. Например, УПК 1960 года в ст. 369 предусматривал отсрочку исполнения приговора по уголовно-процессуальным основаниям: тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания; беременности осужденной к моменту исполнения приговора; наличия у осужденной женщины малолетних детей и др. Ныне действующей УПК подобной нормы не содержит. Но в УК имеются соответствующие нормы права, которые регламентируют очерченный круг вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора. Так, ст. 93 УК предусматривает отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, а ст. 94 УК определяет условия освобождения от наказания вследствие чрезвычайных обстоятельств. УПК Республики Беларусь, принятый в 1999 году, в разделе «Исполнение приговора» недостаточно четко разграничивает этапы данной стадии, а также не учитывает некоторые вопросы, подлежащие рассмотрению судом в стадии исполнения приговора. В особенности уязвима ст. 402 «Суды, разрешающие вопросы, связанные с приведением приговора, определения, постановления в исполнение, и порядок их разрешения», где объединены разноплановые правовые предписания. Между тем задача состоит в том, чтобы сформулировать нормы УПК удобными для их применения. При этом необходимо помнить о соответствующей корреляции УПК, УК и УИК, что особенно наглядно проявляется в стадии исполнения приговора.

Раздел в УПК «Исполнение приговора» следовало бы представить в виде двух глав. В главе «Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений суда» поместить статьи под названиями: «Вступление приговора в законную силу и обращение

---

¹ Никольок В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск, 1989. С. 35, 110.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002.

его к исполнению», «Вступление определения или постановления суда в законную силу и обращение их к исполнению», «Обязательность исполнения приговора, определения, постановления суда», «Порядок обращения к исполнению приговора, определения, постановления суда», «Извещение об исполнении наказания», а в главе «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» расположить такие статьи: «Суды, разрешающие вопросы, связанные с исполнением приговора», «Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора», «Порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора», «Обжалование и опротестование постановления судьи, вынесенного при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора».

Следует обратить внимание еще на один важный аспект. В статье «Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора» необходимо последовательно, с указанием статей УК перечислить все вопросы, которые суд компетентен разрешать в порядке исполнения приговора. Вряд ли здесь есть необходимость проводить их классификацию, поскольку для правоприменителя важны отсылки к статьям УК, обосновывающим правомерность и законность его деятельности. В качестве последнего пункта этой статьи необходимо указать на возможность рассмотрения сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора.

Соответствующие нормы УПК, с учетом последующей корреляции с другими нормами права, можно было бы представить в следующем виде.

Раздел XI

Исполнение приговора

Глава 41. Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений суда

Статья 399. Вступление приговора в законную силу и обращение его к исполнению

1. Приговор суда вступает в законную силу по истечении срока на его обжалование или опротестование в кассационном порядке.
2. Приговор, не подлежащий кассационному обжалованию или опротестованию, вступает в законную силу с момента его провозглашения.
3. В случае подачи жалобы или протеста в кассационном порядке приговор, если он не отменен судом кассационной инстанции, вступает в законную силу в день вынесения кассационного определения.
4. Приговор обращается к исполнению судом, его постановившим,

не позднее трех суток со дня его вступления в законную силу или возвращения уголовного дела из суда кассационной инстанции.

Статья 399¹. Вступление определения или постановления суда в законную силу и обращение их к исполнению

1. Определение или постановление суда вступают в законную силу и обращаются к исполнению по истечении срока на обжалование в кассационном порядке либо в день вынесения определения суда кассационной инстанции.

2. Определение или постановление суда, не подлежащие обжалованию в кассационном порядке, вступают в законную силу и обращаются к исполнению немедленно после их вынесения.

3. Определение или постановление суда о прекращении уголовного дела подлежат немедленному исполнению в части, касающейся меры пресечения.

4. Определение суда кассационной инстанции вступает в законную силу с момента его вынесения и может быть пересмотрено в порядке, установленном главами 42 и 43 настоящего Кодекса.

5. Определение суда кассационной инстанции обращается к исполнению не позднее трех суток со дня вступления его в законную силу и направляется вместе с уголовным делом для исполнения в суд, постановивший приговор. Кассационное определение, в соответствии с которым прекращается применение меры пресечения, исполняется в этой части немедленно, если обвиняемый участвует в заседании суда кассационной инстанции. В иных случаях копия кассационного определения направляется для немедленного исполнения органу, обеспечивающему реальное применение меры пресечения.

Статья 400. Обязательность исполнения приговора, определения, постановления суда

1. Вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, физических и юридических лиц и подлежат исполнению на всей территории Республики Беларусь.

2. Неисполнение приговора, определения, постановления суда или воспрепятствование их исполнению влекут уголовную ответственность, предусмотренную статьей 423 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Статья 401. Порядок обращения к исполнению приговора, определения, постановления суда

1. Обращение к исполнению приговора, определения, постановления суда возлагается на суд, рассматривавший уголовное дело в первой инстанции.

2. Судья единолично выносит не подлежащее обжалованию и опротестованию постановление об обращении к исполнению вступившего в законную силу приговора суда, копия которого вместе с копией приговора направляется соответствующим органам, учреждениям и должностным лицам, на которые возложено исполнение наказания и иных решений суда, изложенных в приговоре.

3. В случае изменения приговора при рассмотрении дела в касса-

ционном порядке к копии приговора прилагается также копия определения суда кассационной инстанции.

Статья 401¹. Извещение об исполнении наказания

1. Орган или учреждение, на которые возложено исполнение наказания, должны извещать суд, постановивший приговор, о месте отбывания осужденным наказания.

2. Орган или учреждение, на которые возложено исполнение наказания, немедленно извещают суд, постановивший приговор, об исполнении наказания.

Глава 41¹. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора

Статья 402. Суды, разрешающие вопросы, связанные с исполнением приговора

1. Вопросы, указанные в п.п. 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 17, 18, 19, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 39 статьи 403 настоящего Кодекса, разрешаются судом, постановившим приговор.

2. Вопросы, указанные в п.п. 6, 7, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 37, 38 статьи 403 настоящего Кодекса, разрешаются судом по месту отбывания наказания осужденным.

3. Вопросы, указанные в п.п. 13, 14, 15, 30 статьи 403 настоящего Кодекса, разрешаются судом по месту жительства осужденного.

4. Вопросы, связанные с исполнением приговора, судья разрешает единолично в судебном заседании.

Статья 403. Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора

1. Суд рассматривает следующие вопросы, связанные с исполнением приговора:

1) об освобождении от наказания ввиду вступления в силу уголовного закона, имеющего в соответствии со статьей 9 Уголовного кодекса Республики Беларусь обратную силу;

2) об освобождении от отбывания общественных работ в соответствии со статьей 49 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

3) о замене штрафа общественными работами в соответствии со статьей 49 и статьей 50 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

4) о замене исправительных работ более мягким наказанием в соответствии со статьей 52 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

5) об освобождении от дальнейшего отбывания исправительных работ в соответствии со статьей 52 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

6) об освобождении от отбывания наказания в виде ограничения по военной службе в соответствии со статьей 53 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

7) о замене неотбытой части наказания в виде ограничения по военной службе более мягким наказанием в соответствии со статьей 53 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

8) о замене пожизненного заключения лишением свободы в соответствии со статьей 58 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

9) об освобождении осужденного от назначенного по приговору

суда наказания в соответствии со статьей 77 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

10) об отмене отсрочки исполнения наказания в связи с истечением ее сроков и направлении осужденного для отбывания назначенного приговором наказания в соответствии со статьей 77 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

11) о продлении отсрочки исполнения наказания или замене лишения свободы более мягким наказанием в соответствии со статьей 77 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

12) об отмене условного неприменения наказания и направлении осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором в соответствии со статьей 78 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

13) о продлении превентивного надзора за осужденным в соответствии со статьей 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

14) об установлении превентивного надзора за осужденным и связанных с этим ограничений в соответствии со статьей 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

15) о прекращении превентивного надзора за осужденным в соответствии со статьей 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

16) об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности в соответствии со статьей 83 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

17) о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое может быть назначено наказание в виде пожизненного заключения или смертной казни в соответствии со статьей 83 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

18) об освобождении от наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора в соответствии со статьей 84 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

19) о применении сроков давности к лицу, осужденному к наказанию в виде пожизненного заключения или смертной казни, в соответствии со статьей 84 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

20) об условно-досрочном освобождении от наказания в соответствии со статьей 90 и статьей 119 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

21) о замене неотбытой части наказания более мягким в соответствии со статьей 91 и статьей 120 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

22) об освобождении от наказания или замене наказания более мягким по болезни в соответствии со статьей 92 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

23) об отсрочке отбывания наказания беременным женщинам, предусмотренной статьей 93 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

24) об отмене отсрочки отбывания наказания беременным женщинам, предусмотренной статьей 93 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

25) об отсрочке отбывания наказания женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, предусмотренной статьей 93 Уголовного кодекса

Республики Беларусь;

26) об отмене отсрочки отбывания наказания женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, предусмотренной статьей 93 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

27) об освобождении от наказания вследствие чрезвычайных обстоятельств, предусмотренном статьей 94 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

28) о применении акта амнистии в соответствии со статьей 95 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

29) о применении акта помилования в соответствии со статьей 96 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

30) о снятии судимости в соответствии со статьей 98 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

31) о применении принудительных мер безопасности и лечения, назначаемых психически больным в соответствии со статьей 101 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

32) об изменении или прекращении применения принудительных мер безопасности и лечения в соответствии со статьей 103 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

33) о применении наказания после принудительных мер безопасности и лечения в соответствии со статьей 104 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

34) о досрочном прекращении пребывания осужденного в специальном учебно-воспитательном или лечебно-воспитательном учреждении, предусмотренном статьей 117 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

35) о замене принудительной меры воспитательного характера в соответствии со статьей 117 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

36) о прекращении принудительного лечения в отношении лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, в соответствии со статьей 107 Уголовного кодекса Республики Беларусь;

37) об изменении вида исправительного учреждения в соответствии со статьей 69 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь;

38) о переводе осужденных из воспитательной колонии в исправительное учреждение в соответствии со статьей 133 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь;

39) о разрешении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора и не затрагивающих виновность и содержание назначенной осужденному меры уголовной ответственности.

Статья 403¹. Порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора

1. Вопросы, связанные с исполнением приговора, рассматриваются единолично судьей по представлению органа или учреждения, исполняющих наказание, или по ходатайству осужденного, его законного представителя, близких родственников, защитника либо по представлению прокурора.

2. В судебное заседание вызывается представитель органа или учреждения, исполняющих наказание.

3. В случае когда в судебном заседании участвует осужденный, он вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать показания, представлять доказательства.

4. Если рассматриваемый судьей вопрос, связанный с исполнением приговора, касается исполнения приговора в части гражданского иска, то в судебное заседание вызываются гражданский истец и гражданский ответчик.

5. В судебном заседании может участвовать прокурор, который извещается судом о времени и месте рассмотрения вопроса, связанного с исполнением приговора.

6. Осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката.

7. Судебное заседание начинается докладом судьи. Затем заслушиваются лица, явившиеся в судебное заседание, исследуются документы. Если в судебном заседании участвует прокурор, он высказывает свое мнение по рассматриваемому вопросу, после чего судья выносит постановление.

Статья 403². Обжалование и опротестование постановления судьи, вынесенного при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора

На постановление судьи, вынесенное при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, в кассационном порядке, установленном главой 39 настоящего Кодекса, может быть подана жалоба, а в случае участия в судебном заседании прокурора – его протест.

В предлагаемом варианте изменений уголовно-процессуального законодательства, регулирующего исполнение приговора, среди перечисленных в ст. 403 вопросов не значится такой, как назначение судом наказания по совокупности приговоров. В УПК БССР 1960 года содержалась ст. 375 «Исполнение приговора при наличии других неисполненных приговоров», согласно которой в случае, когда в отношении осужденного имеется «несколько не приведенных в исполнение приговоров, о чем не было известно суду, постановившему последний по времени приговор, этот суд или одноименный суд по месту исполнения приговора обязан вынести определение о применении к осужденному наказания», руководствуясь нормами УК, регламентирующими назначение наказания при совершении нескольких преступлений или по нескольким приговорам.

Следует отметить, что в те годы определение наказания по совокупности приговоров в порядке исполнения приговора в судебной

практике встречалось довольно редко. Суды, как правило, внимательно относились к составлению приговора и при определении окончательного наказания учитывали все неисполненные приговоры. Этому в некоторой степени способствовала сама формулировка ст. 375 УПК БССР.

Целесообразность рассмотрения этого вопроса в порядке исполнения приговора длительное время не оспаривалась в юридической теории и практике. И только в 70-е годы XX в. отдельные авторы усомнились в правомерности отнесения вопроса о совокупном наказании к компетенции суда в стадии исполнения приговора, поскольку рассмотрение данного вопроса затрагивает существо приговора и не обладает исполнительной направленностью. Позиция А.С. Горелика и М.К. Свиридова¹ была поддержана в белорусской юридической науке². Действительно, в порядке исполнения приговора суд не может выносить определение об обстоятельствах, относящихся к существу приговора и имеющих место еще до постановления приговора. Вопрос об уголовной ответственности относится к основному, который надлежит разрешить при постановлении приговора. Несмотря на то что каждый из вынесенных приговоров содержит решение о наказании, совокупное наказание составляет новое правовое явление и, используя процессуальные средства стадии исполнения приговора, нельзя добиться правильного определения наказания по совокупности приговоров. УПК Республики Беларусь 1999 года не предусматривает возможности назначения наказания по совокупности приговоров в порядке неисполнения приговора. УПК Российской Федерации 2001 года, как и ранее действовавший УПК, относит к компетенции суда в стадии исполнения приговора разрешение вопроса «об исполнении приговора при наличии других неисполненных приговоров», если это не решено в последнем по времени приговоре (п. 10 ст. 397).

В ст. 402 УПК Республики Беларусь содержится правовое предписание о том, что судом, постановившим приговор, «разрешаются всякого рода сомнения и неясности», возникающие при исполнении приговора. Что же понимать под ними, закон не дает разъяснения, но из его смысла вытекает, что это несущественные

---

¹ Горелик А. С. Назначение наказания по совокупности. Красноярск, 1975. С. 230–232, 246–247; Свиридов М. К. Указ. соч. С. 176, 181, 188–189.

² Бибило В.Н. Компетенция суда в стадии исполнения приговора: Дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1979. С. 93–95.

дефекты приговора, к которым относится, прежде всего, отсутствие в приговоре суда решения по вопросу, не касающемуся его существа (например, о государственной пошлине, процессуальных издержках и т. п.). Проводить новое судебное разбирательство для разрешения подобных вопросов трудоемко и вряд ли целесообразно, тем более что по составу участников судебного заседания и их процессуальным действиям оно будет схоже с уголовным судопроизводством по исполнению приговора. Остается одно – вынести по нему решение в порядке исполнения приговора. При этом опасения, связанные с недостаточностью процессуальных средств этой стадии, неосновательны. Ведь в порядке исполнения приговора разрешается ряд более сложных вопросов (об условно-досрочном освобождении от наказания, замене наказания и т. д.), чем, например, решения о процессуальных издержках, к тому же такое постановление суда может быть обжаловано и опротестовано.

К «разного рода сомнениям и неясностям», возникающим при исполнении приговора, относится исправление ошибок, которых суд мог избежать при условии внимательного отношения к составлению приговора¹. Речь идет о том, что при постановлении приговора были решены вопросы, не затрагивающие его существа, но при этом судья допустил несущественную ошибку, например не зачел в срок отбывания наказания время нахождения лица под стражей; не отменил меру пресечения при вынесении оправдательного приговора и т. д.

Распределение правовых норм, регулирующих исполнение приговора, по разным нормативно-правовым актам не приведет к тому, что исполнение приговора как стадия уголовного процесса исчезнет. В любом случае уголовно-процессуальному регулированию будет подвергнуто обращение приговора к исполнению и рассмотрение судом разного рода сомнений и неясностей, возникших при исполнении приговора.

---

¹ Бибило В. Н. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения приговора // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 11. Минск, 2003. С. 291–292.

Научное издание

Серия «Научные труды белорусских ученых»

Бибило Валентина Николаевна

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ

Избранные труды

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 19.07.2011 Формат 60x84_{1/16} Бумага офсетная

Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 24,5 Уч.изд.л. 24,7

Тираж 100 экз. Заказ № 1278

ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0494335 от 16.03.2009

220072 Минск Сурганова 1, корп. 2. Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66.

E-mail: pravo-v@tut.by

Отпечатано на издательской системе KONICA MINOLTA

в ИООО «Право и экономика»